Элина Литера

Стрекоза

Annotation

Скрипят шестеренки, мигают кристаллы, катится по дорогам Вавлионда чудо маг-механики — дом-мобиль "Стрекоза". Двигая рычагами, Гарниетта старается оторваться от очередных неприятностей. Рядом с ней эльф Бейлир настраивает мандолину. Постепенно "Стрекоза" наполняется разными существами, которых объединяет одно: им крупно не повезло, и чтобы остаться в живых, придется побороться с судьбой.

Стрекоза

Глава 1

Дом-мобиль дернулся, прорычал уходящую в басы трель и остановился.

— Эй, соня ушастая, приехали!

Только мне было позволено шутить над ушами Бейлира. Стоило кому другому затронуть гордость эльфа, как за шкуру весельчака не дашь и ломаного медяка. Из-за полога донесся томный голос:

— О… Госпожа Гарниетта, я не верю своим глазам. Ужель сей злосчастный транспорт доставил нас к вожделенной цели, не упав на полотно дороги малополезными частями?

Я закатила глаза. С одной стороны, эта речь означала, что сегодня мы будем сытно ужинать и спать под настоящей крышей, не трогая сбережений, и мне не придется убеждать эльфа оставить в покое горло, руки или ноги косо глянувшего на него существа. С другой — в лирические, как я их называла, дни мне самой хотелось придушить моего спутника голыми руками.

Прежде чем покинуть дом-мобиль, он взял на мандолине несколько аккордов, издал горестные звуки, и судя по паузе, что-то подкрутил. Повторив перебор еще раз и удовлетворившись звучанием, эльф спрыгнул на пыльную землю.

— Это… это невыносимо. Статочное ли дело — высаживать путников в этаком захолустье?

— Бейлир! — рявкнула я. — Приди в себя, мой друг, и перестань ломаться. Ты прекрасно знаешь, что мобили внутрь города не пустят. Так что, разомни нижние конечности, — я ехидно передразнила его манеру речи, — и приготовься шевелить ими поскорее, пока землю не окутала темная… тьфу ты. Пока не стемнело, нам нужно выбраться с окраин до приличных районов и предложить твой концерт.

Наш дом-мобиль был слишком большим для городских улиц. Шутка ли сказать — за креслом водителя тянулась дюжина локтей дерева и металла, скрывающих в себе две лежанки, столик со складными табуретами и выгороженный угол со стоком для воды в полу, где можно вымыться с помощью ковша и кастрюли, разбавляя кипяток водой и встроенной бочки — мы назвали его “омовейная”. В наш дом-мобиль уместилась даже кухонная стойка с нагревательным артефактом и раковиной для мытья овощей. Из трех шкафов один был занят нужными в хозяйстве вещами от посуды до инструментов, в другом висели два платья, три пары юбок-брюк и сюртуки эльфа. На верхней полке жили мои шляпки и берет напарника. Немногие оставшиеся вещи мы сложили в коробы под лежанки. Был еще третий шкаф, с зачарованными стенками, где пристроился охлаждающий артефакт: там хранились продукты.

Хитрый механизм умел выдвигать стены дом-мобиля так, что получалось место еще для двоих спящих, правда, им пришлось бы устраиваться на полу. За эту способность я прозвала наш мобиль Стрекозой. За пять лет “крылья” нам не раз пригодились, а при нужде можно поспать и между лежанками, и в проходе возле кухонной стойки.

Конечно, для городских улиц наш дом-мобиль чересчур громоздкий. Впрочем, будь это карет-мобиль для небольшой семьи, или даже крошечный дуо-мобиль, где с трудом помещаются двое, в город он бы всё равно не попал. У людей, эльфов и других существ много различий, но предрассудкам они подвержены в равной мере. Все жители Вавилонда с детства знают историю о том, как дварф Никотесла и его жена, мэтресса Лейс, создали

первый магический механизм — маленькую карусель для своих детей. Эта затейливая конструкция из металла и зачарованных кристаллов заложила основу для всей магмеханики, которая окружает нас сегодня. Но большинство всё равно считает её порождением демонов, хоть и пользуется мелкими устройствами. Маг-мобиль же обывателей страшит.

Я перекинула через голову ремень дорожной сумки, приложила руку к артефакту защиты, незаметно встроенному в дверь Стрекозы, прошептала ключ-слова, дождалась тихого писка с сиянием рун и кивнула головой на дорогу в город:

— Пошли.

Через полчаса бодрого шага мы входили в двери приличной на вид таверны. Над входом покачивалась вывеска с двумя кружками пива и красным раком. Внутри было чисто, добротная мебель сверкала вымытыми столешницами, подавальщица заканчивала подметать пол — вечер только начинался, посетителей в таверне было всего трое. Разговаривать с хозяином я предоставила Бейлиру — сегодня он был в том настроении, когда одаренного музами эльфа видят с порога. Сама я стояла за его плечом молчаливым намеком, что жульничать с бардами не стоит.

Из трех доступных эльфам талантов Бейлир взял сразу два. Тех немногих, кто считал молодого эльфа с лютней легкой добычей, ждал сюрприз. Два коротких меча пели в его руках не хуже мандолины, а когда он снимал со спины лук, никто не мог приблизиться к нам на две дюжины шагов. Причем эльф доставал оружие с одинаковой скоростью в обеих ипостасях. И если с первыми лучами солнца я слышала "Прелестная погода стоит нынче, не находите?" это совершенно не значило, что в следующий момент он не мог бы перерезать кому-нибудь горло. Был и такой опыт. Но когда боевые экзерсисы выпадали на "лирические" дни, меня ждали бесконечные жалобы на жестокую судьбу, которая заставляет тонко чувствующего поэта, даровитого музыканта и в целом неординарную личность заниматься приземленным делом умерщвления зловредных существ.

Признаться, вторая сторона Бейлира — лихой боевик — мне нравилась больше. Бейлир-воин говорил по делу, без изящных выворотов, шутил не стесняясь, и вообще был чудесным товарищем. Жаль только, что заработать Бейлир-воин мог, только взяв долгий и опасный контракт на пару со мной. Так что, в те дни, которые начинались с "Подъем, подруга", я предвкушала приятное общение с напарником, трудные поиски нанимателя и, возможно, выуживание монет из тайника, где мы хранили наличные, пока не доедем до города с отделением Королевского банка. Если, конечно, у нас не было многодневного контракта, и вовсе не на музыкальные номера.

Иногда нас принимали за женатую пару. Более того, иногда мы сами изображали женатую пару. Почти все, с кем нас сводила судьба, были уверены, что если мы не супруги, то уж по меньшей мере любовники. Но нет, нас с Бейлиром связывала исключительно чистая дружба и взаимовыгодные дела. Когда мы встретились, и Бейлир-воин, и Бейлир-бард были одинаково неприспособленными к повседневности. Я диву давалась, как эльф, сумевший в одиночку раскидать четверых разбойников и при этом даже не запачкать сапог, давал себя облапошить мало-мальски ушлому прохиндею.

Мы познакомились, когда я пересаживала на дилижанс многочисленную семью оборотней-куниц, а хозяин того самого дилижанса требовал с эльфа платы за проезд. Два дня дороги эльф ехал рядом с кучером, охраняя пассажиров от лихих существ, и еще остался должен? Я быстро объяснила вознице, куда отправляются подобные ловкачи, выбила из него четыре серебряка и приняла Бейлира в команду, которая в те дни состояла из механика,

водителя, капитана отряда, маломощного охранника средних умений и поденной компаньонки госпожи Гарниетты — то есть, одной меня.

Он представился как Бейрулираламил Доргулаэл Амрилион Анафалионар Полудар Тремларин из Леса Серых Туманов, но под моим скептическим взглядом сократился до Бейлира. Постепенно эльф стал осваиваться, учился торговаться и видеть подвохи, но обсуждать дела в одиночку ему было еще рано. Эльфы учатся медленно — насколько я успела заметить, не от неповоротливости ума, а из-за привычки не торопиться, когда впереди тысяча лет жизни.

В первый месяц нашего совместного путешествия мы несколько раз поругались. Добыть деньги на прожитье, сварить еду, сходить к магу за восполнением кристаллов — это все Бейлир выполнял неукоснительно, понимая, что ни ужин, ни заряды ниоткуда не возьмутся. Но эльф никак не мог отучиться откладывать на потом дела, которые должны принести пользу не сразу. Для жителя Леса в будущем году — все равно, что для нас через неделю. Когда в очередной раз Бейлир отмахнулся от меня, бросив что-то вроде "я подумаю об этом завтра", у нас состоялся серьезный разговор, и я поставила его перед выбором: либо эльф учится понимать человеческий ход времени, либо он ищет другого напарника. И хотя по всеобщему календарю Бейлир был старше меня в два раза, мою правоту, как и мое главенство на этих землях он признал.

Я сгрузила сумку на скамью, махнула подавальщице и вскоре потягивала слабенький сидр. Эльфу выделили стул в хорошо освещенном углу. Кормить нас будут потом, как заработаем, это понятно. Но по поведению хозяина уже сейчас можно сказать, что он рассчитывает не на один вечер, а значит, сильно хитрить не будет.

Три дня. У нас есть крыша над головой, еда и возможность заработать на три дня. По опыту я знаю, что потом лучше уезжать — интерес публики падает, начинает захаживать народ попроще, хозяева злятся, а если еще до ночных хозяев слух дойдет, в этом городе больше не стоит появляться. Мы старались не оставлять за собой дверей, в которые нельзя войти еще раз. Поэтому нашим пределом были три дня. Пока Бейлир собирает монеты с посетителей таверны, мне предстояло подыскать работу для пары из воина-охранника с хорошими манерами и достойной госпожи, которая и присмотреть за детьми может, и обеспечить безопасность хоть дочери негоцианта, хоть благородной леди, хоть пухлого конверта с ценными бумагами.

Три дня. Только бы Бейлир-воин подольше поспал, дав Бейлиру-барду заработать для нас немножко гольденов.

На этот раз нам повезло — нам дали номер с двумя кроватями. Отдельные комнаты мы не снимали. Незачем портить хорошую легенду, а кроме того Бейлиру надоело просыпаться ночью от жужжания тревожного артефакта. Желающие познакомиться с одинокой госпожой могли очень настойчиво ломиться в дверь, и никакие мои уверения, что я и сама вполне управилась бы, на эльфа не действовали. В приличных местах такие недоразумения случались редко, но все же случались.

Последней каплей стала парочка загулявших мелких аристократов, которые возжелали моего общества в три часа пополуночи. Тот день выдался непростым, нам пришлось уходить от преследования по подворотням, чтобы доставить клиенту важные бумаги, поэтому ранний подъем вовсе не прибавил эльфу благодушия. Доставив бессознательных лордиков в траву у конюшни мой напарник постановил, что отныне, если мы едем вдвоем, то и ночуем вместе, и я могу думать об этом все, что захочу.

Если единственная кровать была к тому же еще и слишком узкой, эльф ни слова ни говоря устраивал себе лежбище на полу, но в одиночестве меня больше не оставлял.

Когда-то я мечтала о старшем брате. Похоже, что к тридцати годам моя мечта сбылась.

Только изредка, когда мы останавливались в дорогих гостиницах, эльф снимал отдельный номер. В такие дни я знала, что и ужинать мне придется одной. Мой напарник обладал истинно эльфийской изысканной красотой, и на обе его ипостаси, и на лирическую, и на боевую, находились любительницы. У меня возникло подозрение, что некоторые из этих дам стремились заполучить эльфийские крови в потомстве, на что Бейлир пожимал плечами, что он совсем не против исполнить чье-нибудь заветное желание.

Нынешнее место не было ни дорогим, ни гостиницей. Бейлир с мокрой шевелюрой вернулся из ванной комнаты, что была в конце коридора. Я подхватила полотенце, баночку с мылом, и отправилась приводить себя в порядок, кинув на эльфа завистливый взгляд. Волосы у него были чуть ли не длинней моих, а на мытье он тратил времени раза в два меньше. Расчесывались его пряди, кажется, сами. Если я после засады и боя выглядела так, будто провела месяц в полевом лагере гоблинов-наемников (которые водные процедуры считают баловством), то у эльфа занимало пять минут, чтоб почиститься, переплести волосы, протереть лицо, и вот он снова красавец. Это какая-то неизвестная эльфийская магия, не иначе. Иногда я его ненавидела. Любя.

Когда я вернулась, эльф еще не спал, чутко прислушиваясь, а не зову ли я на помощь. Увидев меня целой и невредимой, коротко кивнул и улегся. Я закрыла дверь на засов и последовала его примеру на соседней кровати.

Глава 2

— Подъем, подруга!

О нет.

— Бейлир, тебе вечером выступать.

— Предлагаешь устроить им танец с кинжалами? Я давно не практиковался, но если никто не сунется на задний двор ближайшие полчаса… Впрочем, нет, пусть сунутся. Спорим, я им срежу все пуговицы, они и вякнуть не успеют?

— Слушай, остроухий, или ты к вечеру вернешься в барды, или я тебе такой контракт найду, что сопровождение близнецов из преисподней покажется небесными садами.

— Ха-ха! Ой, ты серьезно, что ли?

— Серьезно, серьезно. Так что, иди разомнись, но чтоб к вечеру был в музыкальном настроении.

Да, путешествие трехмесячной давности мы нескоро забудем. Тяжело больная вдова наняла нас отвезти ее десятилетних двойняшек к сестре. Через неделю, когда мы сдавали пассажиров на руки новой семье, я нервно озиралась в ожидании нашествия разноцветных лягушек, призрачных змеек и умертвия из ожившего одеяла и старого горшка, а у Бейлира подозрительно дергался глазик, поскольку разнимать драки брата и сестры довелось именно ему. А дрались они все то время, которое не придумывали пакости. О том, что оба владеют зачатками редкой магии, нас предупредить забыли. О том, что они способны устроить кавардак безо всякой магии — тоже.

Угроза подействовала, мой спутник переоделся в легкие штаны и свободную рубаху и пошел прыгать за конюшней. Дожевывая завтрак я заметила оживление среди подавальщиц и кухарок. Все как обычно.

Я закрутила волосы в низкий узел, как носили горожанки средних лет, переоделась в приличные для города юбку-брюки с жакетом и достала пару туфель на небольшом, расходящемся книзу каблучке. На пояс повесила сумочку, из которой ненавязчиво торчал кончик рукояти кинжала. Довершила наряд шляпка с короткими полями и булавкой с неброским навершием. По моему виду можно сказать, что госпожа я приличная, городская, медяки не считаю, какое-никакое образование имеется, но время провожу не только в модных лавках, и чаю с подругами предпочитаю заработок в дюжину гольденов. Юбка-брюки намекает, что ради последнего я не против переместиться из города А в город Б, или даже не город. Кинжал показывает, что мне по плечу не только мирные задачи. Наряд был отработан годами и приносил мне успеха больше, чем кокетливые блузоны, скромные платья или нарочито походные штаны. Всего должно быть в меру.

Через полчаса я поворачивала бронзовую ручку на дубовых дверях одной небольшой, но известной в узких кругах конторы.

— Я хотела бы поговорить с господином Фасталком.

— Минутку, госпожа…

— Раеналд. Гарниетта Раеналд.

Вскоре секретарь вернулся и проводил меня в кажущийся скромным кабинет. Никаких украшений, никаких резных шкафов, никаких статуэток. Между стеллажами простых форм проглядывают однотонные обои. Обстановка без особых притязаний… если только не знать, что мебель сделана из кораллового дуба и лилового клена, которые выращивают только три

эльфийских клана, и за цену одного небольшого письменного стола можно приобрести спальный гарнитур из обыкновенного дерева.

Хозяин кабинета глянул на меня поверх круглых очков. Быстро пройдясь по всей фигуре от носков туфель до шляпки, он вопросительно поднял бровь. Я протянула руку, и господин Фасталк прижал пальцы к коже на запястье, вызвав светящийся бордовым рисунок: колесо, у которого вместо спиц кинжалы. Проверив мою принадлежность к гильдии порученцев он махнул рукой на обитый синим шелком стул. Я опустилась со всем приличествующим почтением — на мебели эльфийского производства обычным горожанам редко доводится сидеть. Лицо господина Фасталка слегка дрогнуло в удовлетворенной улыбке, и я поняла, что первый этап отбора я прошла.

— Госпожа Раеналд, чтобы подобрать вам наилучшее задание, мне нужно знать состав вашей команды и ваши умения.

— Я обладаю средними навыками человека-охранника без магии и вожу дом-мобиль, который находится в моей собственности. Мой напарник — боевик. У нас есть опыт сопровождения всевозможных существ всех возрастов и полов, доставки разнообразных грузов и документов. Мы предпочитаем не связываться с задачами, откровенно нарушающими закон королевства Вавлионд.

— Госпожа-а Раеналд, за кого вы меня принимаете? — протянул Фасталк. — Если уж я поручу вам что-нибудь на грани закона, то мы сумеем обставить дело наилучшим образом. Придраться будет сложно. Не обещаю, что невозможно, но придется постараться. Есть у меня кое-что. И пожалуй… да, пожалуй, ваш дуэт именно то, что нужно. — Его лицо приняло серьезное выражение. — Госпожа Раенальд, должен вас предупредить, что если вы услышите условия, пути назад не будет. Тайны такого рода не должны попасть в руки посторонних, а отказавшись, вы станете посторонней.

Я напряглась.

— Господин Фасталк, я задам вам откровенный вопрос: каковы наши шансы остаться в живых после этого задания?

Фасталк рассмеялся:

— Да, вижу, что вы опытный порученец. Задание и впрямь серьезное и опасное. Но и оплата, как понимаете, соответствующая.

— Надеюсь, сумма гонорара в тайну не входит?

Вместо ответа Фасталк написал на листочке несколько цифр и придвинул ко мне. Я едва удержала лезущие повыше брови. Да, наш самый крупный гонорар до сих пор был в три раза меньше. Но тайность задания… Впрочем, я давно поняла, что тихая жизнь компаньонки, гувернантки или учительницы пансиона не даст мне регулярно пополнять счет в банке значительными суммами. Кто не рискует, тот живет в скучной комнатушке и раз в неделю выбирается в недорогое кафе за парой пирожных. Кстати… пирожные… хорошая идея.

— Я согласна, господин Фасталк. Половина, как обычно, на мой счет сразу?

Фасталк кивнул, достал папку и вынул из нее лист бумаги. По мере чтения мои брови все-таки взметнулись вверх. Я, конечно, не ожидала от подобных жуков честной игры, но чтоб настолько… Жук ехидно улыбался:

— Вы сами сказали: предпочитаете не нарушать законы королевства Вавлионд. О других государствах разговора не было.

М-да. Влипли мы с остроухим.

Следующие два часа я провела в прогулке по бульвару Цветущей Вишни. Начала с маленького кафе, где заказала чашечку горячего шоколада и три птифура. Сведения о нашем задании стоило заесть. И запить — из винного погребка я вышла с бутылочкой ликера из лирориэнских орехов. Покрутилась в паре модных лавок, но не стала обременять себя покупками — места в Стрекозе немного. Повседневное платье я достаю раз в месяц, праздничное — раз в полгода, и оба сшиты не так давно, чтобы выглядеть, будто из бабушкиного сундука. В городах я обхожусь блузами из немнущегося шелка производства восточных дварфов, и юбками-брюками. В дороге и вовсе ношу штаны и рубахи. Но если выдается свободное время в большом городе, отчего же не поглазеть на красивые вещи.

Книжная лавка порадовала набором поэтических томиков, альбомом гравюр Альстава Дорэра и целой полкой новых романов. К пакету из погребка присоединился сверток с тремя книгами и двумя журналами: “Вестник музыки” и “Почитатель изящных искусств”. Журналов стоило брать непременно два, иначе мне долго пришлось бы ждать своей очереди, пока ушастый не изучит вдумчиво все статьи до последней строки.

Роман, как только прочитаю, продам за полцены в любом провинциальном городке, куда новинки дойдут нескоро. Покупатели на альбом найдутся не сразу, но в конце концов и такие книги удается пристроить, хотя расставаться с ним будет безумно жаль. А вот томик поэзии эльф выпустит из рук, только когда я пообещаю купить новый. Но что поделать, места в Стрекозе и правда мало. Когда-нибудь у меня появится дом, где я отведу уголок под библиотеку, и уж там на полки встанут и альбомы Дорэра, и томики стихов и… и все, что захочу.

Пока я ходила, местный маг зарядил два комплекта кристаллов для Стрекозы. Завтра можно будет выехать с самого утра.

Вернувшись в таверну я узнала, что Бейлир сопровождал хозяйку на рынок, где сломал руку карманнику, подрался на дуэли с мелким аристократом и распорол тому штаны по важному шву, начистил физиономию мошеннику в мясном ряду и двоим его охранникам — в общем, день провел хорошо и с удовольствием. Но к вечеру мой напарник, как я и приказала, напевал балладу и настраивал мандолину.

Я слушала пение друга и пыталась представить, какими словами он встретит весть о новом поручении.

И, действительно, вечером, после выступления, Бейлир бушевал в нашей комнате. Бушевал шепотом, но от этого не менее убедительно:

— Сумасшедшая! Ты хоть понимаешь…!!! Мертвым деньги не нужны!

Возмущение выдернуло эльфа из "лирического" настроения, что мне было только на руку. Дело и впрямь предстояло нешуточное, а обсуждать его, когда в глазах соратника мерцают звезды из новых строф, получилось бы плохо.

— Не кипятись, остроухий, мы и не в таких переделках бывали.

— Гарни… ты и правда не понимаешь? В подобных делах свидетелей не оставляют в живых.

— Если только свидетели не озаботились заранее положить в банк документы с подробным описанием дела на случай, если внезапно исчезнут. И Фасталк знает о привычках порученцев.

— Будто у королевских служб нет возможности вскрыть банк!

Но отступать было поздно. Бурча и доказывая самому себе, что лучше бы ему вообще не покидать леса Серых туманов, Бейлир растянулся на кровати спиной ко мне, чем выразил

всю степень разочарованности в моих способностях предвидеть будущее.

Укладываясь спать, я еще раз перебрала в уме написанное ровным почерком. С собой мне такой документ, конечно, не дали. Более того, составив весьма обтекаемый контракт, Фасталк уничтожил описание задачи на моих глазах. Те необходимые сведения, которые лежали в пухлом конверте, не несли ни малейшего намека на цель поездки, и тем более ничто не говорило о том, кто их поставил.

Но надо признать правоту остроухого: на этот раз мы ввязались в слишком большую игру. Нам поручили похитить княжескую дочь у соседей-оборотней, и доставить её в Октанвил, мелкий городишко на границе Вавлионда. Там, в каком-то захолустном храме, княжну будет ждать герцог Декрамни, мечтающий повести её под венец. Как только свадьба закончится, задание будет выполнено.

В конторе поверенного, прочитав задание, я начала закипать как вода в котелке на лучшем из дварфских артефактов, но господин Фасталк быстро меня успокоил:

— Это, собственно, не похищение, а скорее помощь в побеге. Княжна познакомилась с герцогом на балу в честь пятисотлетия наследного принца Вечного Леса и поклялась, что не выйдет замуж ни за кого другого. Увы, князь Белпеска отказался от этого брака — высокородные оборотни не хотят мешать кровь даже ради политических выгод. Нам же, как вы понимаете, этот союз был бы на руку, но только если мы поставим князя перед фактом. Так что, вы принесете пользу Короне и поможете влюбленным одновременно.

— Господин Фасталк. У Его Величества достаточно тайных служб и связанных с ними существ во всех уголках и нашего королевства, и княжеств оборотней. И тем не менее, Корона наняла вас, частное лицо, а вы нанимаете меня, еще более частное лицо, среднего порученца? Кроме того, я слышала, что герцог Декрамни в опале. У меня есть сомнения в этой миссии.

Господин Фасталк потер лоб и посмотрел в окно. Похоже, все еще хуже, чем я ожидала: он и сам подозревает, что дело нечисто, но толком ничего не знает.

— Признаться, я тоже удивился, но резоны заказчика показались мне достаточными. Герцог все же один из представителей высшей аристократии, по сути, четвертое лицо в государстве, и если дело удастся, Его Величество вернет его ко двору вместе с членом правящей семьи соседей.

Я кивнула — да, удачная комбинация для всех трех сторон. Фасталк продолжал:

— В тайных службах не очень много женщин среди агентов. Дам с приличной репутацией и того меньше. Сами понимаете, агентке, которая выуживает сведения любовными способами, мы не можем доверить сопровождение княжны. Кроме того, если вы попадетесь, это будет выглядеть как глупая затея неких криминальных личностей, а не операция королевских тайных служб. Но признаюсь вам, госпожа Раеналд, вам стоит быть очень осторожной. Возможно, мне сообщили не всё. Ваш напарник водит мобиль?

— Нет, только я.

Он возвел глаза к потолку, что-то подсчитывая:

— Значит, имея дом-мобиль, вы доберетесь до границы за три дня, оттуда еще день до дворца князя, день на операцию, и день назад. Вас будут ждать через шесть дней.

— Восемь. Два дня на непредвиденные обстоятельства.

— Семь, — начал торговаться Фасталк. — Ждать вас будут через шесть, но я предупрежу, что на один день вы можете задержаться. Но не больше! Если уложитесь в шесть, думаю, могу выхлопотать вам премию.

Я кивнула.

В который раз прокручивая в голове разговор я повернулась на другой бок и заметила, что эльф тоже не спит, напряженно глядя в потолок. Ему хорошо, он может переживать полночи, а потом отоспаться сзади на лежаке. Мне же предстоит гнать Стрекозу к границе, но не напрямую. Фасталку совершенно не обязательно знать, что мобиль останется в Вавлионде, припрятанный в одном из укромных мест, которое я разведала за эти годы. Если человечка и эльф едут по княжеству оборотней на мобил-доме, они могут смело написать на его боках "мы что-то задумали" — хуже уже не будет. К тому же… я уверена, что с заданием не все ладно. Я жива только потому, что в сомнительных случаях готовлю пути отхода, о которых не знают даже союзники.

Я закрыла глаза и заставила себя дышать ровнее, чтоб побыстрее уснуть.

Выехали мы, едва я стала хорошо различать дорогу. Эльф завалился досыпать на свою лежанку, а я вела мобиль, прихлебывая из фляги бодрящий отвар. Если мы поедем по земле оборотней на лошади, то есть, не так быстро, как расчитывал Фасталк, то до границы придется гнать изо всех сил.

Хорошо, что сейчас самые длинные дни, можно ехать от рассвета и до заката. Ночью при свете кристаллов я вожу мобиль гораздо медленней. К счастью, сейчас нам достаточно дня. Плохо, что никакие мои попытки научить Бейлира водить мобиль не увенчались успехом. Хорошо, что отвар зерен с острова Красных Деревьев действует на меня весьма пробуждающе. Плохо, что после этого я буду в полусне столько же, сколько его пила. Хорошо, что эти дни я буду трястись на крупе коня Бейлира по княжеству оборотней.

Потратив пять минут на изучение карты, я объявила Бейлиру наш путь: сейчас сворачиваем на северозапад, и, если Небесные сады не вырастят для нас гнилых плодов, завтра к закату мы приедем в одно из потайных мест, где можно оставить Стрекозу. Там пересаживаемся на коней и пересекаем границу, после чего едем на запад в столицу Белпеска.

Княжества оборотней небольшие, и каждым правит свой род с князем-альфой. Запад континента разбит на множество мелких государств: лисьи, волчьи, медвежьи, рысьи, и сонм прочих. Все попытки объединения превращались в междоусобную войну за право стать королем, после чего оборотни бросили дурную затею, вывели несколько всеобщих законов, а дальше каждое княжество живет само по себе, объединяясь лишь против внешних врагов, но таковых уже лет двести как не бывало.

Предполагалось, что по Вавлионду мы поедем на запад, мимо Октанвила, а к северу свернем уже у оборотней. Но чутье подсказывало, что в этом задании нужно держаться своих планов, не слушая заказчиков. Поэтому мы сразу свернем на северо-запад и въедем к оборотням по другой дороге, не такой крупной, ровной и широкой, как Западный тракт, зато оттуда ближе до столицы Белпеска. Чем меньше времени мы проведем на землях оборотней, тем лучше.

Я не зря перекрасила мобиль в зеленый. Если загнать его на неприметную поляну и развесить на специально вбитых по крыше крюках срубленные ветви, то заметить Стрекозу можно было, лишь приблизившись на дюжину шагов. Осенью мы переезжали на юг — на обогрев мобиля уходило слишком много магии, и мы старались оттянуть момент, когда греющие артефакты начинают расходовать заряды быстрее, чем магротор, а зеленый мобиль станет виден сквозь голые ветви. Но, конечно, рано или поздно и прятки Стрекозы в лесу, и наши ночевки внутри дом-мобиля откладывались до весны.

Хорошо, что сейчас лето.

Глава 3

Поднимая столбы пыли, я гнала Стрекозу по селянской дороге, пока еще ровной, но все же это не засыпанный плотным гравием тракт. Завидев меня вдали, два пастуха так вопили и свистели кнутом, что коровы быстро разбредались по обочинам. Козы разбегались без понуканий, лишь таращили глаза и роняли пучки травы изо рта. Некий парень на коне без седла с гиканьем попытался нас обогнать, но как сообщил Бейлир, остановился, спрыгнул на землю и отбежал продышаться.

У эльфа было два важных дела. Во-первых, выспаться, поскольку вечерние заботы легли на него. Во-вторых, сшить две штуки женского белья. Второе дело я предложила оставить на завтра, когда дорога станет ровнее, но гордый эльф отказался. Иногда мне кажется, что мой спутник нарочно выбирает путь посложнее, и каждый раз у него находилось объяснение.

— Я хочу быть уверен, что успею к сроку, — пояснил он, раскладывая швейный набор. — Ты же не хочешь идти к хвостатым как есть.

Людей в княжествах оборотней не жаловали, но в городах кое-как терпели в роли прислуги для аристократов. По слухам, в последнее время стало модным завести служанку из человечек. Ценились женщины немолодые и округлые фигурой — наверное, в противовес оборотницам, которые могли быть худенькими и изящными, или поджарыми, сухощавыми, или крупными с обилием мышц — смотря, какой у них зверь, но никогда не "пышными", не "в теле".

У меня не было времени ни узнать заранее, как одевается прислуга в столице Белпеска, ни тем более приготовить такую одежду. Все, что я могла сделать — посадить эльфа за шитье нижней рубахи, которая топорщилась накладными боками, бедрами и грудью. На фальшивые телеса ушли обе наши подушки, и часами из-за спины я слушала ругань на всех трех эльфийских языках и вскрики от уколотого пальца, когда мобиль подскакивал на неровностях. Человек бы нипочем не смог шить в таких условиях.

Вторая моя идея сначала вызвала у эльфа скептический хмык, а потом смех с восторгом. Мы пожертвовали одной простыней, разрезав ее пополам, из нее эльф сшил нижнюю юбку-мешок.

Платье служанки мы будем добывать на месте.

Вечером я выползла из-за рычагов мобиля на краю леса, пошатываясь, сделала несколько шагов и рухнула на лежанку. Бейлир сшил юбку-мешок, раскроил накладные телеса, проспал полдня и сейчас развел костер, возле которого сел чистить овощи для похлебки. За пару часов она притомится достаточно, чтоб утром мы разогрели по плошке на завтрак, и еще на ужин осталось. Во втором котелке варилось зелье, отбивающее запах — необходимейшая в княжестве оборотней вещь.

Присматривая за котелками Бейлир пришел в лирическое настроение и глядя на звезды складывал новую песню. Когда же он определится, наконец, бард он или боевик?

Все эльфы тонко чувствовали прекрасное, понимали живых существ и умели постоять за себя. Но один из талантов развивался особенно хорошо: дар красоты, дар боя или дар жизни.

Одни становились музыкантами, певцами, поэтами, или же превращали в искусство любое ремесло, за которое брались, будь то ткачество или ковка металла.

Другие охраняли эльфийские леса от любителей поживиться или уезжали на край обитаемой земли уничтожать чудовищ и разбирать их на трофеи. Клыки, когти, сушеные

кишки и кровь ценились магами, зельеварами, артефакторами и ювелирами во всех землях, а за редкие шкуры и мех портные готовы были драться. Но пока комплекты бегали целиком, с ними не мог справиться никто, кроме эльфов-боевиков. Однажды я видела убитое чудовище, которое доставили нетронутой тушей для изучения. Даже мертвое оно внушало невыразимый ужас. Увидев, какого монстра эльфы смогли убить единственным чистым ударом, я немедленно возвела хвалу небесным садам, что ни одно существо, обладающее хотя бы четвертушкой эльфийской крови, не может стать грабителем или головорезом по природе своей.

Третьи были лекарями, зельеварами, или растили животных, деревья, травы — словом, все, что могло расти. Эльфийские леса поставляли дерево, шерсть, шелк и шкуры таких видов и качеств, которых не найти больше нигде, но продавали их очень мало и очень дорого. Эльфийские леса неплохо зарабатывали на приеме больных изо всех прочих земель. Если ни лекари, ни маглекари не могут справиться с хворью — езжай к эльфам, но стоить это будет немало, не всякому под силу.

Небесные сады отвесили Бейлиру сразу два дара, но каждого — по половине. Его равнс тянуло и к луку с мечом, и к мандолине, но эльфу рано пришлось смириться с тем, что ни как воин, ни как бард он не сравнится с собратьями. И тогда Бейлир приехал в Вавлионд искать свое место в жизни. Он пел, играл на разнообразных инструментах и слагал песни лучше, чем местные артисты, и ни один из встреченных нами наемников не мог тягаться с ним в бою, а я видела немало желающих помериться силами с моим напарником. В эльфийских лесах Бейлир не мог быть никем, здесь он мог стать и тем, и другим. Беда только, что он никак не мог выбрать. В жизни барда ему недоставало остроты, но стезя воина была слишком груба для его тонкой натуры.

Уснула я под звуки мандолины.

Едва рассвело, как мы снова пустились в дорогу. К полудню мы выехали на тракт. По гравийной дороге Стрекоза побежала намного быстрее и ровнее. Эльф снова засел за шитье, а я выжимала из магротора все силы. После полудня нам пришлось заплатить магу в большом селе за подзарядку кристаллов. Когда солнце уже ушло наполовину за горизонт, я провела Стрекозу по краю перелеска и въехала между деревьями на крохотную полянку. Что ж, один день нам удалось выиграть. Поужинав остатками похлебки, мы устроились спать.

* * *

— Подъем, подруга!

Я вскочила. Солнце уже стояло над горизонтом на два своих роста.

— Почему ты не разбудил меня раньше?

— Я ходил в селение договариваться про лошадей и вполне управился с этим сам. Зато ты будешь ехать на отдельной лошади, а не станешь лежать на моей спине, привязанная ремнем, чтоб не свалиться во сне под копыта.

Я фыркнула от такой наивности. Бейлир уже два года живет среди других существ, но никак не привыкнет, что способности обходиться без сна у людей хуже всех прочих.

Быстро привела в себя в порядок, глянула в зеркало на двери омовейной — даже хорошо, что я выгляжу потрепанной сорокалетней селянкой. Меня никто не узнает, когда проедем, ни в лицо, ни по описанию.

Коней Бейлир выбрал хороших, но и залог отдал за них немалый. Надеюсь, по возвращении нам вернут хотя бы половину суммы. Впрочем, за это дело нам заплатили столько, что можно потратить немного лишних гольденов и выиграть время, увеличив шансы

остаться в живых.

Через час мы проехали мимо последнего смешанного селения Вавлионда, махнули скучающим на обочине оркам в вавлиондской форме, и вскоре повстречались с разъездом оборотней. Двое всадников и два огромных волка преградили нам путь.

— Назовите себя. Что человечка и эльф забыли в княжестве двуликих?

— Полудар из леса Серых туманов, — он махнул в мою сторону, — моя спутница Ниетта. Мы надеемся, что мои умения, — он показал на мандолину, — придутся по вкусу обитателям сего достойного княжества.

Натуре эльфов противна ложь, и хоть за два года рядом со мной Бейлир уже начал осваивать эту истинно человеческую науку, все же, по возможности, предпочитал говорить правду. Вот и сейчас он использовал пятое из данных ему имен, которое эльфы произносят хорошо, если раз в дюжину лет. А мое имя он просто сократил. И, действительно, мы надеялись, что при нужде эльфийское искусство сможет расположить к нам нужных существ. Ни словом не соврал, но ценности названные им сведения не несли ровно никакой.

Один из всадников объехал нас по кругу и внезапно предложил:

— Спой. Кто тебя знает, может, ты на самом деле мечом махать горазд.

Я старалась удержать серьезное лицо. Бейлир достал мандолину, и не сходя с коня спел короткую балладу. Волки припали на передние лапы, их взгляд затуманился. Всадники тоже замечтались, и главный из них коротко кивнул нам:

— Езжайте…

Скверно. Патруль нас наверняка запомнил. Стоило бы въехать в страну оборотней порознь по разным дорогам, в окружную, не по большому тракту. Но времени было в обрез.

Отъехав от границы, эльф перевязал волосы так, чтобы скрыть уши. Теперь встретив других путников или промелькнув перед глазами селян, мы не привлечем внимания. Чтобы понять, что мы не оборотни, к нам нужно присмотреться или считать ауры, а мы не собирались никому по дороге давать такую возможность.

У нас не было подробной карты Белпеска, и приходилось полагаться на мой опыт и чутье эльфа. Мы несколько раз рискнули срезать путь через поля или по лесным тропам, зато удалось отыграть еще немного времени, и к исходу четвертого дня показалась столица. В Вавлионде этот город считался бы провинциальным, но оборотни не строили больших городов. Им важна была близость к природе, чтоб выгуливать зверя. Поэтому с холма у реки недалеко от окраины виднелся и Княжеский двор — россыпь башен за высокой стеной из рыжего кирпича.

В пакете, который мне дал Фасталк, была карта столицы, план Княжеского двора и отдельно каждой из башен. Нужная нам девушка жила в Башне Дочерей. Предполагалось, что я повяжу белую тряпицу на третий с края столб на мосту, который виден из окон девичьей спальни. Княжна Фырхитра поймет, что с вечера ей нужно сказаться больной и в полночь ждать нас в кухне у черного хода. Как открыть дверь и вывести девушку за пределы двора, обнесенного стеной с охраной — это была наша забота..

Но мы приехали, когда на мост упала тень башни, и увидеть тряпицу княжна могла бы только с утра. Ждать до следующей полуночи мы не могли и решили сыграть иначе. План был дерзким, очень рискованным, но разве в первый раз?

Платье прислуги мы добыли просто. Посидев в засаде, мы убедились, что служанки княжеского двора носят одинаковую серую с белым воротником униформу. Женщины были человечками, и — слухи меня не обманули — все как одна заметных форм. Наверное, для

оборотней они были одинаковыми. Охранники кидали на них один взгляд и пропускали дальше.

В сумерках мы присмотрели такую женщину, которая явно возвращалась обратно, и когда она проходила мимо густых кустов, Бейлир усыпил ее пропитанной сонным зельем тряпочкой. С тем, как двигается эльф-воин, пусть даже и средних способностей, никакой человек не сравнится, и даже оборотням трудно тягаться.

Оставив Бейлира под мостом со спящей женщиной я выпила зелье для исчезновения запаха и щедро смочила лицо и руки остатками. Наскоро переодевшись в платье служанки я покрыла голову снятым с нее платком и нанесла краски, чтоб в темноте быть похожей на нашу жертву. В корзину к яблокам, которые несла служанка, я добавила небольшой сверток, и быстрым шагом пошла в княжеский двор.

В Башне Дочерей визжали, топали и скандалили. Я замерла, сделав вид, что поправляю что-то в корзине, но ни охрана, ни слуги к Башне не спешили, будто так и надо. Пришлось набраться смелости и войти внутрь. Едва за мной захлопнулась дверь, я отступила в сторону, чтоб вопящий девчачий клубок не сбил меня с ног. Последняя, самая младшая, остановилась внизу лестницы, и увидев меня, резво спряталась за мои юбки. Я подождала, пока ватага пронесется назад, вынула из корзины яблоко и протянула девочке:

— Держи. Не скажешь, где княжна Фырхитра?

— Умгум… наверху, — захрупала она яблоком, — плачет.

Ничего больше не сообщив, моя осведомительница убежала куда-то в глубь, где что-то опрокинулось и разбилось.

Я поднялась по лестнице на последний, третий этаж. Шум плескался внизу, здесь стояла тишина, прерывающаяся только всхлипами и угрожающим бормотанием. Следуя за звуками, я обнаружила юную девицу, которая стояла в спальне с шестью кроватями и грозила кулаком стремительно темнеющему небу:

— Ни за что! Я им… ни за что!

— Княжна? Фырхитра?

Девушка обернулась.

— Уже? Я не пойду! Хотят, пусть тащат волоком! Не пойду!

— Хм. Мне казалось, что вы согласились поехать к герцогу добровольно.

Девушка вытаращила глаза:

— Так вы от них! — яростная решимость на ее лице сменилась решимостью радостной. — Что мне делать?

— Разденьтесь, упакуйте одежду и оборачивайтесь.

— Вещи с собой я собрала. Зачем раздеваться? У меня артефакт зачарования одежды. Я слишком взрослая, чтоб бегать нагишом. — Она вытащила из-за ворота маленький кристалл, в котором плавали мелкие металлические детали. Я слышала о таких. Кристалл сохранения одежды в обороте стоит примерно как половина мобиля. Князь не поскупился.

Она вытащила из-под кровати небольшой мешок и отдала мне. Затем вынула другой, побольше. Я уже собиралась возмутиться, что с таким багажом нас не выпустят, как она отбросила одеяло, пристроила мешок на простынях, вытянув его по длине, укрыла и украсила сверху ворохом темно-рыжих волос, как две капли похожих на ее собственные.

— Вот. До утра меня не хватятся. Волосы я неделю назад обрезала. Оборачиваться?

Я кивнула. Миг, и напротив меня стояла небольшая и невероятно милая лисичка.

— Смотрите сюда, княжна, — я зашуршала в корзине, и любопытное создание тут же

сунуло в нее нос.

Лисичка осела на пол. Задрав платье я открыла боковой проем в той сложенной пополам юбке, которую эльф сшил из простыни, и уложила спящего зверька внутрь, осторожно обернув вокруг ног. Удостоверившись, что поклажа не видна сквозь складки, я вытряхнула яблоки под одеяло к мешку-"телу", кинула узел с вещами княжны в опустевшую корзину и спустилась вниз. Стоило поторопиться.

Под мостом я сменила платье и стащила с себя юбку-мешок, которая теперь превратилась узелок. В четыре руки мы одели служанку. Корзину ей не вернули — пусть думает, что ее оглушили ради дюжины яблок.

Бейлир закинул узел с княжной за плечо. Лисичка проспит еще несколько часов. Мы дошли до постоялого двора на краю города, забрали коней, уместили "груз" на седле и уехали по восточной дороге. К утру мы должны быть подальше, и чем дальше, тем лучше. В эту ночь бодрящее зелье показалось еще противнее на вкус.

Незадолго до рассвета мешок зашевелился, мы сделали привал и выпустили злющую Фырхитру, которая немедленно закатила скандал. Дав девице пророраться, я объяснила ей наш план.

— Могли бы предупредить, — бурчала та, но беспрекословно переоделась в одну из моих рубах и бриджи Бейлира, подвязав волосы и выпустив концы из-под маленькой шапочки.

К счастью, юные оборотницы не обладают пышными формами. Они созревают годам к двадцати пяти, порой расцветая только после первого ребенка. Фырхитра вполне сойдет за мальчишку, когда будет ехать не в обороте. Бодрящее зелье стало отпускать, мне и правда нужно было поспать. Я села сзади эльфа, княжна забралась на моего коня и двинулась за нами.

Как только рассвело, мы остановились и сожгли бумаги, выданные Фасталком.

Путь срезали по уже известным местам, потратив совсем немного времени на ночевку. Если ничто нас не задержит, то мы уложимся в срок. К вечеру шестого дня мы будем в Вавлионде, и если удастся быстро вернуть коней, то сразу поедем вдоль границы к югу и еще до полуночи привезем княжну к жениху. Надо же, я ни разу не видела никого из высшей аристократии Вавлионда, а теперь буду на свадьбе герцога.

Придя в себя после побега под моими юбками Фырхитра оказалась милой и нетребовательной юной девушкой. И не скажешь, что дочь князя оборотней. Правда, вскоре выяснилось, что Башня Дочерей — это не просто название. Все девочки, которых я там видела, действительно приходятся князю дочерьми. Я что-то слышала о том, что князья заводят несколько жен, но считала это досужими слухами.

Юная лисичка с удовольствием бегала в зверином облике во время остановок. Несколько раз мы укладывали ее в виде лисы в чресседельные сумки, чтобы проехать по многолюдным местам. Жаль, что везти ее в таком виде весь день было неудобно, поэтому мы менялись, то мы с ней на одном коне, то она устраивалась позади Бейлира.

Вырвавшись из княжеского двора, девушка наслаждалась свободой. На привалах она без умолку болтала о том, что видела, когда бегала в лисьем облике. Она, конечно, не первый раз была в лесу, но по ее словам, обычно ее на прогулках сопровождали. Только дважды, когда ее возили на родину матери, ей удавалось побегать по лесам самой. Это было так давно! Последний раз аж три года назад.

Я едва убедила княжну ехать дальше, когда она наблюдала за семейством белок, а

охотиться просто-напросто запретила. Куда мы дичь девать будем? Убивать несчастного зайчика ради развлечения недостойно.

Отвлекаясь от леса и охоты Хитра засыпала меня беспрерывными вопросами про Вавлионд. Ей, конечно, дали образование как дочери князя, но многие вещи посчитали излишними для девочки, которая будет под присмотром сначала отца, потом мужа и его семьи. На меня сыпался град вопросов.

А правда, что в Вавлионде женщины могут учиться в университетах? а в академиях? Я отвечала "правда" к сущему восторгу княжны.

А как отличить орка от гоблина? Я рассказывала, что у орков лица шире, носы приплюснутые, и кожа зеленая, а у гоблинов носы длинные, волос на голове совсем нет, ни усов, ни бороды, ни прически, и кожа — будто сильно-сильно загорели. Орки сильные и выносливые, гоблины выносливые и сильные. Орки живут везде, где и люди, и у них бывает магия шаманов, а гоблины города недолюбливают, и магии у них совсем нет. Сейчас смесков разных кровей можно встретить, где угодно, и в городах тоже.

А правда, что в Вавлионде много магтехники? И я пускалась в исторический экскурс с том, что именно на земле Вавлионда дварфское понимание материалов соединилось с человеческой магией, а дварфский дар видеть внутри неживой материи — с человеческой предприимчивостью и умением обернуть всякое знание в практическую пользу.

Когда-то Вавлионд был россыпью слабых феодов на краю человеческих земель, и не захватили их только потому, что мало кто хотел жить по соседству с другими существами: оборотни на западе, к юго-западу начинаются эльфийские Леса, с юга подходит гряда Синих гор — страна дварфов, а по берегу моря еще и орки с гоблинами из степей добираются. На эти неустроенные земли человеческие королевства выгоняли тех, кто отчего-то не угодил властям, а некоторые, кто не мог прижиться среди "добропорядочных подданных", уезжали сами. Для изгоев оказалось оказалось проще договориться с другими расами, чем с оставшимися в королевствах людьми. Они расселились по пустующему краю и принялись обживаться.

Эльфы выяснили, что можно не занимать земли скучными культурами вроде пшеницы или моркови, а растить то, что людям недоступно, и торговать. Люди стали посредниками между эльфами и дварфами — эти расы друг друга недолюбливают.

В княжествах оборотней строгая иерархия, и те, кому это не по нутру, стали уходить к людям. При этом на родине у них оставалась родня, и постепенно связи наладились — выяснилось, что люди и оборотни могут многое предложить друг другу.

Дварфы пришли с камнями, металлами и чутьем на всё неживое. К себе в Синие горы они людей не пускают за редкими исключениями, но сами расселились по Вавлионду и ведут здесь дела.

Орки и гоблины не могли предложить ничего, кроме самих себя. В Вавлионд переселились те представители "диких" народов, кому оседлая жизнь понравилась больше, чем кочевать племенами по степи и воевать то за удачное место, то за источник воды. Вопреки расхожему мнению, орки и гоблины оказались способны жить по установленным законам, если видели в них смысл. Эти существа понадобились и для обработки земли, и в мануфактурах, и в армии.

Когда человеческие государства обнаружили, что рядом с ними расцвел и разбогател такой чудесный край, его тут же захотели прибрать к рукам. Но в ту пору половина вавлиондской армии уже состояла из орков, гоблинов и смесков, и каждый такой солдат

стоил двух-трех противников. Соседи попробовали нас на зуб и отступили. Только с севера еще, бывает, пытаются набежать и пограбить, но армия с ними быстро управляется. Ходят слухи, что дварфы вместе с человеческими магами делают что-то интересное для армии, но что — никто не говорит.

Теперь наше королевство человеческим и не назвать. Только среди высшей аристократии других кровей пока мало, и правящая династия из чистых людей.

Все это княжна слушала с детским восторгом, и я понадеялась, что ее любимый герцог не станет ограничивать жену стенами гостиных. Интересно, будет ли зверь у их детей? Оборотней в вавлиондской высшей аристократии еще не было.

Глава 4

Пересекать границу открыто было опасно. Если наткнемся на разъезд, оборотни наверняка учуят, что с нами едет не молодой лисенок, а девица княжеской крови. Зелье, отбивающее запах, кончилось, но я была уверена, что теперь оно не помогло бы. Пограничный разъезд — это не разленившаяся охрана княжеских башен, которая махнула рукой на то, что от служанки-человечки потягивает лисами. Мало ли, рядом с кем она терлась. Приграничные стражи будут во сто крат бдительнее.

Где есть граница, там всегда контрабандисты. После полудня на шестой день нашего путешествия мы засели на опушке леса и переговаривались с Бейлиром, решая, как нам убедить подозрительных оборотней перевести нас на ту сторону, не притопив в болоте, не кликнув стражей, не ограбив… и еще много прочих "не". Если б нам дали хотя бы две недели! Но секретность операции требовала быстрых действий, в этом я тайные службы понимала.

Наши сомнения разрешила сама Фырхитра. Она смотрела на утопающие в зелени домики с непонятной тоской:

— Меня в детстве летом к родне матери привозили в такое же селение. Хорошо было… я бы там и осталась. Почему мама не могла выйти замуж за кого-нибудь из местных? Нет, поехала в столицу на княжеский отбор. — Лисичка вздохнула. — Мальчишки в селении наверняка знают все тропки. Лучше мне с ними поговорить. Если кто-то меня узнает и сболтнет потом, что княжну на ту сторону проводил, кто ему поверит. Дети всегда выдумывают.

Она обернулась в рыжего зверька и шмыгнула в траву. Тени стали чуть длиннее, когда она вернулась с голенастым волчонком.

— Вот, он нас проведет за два серебряных. Только вы не обманите, я ему кровью поклялась.

Не знаю, насколько серьезны клятвы на крови для оборотней, и что будет, если клятву нарушить, но обманывать мальчишку мы не собирались. Когда, порядком извозившись в болотной грязи, на гудящих ногах, ошалев от комарья и от упрямства лошадей, мы вышли на поляну, волчонок коротко провыл и остановился.

— Кажется, мы пришли. Пришли? — спросила Фырхитра, повернувшись к нашему провожатому. Тот склонил голову.

Бейлир выложил перед ним три серебряка, и волчок подпрыгнул, вывалил от радости язык и застучал хвостом по бокам. Мы не стали ждать, пока он обернется, чтоб взять монеты. А может, понесет их в пасти? Сомневаюсь, что в селении водились артефакты зачарования одежды. Я с Фырхитрой вскочила на одного коня, Бейлир на другого, и мы двинулись дальше на запад.

Через три часа мы подъехали к роще, где спрятали Стрекозу. Бейлир отстал, чтобы отдать коней и вернуть хоть сколько гольденов. Я достала запас воды и показала княжне, где и как привести себя в порядок, пока я разводила костер, чтоб в кои-то веки поесть горячее. Эльф вернулся из селения, когда я сама уже вышла из омовейной, переодевшись в чистое, а княжна уверенно шуровала половником в котелке. Кажется, и правда, время в селении было для нее счастливым. И куда ее тянет, зачем ей дворец герцога, высшая аристократия, с утра до вечера на виду, даже одеваться по строгим правилам?

Когда мы поели, я глянула на солнце, которое прошло полпути от зенита к горизонту, и прикинула время. Если мы выедем прямо сейчас, то поздним вечером доберемся до того городка, где нас ждут. Мы проедем по дороге, что идет вдоль границы, и свернем на тракт, чтоб подъехать к месту встречи с запада, будто мы только что выехали от оборотней. Я сама не знаю, зачем такие предосторожности, но мой опыт порученца шептал, что лишними они не будут. И чем дольше я думала над этим делом, тем больше убеждалась, что торопиться не стоит.

— Что ты решила? — присел рядом со мной Бейлир.

— Отсюда нужно убираться, все же с пограничным разъездом на пути туда мы наследили. Если сложат одно с одним, могут и рейд устроить, по окрестным селам пошуршать. Сейчас поедем в сторону перекрестка, где поворот на Октанвил. Но все же…. демоны с ней, с премией. За час до места остановимся и переночуем. Может, что-то прояснится.

— Что тебя беспокоит? — Бейлир научился уважать мое чувство опасности, но старался допытаться до его источников. Нередко у него вполне получалось. — Давай подумаем. Кто-то мог увязаться за нами от столицы оборотней?

Я покачала головой. Нет, здесь мое чутье молчало.

— Ты заметила кого-то вокруг? Думаешь, нас мог сдать волчонок? Подозреваешь, что Фасталк сказал не все, что знал?

Нет, нет, все не то.

— Фырхитра не та, за кого себя выдает?

— Да, — внезапно поняла я. — То есть, она, безусловно, княжна Фырхитра, но что-то с ней не то. Иди спать, я за рычаги, подумаю еще, пока еду.

Вскоре мы двинулись в дорогу. Бейлир улегся на лежанку и пристегнулся ремнем. Фырхитра отказалась спать. Она еще ни разу не ездила на мобиле, поэтому заняла место справа от меня и с восторгом уставилась в переднее окно. Казалось бы, те же зеленые леса, засеянные поля, то же разнотравье лугов, те же разбитые колесами телег две колеи среди островков запыленной травы, но с высоты Стрекозы для лисички все было интересно, все внове.

Когда стемнело, я остановилась, укрепила на носу мобиля светляк-кристаллы и повела мобиль дальше. Скосив глаза на лисичку я улыбнулась. Смешная, совсем юная еще девушка. Зачем ей так рано замуж? Неужто такая… демоны! Такая любовь, что Фырхитра ни разу не вспомнила про герцога за эти дни? Да влюбленная девица должна была прожужжать мне все уши. И когда я ее впервые увидела, она сказала не "вы от него", а "вы от них". Вот что меня мучило все эти дни, зудело смутной тревогой и лишь сейчас обрело форму.

— Фырхитра, — обратилась я к ней. За время поездки мы перешли на ты и стали называть друг друга по имени. — Тебе не жалко, что ты выйдешь замуж не в главном храме столицы большого королевства в роскошном платье, в присутствии Его Величества, а в какой-то дыре, и будут у тебя на свадьбе пара порученцев и тайные агенты?

В ответ на мой невинный вопрос у княжны на мгновение забегали глаза. Она быстро справилась с собой, попыталась улыбнуться и мотнула головой, но поздно. Я похолодела от подозрений.

— Фырхитра, — осторожно, очень осторожно начала я расспросы. — Его Величество ведь знает о свадьбе? И Королевская тайная служба встречает нас в условленном месте у границы?

Княжна опустила глаза и еле слышно прошептала:

— Отчасти.

— Что. Значит. Отчасти. — Я умею говорить очень неприятным тоном, хоть и применять его в разговоре с венценосными особами не рекомендуется. Но мы все, похоже, ввязались в дело на грани жизни и смерти. Мне нужно знать всё.

— Тайные службы должны нас встречать, это правда, — на одном выдохе выпалила княжна и зажмурилась.

Пауза затянулась, как струна. Я обогнула выскочивший на нас в свете кристалл-светляка дуб на повороте и выровняла мобиль.

— И? — Не выдержав спросила я.

— И всё.

— То есть?!

Княжна молчала, пряча глаза.

— Так. Ты знакома с герцогом?

Княжна смотрела в сторону.

— Фырхитра! — я начинала терять терпение.

Лисичка вздохнула:

— Ваш посол сказал, что так будет быстрее убедить тайные службы мне помочь.

— Что? Какой посол? Зачем ты вообще бежала?

— Гарни, пойми! Я пятая дочь от третьей жены. Ты же знаешь, для князей оборотней разрешено многоженство. Они же альфы, — я повернулась вовремя, чтоб увидеть ее брезгливую физиономию. — Отец решил выдать меня замуж за мерзкого противного альфу соседнего княжества. А у него уже четыре жены есть, представляешь! Бр-р-р. Гарниетта, ты бы его видела! Он старше меня в три раза! И обещал отцу, что я у него шелковая стану, а отец только смеялся! — она вздохнула, глянула на меня и поняла, что придется выложить все от начала и до конца. — Четыре жены… Они же меня загнобят, только клочки по закоулкам разлетятся.

Она шмыгнула носом, и я внезапно поняла, что рядом со мной несчастный, растерянный ребенок, и завралась девчонка, потому что ей очень нужна помощь. Княжна опасливо глянула на меня и стала рассказывать.

— Той ночью я хотела попугать Правую руку отца. Это была его идея — отдать меня замуж в обмен на отряд лучников. Комнаты советника в Главной башне рядом с княжескими. Я притаилась в кустах под окнами и увидела, что по стенке ползет секретарь вашего посольства.

— Нашего?

— Угу. Ты же сама понимаешь, что в посольствах редко кто не шпионит. Вот и этот пробирался в кабинет отца. Я тявкнула, от неожиданности он свалился, я зарычала и загнала его в угол. Мы договорились, что я его не выдаю, и за это мне устроят побег. Посол придумал легенду, будто мы с герцогом любим друг друга и хотим пожениться. Это для Вавлионда выгодно, и его друзья в тайных службах помогут.

— Та-ак, — протянула я. — И что он тебе обещал дальше, когда ты окажешься в руках "друзей"? — Я вложила в это слово столько скептицизма, сколько могла.

— Что меня устроят в Вавлионде. Я, может быть, в университет поступлю…

Я застонала. Да, тайные службы, безусловно, встречают нас возле границы, с этим не обманули, но вовсе не для того, чтоб поблагодарить и помахать вслед. Стало ясно, почему

они наняли безвестных порученцев — даже если на землях оборотней кто-то что-то где-то видел, с Короной Вавлионда это никак не свяжут, и никто не станет искать беглую княжну в руках вавлиондских тайных служб. А если нас поймают, и под пытками мы выдадим все, что знаем, мы покажем на опального герцога Декрамни, которого король с удовольствием отдаст оборотням на расправу вместе с парой-тройкой неугодных чинуш из тайной службы — мол, самоуправство, а то и заговор, знать ничего не знаем.

Если же все пройдет удачно, у королевских магов окажется юная княжна-оборотень с кровью альфы, а порученцы, которые слишком много знают, исчезнут.

Отдаю должное умению Короны подбирать людей. Тот секретарь посольства очень быстро все просчитал.

— Фырхитра, сколько тебе лет?

— Пятнадцать уже исполнилось, — княжна опустила голову как ребенок, который подозревает: сейчас будут драть уши. Впрочем, почему как…

— Девочка, что ваши тайные службы сделали бы с существом, обладающим опасными сведениями, и при этом некоторой ценностью, которое попало к ним в руки, и никто не знает, где оно?

Фырхитра посмотрела на меня, округлив глаза:

— Я не думаю, что все так страшно…

Была бы передо мной хотя бы графиня лет сорока, я бы не выдержала и заорала "Ты вообще не думаешь!" но с юной княжной пришлось сдержаться. Это же надо, поверить, что некий работник посольства сможет обмануть тайную службу короля романтической сказкой о любви герцога!

Мне очень, очень хотелось наорать на наивную девицу, но я лишь прошипела:

— И не сомневайся. Нет, убивать тебя не будут. Хотели бы убить, послали бы ассасинов, которые пристукнули бы тебя еще дома, свалили бы на других жен твоего отца, и дело с концом. Для тебя устроили что-то поинтереснее. Не знаю, что, но тебе это не понравится.

— Что они могли придумать?!

— У меня есть несколько догадок, что можно сделать с попавшей к ним в руки кровью оборотня-альфы, но они не для детских ушей.

— Я не ребенок! — взвилась Фырхитра, но наткнулась на мой скептический взгляд.

— Иди спать. Нам еще долго ехать.

— Почему? Ты же сказала, что вот-вот остановимся.

— Я не хочу рисковать. Они могут выехать нам навстречу или разослать агентов по округе. Нам нужно исчезнуть до того, как они поймут, что нас придется искать.

— Исчезнуть?

— Хочешь рискнуть своей рыжей шкурой и проверить, права ли я? Тогда высажу на тракте, и топай сама к своим “друзьям”. Мне пока еще жить хочется.

— Ты… ты правда считаешь, что… — в ее голосе послышались слезы.

— Я не считаю. Я знаю.

По моим прикидкам, мы в четверти часа от тракта и примерно в часе от места встречи. Слишком близко. Тракт нам придется пересечь, но сворачивать на него мы не станем.

Я остановила мобиль. Стараясь не разбудить эльфа, я застегнула на нем еще два ремня, чтоб не свалился с лежанки во время тряской езды.

Сойдя с подножки мобиля я постояла, глядя в звездное небо, и решилась. Будет трудно, но сейчас нас слишком хорошо видно издали. На месте тайных служб я бы поставила

"встречающих" недалеко от границы. Увидев движущиеся огни, они могут заинтересоваться, а не тот ли это мобиль, который они ждут. Рокот, конечно, тоже слышен издалека, но с этим я ничего поделать не могу. Авось проскочим.

Больше, чем езду в темноте, я не люблю только езду в темноте без светляк-кристаллов. Я выпила зелье, усиливающее ночное зрение, и теперь гнала наш мобиль по разбитой телегами колее, наслаждаясь призрачным светом обочин и выступавших вперед деревьев. Мы пересекли тракт по дороге вдоль границ, проехали еще немного и свернули на восток, а потом снова и снова. На картах Вавлионда не было тех дорог, которые мы сейчас проезжали. Бейлир так и не проснулся, лишь пару раз вскрикнул что-то вроде "аута хасанна улундо! тху!"

Фырхитра, конечно же, не спала. Все три часа ночной гонки она так и сидела в кресле справа от водителя и наблюдала за проносящейся за окном тьмой полными ужаса глазами.

На деле ехали мы небыстро, раза в три медленней, чем по хорошему тракту из плотного серого гравия, но Стрекозу нещадно трясло на неровностях, поэтому чувствовалось, будто мы летим. После нескольких поворотов я поехала по извилистой тропе, где ветки скрежетали по бокам мобиля, и казалось, что еще чуть-чуть, и мы застрянем. Когда в призрачном свете показалось сложенное из бревен кривоватое строение, я нажала на тормоза, остановилась в трех шагах от поросшей мхом стены и заглушила магротор.

— Все, — сказала я шепотом в наступившей тишине, — здесь нас никто не найдет.

Будто в ответ на мои слова грохнула дверь домика, и раздался вопль:

— Назад, чудовище!

Ему вторили непередаваемые дварфийские ругательства. Я аж заслушалась.

Делегация встречающих состояла из двоих: невысокого тощего орка, который размахивал боевым топором, и низкорослого плотного дварфа в воинственной стойке с двумя короткими мечами-бабочками — опасное оружие в умелых руках. Подозреваю, что руки дварфа были вполне умелыми.

Но на разбойников эта парочка не тянула. Разбойники не вывалили бы встречать нас с такой помпой, а засели бы внутри в надежде перерезать втихаря. Я, конечно, приняла бы меры предосторожности, прежде чем входить в неизвестное темное строение, но эти даже не попытались напасть исподтишка.

— Спокойно, свои! — ответила я.

Команда оппонентов дружно опустила руки и переглянулась. Спохватившись, тощий орк выставил топор вперед:

— Это какие такие свои? Нет у нас своих.

— Теперь, значит, есть. Во-первых, мы проведем здесь остаток ночи. Во-вторых, и несколько следующих дней тоже. В-третьих, ни вам, ни нам внимание властей, местных жителей и прочих любопытствующих не нужно, не правда ли?

То, что необычная компания скрывается, было видно невооруженным взглядом — зачем бы еще забираться в такую глухомань. Сняли бы комнату на постоялом дворе, место на сеновале, или на худой конец попросились бы к какой-нибудь вдове на ночлег и кусок хлеба, переделав ей мужскую работу на неделю вперед. Нет, эти определенно прячутся от кого-то.

Пытающийся казаться грозным дварф гаркнул:

— Кто такие? Зачем таратайку притащили?

— Это наш дом-мобиль. Мы не стесним вас, ночевать будем у себя. А кто такие… скажем, так: порученцы в неприятных обстоятельствах.

Дварф сделал орку знак опустить топор (понятно, кто у них за главного) и хмыкнул:

— Не то поручение взяли?

— Мягко говоря, — фыркнула я в ответ. Не знаю, насколько стоит раскрывать им наши тайны, но не помешает дать им понять, что не в наших интересах приводить сюда компанию.

— Ладно, — постановил дварф. — Утром поговорим.

Они вернулись в хижину и подперли дверь чем-то тяжелым.

Я зашла в мобиль, закрыла дверь, включила охранный контур и сказала все еще перепуганной княжне ложиться, наконец. Сама собиралась вытащить постилку и устроиться на полу, но Фырхитра забрала у меня из рук тонкий матрасик, не раскладывая бросила его на пол, обернулась лисой и устроилась в клубочке. Я достала шерстяной платок, укутала лисичку сверху, и сама с наслаждением вытянулась на кровати. Ночь была слишком долгой, чтобы отказываться от такого удовольствия.

Глава 5

Проснулась я от рычания, но не того, которое издает рассерженный человек, а с отчетливыми звериными нотками. Открыв глаза я увидела Фырхитру, которая уперев кулачки в бока, загораживала меня от Бейлира.

— Пусть поспит! Это ты прохлаждался, а она полночи сюда гнала!

— Не расскажешь, почему вдруг? Нет? Я засыпал в мобиле, который тихо-мирно ехал к большому тракту, а проснулся в заднице лесного тролля с двумя вооруженными аборигенами под дверью!

— Они не аборигены, — пробормотала я, пытаясь проснуться. — Они тоже здесь прячутся.

— Тоже! — взвыл эльф. — Не разъяснишь, куда мы сорвались среди ночи, а, главное, почему?

— Куда — в глушь, чтоб не нашли. Почему… Это долгая история. В общем, задание и правда оказалось с душком, только я уверена, Фасталк и сам об этом не знал.

Я пошла в омовейную, оставив эльфа продыхиваться аки дракон перед боем (сама не видела, рассказывал путешественник после двух кружек крепкого эля, и верили ему мало, поскольку само существование драконов в наши дни под большим вопросом).

Освежившись и переодевшись я уступила закуток с водой сначала Фырхитре, потом эльфу, собрала несколько бутербродов и накрыла на стол. Нагревательный артефакт кипятил воду, и наша небольшая компания расселась вокруг.

Я вкратце пересказала положение дел, проговорив то, что не стала ночью добавлять к лисичкиным страхам — исполнителей подобных поручений в живых не оставляют, несмотря на все предосторожности, принятые в гильдии. Под каким-нибудь предлогом Фырхитру увели бы от дороги, и вскоре в ближайшем овраге загорелся бы неисправный дом-мобиль, похоронивший внутри двух несчастливых путешественников. Я уверена, что прежде чем поджигать "Стрекозу", нам перерезали бы горло — не из милосердия, а чтоб наверняка. Судьба самой княжны могла оказаться какой угодно: от подопытного образца в лаборатории алхимиков секретного отдела до производительницы потомства с кровью альф.

Теперь, при свете дня, когда у лисички прошел первый страх, я изложила всё кратко, жестко и откровенно, чтоб у Фырхитры не появилось мысли еще что-то скрывать.

Ребенок захлюпал носом и тут же получил в руки кружку успокоительного отвара.

Бейлир тихо кипел.

— Значит, так, — поспешила я подвести итог. — Мы живы, мы спрятались, никто не знает, где мы пересекли границу, никто не знает, что мы ее вообще пересекли, никто не видел нас с княжной. Кстати, о том, что ты княжна, можешь забыть.

Та лишь пожала плечами — мол, больно надо.

— Переодевайся назад в мальчишку. За человеческого парня лет тринадцати вполне сойдешь.

Бейлир отмер, обрел дар нецензурной речи, и я едва успела зажать ему рот, чтоб не оскорблял слух хоть и наворотившей дел, но все-таки юной девицы.

— Слушай, — примирительно сказала я. — Если бы Фырхитра не подала этому посольскому таракану прекрасную идею с побегом в лапы наших тайных служб, ее бы прирезали уже на следующий день, обставив как месть второй или четвертой жены.

Фырхитра охнула, Бейлир махнул мне рукой, мол, все, поздно уже пить настойки, когда уши отвалились.

— Гарни, ты понимаешь, что нас станут искать? Каждый стражник королевства получит приказ задержать дом-мобиль с человечкой и эльфом.

Я напрягла память.

— Я не говорила Фасталку, что мой напарник — эльф.

— Думаешь, не найдут через таверну?

— В таверне никто не знал, что мы — это мы. Имен я не называла, мобиля они не видели. Но через гильдию… да, рано или поздно узнают. Демоны… И с поручениями через гильдию придется распрощаться. Так… "Стрекозу" перекрасим. А сами…

Я присмотрелась к Бейлиру, прикинула — да, должно получиться, но на всякий случай отсела подальше.

— Как одеваются эльфийки-боевички?

Услышав вопль Бейлира, который пробился даже сквозь встроенные в стены чары, "аборигены" не выдержали и забарабанили в дверь:

— Эй, что у вас там происходит? Вы не поубивайте друг друга, мы ради ваших трупов лопатами махать не собираемся.

— Сейчас выйдем, — ответила я. — У нас совещание.

— А… хе-хе, — ответил дварф и отошел.

Мы доели. Я не уследила, как Бейлир налил себе успокоительный отвар, который я заваривала для Фырхитры, но, может быть, и к лучшему. На эльфов травки хорошо действуют. Вот и сейчас он задумчиво смотрел в окно, его лицо разгладилось, и будто даже уши вытянулись вверх. Мне давно казалось, что в боевом настроении кончики смотрят чуть в стороны.

— Что более порадует менестреля, чем драма с нуждой в перевоплощении? Мои бесчисленные таланты еще не раскрылись в умениях принять чужую личину и насладиться новыми, неизведанными ощущениями.

Запомним на будущее: успокоительный отвар на лету превращает боевика в барда. Чудесно. То, что надо.

Мои платья были Бейлиру до середины голени. Повседневному, которое поуже, обрезали подол и рукав по локоть. По словам Бейлира, похожие туники надевают эльфийки, когда хотят сохранить свободу движений. Под низ он поддел собственную рубаху и самые узкие штаны, подпоясался ремнем и в целом стал выглядеть вполне неплохо. Борода и усы у эльфов не росли, кадык выделялся мало. Достав коробку с гримом и прибавив мои краски для лица Бейлир занялся живописью у зеркала, и скоро овал стал выглядеть чуть уже и чуть нежнее, а глаза чуть ярче. Я вытащила тонкий весенний шарфик, и Бейлир накинул его, спустив концы на спину, чтоб прикрыть горло. Опробовав голос в более высоком тембре, он посмотрел на нас с Фырхитрой и остался доволен. Мы весьма польстили ему ошарашенным видом, причем ничуть не притворяясь.

С Фырхитрой обошлись еще проще. Она так и будет носить мою рубаху и штаны Бейлира, позже прикупим что-нибудь в селах. Никто не ожидает, что сирота будет выглядеть как с иголочки. Волосы Бейлир ей обрезал и придал им вполне сносную форму. Девочка стоически вытерпела надругательство над прической. Увы, пришлось признать, что ее судьба была предрешена в тот момент, когда она тявкнула на секретаря-шпиона. Если бы она рассказала нам все с самого начала, было бы легче подготовиться к прятkам в глуши — и

только. Не возьми я заказ, его передали бы другим порученцам, и Фырхитру сейчас везли бы в застенки тайной службы, а некие наши коллеги догорали бы в овраге.

Кажется, Бейлир пришел к тому же выводу. Он успокоился, повертелся перед зеркалом и объявил, что готов знакомиться с нашими новыми… пока непонятно, кем.

* * *

Наши новые непонятно кто жарили хлеб на костре. Дварф был, как и положено дварфам, широкоплеч, с растительностью на лице, и насколько я могла оценить еще ночью, чуть ниже меня. Теперь на свету я видела, что на его лице не борода, а плотный пух. Может, и не дварф.

Судя по узким плечам, орк был совсем юным, и кадык еще не появился, хотя клычки уже убедительно торчали из-под нижней губы. Одет в добротные штаны и рубаху, но жилет, который так любят народы с "дикой" кровью, болтался на нем, будто снят с кого-то намного плечистей. Жилет был темно-синим — странный выбор для орка, обычно потомки степняков предпочитали землистые цвета. Но возможно, у мальчишки не было выбора. В таком возрасте без семьи — еще хорошо, что не в лохмотьях.

Оценив, с какой скоростью дварф с орком поглощают подрумянившиеся кусочки хлеба, я вернулась в мобиль за ветчиной и сыром. Дварф пробормотал благодарности и разделил еду с мальчиком. Наши шансы прийти к взаимопониманию с неожиданной компанией подлетели вверх.

— Кто первый будет рассказывать, каким ветром сюда занесло? — спросил дварф, дожевывая бутерброд.

— Мы можем положиться на волю судьбы и кинуть жребий, — предложил Бейлир. Точнее, предложила Берлиэль томным манерным голоском. — Но прежде чем вести разговоры о минулом, было бы весьма полезным представиться друг другу, дабы иметь понимание о присутствующей компании. — Он слегка склонил голову, что в эльфийском этикете означало приветствие равному. — Берлиэль из леса Серых туманов.

— Гарниетта Раеналд, человек, — представилась я, — а это Хит, мой племянник. Мы порученцы при гильдии, но последнее дело пошло несколько не так, как предполагалось.

— И вам лучше носу не казать на глаза стражам, — хохотнул дварф. Он махнул рукой в сторону сотоварища: — это Секирд, орк, только молодой еще. А я Лавронсо из дварфов, да четвертушка эльфийских кровей имеется, — он хитро обвел глазами нашу компанию, и я похолодела. Может, зря, может, нам все же повезет? Но нет, не с нашим счастьем: — Праматерь надо мной шутковать решила, от дварфского у меня только то, что снаружи.

— То есть, вы все-таки мужчина? — попыталась я оттянуть неизбежное.

Дварфы рождаются бесполыми и в сорок лет сами выбирают, кем им быть. Имя Лавронсо показывало, что дварфо еще не достигло порога определения. Это объясняло, почему настоящая борода у Лавронсо не росла, только густой пух, который готов либо заколоситься, указывая на мужескую сущность дварфа, либо исчезнуть совсем, загустившись только в бакенбардах — гордости каждой достойной дварфы. По одежде определить принадлежность дварфийского существа было невозможно: все три пола носили тот костюм, который красовался на нашем новом знакомце — туника до колен и узкие штаны, заправленные в сапоги с коротким и широким голенищем. Голос у любого дварфа или дварфы мог быть каким угодно.

— Нет, я не мужчина, и не уверено, что хочу им быть, но мне еще два года до решения, — ответило дварфо. — Так вот, внутрях у меня вполне эльфийские уменья

зародились, и учил меня эльфийский лекарь взаправдашний. Лицензию лекаря мне никто, ясно дело, не выдаст. Не поверят безбородые, что дварфы живое лечить умеют. Но знанья и уменья при мне.

— Дедушка учил? — я сделала еще одну попытку увести дварфо от неприятной темы.

— Бабушка. Ты меня не сбивай. Выкладывайте свои настоящие имена. И ты говори, в кого обращаешься? — ткнул он прутиком в княжну.

Первое же утро в "подполье", и нам удалось нарваться на дварфо, которое влегкую считывает ауры.

— Бейлир, — произнес мой спутник таким голосом, что даже тем, кто видит его первый день, понятно — прикидывает, всадить стрелу или придушить.

— Может, не стоит настоящие? Давайте я буду Хитрой, — протянула бывшая княжна. — Я лисица, но теперь без клана. Этого уже достаточно, чтоб за мной погналось полкоролевства.

Дварфо покивало:

— Ладно. Так вот, я и Секирд узнали про дела ночных хозяев то, чего знать не надо бы. Такие долго не живут. Вам, думаю, так же свезло.

Мы не стали отрицать.

— Донно Лавронсо, — на всякий случай я использовала дварфийские обращение, — вы возвращаетесь в Синие горы?

— Не-а, — мотнуло головой дварфо. — Я там вроде безголосого эльфа.

Бейлир понимающе кивнул.

— И куда же вы?

— Пока не знаем, — пожало оно плечами. — Думали к югу податься, там другие ночные хозяева заведуют. Им здешние дела до Синих пиков, да и не любят они тутошних. А может, на острова махнем, все одно в южные порты надо. Вам, конечно, похуже, у стражей один приказ что тут, что там.

— Пожалуй, нам тоже стоит поехать на юг. Чем дальше от этих мест, тем лучше, — кивнула я.

По примеру новых знакомцев я нанизала хлеб на прутик и держала его над костром, поворачивая, чтоб прожарился равномерно. Простые действия помогали трудным размышлениям.

— Мобиль у вас приметный. Красить будете? — спросило Лавронсо.

— Будем.

Увы, от расцветки, которая позволяла прятать наш мобиль в перелесках, придется отказаться ради того, чтобы спрятаться самим.

Дварфо охладило пух, который гордо носило вместо бороды:

— Чутья дварфского у меня нету, но кой-чему меня учили. Я вроде ваших механиков, уменье есть, хоть и без внутряных глаз. Надо, чтоб мобиль ваш сам на себя не был похож. Инструмент у вас, небось, имеется?

Я с интересом глянула на дварфо.

— Конечно, инструмент есть, ее иногда чинить нужно, подкрутить то тут, то там.

— Ее?

— Стрекоза. Имя.

Дварфо непочтительно фыркнуло, и мне стало обидно за мой агрегат.

— Она может бока раскладывать, чтоб больше места было, — пояснила я. — Видишь

два шва? Эта часть стены выдвигается, будет места еще на три локтя. Пол спрятан под днищем, стены и верх брезентовые.

— О как, — Лавронсо посмотрело на мобиль с уважением и поскребло подбородок, — два локтя, говоришь. Может, в крыльях этих для нас место найдется? Нам бы отсюда поскорей убраться.

Я уже поняла, что нам не отвертеться от попутчиков, но все же вопросительно глянула на Бейлира. Тот согласно прикрыл глаза. Хоть я и не ожидала от него отказа, но для приличия у напарника нужно было поинтересоваться. Я кивнула дварфо, и оно стукнуло молчаливого друга по плечу:

— Слыш, Секирд, поживем еще.

Глава 6

Две недели мы провели в лесу. По словам Секирда, такие хижины использовались для зимней охоты, когда день короток, и едва ты отошел от селения, как уже надо ночевать. Вряд ли мы могли бы встретить тут других существ. Бейлир отложил женскую личину на время, Фырхитра осталась в одежде мальчика — ей неожиданно понравилось бегать и прыгать не только на четырех лапах, но и на двух ногах, которые не путаются в подоле. Разумеется, как и положено вырвавшемуся на свободу подростку, она перестаралась и на третий день свалилась с дерева. Лавронсо разложило внушительный арсенал лекарского инструментария и заштопало девочке плечо. Ему понадобилась только кривая игла, пинцет и ножницы, но остальными он напугал нашу буйную лисичку достаточно, чтобы ребенок хоть ненадолго стал осторожнее. Назавтра Хитра снова скакала по лесу в обеих ипостасях — говорят же, "заживает как на оборотне".

Юный орк поведал нам, что ближайшее селение было смешанным человеческо-орочьим, причем уже и не разберешь, где чья семья. Парни с кровью орков в селах ценились. Орчанки, даже если засиживались в девках — ну как в девках, нравы у орков были испокон веков свободнее, чем у людей — все равно лет после тридцати были нарасхват у вдовцов. Женщины у орков не в пример крепче — и пасынков с падчерицами поднимет, и своих детишек родит, и мужичку пропасть не даст, и хозяйство твердой рукой поведет, а что мощна чересчур, так человеческие женщины в селе к этому возрасту тоже вширь раздавались. А не выйдет замуж, тоже не беда — орки не делали различия между детьми рожденными в браке и вне брака, чистыми орчатами или с примесью других кровей. Так что, если в городах орки жили своими общинами, в селах они неуклонно смешивались с людьми, причем потомки были по-орчиному дюжие и крепкие здоровьем, только кожа светлее, и лица тоньше и глаже. Думаю, лет через сто в селах чистых людей не останется, одни смески.

Секирд туда пробирался накануне нашего приезда и прячась по кустам посмотрел, нет ли в селении чужих. Чужие были и о чем-то селян расспрашивали, но те отнеслись к чужакам недружелюбно. Выходить Секирд не решился. У них с собой была буханка хлеба, и к нашему приезду они уже успели приуныть от надвигавшегося меню из горстки сухарей и травы.

Меня удивило, что Секирд слишком сведущ и разумен для подростка, даже для сельского подростка слишком разумен. Особенно для сельского. Но внешность не обманывала, уже к шестнадцати годами оркские парни обзаводились такими мышцами, до которых Секирду еще расти и расти. Лезть в душу я не торопилась. Нам с этой парой еще долго из одного чайника отвар пить. Успеется.

В первый же день, перекинувшись в лисицу, Хитра покрутила носом и вывела меня к маленькому ручейку. Натаскать воды для готовки и для какого-никакого мытья взялся Секирд. Парню нужно было дело, и носить ведра было вполне по нему. Порой он уходил побродить по лесу, и дварфо попросило меня не трогать юношу в эти часы.

Иногда мы с Хитрой гуляли вместе. В любой ипостаси она безошибочно находила пахучие травы для приправ, а обернувшись, гонялась за зайцами. Ужины мы готовили разнообразные: заячье жаркое, похлебку из зайчатины, запеченного на костре зайца или зайца тушеного с подливой. Картофель закончился, но я накопала достаточно съедобных корней, нашла заросли зелени для салата, а коробы с рисом, бобами и ячменем обеспечивали

бы нас гарниром еще не один день.

Эльфы и дварфы не были дружными расами, мягко говоря, и всю обозримую историю спорили за звание самой мудрой и древней народности. Четвертушка эльфийской крови у дварфо и привычка уживаться с разными существами, которая появилась у Бейлира в Вавлионде, несколько сглаживали их противоречия. Но все же время от времени то один, и то другой задирал “соперника”. Шутки у них не отличались оригинальностью. Раз за разом дварфо намекало на эльфийские уши, а Бейлир проходился по пушку, который дварфо считало бородой.

— Эй, остроухий!

Я вздохнула и отложила книжку, которую взяла почитать за чашечкой ромашки. Крик Лавронсо просто не мог остаться незамеченным Бейлиром. И точно:

— Многоуважаемое донно Лавронсо, позвольте осведомиться, каким именно образом вы желаете закончить свое в высшей степени ничтожное существование на этой благословенной земле?

Я едва не подавилась отваром. Кажется, Бейлир нашел способ примирить оба своих дара: взял от каждого по его худшей стороне.

— Бейлир, задиристость с пафосом в одном эльфе одновременно — это слишком. — Я с грохотом опустила кружку на стол. — Может, как и раньше, чередовать?

— Всякое разумное существо должно стремиться к совершенствованию! Низводя мой образ мысли до тривиальнейшей неле… Белены объелось, бородатое?!

Ловко брошенный Лавронсо орех Бейлир поймал прямо перед носом, и теперь ошарашенно взирал на довольное дварфо. Мы с Секирдом зааплодировали.

— Дорогие мои существа, вы хотели о чем-то поговорить?

— Ага, — кивнуло Лавронсо. — Эй, остроухий, ты за сколько локтей в монету попадешь?

— В такую? — Бейлир повертел в пальцах медяк.

— Примерно, — покладистость эльфа озадачила Лавронсо.

— Сейчас проверим, — мирно сообщил Бейлир, щелчком запуская монету в прическу дварфо.

Хитра покатилась со смеху, а я сочла нужным вмешаться. Мериться монетками — не к добру.

Глянув на хитрый блеск глаз Лавронсо и невинную улыбку Бейлира, я поняла, что эти двое решили включить меня в свои развлечения. Не противника доведет до ручки, так хоть госпожа Гарниетта смешно потрепыхается. Похоже, скука вкупе с опасениями за жизнь действует на команду разлагающе.

Я хлопнула в ладоши:

— Донно, дамы, раз у нас появилось свободное время, предлагаю поучить высокий эльфийский, благо, у нас есть эльф.

Со стороны Бейлира послышался звук протеста.

— Начнем с простых команд, — продолжала я, — которыми мы пользуемся в случае, если нужно срочно менять наши планы, поскольку никто вокруг высокого эльфийского не знает.

— Не думаешь же ты, что я всерьез стану болботание ушастых повторять, — разворчалось Лавронсо.

Я мило улыбнулась:

— Донно, пусть учит ваша эльфийская четверть. Договорились? Итак. “Ам кот” — команда к атаке для всех. “Наур” — сигнал Бейлиру стрелять. “Аварто” — отходим, отступаем, разбегаемся и прячемся. “Нур ом реддисс” — перед нами нехорошее существо. Бейлир, будь добр, проследи, чтобы все запомнили. Затем можно переходить к другим словам.

Невзирая на легкое сопротивление дварфо сигналы были усвоены. Дальше этого изучение эльфийского не пошло, но задираться мальчики и немальчики перестали. По крайней мере, при мне.

Через неделю Секирд вызвался сходить к селению. Про чужаков там наверняка уже забыли, летом в селении слишком много забот. Секирд снял жилет, подвернул штаны, выпустил рубаху (которую уже пора было стирать), и вполне стал похож за бродягу. Если никого подозрительного нет, он притворится путником и купит еду "в дорогу": сыра, ветчины, яиц.

— Секирд, какие яйца? Путники яйца не покупают, — рассмеялась я.

— Скажу, что люблю пить сырыми.

Я махнула рукой.

Перед уходом дварфо и Бейлир о чем-то с ним шептались.

Секирд вернулся под вечер, и я охнула. К груди мальчишка прижимал сверток с головкой сыра и ломтем ветчины, в руке он нес корзину с яйцами, а через грудь была перекинута веревка, на которой орчонок тащил два побитых колеса с продетой в них суковатой палкой вместо оси, с навьюченой на нее грудой мусора, крепко перехваченной несколькими рядами веревки: обломок плуга, прохудившаяся сковорода, дырявая кастрюля, связка шестерней, останки мебели и еще что-то неопознаваемое. Я слышала, что мускулы орков устроены иначе, и теперь в этом убедилась. Худосочный человеческий подросток все это не смог бы сдвинуть с места, а Секирд докатил, только очень устал.

Но главное, что меня интересовало — зачем? И как он объяснил селянам, для чего все это бродяге?

— А я будто бы на голову… — он выразительно постучал по виску. Сделав лицо глупо-дурашливым Секирд забормотал, хлопая глазами: — Дом буду строить, ага, дом построю, жить буду, у-у-у! Вот так. Они мне, конечно, весь хлам продали, деньги-то нелишние, а потом зазывали у них остановиться, кормить за работу будут, и угол дадут. Добрые, — улыбнулся парень.

Пока мы говорили, Лавронсо и Бейлир с восторгами разбирали хлам. Что они собираются с ним сделать?

Наутро я застала совершенно умилительную картину: эльф и дварфо работали вместе. Даже для Вавлионда это редкость. Умилялась я ровно до тех пор, пока не поняла, над чем, собственно, они работают.

Бейлир с Лавронсо прикручивали к бокам Стрекозы разнообразные и очень странные предметы. Эльф и дварфо неожиданно нашли друг в друге родственные души по созданию гармонии в безобразии. Они без конца бегали между мобилем, камнем-наковальней и собранным из бревен верстаком, что-то ровняли, чему-то придавали форму молотком, что-то допиливали, спорили, куда и как приладить очередную аляповатую часть, звали Секирда, чтоб он подержал ее там и сям, а сами стояли в чуть поодаль и кивали друг другу, мол, чуть-чуть вправо, и будет хорошо. В ход пошло всё, даже два колеса, на которых Секирд привез покупки, даже кастрюля. Утомившись, они рисовали какие-то схемы, вертели в руках то

одну, то другую часть из оставшейся кучи, и назавтра снова приступали к работе.

Я в творческий процесс не вмешивалась, только попробовала запротестовать, когда они вытащили запасной комплект шестеренок, цепей, поршень и пару клапанов, но мне пообещали в ближайшем же городе купить новый. Не успела я оглянуться, как и запасы смазки для мобиля тоже попали в руки дварфо. Я смирилась.

Наконец, меня позвали оценить плоды совместного эльфо-дварфского труда.

Кажется, наши творцы перестарались. Стрекоза превратилась в угрожающего вида сооружение, не то гигантский артефакт на колесах, не то экскаватор, созданный сумрачным магтехническим гением. Смазку наши художники смешали с золой и замазали бока Стрекозы, а остатками выкрасили композицию, которую сложили из селянского мусора и запасных частей. И теперь передо мной стоял темный пятнистый агрегат с множеством приспособлений неизвестного назначения.

А ведь мне совершенно не хотелось привлекать внимание. Но с другой стороны, по дорогам королевства тарахтят мобили самых разных видов, и никто, никто не заподозрит в этом чудовище зеленую Стрекозу.

Но переименовывать мобиль я не стану. Теперь это боевая Стрекоза, заслуженная. То, что надо для нашей побитой жизнью компании.

* * *

В последний день, налюбовавшись делом рук своих, Лавронсо вызвалось сходить в селение, узнать новости и закупить припасы. На первом же столбе оно увидело напечатанный на сером листке рисунок брутального эльфа и мерзкой надменной дамы в кокетливой шляпке. Подпись гласила, что разыскивается госпожа Гарниетта Раэнальд со спутником-эльфом, ограбившие королевский обоз.

— Эльф? Ограбил обоз?! — Бейлир был поражен. — Кто-то верит в эти росказни?

— Дорогая "Берлиэль", — усмехнулось Лавронсо. — За такие деньжищи, что на листке написаны, поверят даже в эльфа, который перерезал глотки дюжине певцов небесного храма. — Лавронсо хитро на нас глянуло. — Такие деньжищи, что… хе-хе… Ладн. — И уже серьезнее произнесло: — Имя ваше они, госпожа Гарниетта, знают. Но по рисунку этому вас не распознать, не бойтесь. Видать, бабы вас описывали. Вышли вы на рисунке с длинным носом, и рот будто у жабы. Зато шляпку хорошо нарисовали. Штучка на ней заметная с камушком и узором вокруг закрученным. А вот эльф — красавец хоть куда.

— Похоже? — насторожилась я.

Дварфо хохотнуло:

— Челюсть квадратная, плечи — во! — и губы как подушки. Наверное, по их разумению красавец.

Возможно, среди эльфов и водились подходящие под описание, не знаю. В Вавлионде эльфов было не очень много, в столице несколько сотен, в других городах меньше. Я видела с десяток эльфов, и ни один из них не мог похвастаться ни квадратной челюстью, ни широкими плечами. Полукровок намного больше, но и полукровки обладают тонкими чертами лица, а фигура в крайнем случае как у человека средней плотности.

Что ж, спасибо той неизвестной "свидетельнице", которая положила глаз на Бейлира и возненавидела меня-соперницу. Что имя знают, не страшно. Но беспокоило, что они узнали про эльфа. Стоило ожидать, что тайная служба пройдет по другим подобным конторам, расспросят наших бывших клиентов, и кто-нибудь расскажет про ушастого, но я надеялась, что это произойдет немного позже. Хорошо, что его имя никто не припомнил. Но толку с

того… Бейлир пока останется Берлиэлью. Мне придется переодеться в ремесленницу. Все равно гильдейских заказов нам больше не видать.

Мне очень повезло встретить Лавронсо. Лекарская магия позволила ему свести с моей руки знак гильдии порученцев. Для дел он больше не понадобится, а при желании его можно было вызвать и опознать госпожу Раенальд. В гильдии порученцев не так много человечек женского пола.

Бейлир хранил деньги на счету под кодовым словом и руной. У меня тоже был такой счет, но с полсотни гольденов я держала на именном, куда поступали деньги от клиентов. Похоже, с этой частью придется распрощаться. Было очень обидно, ни один гольден не достался мне просто так. Хорошо, что плату от Фасталка я успела перевести на рунный.

Придется потратиться на новые документы. Имя Гарниетты Раенальд мне было не жаль. Все равно оно ненастоящее. Существа, которые знали, что я не Гарни Раенальд, а Лориетта Долран, остались в далеком прошлом.

Я могу, конечно, продать Стрекозу за полцены и взять за нее мешочками наличных. Я могу достать из потайного места, о котором даже Бейлир не знает, документы на настоящее имя, полученные в мои далекие восемнадцать лет. Купить где-нибудь в захолустье небольшой домик. Я могу предложить Бейлиру фиктивный брак, и осесть с ним в этом домике вместе. Я могу давать уроки девочкам из городских приличных семей, благо, образование в пансионе позволяло. Возможно, это стало бы выходом.

Но для начала нам нужно добраться живыми до порта на южном берегу. Мы пообещали помочь нашим новым знакомым, а за время пути нужно придумать, что делать с Хитрой. Нам с Бейлиром тоже будет легче на юге. У стражей, конечно, приказы одни, что тут, что там, только в портовом городе своих преступников хватает, чтоб еще по заказу из столицы кого-то разыскивать.

Зарабатывать придется такими поручениями, с которыми в гильдию ходить не любят. Против совести я, разумеется, не пойду, но как далеко я смогу пройти по грани между жизнью и смертью?

Глава 7

Итак, мы отправляемся на юго-восток, через все королевство. Для начала нам придется проехать к востоку, чтоб обогнуть по широкой дуге столицу, зацепить край центральной провинции, и дальше наискосок к южному порту.

Вавлионд — самое крупное из государств, где вперемешку живут существа самых разных рас. Но есть и другие. К примеру, Померанцевые острова заселялись всеми расами сразу. Говорят, многие существа на островах сами не помнят, сколько кровей в них намешано. Секирд решил, что это место как раз для него. Лавронсо, кажется, сильно прикипело к своему спутнику. Помимо того дварфо надеялось, что на островах оно сможет доказать право на лекарскую практику. Хитра робко попросилась с ними — уж там ее никто не будет искать. Ну оборотень, ну и что, мало ли оборотней по свету бродит.

Обрадованная отзывчивостью любопытная лисичка решила расспросить Лавронсо о дварфах. Хоть магротор после его манипуляций шумел меньше, все ж их разговор доносился до меня слабо, поэтому я насторожилась, когда Лавронсо взревело:

— Мала еще!

Прислушавшись, я различила голосок Хитры. С детской непосредственностью она выпытывала у Лавронсо подробности дварфийской анатомии. К сожалению или к счастью, лязг Стрекозы, которую потряхивало на неровных участках, и взрыкивающий магротор не давали мне расслышать все дословно, но и того, что до меня долетело, хватило, чтоб от души посочувствовать дварфо.

— Рожального нет ничего, — смущенно объясняло Лавронсо. — Как сорок лет стукнет, придется определяться, в бабы или в мужики идти. И все нужное или так, или этак расти будет. Если мужское, то быстро, если женское, года за два.

Стрекозу снова тряхнуло, и я расслышала только конец следующего вопроса Хитры:

— … в кустики?

— Вот пристала…

Магротор рыкнул, я сдержала смех, а Лавронсо взвыло:

— Да хватит зубы скалить! Как у детей у нас, пока не определимся, у девочек! Всё, отстань! — и под хихиканье Хитры ушло вглубь.

* * *

Ближайший город мы проехали по окружным дорогам. Остановились мы лишь ненадолго у одного из рабочих предместий, оставив Стрекозу возле заброшенных мастерских. Рядом с обгоревшим зданием и кучей из битого кирпича, щебня и осколков стекла наш монстр-мобиль ничуть не выделялся. Секирд с Бейлиром вышли вместе, и полуорк держался настороже, нарочито поглаживая одолженные у Лавронсо кинжалы за поясом. В таких кварталах нужно ухо держать востро, но другие были не про нас.

Высокородная эльфийка "Берлиэль" со спутником зашла в продуктовую лавку и к старьевщику, который продавал ношеные и еще вполне годные вещи. У последнего Бейлир купил два рабочих платья для меня и чулки к ним из тех, что попроще. Себе выбрал вещи, из которых можно сшить эльфийские кафтаны, и немного мальчишечьей одежды для Хитры. Лавронсо вернулось с парой баночек непонятного содержимого, и пока мы потрошили покупки, полезло в магмеханизм Стрекозы.

Преобразившись, мы отправились в путь. Лавронсо что-то смазало и подкрутило в

недрах магротора и кристалл-механики, и теперь дом-мобиль бежал резвее и тише. Все-таки двафийская выучка даст сто гольденов вперед человечьей, пусть даже и в специальной школе кристалл-механиков, которые сейчас открылись в крупных городах. Но Лавронсо пояснило: учили его чуть ли не больше, чем обычных дварфов, в надежде, что даже без дварфийского чутья оно сможет если не сравняться, то хотя бы приблизиться к пониманию материалов.

Я удивилась, что еще не во всех городах и селениях Вавлионда поселились дварфы-механики.

— Дварфам тяжко в одночку, без рода, — ответило Лавронсо. — Торговцы еще туда-сюда, привыкли мелкими ветвями и кое-как устроились. А если из магмехов кто едет, то целая семья сразу, и нужен хороший город, чтоб мастерские поставить и с людскими железячниками закорешиться. У нас строго, если такая семья в городе основалась, без их разрешения другая туда не поедет. Остальные магмехи из прочих существ набираются. Только в столице две семьи. Мастерские Карбидов отдельно, а род Оникса отдельно. Они две дюжины оникс-мобилей собрали. Это как ваш дом-мобиль, но внутри не живут, а только сидят. Ониксы всем родом из Синих гор ушли и возле столицы поселок себе построили.

— Погоди-погоди, что это за оникс-мобили? Зачем там сидеть?

— Да вместо дилижанса. Набивается туда по две дюжины существ и катят себе по дороге из города в город. Платить только надо втридорога, так и быстрее дилижанса. Магмеханика не стоит на месте! — с уважением воздело оно палец вверх.

Отдохнув за две недели в лесу и привыкнув к новой жизни, лисичка глазела в окно с высоты дом-мобиля. Секирд выражал свой восторг более скупо, но как мне показалось, тоже радовался новым впечатлениям. Что-то в нем меня смущало.

Лавронсо с Бейлиром рисовали на большом листе бумаги, укрепленном на стенке, некий механизм. Кажется, дварфо обрадовалось, что в кои-то веки нашелся собеседник, достаточно образованный для разговоров о магмеханике и не обливающий презрением за отсутствие дварфского чутья.

А я просто поворачивала и переключала рычаги, стараясь не думать о будущем. Пока мы живы, есть надежда. Куда-нибудь, да выедем.

* * *

Съехав к берегу реки, мы остановились на ночь. Разбившись на компании, мы отошли подальше друг от друга и вдоволь наплескались в чистой воде. Хитра норовила заплыть на середину реки, пока я не пригрозила, что случись ей тонуть, спасать ее отправлю Секирда. Лисица, конечно, фыркнула в ответ, но безобразничать стала меньше.

Секирд, пока мы резвились в реке, присматривал за похлебкой. Я вернулась и отпустила парня. Он пошел почему-то не в сторону, где слышались голоса мужчин, а подальше, за кусты. Не нравится мне, когда от нас что-то скрывают.

Тайна прояснилась под утро. Открыв глаза, когда небо еще только посерело наполовину, я выпрыгнула из мобиля и попала босыми ногами в холодную росу. Захотелось пройтись, пробежаться по берегу в тиши, в тот час, когда день еще только раздумывает, просыпаться или еще поваляться немного. И так хорошо, и будто внутри поет что-то, и нет ни тайной службы, которая мечтает меня убить, и нет горького прошлого, не страшно от будущего, есть только настоящее с росой, туманом над рекой и скрипкой, плачущей вдали.

Скрипкой. Плачущей. Вдали.

Я пошла на звуки и обнаружила Секирда, сидящего на бревне. В руках у него была небольшая скрипка, из-под смычка выливались грустные и чистые звуки.

Орки не играют на скрипке. Даже в детстве их пальцы не настолько чувствительные, гибкие и тонкие, чтобы перебегать по струнам. Рог, рожок, любые виды барабанов — но не те инструменты, где нужно двигать пальцами мелко и точно. Я присела невдалеке. Секирд закончил, когда по небу разлилась розовая полоса, увидел меня и замер.

— С добрым утром. Ты ведь не орк.

— Орк, — понуро ответил Секирд. — А еще эльф. Наполовину.

— И тебе не тринадцать.

— Мне двадцать шесть.

— И ты не мужчина.

Казалось, Секирд сейчас расплачется.

— Зовут тебя как? И зачем скрываешься?

Я подошла к девушке и обняла ее за плечи. Она глянула на меня исподлобья и вывернулась из объятий.

— Да не скрываюсь я! Секирд и зовут. Это общее имя, и так, и так можно. Думаешь, это просто, жить вот такой? — Она ткнула в себя пальцем.

Для девушки она и правда была слишком угловатой, с крупными чертами лица, с костями орка, с невыразительными мягкостями эльфиек, которые на прочном скелете смотрелись… никак не смотрелись. Впрочем, сейчас сложно было судить. Секирд носила мешковатые штаны и бесформенную селянскую рубаху, приправив сверху жилетом под пояс.

— В Вавлионде всякие живут, — глубокомысленно заметила я.

Девушка фыркнула.

— Всякие хотя бы знают, кто они. А я? Орки засмеют, эльфы прирежут, чтоб не позорила род.

— Не нагоняй страхов. Слушай, а как вообще получилось?.. — Я не смогла оформить слова в вопрос, но Секирд меня поняла. — Я ни разу про таких полукровок не слышала.

— Еще б. Эльфийка от орка родить не может, ее ж разорвет, потому и не приживается семя. А наоборот… Ты представить можешь, чтоб эльф с орчихой? Вот и никто не может. Это только моя мамаша на спор с подругами затащила пьяного эльфа в комнату. Тот после четвертой кружки похвалялся, что от него любая понести может, вот мать его и взяла на слабо. От нее тогда муж ушел, она и села в таверне горе заливать. Эльф наутро проспался, чуть не повесился, еле успокоили. Уехал и поклялся больше в Вавлионд ни ногой. И вот она я.

— Неужели мать тебя выгнала?

— Нет, что ты, я сама ушла. Мать всем врала, что я хилая, потому что болела в детстве, но все равно косо смотрели. Это человеческую кровь оркская бьет, полукровки от человеков сильными родятся, только на физиономию красивей и кожей светлей. Два старших у матери от орка, два младших от человека, все сильные. А я вот… И что обидно, у меня от эльфов только худоба, ну и вижу получше, почти как эльфы. Мать меня растила как прочих, не обижала, но шепоток все равно по кварталу пошел. Я ушла, когда мне тринадцать было. Прибилась к бродячему цирку. Там таких уродов…

— Не вздумай!

— Ай… — махнула она рукой. — На скрипке у них чуть-чуть выучилась. Потом цирк распался, и я сама по себе жила. С Лавронсо встретились, влипли в историю, теперь бежим вместе.

— Оно знает?

— Знает. Он добрый и сам… такой же.

Я пропустила мимо ушей, что девушка говорила о Лавронсо как о мужчине, но пометку поставила.

— Так. Скрываться теперь незачем. Мы с Бейлиром и Хитрой, сама знаешь, тоже прячемся. Так что, не мучайся больше.

— Переодеваться не буду.

Я пожала плечами.

Новость про Секирд восприняли со сдержанной радостью. Хитра решила, что у нее появилась компания получше, чем старая тридцатилетняя тетка, с которой туда не ходи, здесь не ныряй, и утащила новую подругу купаться. Бейлир рассмотрел скрипку, попробовал, пробормотал, что настраивать инструмент надо лучше, и в глазах я увидела огонек предвкушения.

— О, если бы нашелся некто, одаренный музой ритма! Нашему трио позавидовали бы утренние звезды!

Мне, как говорится, тролль на ухо наступил, что служило предметом скорби моего

лирического товарища.

— Я могу, но не на чем, — развело руками Лавронсо.

Посмотрев на страдания эльфа, он пообещал в ближайшем же селении найти что-нибудь, похожее на тамбурин или бубен.

Позавтракав, мы отправились в путь, и ближе к вечеру подъехали к небольшому городку. Пристроив нашего мобил-монстра в рощице неподалеку, мы прошли по вечерней прохладе до крайних домов, разузнали, где таверна, и решили, что имеем право наградить себя едой, которая не булькала на костре. Я была одета ремесленницей, в эльфийке никто не заподозрил бы нашего боевика, Хит болтал ногами на скамье — княжна высокого рода такого себе не позволила бы. Лавронсо с Секирд пришли как есть — вряд ли рука ночных хозяев дотянулась в маленький городок через несколько дневных переходов. Если не станем задерживаться надолго, будем в безопасности… насколько это возможно.

Пока ждали еду, Лавронсо пошепталось с подавальщицей, переговорило с парой местных жителей, и к концу ужина принесли тамбурин. Лавронсо отдало обещанные монеты, пощелкало по кожаному боку инструмента и покачало головой. Ничего, тамбурин — не скрипка, дварфо его перетянет, согреет, и нам хватит.

Теперь во время дневных перегонов мои уши терзали скрипичные уроки, но Бейлир в эти часы переставал метаться и маяться неустроенностью, а Секирд из угрюмой несчастной девушки превращалась в сосредоточенную одухотворенную ученицу. Я решила потерпеть. Мой напарник не очень любил скрипку, предпочитая мандолину, но эльфов учат хотя бы трем благородным инструментам. За два года Бейлир избавился от остатков присущей его соплеменникам заносчивости и мог поступиться желанием или нежеланием ради другого существа.

Хитра, не обращая ни на что внимания, занялась моей небольшой библиотекой, Лавронсо спал, заткнув уши платком, а мне оставалось лишь отрешиться от скрипичного воя и плача за спиной, глядя на бегущую под колеса дорогу, и думать о том, как вывернуться из нашего непростого положения.

Вечерний концерт искупил все страдания. Мы устроились на опушке леса, и после того, как вычистили котелок, эльф и полуэльфийка взялись за инструменты, дварфо подогрело тамбурин над костром… Музыка полетела к ярким звездам, и я вместе с ней. Хитра сменила штаны на юбку и танцевала огненный танец, взметая оборки подобно искрам, Секирд водила смычком, расплываясь в улыбке блаженства, Бейлир принял тот одухотворенный вид, который не раз поражал меня в этом воине, Лавронсо порыкивал в такт ударам, а мне было просто хорошо.

Глава 8

Посмотрев на меня после двух дней за рычагами Лавронсо подговорило Бейлира, и вместе они заявили мне, что я не могу вести мобиль с утра и до ночи. Мы больше не будем вскакивать ни свет, ни заря, и останавливаться мы станем загодя, засветло, и чтоб еще можно было отдохнуть, за припасами сходить, иначе, сказали мне, человечка путешествия не выдержит. Я попыталась их убедить, что таким манером наш путь растянется, но меня обещали вытаскивать из-за рычагов силой.

Мы и правда раньше никогда не проводили в дороге подряд больше двух-трех дней, кроме того случая, когда везли буйных двойняшек, и то, милые детки попеременно требовали остановиться. Я была уверена, что устала от нашего "груза" больше, чем от дороги.

Но вскоре я была вынуждена признать правоту моих спутников. Мы редко выезжали на тракты. Я вела мобиль по извилистым проселочным дорогам едва ли быстрее верхового. Это тракт прямой и широкий, только дилижансы и повозки объезжать приходиться, а так — знай себе придерживай рычаг и думай о жизни. Там, где мы пробирались, приходилось беспрерывно двигать рычагами, чутко прислушиваясь к мобилю, просчитывая, пройдет ли он между деревьев, или придется сдавать назад, и уставала я намного сильнее.

В маленьких селениях, конечно, мобиль запомнят надолго, но королевские службы встречаются намного реже. Чем ближе к центру, тем чаще по трактам едут отряды стражей или военных. Пока же мы не встретили ни одного.

Я предложила Лавронсо поучиться водить мобиль, все ж оно имело дело с техникой, пусть и в ремонте. Дварфо, и правда, быстро запомнило назначение рычагов и последовательность управления, но странным образом уже через четверть часа оно принималось утирать холодный пот, и хоть хорохорилось, ворчало, что у нас тут жарко, но все было понятно — такая работа не для эльфийского нутра Лавронсо, а скорость на прямых участках грозила лишить его чувств.

Бейлира начинало трясти от одного прикосновения к рукояти стартового артефакта. В отличие от него Лавронсо, обученное в дварфийских мастерских, могло продержаться какое-то время, но после нескольких опытов мы решили, что бодрый лекарь нам важнее полуобморочного водителя.

Секирд не боялась, бесстрашно двинула рычагами и едва не загнала Стрекозу в кювет. После некоторых попыток мы поняли, что и ее эльфийская половина несовместима с магтехникой таких размеров. Хитре я и предлагать не стала — мала еще.

Поэтому за рычагами Стрекозы сидела только я. Повинуясь установленному дварфо распорядку, утром мы не торопясь вставали, сворачивали лагерь, убирали следы и выезжали. В обед мне приказывали остановиться. Лавронсо выгоняло всех из мобиля и заставляло размяться и перекусить. Мы ехали еще столько же и останавливались, несмотря на мои протесты, что можно было бы прокатиться еще часок-другой.

После сильного дождя дварфо с эльфом посмотрели на Стрекозу и решили, что придется снова пойти по лавкам. Подъехав в небольшому городку мы нашли место, укрытое холмами от дороги, и отправили Секирд за покупками. Ей понадобилось ходить дважды. Бейлир встречал девушку у окраины города и забирал ведра с краской: три с черной и одно с блестящей, будто жидкое серебро. После первого похода я пришла в ужас — даже с ее силами не стоило тащить сразу два ведра. Но эльф пожал плечами, мол, что уж сейчас,

Секирд пошла за второй частью, не догонять же ее в городе.

В этот день мы куда больше никуда не поехали. Пристроив дом-мобиль у леса мы красили его бока, а покрыть серебристой краской крышу была идея Лавронсо. Оно сообщило, что им в горах давно известно: под таким навесом жары меньше скапливается.

Дело уже двигалось к вечеру, когда я заметила, как Секирд, поморщившись, отошла к кустам.

— Если тебе что-то женское нужно, ты только скажи.

Согнувшись вдвое девушка прошептала:

— Нет у тебя такого. Мне от болей настойка нужна особая, но закончилась. Нестрашно, полчасика посижу, и пройдет.

— Нельзя было тебе по два ведра сразу носить! Ох, не знала я, зачем ты идешь. А мужики… — я махнула рукой. И правда, сейчас уже поздно. — Сейчас Лавронсо позову.

— Нет! — взвилась Секирд, но тут же скрючилась снова и тихо сказала куда-то в сторону. — Он по женским делам не очень, его женским мало учили. Не надо его, пожалуйста! — теперь она смотрела на меня умоляющими глазами.

— Не хочешь Лавронсо, значит, как только боль закончится, пойдем к лекарю.

— Да не пойду я никуда, само пройдет. Подумаешь…

— Не пойдешь, скажу Лавронсо.

Мрачно глянув на меня, Секирд буркнула:

— Ладно, пойду.

Я надела парадное платье — мода сменилась, и теперь оно выглядело самым скромным из парадных или самым нарядным для повседневных. Витиевато уложила волосы, ярко, на грани приличий подкрасила лицо. Шляпки у меня было только две. Одна нарисована на объявлении о поимке, вторая и по нынешним меркам нарядная, но выбирать не приходится. Когда боль прошла, я объявила, что мне нужно сходить в банк и по женским делам в город, и я беру с собой Секирд. Полуорчанка привела себя в порядок и выглядела слугой, которого госпожа наняла носить покупки. Я не знала, на сколько затянется лечение, поэтому на всякий случай предупредила, чтобы раньше завтрашнего полудня не беспокоились. Лавронсо удивилось, но Бейлир кивнул, привыкнув к тому, что если Гарни говорит “надо”, значит, у нее есть на это причины.

До города мы дошли в ранних сумерках. Выбрались на улицу почище, и я обратилась к даме на скамье:

— Прошу прощения, госпожа, не подскажете, где я могу найти лекаря?

— Городская лечебница в пяти кварталах отсюда. Как пойдете по этой улице… — начала объяснять дама в голубой накидке, как ее перебила женщина, проходившая мимо, с которой моя собеседница только что обменялась кивками.

— И не жаль тебе госпожу, Миди? К этим коновалам я даже горничную не посылаю. — Она обернулась ко мне и махнула рукой в сторону раскидистого платана. — Как подойдете к дереву, посмотрите направо, увидите вывеску, красная капля на зеленом поле. Это частная практика доктора Ринс.

— Как можно отправить приличных дам к этой… этой… вертихвостке! Я надеюсь, ты предупредила своего брата про эту женщину?

— Дорогая, если бы твой брат, приехав к тебе в гости, вздумал умирать у порога дома, полагаю, тебе не было бы дела до чьей-то репутации, — отмахнулась от нее подруга и вновь повернулась ко мне. — С той лихорадкой, которую он подхватил по дороге, к неучам из

городской лечебницы я не могла его везти. Мой бедный брат едва дышал, когда сошел с дилижанса, и уже неделю не встает! Но вчера я навещала Алана, он пошел на поправку, его жизни больше ничто не угрожает. Так что, госпожа, смело обращайтесь. У этой доктора Ринс… кхм… сомнительное прошлое, но дело свое она знает.

Я поблагодарила обеих дам, и мы с Секирд пошли к платану. Оттуда, действительно, была видна вывеска, подсвеченная кристаллами. Практика выглядела добротно устроенной и успешной. Интересно, чем доктор Ринс так насолила местному свету?

Судя по размерам и надписи на двери, доктор Ринс держала не просто практику, у нее была небольшая лечебница. Приемная ничем не отличалась от обычных приемных такого рода. Ряд стульев, стол с бумагами, юная девочка приветствует пришедших, записывает имя и жалобы, если пациент готов назвать недуг вслух. Кроме нас в приемной никого не было, поэтому Секирд показала на живот и поморщившись пробормотала:

— Женские дни, болит очень.

Девочка понятливо кивнула, махнула рукой на стулья и убежала внутрь. Пока мы ждали, я прошла по приемной, читая вывешенные бумаги с обыкновенными лекарскими советами, которые много кто знает, но мало кто выполняет. У диплома я задержалась: доктор Одри Ринс закончила столичную академию — ого! — и имеет право практиковать с применением магии. На дипломе сверкали две четырехконечные звезды. Трех звезд, означающих высший дар, в этом городке я и не надеялась встретить. Дар среднего уровня уже был большим везением. Посмотрев на дату выдачи диплома, я прикинула, что доктору Ринс сейчас должно быть двадцать шесть, может быть, двадцать семь лет. Да, молодому лекарю без протекции трудно завести свою практику в больших городах, обычно они лет до тридцати пяти при старшем лекаре работают. В маленьких городках лекарей обычно не хватает, и желающие своей практики уезжают в провинцию. Женщине на подобный шаг отважиться труднее, разве что, это ее родной город, там есть семья, и эта семья не против подобного "непристойного" занятия, что бывает очень редко. Мне с моей работой не раз приходилось обращаться к лекарям, но ни одного лекаря-женщины в маленьких городках я не видела. Что же за прошлое у доктора Ринс?

Дама в зеленой лекарской мантии вышла в приемную. На ее руке поблескивал серебряный браслет в двумя звездами. Можно было сказать, что она все еще молода, но глаза выдавали повидавшую жизнь женщину.

— Доброе утро. Кто из вас пациентка?

Читать ауры умеют даже лекари со слабым даром, и мальчишеский костюм Секирд доктора Ринс не обманул. Девушка смущенно вышла вперед. Нас позвали пройти внутрь.

В небольшой комнате, хорошо освещенной множеством кристаллов, Ринс уложила Секирд на кушетку, сказала задрать тунику и принялась водить руками по животу. Нахмурившись, она обратилась ко мне:

— Госпожа…

— Цинтия.

— Госпожа Цинтия, не могли бы вы подождать с приемной? Мне нужно переговорить с пациенткой.

— Доктор, можете говорить при Цинтии, — подала голос Секирд. — У меня от нее нет тайн.

— Вы уверены?

Секирд кивнула, и доктор, еще больше нахмурившись, спросила:

— Как ты изгоняла плод? И когда? Года два назад? С тех пор так и болит?

— Да, два года. Нет, редко болит, но сильно очень, зелье Багрот пью, но у меня закончилось… А изгоняла шаманка.

— Багиррот, — задумчиво поправила доктор Ринс. — Ты не сказала ей, что наполовину эльфийка, а сама она не поняла. Наверное, возраст ей меньше назвала?

Секирд удрученно вздохнула:

— Это было в орочьих кварталах столицы. Если б узнали, что у них полуэльфийка… Мне и так пришлось заплатить втрое за молчание, что я не парень.

— Понимаю, — вздохнула Ринс. — Я могу исправить то, что она перекрутила. Моего дара хватит, даже резать не нужно. Это очень больно, поэтому тебя придется положить спать и до утра оставить здесь в комнатах пациентов. Утром мне нужно будет тебя осмотреть. Зато больше никаких болей, и сможешь родить. Сейчас я не уверена, что ты в состоянии зачать.

— Я согласна. Ой, сколько это стоит?

Я решила вмешаться:

— Секирд, сколько бы ни стоило, здесь есть банк, я сниму со счета, — и увидев на лице девушки возражение, быстро сказала: — Не вздумай отказываться. Мы в одной команде. Доктор Ринс, когда вы хотите начать?

— Прямо сейчас. Лечение займет четверть часа, но мне понадобится ваша помощь, чтобы потом переложить Секирд на кровать. Она до утра спать будет. Помощницу я отпустила, мы уже закончили прием. Вы поможете?

— Конечно.

Секирд было очень страшно. Я держала ее за руку, другой рукой она вцепилась в простынь, когда вдыхала смесь из склянки доктора Ринс. Та придержала ее за плечи, осторожно опуская назад на кушетку.

Я никогда не видела такой лекарской магии. Казалось, воздух звенел под пальцами доктора. Ее руки выписывали немыслимые фигуры, пальцы жили каждый своей жизнью, иногда я видела зеленые огоньки. Да, две звезды — сильный дар, но и работать с ним непросто. Это я видела по сосредоточенному лицу доктора Ринс. Лавронсо говорило, что ему насчитали одну звезду, зато полновесную, и было очень гордо этим. А у Ринс две! Повезло жителям городка.

Наконец, доктор Ринс отошла и устало села на стул:

— Всё. Я закончила, все в порядке. Сейчас чуть передохну, и повезем девушку к кровати.

Я обратила внимание, что кушетка на маленьких колесах. Как у них тут все продумано.

Мы вместе дотолкали кушетку по коридору, я помогла ей вписаться в поворот, и мы въехали в узкий и длинный зал, по левой стороне которого располагались шесть широких дверных проемов. Четыре из них были прикрыты занавесями, в оставшихся двух виднелись пустые кровати. У противоположной стены стояли шкафы с книгами, папками, бумагами, склянками всевозможных форм сортов с разным наполнением, и с банками порошков. Отдельный шкаф отведен под инструменты. За стеклом в полумраке поблескивали приспособления для медицинских пыток… Да, я не очень люблю лекарей, слишком неумелыми были те, кто меня штопал до сих пор. Изгнав неприятные воспоминания, я принялась рассматривать комнату дальше. Книги в одном из шкафов не были медицинскими. Наверное, хранились для развлечения пациентов. В углу, будто в засаде, притаились часы. Между стеллажами устроился столик на двоих.

Мы переложили Секирд на пятую кровать, доктор Ринс укрыла ее пледом и опустила занавеску.

— Благодарю вас, доктор Ринс. Назовите сумму, я утром схожу в банк и занесу вам, когда буду забирать Секирд.

— Сейчас я посчитаю.

Мы прошли в маленький кабинет, Ринс заполнила два документа: расчет и копию. Да, это не шатер шамана.

Доктор протянула листок и глянула на меня внимательно, склонив голову на бок:

— Госпожа Цинтия, исключительно из любопытства, позвольте задать вам один вопрос.

— Да, конечно, доктор Ринс.

— Зачем вам этот маскарад?

— Что?..

Лекарь усмехнулась.

— Я своих по глазам вижу. Вы не из армии, нет, но смерть рядом ходила.

Вот же… глазастая.

— Я порученец.

Я не стала говорить, что бывший. Сведений давать нужно ровно столько, чтоб у собеседника не возникло желания искать их самостоятельно.

— О! Я сразу была уверена, ты личину профурсетки ради прикрытия надела. Вроде, все при тебе, и кружева, и краски, а все одно глаза выдают.

— Хм. Будем надеяться, таких прозорливых, как вы, мало. Вы, действительно, служили?

— Ой, давай без чинов. Я Одри, служила помощником лекаря при Третьем кавалерийском полку. Пойдем отваров выпьем. Пациенты уснули уже, но мне придется посидеть рядом, пока не придет ночная помощница. Ох и загоняли они меня сегодня. Одна с капризами, второй на помощницу орет, третья меня жизни учит, четвертый любопытный, глазками сверкает. Хорошо, хоть пятая спит.

— Секирд у нас девушка спокойная, даже когда бодрячком. Я не откажусь от отваров. Раз мы здесь до утра застряли, мне торопиться некуда.

— Где остановились?

— Еще нигде.

— Я живу наверху, там есть комнатка с кроватью. Делали для прислуги, но у меня приходящая. Хочешь?

— Конечно! — я и правда обрадовалась, что не придется искать комнаты в незнакомом городе.

Одри вынула из шкафчика две чашки и пакет. По запаху можно было угадать свежую сдобу. Рядом блестел чайник, за ним выстроились банки со сборами: травяными, цветочными, и кажется, я даже кусочки сушеных фруктов рассмотрела.

— В кои-то веки по-женски посидим. Эти клуши моим обществом брезгуют, — хмыкнула Одри, устанавливая чайник на нагревательный артефакт. — Как узнали, что я была в армии, так все, от ворот поворот.

— Но лечиться ходят.

— А куда им деваться? На всю округу только я лекарь с магией, да еще диплом из столицы. Одна мамаша, было, раскричалась, что, мол, не поведет детей к этой… падшей женщине. Отвела в городскую лечебницу к Лагинсу. Так на следующий день прибежала ко мне, еще пуще орала, мол, спасите ребенка. Этот коновал красную лихорадку не распознал.

Сказал, что простыл ребеночек, надо чаю с медом попить, и все пройдет. И ведь без магии можно определить, вот же неуч!

Она разлила отвар, мы взяли по чашке, Одри прихватила кулек с мелкими булочками, и мы вернулись в зал рядом с пациентами.

— Они точно спят?

— Точно. Я даю вечером укрепляющий сбор, у которого побочный эффект — сильная сонливость. Но это к лучшему, пусть спят, а не буянят от скуки. Помощницу днем чуть до слез не довели. Мне ладно, я в полку еще не таких видала, а ей тяжело.

— Слушай… прости за вопрос, а как ты в армию попала?

— Думаю, как и ты в порученцы.

— Меня жених привел.

— Ого, — Одри тихо присвистнула. — Нет, я не так, мне деньги были нужны. Нас у родителей трое, и все девки. Отец умер, когда я только в академию поступила. Хорошо, что плату на учебу сразу за все годы отдали, и приданое всем загодя отложили. Через год мать привела нового мужа. Вроде, сначала ничего было. Потом я приехала, посмотрела, и поняла, что девок надо оттуда забирать. А куда? Одной пятнадцать, другой семнадцать. Моего приданого как раз хватило на год пансиона для обеих. Но год прошел, и снова-здорово, платить надо, одной за пансион, другая в университет подалась. У меня денег больше нет. Они уж хотели свое приданое вытаскивать, но я запретила. Не дело девчонкам без гроша оставаться.

Я отхлебнула отвар. Да, старшая сестра, как она есть. Ей без гроша, значит, нестрашно, а младших нужно оберегать.

— У меня как раз выпуск подошел. Я иду к нашему профессору и спрашиваю, мол, куда посоветуете, чтоб сразу деньги были и на одно, и на другое, и еще мне хоть как прожить осталось. Тот вздыхает и говорит: была бы я парнем, отправил бы меня младшим полковым лекарем, здесь часть скоро уходит на границу. Знаешь же, на севере нет-нет да и полезут. Я прикинула, что из жалованья смогу все оплатить, а сама и так проживу, в походе полк всем обеспечат. Ну и насела на него. Профессор отнекивался, но в конце концов сдался. И совет дал. Он возрастом был как дед мне. Вот и дал совет, будто родственник. Говорит, присмотрись к майорам. К полковнику не надо, они переборчивые больно, а с майором, если закрутишь, сразу договорись, чтоб три года при нем была. Тогда никто больше не тронет.

— Ох… И ты ради сестер пошла в полк?

— Ой да ладно, ты хоть девочку не строй. Ну пошла и пошла, я ж не шлюхой обозной к ним пристала. Зато одной сестре деньги на пансион, второй на учебу. Теперь одна при аптеке порошки толчет, полгода как замуж вышла. Вторая в пансионе училкой осталась, недавно виделись. А полк… что полк. Там четыре майора было. Четыре! И все молодые, кровь с молоком. Это полковнику можно пузо отращивать, а майоры — ух! все при них. Ты думаешь, у обычной ба… дамы из городка вроде этого много женихов? Хорошо, если из двоих выбирает, а то выходят за первого, кто посватается. — Она невесело усмехнулась. — Если б мои девки приданое потратили, то пришлось бы копить новое годами или идти замуж за мелкого лавочника, и то всю жизнь попрекал бы, что голытьбу взял. Я как подумала…

Она дернула углом рта и откусила булочку — заесть неприятные мысли. Отхлебнув отвара, Одри продолжила:

— В полку вокруг меня все четверо майоров павлинами вышагивало. Капитаны тоже, но на тех я не смотрела, не сдюжили б они меня у других вояк отбивать. Я приглядывалась,

пока на квартирах стояли, и выбрала одного майора, кто больше других по душе пришелся. Договорилась с ним, мол, в храм не тащу, но если я с тобой, то на весь срок.

— Согласился?

— А то. Они же в походах без ласки. По селениям и городкам — еще поди найди готовую, или в веселый дом придется. А после веселого дома через одного к лекарям бегают. К нам, то есть. Стоит такой со штанами до колен, а как излечится, снова глазки строить.

Мы прыснули от смеха.

— Так что, он согласился, конечно. Чтоб три года баба под боком была, это ж для них счастье. — Она вдруг светло улыбнулась. — Я же смотрела, кого брать. Был там и покрасивее, но гонора выше крыши. А мой… он знаешь, как обо мне заботился. Если где в поле остановимся, воду искал, чтоб обмылась. Как постираюсь, он тут как тут, выжимает стираное, сил-то у него больше. Представляешь, мужик мои панталоны отжимал. — Мы хихикнули. — В городках в кафе водил, у меня одно цивильное платье с собой было. А когда северяне полезли, мы же с лекарями после боя по двое-трое суток на ногах. Так майор мой, хоть и сам еле стоит, а ко мне придет с плошкой каши и проследит, чтоб поела. И так все три года! А ты говоришь — в полк.

Она разлила еще отвара. Похоже, Одри нужно было выговориться. Наверняка сестер она берегла от подробностей, а больше лекарю поделиться было не с кем.

— Ты его любила?

— Не то, чтобы любила. Приятный он был, и со всех сторон хорош. Сделали друг другу жизнь повеселей да потеплей, и ладно. Расстались без слез. Я за три года устала от палаток, от неудобств, пыли, хотелось осесть на месте. А ему дальше служить. Ну и все.

— Ты с местными дамами не пыталась посидеть по-женски, поговорить, вот так, мол, и так, можно сказать, замуж сходила.

— Пыталась, да дура была.

— Почему дура?

— Так я ж им все рассказала. И про ведра воды, и про панталоны, и про кашу.

Да, и правда, это она сглупила. Надо было, наоборот, наплести, как она ему рубашки в ледяной воде стирала и по ночам сапоги чистила, и великая любовь была, он жениться обещал, да бросил ее, подлец. Тогда бы дамы пожалели ее и приняли бедняжку в свой круг. Но что-то подсказывало мне, что такая роль подходит Одри, как бантики в гриве боевому коню.

Я усмехнулась:

— И светское общество тебя немедленно сожрало?

— В один момент, — фыркнула Одри. — Объявили, что я все выдумываю, дабы прикрыть неприличное поведение. Где ж это видано, чтоб мужик женские панталоны отжимал.

— Ты, конечно, ответила, что они по себе судят, раз им такие мужчины не достались.

Она развела руками.

— Угадала. Так я и сказала. Они ж и вправду про таких мужиков только в дамских романах читают. Знаешь, эти книжонки, где на обложках лорды с постными физиономиями, а рядом дамочки — пробу ставить негде.

Мы посмеялись, но внутри было горько. Два года на границах Вавлионда тихо и спокойно, и все благодаря таким полкам, как Третий кавалерийский. Эта женщина в крови и гное вырывала чьих-то мужей и сыновей из объятий смерти, оберегала их от судьбы убогого

калеки, а эти курицы… как они смеют! Я могла понять, почему сторонятся меня — я отнимала жизнь. Но Одри спасала!

Молодая женщина, казалось, уже пережила эту горечь и надежно спрятала внутри. Она легко пожала плечами:

— Так что, не получилось у меня дружбы с местным, кх-кх, светом. Они бы и не узнали про армию, но на второй месяц, как я открыла практику, к родне лейтенант из моего полка приезжал. Ему в бою руку чуть не оторвало, я ее назад приставила. Он как меня увидел, так вывалил все свои восторги прилюдно…

— Да, не повезло. Но как ты здесь оказалась? В большом городе к женщинам из армии получше относятся, а с магичек вообще спросу никакого.

— В большом городе я еще лет пять буду зажимы подавать, а если и дадут самой оперировать, так за спиной бухтеть станут. Я свою практику хотела, привыкла в полку, что сама больных веду. Когда раненые после боя потоком идут, так некому рядом стоять, все при деле. Если госпитальная палатка полна, и новых складывают рядом, то хоть ты только вчера из студентов, а бери инструменты и работай, никто с тобой возиться не будет. Мне, конечно, самое сложное не давали поначалу, и офицеров старались к старшим лекарям отправлять, но когда выбор между младшим лекарем со свежим дипломом или никем, сама понимаешь… — Она глянула на часы и вскочила. — Слушай, побудь одна немного, я проверю больных. Скоро ночная сиделка придет, мне обход сделать надо.

Она зашла за первую занавеску, повозилась там, потом за вторую. Из-за третьей вернулась, качая головой и бормоча под нос, что плохо заживает, неправильно. У Секирд она была недолго и кивнула мне, что все хорошо. Отодвинув последнюю занавесь она шагнула внутрь, и я услышала ее растерянный голос:

— Господин Чиркас, вы не спите?

— Доктор Ринс, вы с гостьей так очаровательно щебетали, что уснуть не было никакой возможности.

Кажется, мужчину за занавеской ситуация забавляла. А голос такой, что только героев-любовников в театре играть.

— Господин Чиркас, вы могли бы, по крайней мере, обозначить свое присутствие, а не подслушивать!

— Доктор Ринс, напротив, я очень рад, что узнал истинное положение дел. Увы, я не могу встать…

— И не сможете еще два дня, а будете так гадко себя вести, до конца недели пролежите!

— В вашей лечебнице? Я ничуть не против.

Судя по голосу, господин Чиркас был достаточно молод. Судя по тону, это именно тот пациент, который любопытный. Судя по тому, как звеняще возмутилась Одри… я здесь лишняя.

Я не мешкая допила чай — сбор был и правда чудесным.

— Доктор Ринс, — кажется, мужчина улыбался. — Когда ваша гостья нас оставит, мне хотелось бы с вами поговорить.

О, я знаю эти интонации. Я быстро крикнула:

— Гостья уже уходит! Одри, если ты мне скажешь, где каморка, я бы уже легла спать.

Одри отодвинула занавеску и обескураженно ответила:

— Там лестница, вторая дверь справа. В шкафу напротив белье. В конце коридора ванная.

Я помахала ей и подмигнула, прежде чем отправиться к лестнице.

И правда, я устала. Наполнять ванну я не стала, быстро обмылась, нашла белье, постелила и устроилась спать.

Глава 9

Я проснулась от хлопанья двери и резкого голоса где-то внизу. Судя по шуму, лечебница уже открылась. Я быстро привела себя в порядок и спустилась вниз. Из глубин, где располагались комнаты пациентов, доносились возмущенные голоса. Наверное, проснулась капризная дама и крикливый господин.

Я поздоровалась с девочкой в приемной и бодрым шагом дошла до главной улицы. Первая же прилично одетая дама объяснила, как добраться до отделения банка, и через полчаса я уже вернулась в лечебницу с деньгами.

— Можно увидеть доктора Ринс?

— Да, сейчас я проверю, не занята ли она.

Вскоре меня позвали в кабинет Одри. Увидев меня, она смущенно улыбнулась — неожиданно для такой бойкой женщины.

— Доброе утро, — я подала ей руку. — Надеюсь, ты не в обиде на меня за вчерашнее бегство?

Одри хихикнула и помотала головой.

— Нет. Мы… побеседовали. Пока рано говорить о чем-то определенном, он только попросил разрешения ухаживать… — она замялась.

— Но господин Чиркас уже намекал, что в городе, где он живет, не хватает хороших лекарей, — предположила я.

— Цинтия, все порученцы такие догадливые? — лекарь задрала брови в притворном ужасе.

Я ответила ей заговорщицким шепотом:

— Другие не выживают.

Одри понимающе улыбнулась. Эх, жаль расставаться. Где еще я найду такую подругу.

В дверь постучали, и помощница впустила Секирд. Одри предложила ей сесть и приняла строго-профессиональный вид.

— Судя по утреннему осмотру, манипуляции прошли успешно. Здесь настойка, — она придвинула к Секирд закрытую пробкой синюю бутыль с криво наклеенной этикеткой, где размашистым почерком было написано несколько непонятных слов. — По чайной ложке раз в неделю. Это поможет женским функциям восстановиться. Но я не советую еще полгода заводить дитя, лучше дать твоему телу выздороветь полностью. Впрочем, с этой настойкой у тебя и не получится зачать.

Секирд кивнула:

— Мне пока и не надо.

Одри повернулась ко мне:

— Повезло вам, последняя бутыль осталась. Отчего-то стало невозможно достать аунатико палимас. Теперь придется смешивать с харенае палимас, но эффект едва ли не вдвое ниже, и пить такую настойку придется дольше. Представляю, сколько мужей будет клясть меня почем зря, что жены не могут так долго обеспечить их наследником.

Она покачала головой.

— Я бы не сказала, что стоит обеспечивать наследником таких мужей, — фыркнула я.

— Думаешь, местным ку… женщинам это объяснишь?

Раздался стук, и голос девочки из приемной позвал доктора Одри к пациенту. Мы с

Секирд встали и тепло попрощались с доктором Ринс.

На главной улице я огляделась и нашла вывеску с кренделем.

— Нам туда, — махнула я рукой и направилась в булочную.

Мы купили по два пирожка на каждую, и еще дюжину я попросила завернуть с собой. Во второй сверток отправились плюшки. Себя мы тоже не забыли. Флягу с водой я пополнила еще в лечебнице, и теперь мы сидели на скамейке под платаном, разложив выпечку на обрывке газеты. Булочная была не из дорогих, где водится плотная коричневая бумага, но и не из тех, где на просьбу завернуть приподнимают брови: если явилась без корзины, так неси в руках. Наверняка хозяйка выкупала нераспроданный тираж. Газета — товар, который портится быстро.

Я бросила взгляд на мелкие строки, которые чуть ли не сливались в единое полотно. В небольших городках газетная бумага подороже, чем в крупных — сюда еще довезти надо. А денег у жителей меньше. Вот и лепят печатники строки плотнее, чтоб побольше статей и объявлений уместить. Местная газета выпускалась в один лист, и на той стороне, которая выглядывала из-под булочки, кричали заголовками новости. Я взяла в руку сдобу и замерла: со страницы на меня бросилась знакомая фамилия.

Конечно, я встречала упоминания графского рода Меркатов за эти девять лет, и всякий раз у меня портилось настроение. Мне приходилось просматривать светскую хронику: никогда не знаешь, какие сведения пригодятся в работе. Последний раз я читала газету в тот день, когда говорила с Фасталком. Рассудив, что в такой глуши светские новости не печатают, я развернула листок текстом к себе. Меркаты упоминались в статье про мобили. В двух городах дварфы открывают не мастерские, а целые цеха, где будут собирать мобили один за другим. Третий цех уже открыт и успешно производит оникс-мобили, которые скоро станут бегать не только в центральной провинции, а и на периферии.

Ушлому журналисту удалось узнать, что Меркаты пытались договориться с дварфскими мастерскими, но по каким-то причинам дварфы не пожелали иметь с ними дела. Я удовлетворенно улыбнулась и попросила Небесные сады за неизвестных мне дварфов, которые отказались работать с гнилыми людьми. Некто, близкий к Меркатам, пожелавший остаться неизвестным, заявил, что Меркаты все же собираются создать собственную мастерскую. “Какие чудеса техники выйдут из-за ворот нового цеха?” — вопрошал журналист и сообщал, что под мастерские Меркаты отвели землю размером с десять городских кварталов и обносят ее высоким забором. “Рано или поздно мы узнаем секрет”, — обещала газета.

Я от души пожелала провала всем их начинаниям.

Дожевав булочку, которая теперь казалась уже не такой вкусной, я убедилась, что Секирд в порядке и способна на долгие переходы, и мы пошли на окраину города к Стрекозе.

* * *

Пока нас не было, Стрекоза окончательно почернела и приобрела вид техномагического агрегата из будущего — странного, страшноватого и непонятного. Блестящая крыша и правда будто отталкивала жару. Теперь артефакт холодного воздуха вполне справлялся с летним зноем.

Остатками серебристой краски Лавронсо с Бейлиром выкрасили некоторые детали на боках Стрекозы, и конструкция стала выглядеть как ужасный сон техномага. А надо бы неприметно! Но когда речь идет о красоте — в понимании наших "художников" — всякие соображения осторожности куда-то пропадают.

Из города мы выехали по тракту и встретили другие мобили. Если раньше на зеленую Стрекозу смотрели как на всякий другой недорогой мобиль, то теперь черно-серебристая Стрекоза вызывала завистливый восторг. Даже некая весьма небедная семья в карет-мобиле, отделанном спилами лилового клена, едва не свернула шеи, рассматривая наше чудовище. Все-таки стоило выбрать менее приметный окрас. Когда мы поехали по мелким проселочным дорогам, я вздохнула с облегчением.

Мы не рисковали останавливаться на ночь в тавернах. Несмотря на то, что от мест, где искали дварфо и Секирд, мы уже отъехали, все же оставался шанс на несчастливое стечение обстоятельств. По словам Лавронсо, за ними гналось с дюжину подручных ночного хозяина, и спасла их только очередная новинка, которую человеческие инженеры создали вместе с дварфами — разводной мост.

Мы накупили по селениям побольше одеял, и каждый вечер Стрекоза раздвигала крылья, дав крышу нечаянным гостям. На мою лежанку никто не претендовал. Бейлир попробовал было уступить свою Секирд, но та обиделась непонятно на что, и он отстал. Хитра ночевала в личине лисы, то свернувшись в клубок, то растянув лапы на постилке. Мысль о том, чтобы променять безопасность на сомнительный комфорт, никому не приходила в голову.

У такого неторопливого передвижения были и свои достоинства. Вечером я уводила Стрекозу подальше от дороги, мы разводили костер, отгораживая его мобилем от чужих глаз, и готовили ужин. Пока кипела похлебка, тушилось жаркое или запекалась добыча Хитры, троица музицировала, а после мы ели и вели неспешные разговоры. Бейлир, чьей боевой половине не находилось пока применений, витал в облаках, писал песни, а отойдя на свободное место, разминался в гибком танце.

Концерты привели публику в романтичное настроение, и в один из вечеров, когда над костром на вертеле устроились выпотрошенные зайцы, Хитра с непосредственностью юности принялась допытываться, как же так случилось, что я не вышла замуж. Неужели у меня так и не было ни одного жениха?

— Почему же, были, — дернула я плечом. — трое.

— Как?!

— Обыкновенно. Стоило мне вернуться из пансиона в восемнадцать лет, как родители сосватали меня за родственника своих друзей.

— Старого и страшного?

— Нет, молодого и симпатичного. Я была не против, пока… — я тряхнула головой, отгоняя непрошенные картины, — пока не увидела, как он мучает собаку. Родители настаивали на браке, и я сбежала. По счастью, пансион, в котором я провела до того пять лет, давал достаточно навыков, чтоб жить одной.

Молчание нарушали лишь потрескивающие угли. Похоже, нужно начать с начала.

— Мне было десять, когда родители отправили меня в пансион "Лазурная волна". Это очень дорогой, очень благопристойный и очень скучный пансион. Большинство пансионерок именовались леди, многие происходили из титулованных семей, а мои родители даже не лорды. Они всего лишь владельцы мануфактур, но сколько себя помню, они мечтали, что получив прекрасное образование, я составлю партию человеку из высшего света. Через три года, устав от войны с аристократией и от уроков правильного подбора скатертей, разбив нос некоей виконтессе и вышив камыш вместо розы, я удостоилась беседы с директрисой. Она оказалась на удивление разумной дамой и показала мне объявление о

другом пансионе. Я прочитала его от начала до конца, но так и не смогла понять, чем "Дикий шиповник" отличается от нашей "Лазурной волны". Директриса прочла короткий текст вместе со мной, поясняя, что на самом деле имелось в виду, когда писали: "навыки, необходимые для леди в любых обстоятельствах", "умение держать себя в самом разнообразном обществе" и "знания о свете, высшем и не только". Вместе мы составили письмо к моим родителям, и через две недели директриса проводила меня в "Дикий шиповник", избавляясь, будем честными, от сильной головной боли.

Я поводила палочкой в костре и проводила взглядом рой искр.

— В "Шиповнике" учили всему, от умения сварить ужин на костре до высчитывания податей шляпной мастерской, от чтения карт до чтения звезд. Конечно, чтобы не расстраивать родителей, танцам и светским умениям тоже учили. Этот небольшой пансион собирает девочек из самых разных семей. Немало родителей на грани разорения прислали дочерей в “Шиповник”. Такие семьи еще помнят о достойной жизни и ценят образование, но уже не имеют надежды вернуться к прежней беззаботности. Их питают надежды, что после "Шиповника" дочери сумеют позаботиться о себе самостоятельно. Но в большинстве своем в "Шиповник" отправляют не в меру боевых девиц, с которыми не в силах справиться обычные учителя, не говоря уже о гувернантках и родителях. А может быть, им не хватает деятельности в бесконечных вышивках и поклонах? Верней, нам, потому что я определенно была из таких "заноз".

Слушатели усмехнулись. Мой характер они уже успели оценить.

— Так или иначе, образование в "Шиповнике" совсем иное. Я вернулась к родителям вовсе не той беспомощной девочкой, которую они ожидали увидеть и рассчитывали удачно пристроить для своих целей. Когда я сообщила отцу, что за жестокого человека выходить не намерена, он стукнул кулаком по столу и заявил, что я выйду замуж за лорда… ай, не хочу вспоминать его имя… я выйду замуж, за кого приказано, и если понадобится, он волоком потащит меня в храм. Я дождалась конца его тирады и ответила, что или мне дадут выбрать мужа по вкусу, или я уйду. Отец запер меня в комнате на втором этаже. — Я хмыкнула, вспоминая самоуверенного родителя. — Кроме танцев у нас в "Шиповнике" было множество гимнастических упражнений. Ночью я собрала мешок с одеждой, взяла драгоценности, которые можно продать, и ушла через окно. Мой жених остался ни с чем.

Я замолчала, пытаясь вынырнуть от воспоминаний.

— Но ведь это было давно, — в замечании Лавронсо звучал невысказанный вопрос.

— Да, с тех пор минула дюжина лет. Я дважды почти вышла замуж.

Друзья молчали. Что ж, от прошлого все равно никуда не деться.

— Сбежав от родителей, я уехала подальше и устроилась учительницей в пансион для девочек из городских семей. Это было прекрасное место, чтобы постепенно узнавать жизнь, имея при этом крышу над головой, стол и место в обществе. Через два года на благотворительном балу в ратуше я познакомилась с интересным молодым человеком. Мы начали встречаться, и только когда он делал мне предложение, я узнала, что Аларик — наследник баронства. Через год, когда он считал, что наша свадьба — дело решенное, внезапно выяснилось, что его семья собирается породниться с соседями, с графским родом Меркат. Аларика поставили перед выбором: либо он женится на дочери виконта, либо его младшую сестру выдают за этого самого виконта.

Лавронсо не сдержало удивления:

— Это ж сколько было виконту?

— Пятьдесят. А ей шестнадцать. Аларик строил планы, как нам втроем бежать, но я понимала, что когда против нас два клана со связями во всех сопредельных странах, нам нигде не скрыться. Я решила все сама и уехала.

— Ты решила за вас двоих? И ему пришлось жениться на той стерве?

— Почему же стерве. Милая девушка, и ей тоже было жаль, что ее жених идет с ней в храм по принуждению. Я поговорила с ней и попросила сделать его счастливым, насколько это возможно.

Я не рассказала, как я корчилась от боли, когда решилась уехать и отказала себе в возможности увидеть Аларика в последний раз. Как выпила кружку крепчайшего успокоительного взвара, горького, как тот день, и все равно мы с невестой Аларика рыдали в обнимку, и Мириана уговаривала меня довезти ее до монастыря, а я объясняла, что она и свою жизнь погубит, и сестру Аларика не спасет. А потом с постоялого двора в городе, который проезжала, я отправила письмо Аларику с просьбой быть добрее к жене и не искать меня.

Мы снова молчали. Я повернула мясо и продолжила:

— Я сменила имя, чтоб меня невозможно было найти, и пошла в компаньонки, благо, у меня были рекомендации из пансиона. Меня наняли к девочке тринадцати лет. Она слишком рано расцвела, что в сочетании с неуемной жаждой деятельности могло привести к катастрофе. Понимая, что никакие запоры не спасут положение, а из любого пансиона она сбежит, мои наниматели отправили меня на классы компаньонок-охранниц. После "Дикого шиповника" мне удалось овладеть многими умениями, вплоть до самозащиты с помощью зонтика. За следующие три года я и руки ломала, и ребра, а сколько наставила синяков, никто не считал. Мою подопечную тянуло на приключения, и когда она удрала от меня на карнавале, чтоб пристать к компании сомнительной молодежи, мне пришлось отбивать ее от "кавалеров" в нешуточной драке. На счастье, помог прохожий. Когда прибыли стражи, прохожий показал им печать гильдии порученцев и дал показания. Так я познакомилась с Нимнадилем. Не сразу, но он все же уговорил меня вспомнить, что я женщина.

— Нимнадил? Звучит по-эльфийски, но слишком коротко, — заметил наш воин-бард.

Это может показаться странным, но за два года, что мы провели вместе, я ни разу не упоминала о своих романах.

— Полуэльф. Третий сын в семье. Его родители поженились против воли рода. Если эльф заводит ребенка с человечкой, это никого не волнует, даже если посылает гольдены или видится иногда. Но отец Нимнадила решил прожить со своей человечкой в Вавлионде, сколько той отмерено, и его семья отреклась от сына. Родители человечки тоже от нее отказались, они хотели выдать дочь замуж удачно для своих дел. У отца Нимнадила был дар выращивать цветы, и семья устроилась неплохо, но сам Нимнадил был боевиком, хоть и не таким сильным, как эльфы обычно. Он стал зарабатывать поручениями, а встретив меня, позвал с собой. Я взяла расчет у нанимателя, и Нимнадил дал мне рекомендацию в гильдию порученцев. Все шло неплохо, у нас была репутация в определенных кругах: мужчина-воин и образованная горожанка — нам многие доверяли. Мы купили Стрекозу, разъезжали по королевству, то перевозили кого-то, то перевозили что-то, переезжали с места на место…

У меня перехватило горло, и понятливое Лавронсо сунуло мне в руки кружку с взваром.

— Нимнадил убедил меня, что из нас получится счастливая семья. Мы, по сути, уже были семьей… Надеялись заработать на домик у гор и подкопить на первое время, пока не устроимся… и были близки к цели, но однажды взяли контракт — доставить девушку-

невесту к жениху. Что-то в той семье было неладно, то ли давняя месть через поколения, то ли кому-то перешли дорожку, но за ними охотились, и семья решила пристроить дочь в надежные руки, пока не случилось худого.

Я снова помолчала. За три года я так и не смогла смириться с этой потерей. Справившись с голосом, я заговорила вновь:

— Недруги узнали о нашем пути и напали. Мы уберегли девушку и доставили по назначению, но Нимнадила зацепило смертельным проклятием. За неделю мы объехали четверых магов, но все было тщетно. Он умер. — Проглотив вязкий комок прошлого я закончила: — Так что, я больше я не рискую.

Хитра несмело взяла меня за руку. Секирд присела с другой стороны и положила мне руку на плечо. Хорошо, когда есть подруги. Плохо, что это ничего не изменит.

Глава 10

Мы огибали столицу по краю центральной провинции. Я ехала в образе небогатой женщины ремесленного сословия, благо, стекла нашего мобиля были зачарованы, и рассмотреть, кто управляет мобилем, снаружи нельзя. Эльф сообщил, что без госпожи Гарниетты рядом его никто не опознает, поэтому переодевался в эльфийку только в "лирические" дни.

Двигались мы медленнее, чем предполагали. То впереди тащится длинный обоз, а повозки, кареты и верховые едут навстречу нескончаемым потоком, и обогнать селян нет никакой возможности. То зарядит дождь, и даже с чарами на стекле, которые отталкивали воду, мы еле двигаемся по раскисшей дороге.

Одним прекрасным утром мы с Секирд, возвращаясь из селения, где купили яиц, лука и моркови, вынуждены были отступить на обочину, чтобы дать проехать дом-мобилю, который домом как таковым и не был. Внутри он был набит существами, сидящими на скамьях вдоль стен. Кажется, это то, что Лавронсо называло оникс-мобилем. Управлял им дварф с окладистой бородой, рядом сидела дварфа с бакенбардами — наверное, для смены за рычагами, когда водитель устанет. Мы с почтением проводили глазами изобретение рода Ониксов. Надеюсь, рано или поздно оникс-мобили заменят дилижансы, и может, предприимчивый клан дварфов добьется, чтобы оникс-мобили пускали в города. Тогда и остальным мобилям будет легче.

К нашему приходу лагерь уже свернули. Бейлир с Хитрой прикрыли дерном след от кострища, Лавронсо поболтало в ведре воду, набранную из речки неподалеку, выпустило туда чуть магии, и когда я отвела Стрекозу на дорогу, полило следы от колес. Примятая трава быстро выпрямится, на проплешинах уже завтра вырастет новая зелень, и чтобы обнаружить нашу стоянку, придется очень пристально всматриваться. Догнав нас на обочине, Лавронсо забралось внутрь, и мы тронулись.

В центральной провинции, даже с самого краю, не бывает глухих мест, но все же попадаются леса погуще и широкие поля, на которых до осени никого не встретить. Лавронсо предлагало заложить крюк, чтоб проехать еще дальше от столицы, но дорога по северу тяжела из-за постоянных подъемов и спусков. На востоке королевства начинаются степи, где случись что — не спрячешься. Пришлось ехать через центр.

Сейчас мы приближались к Чернолесью — цепи лесов настолько густых, что кое-где не было видно солнечного света. Специальным указом деда нынешнего короля Чернолесье запрещалось вырубать, и вот почти в центре страны расположились красивейшие древние деревья. К счастью для нас, через лес проложили несколько дорог.

Вчера нам оставалось два часа до первого леса, и если бы мы успели доехать, я бы предпочла заночевать там, в глуши, но увы, глаза у меня начинали слипаться, а выпить бодрящее зелье Лавронсо не дало. Проверив ауру и поводя руками вдоль моего тела, оно заявило, что как лекарь оно запрещает мне пить всякую дрянь две недели, а лучше месяц.

Я не принимала Лавронсо на должность лекаря, но дварфо вовремя заметило простуду Хитры и напоило ее какими-то отварами с магией, залечило мой ожог и сняло ноющую боль от застарелого перелома, подобрало для эльфа травный сбор, который восполнял утрату цветов лиссуин — это растение, приносящее эльфийскому сердцу радость, остроухие сажали только в своих лесах и никогда и ни за что не продавали в другие земли… Словом, я не

нашла, как возразить против его приказов.

На дороге по Чернолесью повеяло чем-то мрачным. Я бывала здесь несколько лет назад осенью. В то время солнце переливалось по готовой опасть листве всеми оттенками от желто-золотистого через пламенно-оранжевый и кроваво-красный к закатному багрянцу. Сейчас лес вставал стеной буйной зелени, от изумрудной до темной-темной, уходящей в бархатную черноту.

Я не спеша вела мобиль по широкой лесной дороге и чувствовала напряженность спутников.

— Притормози, подруга, — бросил эльф голосом, натянутым как тетива.

Я остановилась, он открыл дверь и сошел со ступеньки. Заглушив мобиль я тоже вышла наружу. Что он почуял? Солнце проглядывает сквозь облака, лес шумит под легким ветерком, кузнечики стрекочут в траве.

— Птиц не слышно, — нахмурился эльф. — Езжай осторожнее. Я приготовлю лук и артефакты. Не нравится мне это.

Он захлопнул дверь за собой, и я двинулась вперед. Чувства обострились.

Мы проехали мимо отворота, где узкая колея удалялась вглубь леса, будто туннель в переплетения стволов и ветвей. Через четверть часа подъехали к другой дороге, на этот раз пошире. Я не собиралась туда сворачивать, но Бейлир и Секирд одновременно крикнули мне остановиться. Я уже и сама увидела, что кусты на повороте ободраны будто большим неповоротливым животным. Животным или… мобилем? Возможно, любители отдохнуть в тишине съехали здесь в лес, и если мы двинемся за ними следом, нарушим вожделенное уединение. А может, здесь прячутся такие же беглецы, как мы, только в отличие от нас они не обрадуются гостям и постараются заткнуть рты свидетелям. Но… слишком тих лес. Когда мы неделю прятались у заимки, весь день вокруг не умолкал птичий гвалт, а зайцы подбирались почти вплотную к стоянке, и Фырхитре не приходилось охотиться далеко. Здесь же я не слышала ничего, и даже стрекотание в траве будто стихло.

Я осторожно вышла, вглядываясь в тьму между стволов. Лавронсо и Бейлир последовали за нами. Девушкам махнули, чтоб сидели внутри.

Эльфийское и дварфское ругательства прозвучали одновременно.

— Мелкий огонь и молнии, — скрипнул зубами эльф.

— И что-то еще склизское, будто упругое, — добавило дварфо. — Путы?

Не все эльфы были магами вне своих даров, но чары ощущали любые. Про Лавронсо и говорить нечего, его магию я видела в деле. Стало понятно, почему смолкли птицы — они очень чутко реагируют на проявления агрессивной магии.

Я махнула головой в сторону Стрекозы, мы погрузились, я сдала назад и заехала на тропу, такую узкую, что едва-едва втиснуться. Дальше ехать не получится, только пешком. Пока мы раздумывали, что делать, Хитра вышла наружу:

— Слышу крики, плач… там, дальше.

Мы хотели оставить девушек в Стрекозе под охраной толстых зачарованных стен и контура, но Секирд просто вышла вслед за нами с оружием наперевес, а Фырхитра скользнула в кусты, обернувшись в лису, и двинулась в стороне, отбегая то туда, то сюда. Ее нюх сейчас был острее, чем слух любого из нас, поэтому она первой предупредила, приняв ненадолго облик человека:

— Впереди много существ, боятся, но злых не чую. Злые все направо ушли, унесли с собой огонь, и с ними ушли другие.

— Скорее, увели, — заключила я.

Фырхитра вернулась в рыжую шкуру, и мы быстрым шагом двинулись дальше.

Оникс-мобиль накренился, опираясь крышей на толстые стволы деревьев. Вокруг валялись растерзанные узлы, раскрытые сундуки и распотрошенные сумки. Два орка и один смесок гоблина с человеком были связаны и сильно избиты. Парень-человек пытался развязать узлы, но ему не удавалось. Дварф держался за окровавленную голову, дварфа, причитая, прикладывала к ранам чистую тряпицу. Несколько существ разного пола, возраста и вида бестолково метались вокруг.

Чуть поодаль лежали двое — примечательная парочка и явно мертвая. Орк, скорее всего, чистокровный, но в одежде, которая напомнила мне былые времена: серая рубашка и черный жилет, из-под которого выглядывают ножны короткого меча. Самого меча нет, но правая рука сжата так, будто что-то держала. Наверное, хороший клинок был, раз налетчики не побрезговали. Такой телохранитель мог справиться с парой-тройкой обычных ворюг, но бандитов было больше, и это заправские головорезы. Наниматель орка лежал рядом, и видно было — не из простых. На нем дорогой сюртук, а на руке, которая вытянута в сторону, где задрался рукав, виден расстегнутый манжет — грабители сняли запонки, наверняка золотые, а может быть, с камнем.

Пришлось браться за дело. Лавронсо направилось к дварфской паре, лечить и расспрашивать. Мы с Бейлиром освободили связанных. Одну веревку я перерезала легко, с двумя другими, зачарованными, пришлось повозиться эльфу. Секирд говорила с остальными и помогала им прийти в себя и собрать уцелевшие вещи. Хитра… демоны! Где Хитра? Неужели побежала за бандитами? Вернется — хвост накручу так, что сидеть не сможет!

Картина вырисовывалась однозначная… почти. Нападавших было пятеро. Один ехал как пассажир, и на подъезде к повороту кинул в проход нечто, от чего все расчихались и раскашлялись. Сам, замотав лицо тряпкой, пробрался к дварфу-водителю, и приставив кинжал к горлу его жены заставил его свернуть. Впереди их уже ждали. Пассажиры повалили наружу, но не успели продышаться, как завязалась драка. Троих самых отчаянных быстро угомонили путами из артефактов, дварфа ударили по голове. Пассажиров ограбили, орка-охранника убили, а заодно прирезали его господина, выпотрошили багаж и ушли, прихватив все ценное, двух молодых женщин и человеческого парня, про которого полугоблин сказал, что смазливый, наверное, кому-то приглянулся. Напоследок шарахнули магией из артефакта по мобилю так, что тот стал заваливаться на бок. Хорошо, деревья близко стояли.

Опрос показал, что парня никто не знает. На вид ему чуть меньше тридцати, а может, уже и тридцать. Полугоблин был уверен, что в крови у того эльфы отметились, уж очень хорош сам по себе, и такие могут медленно стареть. Этот парень будто в ступор впал при нападении, сидел, вцепившись в саквояж, с саквояжем его и увели, угрожая кинжалом и огнестрелом. Женщин пару раз стукнули по лицу, накинули всем троим веревки на руки, и скрылись в чаще.

Я быстро собрала тех существ, кто мог хоть как-то напрячь мускулы, и вскоре мы поставили агрегат на все шесть колес. Дварф вести не мог, Лавронсо настоятельно рекомендовало ему полежать. Дварфа села за рычаги и призвала полугоблина из пассажиров, чтоб он помог ей вернуть мобиль на дорогу. Она приникла во всем внимании к зеркалу, в котором парень с зеленовато-оливковой кожей и редкой порослью волос махал руками, мол, чуть левее забирай, а теперь правее. Наконец, они выровняли мобиль, и поехали вперед.

Назад дварфа решила не возвращаться. Мобиль Ониксов пониже и поуже нашего, они проедут через лес и выйдут на тракт с другой стороны.

Когда оникс-мобиль отъехал, я зашипела в кусты:

— Хитра! Если сейчас не появишься…

— Тут я, тут, — девушка вышла, поправляя растрепавшиеся волосы. — Они уехали на лошадях, пятеро бандитов, две женщины и еще один непонятный. Не бандит, но мужчина, и очень боялся.

Я кивнула:

— Да, они захватили парня из пассажиров. Сколько коней?

— Шесть. Я проследила до селения, совсем маленькое, пять домов, тут в получасе есть. То есть, в получасе на моих четырех.

— Как нам быстрее будет, вернуться на Стрекозе к дороге, или пешком?

Хитра задумалась. Всех оборотней учат искать направление в лесу. Зверя иногда нужно выпускать погулять, иначе оборотень начинает болеть. А Хитра еще и в селе матери время проводила.

— Думаю, по дороге проедем, а там, если не будет отворота, я по лесу проведу.

Мы вернулись к Стрекозе, я сдала назад и вернулась на дорогу.

Бандитов было пятеро, лошадей шестеро, увели троих пассажиров, из них двух молодых женщин. Напрашивался вывод, что приходили они за парнем, а женщин прихватили точно так же, как и ограбили пассажиров — раз уж выпал случай, можно поживиться. Интересно, кто таков, и зачем он им?

— Что было бы, если бы мы не появились? — рассуждала я вслух. — Ножи у них забрали, но часа через два-три они развязали бы своих бугаев так или иначе, подняли бы мобиль на колеса и уехали бы. До города или крупного селения добрались бы… Бейлир, ты утром видел карту. Когда?

— К вечеру добрались бы. Но ради женщин городского сословия и вытряхнутых узлов ночью никто бы в Чернолесье не совался. Думаю, и теперь не сунутся, утра подождут. В таком лесу ночь быстрее настает.

— Селение, о котором говорит Хитра, на карте есть?

— Нет. Если для нее полчаса, значит, коню меньше, но на час-полтора вокруг ничего не обозначено. По карте вообще никаких селений в Чернолесье, ближайшее с краю прилепилось.

— Ага. Насколько я знаю провинциальных стражей, они покрутятся по лесу рядом с тропой и вернутся в город, отправлять запрос туда, откуда ехал оникс-мобиль, авось найдут имена пропавших. И в столицу напишут, чтоб им выслали гвардейский батальон для поисков банды. А тем временем бандиты пересидят на этом хуторе три-четыре дня, и поедут, куда хотели. Что же это за парень, и зачем он им нужен?

Глава 11

Мы еще немного проехали на мобиле и остановились на обочине там, где показала Хитра. Дварфо одолжило мне одну из своих туник. Секирд быстро заплела мне волосы в две косицы — авось сойду за дварфу, не в платье же воевать. Мы пошли пешком за лисой по заросшей колее через лес. Нечасто на хутор повозки ездят. Я взяла привычный короткий узкий меч и кинжалы. Бейлир повесил на пояс меч побольше, а за спину — лук со стрелами, Секирд несла топорик, а Левронсо замыкало наше шествие с мечами-бабочками за поясом. Убедившись, что мы идем, куда надо, Хитра побежала вперед.

Хутор был бедным, с нечиненными покосившимися халупами, которые слепо глядели на лес мутными стеклами, а кое-где и вовсе оконные проемы забиты досками. Бурьяна было больше, чем огородных посадок. Да, чужаки сюда вряд ли заглядывают, нечего им делать в такой нищете. А вот прятаться тут хорошо.

Засев в кустах совсем рядом с плетнем ближайшего дома мы дождались вынырнувшую из травы Хитры, которая тут же перекинулась в обличье человека.

— Женщин заперли в курятнике, — девушка быстро облизнулась. — Один из селян хотел к ним сунуться, но ему тот бандюган, что постарше, дал в ухо и сказал, что… кхм…

— Говори, как есть, а не как учили, — подтолкнула я бывшую княжну.

— Сказал, что бабы не про его немытую рожу, их в городе в господский веселый дом продадут. Парень сидит вон в том доме, ноги ему связали, саквояж раскрытый на столе. Оттуда вынули какие-то склянки с оранжевым, рассматривают и, кажется, очень довольны.

— Ясно. Благодарю, — потрепала я Хитру по плечу. — Теперь возвращайся к Стрекозе и жди нас рядом.

Хитра встала на четыре лапы и убежала в лес, а мы устроили небольшой совет.

— Женщин нужно вызволять, — высказала я очевидное. Возражений ни у кого не было. — С парнем непонятно, кто таков. Может, перевозит что-то незаконное, с чем нам тем более связываться не стоит. А может, чистый.

— Оранжевый, — пожевало губами Лавронсо. — Не помню ни ядов оранжевого цвета, ни веселящих зелий. Если это что-то незаконное, то разве что, подати не платят.

— Значит, парня с его саквояжем тоже прихватим.

— А бандитов порешим, — мрачно отозвалась Секирд.

— И правда, Гарни. У мобиля было двое убитых, и женщин захватили, — уголок рта эльфа чуть дрогнул. Сегодня мой напарник в боевом настроении.

Эльфы не бывают головорезами, это правда. Никто с заметной долей эльфийской крови не убьет невиновного. Но только невиновного. Жажда крови в моем спутнике меня порой пугала. Если нам долго попадались исключительно мирные поручения, он находил самую буйную таверну в городе, дожидался "веселья" и ломал пару-тройку рук.

Хороший командир знает, когда нужно возглавить, если не можешь пресечь, поэтому я решила:

— Думаю, Вавлионд вздохнет спокойнее без этой пятерки.

Мы обошли дома и заняли позиции. Бейлир весело подмигнул мне и пропел во весь голос неприличный куплет про селян. Хорошо, что Хитра ушла. Надеюсь, она успела далеко отойти. Секирд еще не то слышала в своих странствиях, а меня напарник давно перестал стесняться. Я ехидно подумала, что нужно напомнить ему это выступление, когда он придет

в "лирическое" настроение. В прошлый раз Бейлир-бард заломил брови и обвинил меня в неуместном потреблении семилистника, раз мне почудились подобные непристойности из его уст.

Из дома выглянул селянин и осмотрел двор. Я усмехнулась про себя — еще бы, через такие стекла едва землю от зелени отличишь.

— Ну что там? — послышался хриплый голос изнутри.

— А кто его знает. Может, Джош-дурак вернулся? Вродь, голос его, — мужик с сомнением осмотрел заросли.

Позади селянина мелькнул обладатель голоса в испачканной кровью рубахе и тут же упал со стрелой во лбу. Селянин присел, заверещал, поминая демонов час, когда связался с "городскими крысами" и уполз в дом. Изнутри послышались крики:

— Кто вы, что вам надо?

Мы молчали.

— Договоримся?

Мы молчали.

— Вы за железячником? Так он нам не надобен, можете забирать и проваливайте!

Железячник? Так на жаргоне малообразованных существ называются артефакторы. У меня заныло то место, которое предчувствует приключения, без коих мы вполне могли бы обойтись.

Я кивнула Бейлиру, и стрела разбила окно, вонзившись в верх оконного переплета.

— А-а! Не стреляйте! А ну пшел!

Дверь приоткрылась, и парень со связанными ногами и руками вылетел на землю. Он в ужасе оглянулся на убитого бандита и вжался в траву, прикрыв руками голову.

— Сейчас выйдут сзади и попробуют обойти с флангов. Секирд, поглядывай по сторонам, — шепнула я команде. Бейлира уже не было рядом.

Вскоре до меня донесся тихий чавк и короткий всхлип. Осталось трое.

— Лавронсо, стереги здесь, я к курятнику, Секирд, ты меня прикрываешь.

Короткими перебежками мы обогнули дом. Да, один из бандитов крался по огороду, в руках у него что-то блеснуло. Я покачала головой — вот до чего существ жадность доводит. Ему бы на коня, да прикрываясь деревьями рвануть отсюда, может, и ушел бы. Скрываться больше смысла не было, я метнулась к бандиту. Он еще успел принять стойку и замахнуться, но я парировала удар и всадила меч ему в бок.

Женщины вышли заплаканные, трясущиеся, но целые и невредимые, только перепачканные в помете испуганных куриц.

Бейлир возвращался с саквояжем.

— Еще один попытался через лес удрать, я его с коня снял. Пятого нигде не видно. Что с лошадьми делать будем?

Я пожала плечами:

— Селянская плата за рытье могил. Не с собой же их тащить. Только обыщем, может, что-нибудь важное найдем. Пойдем, заберем остальные бутылки, наверняка не все в саквояж закинуть успел, и поговорим с хозяином дома. Ах, да, нужно главный багаж не забыть.

* * *

Багаж сидел на земле и растирал руки. Его бежевый сюртук был порядком измазан в земле, но ни прорех, ни крови не было. Лавронсо ходило рядом, поигрывая мечами, которые ему так и не довелось пустить в дело.

Дверь селянин открыл сам и снова бухнулся на колени:

— Не губите! Небесными садами клянусь, хутор поджечь грозились!

Эти могли.

— Где еще один?

— Так нету его, сразу уехал. Взял какую-то штуку у этого… — он махнул головой на пленника, — и ускакал.

Мы с Лавронсо упаковали оставшиеся пузырьки в саквояж. Дварфо понюхало жидкость, вытекшую из разбитой склянки, и покачало головой. Похоже, зелье ему неизвестно. Ладно, разберемся.

Бейлир нежно объяснял селянину, что от него требуется: убитых закопать, коней через пару месяцев продать, седла лучше тоже закопать — для его же пользы, чтоб сообщники не опознали. Тот мелко кивал и все норовил снова упасть ниц. Напарник попытался вызнать у него, что за существа к нему пришли. Но толком ничего не добился. Пришли с пленниками, заняли дом, сказали, что заплатят, как пересидят день-другой-третий.

Обыскав чресседельные сумки, мы нашли с дюжину кошелей — видно, с пассажиров оникс-мобиля сняли. Но не обнаружили ничего, что указало бы, кто эти три человека и два смеска с орками. Ну и демоны с ними. Как парень в бежевом сюртуке придет в себя, побольше нам расскажет.

Монеты мы ссыпали в два кошеля и отдали женщинам.

Добравшись до Стрекозы мы напоили всех троих успокоительным отваром. Хитра вернулась человеком — не стоит никому видеть одинокую молодую лисицу без семьи. Убедившись, что все в сборе, я двинула мобиль в сторону тракта.

Секирд помогала женщинам привести себя в более-менее пристойный вид. Не получилось — с таким запахом их даже из обоза выставят. Пришлось быстро промывать им волосы и найти, во что переодеться. Одной я отдала моё городское платье, все равно нескоро понадобится, для другой нашлась старая юбка, а у ворчащего эльфа изъяли рубаху. Пару полотняных полотенец повязали на голову, будто платки, чтобы скрыть остатки запахов курятника. Секирд с Бейлиром пытались разговорить парня, но тот отвечал слишком тихо, чтобы я его слышала.

Когда мы выехали на тракт, оставалось еще часа три светлого дня, поэтому мы без опаски остановили дилижанс и посадили туда спасенных женщин. Пропустив транспорт вперед мы медленно двинулись на восток и свернули на первом же повороте, теряясь в очередном лесу.

Больше никуда ехать мы не собирались, пока не выясним, во что мы снова ввязались. Лавронсо с Секирд занялись ужином, Хитра вышла из мобиля человеком.

Когда вся компания была в сборе, мы вопросительно посмотрели на парня, и тот понял, что лучше заговорить самому. Приосанившись и отряхнув сюртук, будто ему это могло помочь, он сообщил всем сразу:

— Позвольте представиться: Лекс Лигатрик, доктор артефакторики.

Мы вытаращили глаза. На вид парню было лет двадцать, не больше, а то и меньше.

— С эльфийскими кровями, — первым догадался Бейлир.

— Осьмушка, — кивнул доктор. — От прадеда досталась. Вы, наверное, жаждете услышать, чем я заинтересовал бандитов. Уверяю вас, ничего противозаконного я не сотворил.

Я удрученно прикрыла глаза, поскольку давно заметила, что витиеватая речь

подталкивает Бейлира к смене настроения.

— Разумеется, нам весьма любопытно, что понадобилось от вас презренным негодяям. Вы, очевидно, в беде, и дабы мы нашли возможность вам помочь, откройте, не таясь, предназначение таинственного предмета, кой был выкраден пятым подлецом, — ответил ему Бейлир.

Я едва не застонала, но по ироническому прищуру глаз поняла, что мой напарник притворяется. Он перешел на возвышенную речь, чтобы доктор почувствовал себя среди своих и стал разговорчивей. Тот, действительно, слегка поклонился Бейлиру, признавая его старшинство в иерархии. Доктор непрост, тоже знает подход к существам.

— В моих мечтаниях я занимаюсь чистой наукой, провожу фундаментальные исследования свойств кристаллов и нахожу новые пути их применений. Увы, все, хоть сколько-нибудь заинтересованные в таковой работе, ищут прежде всего практического результата, и зачастую их интенции входят в противоречие с моим миропониманием. Мне удалось избежать внимания Короны. Я плачу ночному хозяину — увы и ах — дань простенькими целительскими артефактами для остановки крови и для пущей бодрости. К тому же хлеб на столе, крыша над головой и, главное, лаборатория и материалы для исследований потребовали от меня часть времени потратить на создание уникальных и ценных поэтому вещей.

Он замолчал.

— Друг мой, — добрым голосом произнес Бейлир, — неужели украденный артефакт обладал такими свойствами, чтобы некие злонамеренные личности наняли пятерых бандитов, дабы перехватить вас средь лесов и полей?

Доктор вздохнул.

— Я создал артефакт для наращивания костной ткани. Рядом с костью следует вколоть солис рудера — жидкость во флаконах, которую я везу в саквояже. Мне пришлось усовершенствовать зелье заживления для этих целей. Затем, после укола, следует воздействовать артефактом определенное время. Чем дольше, тем больше кости нарастет. Негодяй увез с собой несколько склянок и артефакт.

— Почему же таковое открытие держится в тайне? Сколько жизней можно было бы переменить, если отдать артефакт в умелые руки, — огласил эльф всеобщее удивление.

— Я делал артефакт по заказу определенных лиц для специфических целей. О, уверяю вас, ничего противозаконного, совершенно! Но ради конфиденциальности они держат свое дело в тайне. Разумеется, через год или два я мог бы повторить это изобретение для лекарей, но… — он вздохнул, — нет такого изобретения, которое нельзя было бы поставить на службу злу. В один несчастливый день меня посетили… м-м… затрудняюсь назвать род их занятий. Один из них отрекомендовался поверенным, но с двумя другими я не хотел бы столкнуться в сумерках. Они принялись выяснять, насколько прочную кость можно нарастить, на каких участках тела и каким расам. Из расспросов я сделал выводы, что некие нечистоплотные силы собираются превратить орков-воинов в нечто противоестественное, этакие механизмы убийства, и мой артефакт заинтересовал их как одна из возможностей. Я, разумеется, отказался. Полагаю, они решили взять без разрешения.

— Откуда они узнали про артефакт?

— Возможно, кто-то из заказчиков проявил ненужную откровенность.

— Мэтр Лигатрик, кто были ваши заказчики?

— М… Некие лекари, которые… — он быстро кинул взгляд на меня, — которые

помогают женщинам, недовольным своим экстерьером. Есть тайные практики, призванные улучшить внешность, к примеру, уменьшить слишком выдающийся нос или нарастить маленький подбородок.

Я усмехнулась, Хитра хихикнула, а вот Секирд показалась мне тревожаще задумчивой. Не дай небеса еще решит калечить себя в угоду мнению неразумного общества.

— Кроме того, — продолжил артефактор, — для начала я должен был заехать в одно место, где обитают мои коллеги, и доказать, что я достоин быть принятым в их круг, продемонстрировав работу артефакта. Это место хранят в секрете, поскольку… О… — он издал горлом невнятный звук и бросился внутрь мобиля. Оттуда послышался грохот, крики, и когда мы уже были готовы кинуться за ним вслед, мэтр появился с отчаянным взглядом, и пошатываясь, вцепился в свою шевелюру. — Карта! И заметки, как туда добраться! их нет! О-о-о…

Бейлир обнял его за плечи, довел до бревна, усадил и сунул в руки отвар.

— Если вы везли такие важные и секретные вещи, почему вы не воспользовались услугами охранников? — задала я вопрос, который не давал мне покоя в течение всего рассказа.

— Я не знал, кому можно верить, и полагал, что если мне удастся удержать поездку в тайне, я буду достаточно защищен.

— В гильдии порученцев есть достаточно проверенных лиц.

— О! полноте! недавно двое из гильдии ограбили королевский обоз, и… О нет! — доктор артефакторики перевел взгляд с меня на эльфа, и его бессознательное тело осело на траву.

Да, вблизи я совсем не похожа на дварфу, а стихотворное выступление Бейлира на хуторе сорвало завесу тайны с его настоящего пола, и артефактор сделал правильные выводы.

— Прискорбно, — покачал головой Бейлир.

— Нестрашно, скоро придет в себя.

— Милая подруга, я хотел сказать совсем другое. Если бы нам пришла идея воспользоваться старыми знакомствами в гильдии, мы будем не в состоянии позволить себе обратиться к ним за помощью. Гильдия порученцев, несомненно, обвиняет нас в потере репутации, и не могу сказать, что они так уж ошибаются.

Я пожала плечами. Обращаться ни к кому я не собиралась, но… Бейлир прав. И от гильдии нам придется держаться подальше.

Мы решили оставить артефактора отлежаться и стали устраивать лагерь для ночлега. Лавронсо с Бейлиром взялись за рычаги. Стрекоза заскрипела шестернями и роликами, нехотя раздвигая "крылья". Секирд занялась костром. Хитра, превратившись в лисичку, повела носом, ненадого перекинулась назад, чтоб объяснить Бейлиру, в какой стороне ручей, и снова махнула пушистым хвостом, исчезая в траве. Лавронсо собрало две скамьи у костра, достал масленку и разводной ключ, открыл в боку Стрекозы панель и принялось что-тот подкручивать, смазывать и ругаться на криворуких сборщиков.

Я вышла наружу, размяла затекшие конечности и присоединилась к Секирд, которая чистила овощи для похлебки. Вскоре Хитра явилась с зайцем, Бейлир с водой, и меня отогнали от костра отдыхать — мол, без меня работников хватит, а мне завтра снова за рычаги. Я растянулась на траве и уставилась на облака, которые постепенно наполнялись розово-оранжевыми закатными красками.

Я не хочу спасать мир. Я совершенно не предназначена для спасения мира. Но сведения королевским службам передать надо. Довезем артефактора до города, и пусть он сообщит властям о краже, а что делать с похищенными сведениями о некоем тайном месте, пусть решает сам.

Когда Бейлир отошел снова за водой, Хитра придвинулась к полуэльфийке.

— Секирд, а что такое… — он стрельнула глазами в мою сторону и прошептала что-то подруге на ухо.

Та настороженно глянула на меня и зашептала в ответ.

М-да, не успела Хитра далеко отойти от хутора во время "концерта" Бейлира. Ох и надеру я кому-то острые уши за выбор репертуара.

Но потом. Сейчас я имею право лежать на траве и смотреть на раскрашенное закатом небо.

Похлебка была готова, и прежде чем приводить в чувство артефактора, я объявила:

— Все помнят, что Хитра у нас мальчик по имени Хитр? Секирд, тебе тоже лучше оставаться парнем.

Возражений не было.

Глава 12

Мэтра привели в чувство, и Бейлир, ехидно улыбаясь, вывел его к костру. Тот сел с краю скамьи, настороженно поглядывая на всю компанию. Кажется, он был готов дать деру в ночной лес.

— Доктор Лигатрик, мы не грабили никаких обозов, тем более, королевских. Это преступление Тайная служба повесила на нас, чтоб прикрыть свои темные дела. Стали бы мы освобождать вас и женщин, если б были преступниками?

Все же доктор артефакторики — умный человек. Он на мгновение задумался и несмело кивнул:

— Да, возможно, я поторопился с выводами. Мне очень хотелось бы вам поверить.

— Уж постарайтесь. Когда мы доедем до города, вы можете заявить властям, и пусть они ловят бандитов с вашим артефактом.

— М… Я опасаюсь, что все будет не так просто. Дело в том, что… м…

Я мысленно застонала.

— Доктор Лигатрик, если все не так просто, значит, вам нужна наша помощь. Но мы не можем вам помочь, не обладая всеми сведениями.

Тот вздохнул и решился:

— У этого артефакта есть ключ-кристалл, без которого он работать не будет. И это ключ остался у меня.

Отогнув высокий стоячий воротничок сшитой по последней моде рубашки, Лигатрик вытянул тонкую цепочку, на которой болталась плоская прозрачная пластинка в обрамлении металлических деталей.

— К счастью, — продолжил он, — бандит был столь счастлив от удачи с делом, что не стал проверять артефакт на хуторе, а сразу уехал.

— Этот артефакт не будет эффективен в своем назначении или не сможет работать?

— Не сможет работать, — понуро ответил мэтр.

Я не собиралась искать похищенный артефакт, но похоже, что похищенный артефакт будет искать нас, верней, тот бандит, в чьем кармане он сейчас болтается. Я вздохнула:

— Значит, сейчас где-нибудь в таверне бандит выяснит, что артефакт не работает, и завтра с утра явится на хутор, где ему расскажут про нашу компанию. Что они про нас знают? Стрекозу мы на дороге оставляли. Они видели эльфа, дварфо… — я задумалась, кем считают меня.

— Про тебя у меня спросили, жена или кто, я сказало, что жена, — усмехнулось Лавронсо.

— Это хорошо. Значит, бандит будет искать семью дварфов и эльфа.

— И меня, — с несчастным видом сказал артефактор.

— И вас, — подтвердила я. — Есть ли у вас родные, друзья или знакомые в других землях? Может быть, ваш эльфийский предок все еще жив?

Артефактор покачал головой:

— Я не знаю его имени.

Мы все призадумались. Везти с нами эту приметную личность очень не хотелось, но бросить его означало обречь на мучительную смерть. Артефактора наверняка будут пытать, чтоб добыть как можно больше сведений, а потом убьют или возьмут в рабство, будут

держать в условиях хуже, чем скотину, и заставлять работать на бандитов.

— Дом Халцедона, — произнесло Лавронсо. — Они берут к себе даровитых чужаков и живут как раз в том углу Синих гор, что возле Вавлионда.

— Халцедон… — я пыталась вспомнить, что я о них слышала. — Кажется, это не самый сильный дом.

— Это один из низших, — усмехнулось Лавронсо, — потому и принимают безбородых. Эй, подельщик, поедешь к дварфам? Там тебе какие хошь кристаллы будут, коли покажешь, что в породах понимаешь. У дварфов тебя никто не достанет.

Безбородыми дварфы называли всех недварфов. Даже если человек не брился годами, и его растительности мог позавидовать любой горный житель, все равно — безбородый. Подельщиками для дварфов были все, кто не добился звания мастера — у дварфов, конечно же. Видно, артефактор знал о горном арго, и ничуть не обидевшись, задумался:

— Возможно, это было бы прекрасным выходом, но я не уверен, что смогу жить, не видя солнца.

— Пф… кто тебе такую дурость сказал, что дварфы наверх не ходят? Есть у нас места для гуляний. Халцедоны с Аметистами, Цитринами и Лазуритами долину делят. Коль понравишься, дадут тебе квартирку прям у выхода, может, даже с окошком наружу, у дварфов это так себе жилье считается. Я, как от своих Аметистов ушел, у Халцедонов осесть попытался, но не сложилось, слишком близко к моим. А тебе там хорошо будет.

— Да, вы правы, это вполне и вполне возможно. Вполне.

— Вот только ехать туда сколько, если на мобиле? — подала я голос.

— Если на мобиле, то не доехать, твоя таратайка по предгорьям не пройдет. Но туда и не надо. Доедем до Боулесина, а там есть Халцедонова община. От Боулесина до гор всего ничего, вот и обосновались, обозы водят, торгуют, из камня всякое режут, механичат помаленьку. Доставят нашего подельщика своим манером. Когда что ценное везут, на охрану не скупятся.

Я помнила дварфов-механиков по годам в Боулесине, и с мобилем я познакомилась в дварфской мастерской. Познакомилась и влюбилась в эти механические чудовища. Тогда я и представить не могла, что через несколько лет буду двигать рычаги внутри одного из них, да еще такого большого.

Вслед за воспоминаниями пришло осознание, что мне впервые за столько лет придется вернуться в Боулесин. Я поморщилась, и это не укрылось от Лавронсо и Бейлира, но мои умные компаньоны не стали ни о чем спрашивать.

— Если доктор Лигатрик согласен, мы едем в Боулесин, — кивнула я. — Секирд, будь добр, принеси карту.

Артефактор был согласен, и мы склонились над путаницей вавлиондских трактов и дорог, стараясь рассмотреть названия в свете костра.

— Кратчайший путь через столицу, но туда мы не поедем.

— Не поедем, — подтвердил Бейлир. — В нашем весьма непростом положении надобно выбирать дороги, поболее удаленные от престольного града.

Я прочертила пальцем путь, который покидал центральную провинцию, спускался к югу и сельскими дорогами в окружную подбирался к баронству Боулес. От взгляда на надпись меня все еще дергало внутри. Я столько лет старалась держаться от этого уголка королевства подальше, но у судьбы странные шутки.

— Около недели, — Лавронсо взъерошило пух на подбородке. — Получится?

Я пожала плечами:

— Или получится, или нет. Завтра с утра разложим по кошелям деньги, и всем держать монеты и документы ночью рядом, днем при себе. Если начнется заварушка, уходите кто куда может. Хитр, Секирд, в пекло не суйтесь. За нами теперь охота с двух сторон.

— Как же я без вас… — Хитра смотрела на меня несчастными глазами.

— Пока на свободе, есть шансы.

— Да, дети, — кивнул Лавронсо, — ежели что, уходите.

Секирд поджала губы, но ничего не сказала.

— Ты тоже, — повернулась я к нему.

— Я? — вскинулось дварфо.

— Ты, ты. Тебе за нас отвечать незачем. Если что серьезное, лучше за детьми присмотришь, чем зря геройствовать.

Дварфо что-то проворчало, но Секирд успокаивающе тронула его за плечо.

Артефактор нервно забегал пальцами, поглядывая на дорогу, но понял, что с нами все же безопаснее, чем без нас.

— Доктор Лигатрик, полагаю, излишне упоминать, что до Боулесина вы не показываетесь на виду. Я сомневаюсь, что бандит привлечет к вашим поискам серьезные силы, и скорее всего, он не станет докладывать нанимателям, что так опростоволосился, но по своим коллегам пустит сведения, и к чужакам, подходящим под ваше описание, станут присматриваться.

Доктор испуганно и удрученно кивнул.

Улучив минуту, я шепнула Хитре, что ей теперь придется спать в человеческом обличьи. Бейлир отправил ее на свою лежанку, как она ни упиралась, а сам устроился снаружи, завернувшись в плотные одеяла и повесив полог. Лавронсо, не желая ударить в грязь бородой перед лицом эльфа, присоединилось к нему, разложив одеяло рядом.

Я сама еще посидела у костра, прикидывая наш путь по карте. Нам придется проехать через Лусмеин — среднего размера город. В той местности обширные болота, и я не уверена, что помимо тракта есть другие дороги, безопасные для такого крупного мобиля, как Стрекоза. Два дня мы будем катить по тракту. Ох, чую, ждут нас приключения.

Когда-то я удивлялась, почему город поставили в таком странном месте. Нимнадил объяснил, что времена тогда были неспокойные, и болота с двух сторон охраняли город даже лучше стен. Расти только было некуда, город какое-то время вытягивался вдоль тракта, и остался небольшим, хотя и главным для этих мест.

Я встала и собиралась пойти спать, как из Стрекозы появилась Секирд и махнула мне головой куда-то в сторону. Вид у нее был мрачнее обычного.

— Гарни, у нас неприятности.

— М?

Я подавила в себе очевидное ехидство, мол, будто до сей минуты у нас была тихая и спокойная жизнь. Несмотря на взрослый возраст, Секирд обладала неуверенностью и ранимостью подростка, и я не хотела зря царапать самолюбие девушки.

— Вчера был дождь, а теперь, судя по всему, не будет еще пару дней. Мы ставили Стрекозу на обочину у леса.

Я тихо застонала, прикрыв глаза. Как мы могли быть так неосторожны? Мы прятали следы стоянок, но когда мы выбрались с хутора, так торопились убраться, что забыли о бороздах, которые оставляет мобиль на мягкой земле. Бандиты будут присматриваться к

карет-мобилям и дом-мобилям. Дуо-мобили меньше, их колеса поуже. Мобили на тракте встречаются, но не так много, чтоб нельзя было обратить внимание на каждый.

— Спасибо, Секирд. Убираемся отсюда, как только покажется солнце, и ехать придется быстро.

Мы подошли к Лавронсо и Бейлиру, которые еще не успели уснуть, и я рассказала им про соображения Секирд. Быстро разделили ночь на три части — кто-то должен остаться в карауле. Охранного контура может быть мало.

Мы затеряемся в лесах, но Лусмеин придется проезжать по дороге. Уже на лежанке в Стрекозе я раздумывала, какой план безопаснее. Ехать медленнее по лесам и полям? Там нас не увидят королевские стражи, но если бандит сообразит, в какую сторону мы подались, он сможет нагнать нас в Лусмеине. Медленно и в окружную мы приедем примерно тогда же, когда и всадник. Ехать напрямую? Есть шанс нарваться на стражей. Мы сейчас в центральной провинции. Правда, наша компания никак не напоминает эльфа и человечку-порученца, если только не узнают, кто за рулем. У меня сложился план, и я, наконец, смогла уснуть.

Глава 13

Мы двинулись, едва солнце приподняло край над горизонтом. Хитру не стали будить, Секирд уговорили занять мое место на лежанке и еще поспать. Обеих пристегнули ремнями, чтоб не свалились. Бейлира в виде Берлиэль я усадила рядом на пассажирское сиденье, объяснив ему идею. Лавронсо вытащило складную скамейку и устроилось возле нас в передней части мобиля, подложив свернутое в несколько раз одеяло. Артефактора переложили на подстилку между лежанками, и он снова уснул. Мне Лавронсо разрешило выпить только слабый бодрящий отвар без магии и настояло, что не позже чем через четыре часа мы остановимся.

Ехали мы по тракту никуда не сворачивая. Вокруг тянулось море зеленеющей ржи, кое-где тронутое спелой желтизной. Густые леса остались позади, лишь редкие полоски лип и осин высились строем поперек полей.

Пока я двигала рычагами, перед глазами снова вставала карта, а в голове щелкали шестеренки часов. По моим расчетам завтра около полудня мы должны проскочить Лусмеин, ближе к вечеру выехать из болотного края, и тогда можно возвращаться на селянские дороги. Обгоняя вереницу повозок, я снова и снова прокручивала возможности избежать столкновения. Будь мы вдвоем с Бейлиром, я бы не волновалась — еще и не с таким справлялись. Заманили бы бандитов в ловушку и перерезали тихо. Лавронсо тоже не выглядело новичком в потасовках. Про Секирд у меня было меньше уверенности. Но с Хитрой и артефактором на руках нам и вовсе нельзя ввязываться в бой.

Сейчас бандит, должно быть, уже на пути к лесному хутору. Селяне укажут, в какую сторону мы ушли, и если он не дурак, то найдет следы. Лесная дорога шла с севера на юг, тракт — с северо-запада на юго-восток. Очевидно, что искать нас надо к югу — назад на север нам возвращаться резона нет. Мы бы запутали следы, но северо-западная часть тракта проходит слишком близко к столице. Так что, нам и правда, только на юг.

Теперь главное — оторваться побольше. Дом-мобиль быстрее лошади. На ночь придется вставать не рядом с трактом, а проехав в сторону по дороге, где наши следы не станут приметными. Если ничего не случится, мы проскочим Лусмеин и затеряемся до того, как бандит соберет подельников и доберется до нас.

Около полудня я потянулась к бодрящему зелью, но Лавронсо заорало не хуже госпожи Билоп, преподавательницы “Лазурной волны”, когда я в отместку за опрокинутый мне на юбку клюквенный сок подлила зеленые чернила в баночку с мылом одной мерзкой аристократки. Девица с утра отправилась в лазарет, поскольку показываться на глаза с кожей вида "орчанка без примесей" ни за что не желала, а я два часа выслушивала нравоучения высокой тональности и невыносимой громкости. Возможно, не будь этого опыта, я бы ответила Лавронсо что-нибудь резкое и выпила зелье, но услышав знакомые интонации, я с удивлением обнаружила, что руки сами собой повернули рычаги и направили Стрекозу на обочину.

— Час сна! — постановило Лавронсо учительским голосом. И где только научилось.

— Четверть часа! — я все-таки сделала над собой усилие в противостоянии.

Сошлись на получасе. Лавронсо тем же тоном заставило всех замолчать, я подремала и снова села за рычаги. Здесь, конечно, останутся следы на пустой, незасеянной земле, но мало ли, какая семья на мобиле могла отдыхать.

Едва я отъехала, как встречный отряд стражей замахал нам, сгоняя в сторону. Мы законопослушно прижались к краю дороги. Уже менее послушно мы с Лавронсо быстро поменялись местами. Дварфо за рычагами, рядом с ним в кресле эльфийка, на низкой скамеечке женщина не то из бедных ремесленников, не то из селян — не понять. Но судя по тому, что сидит у ног, явно в услужении. Артефактор углубился в бумаги на сидении, парень-орк и сельский мальчишка-человек напротив него сидят, шушукаются.

Оглядев эту картину я удовлетворенно кивнула и сделала знак Секирд. Она приподнялась и толкнула дверь. Дварфо с Бейлиром развернули кресла внутрь мобиля, чтоб встретить опасность лицом к лицу. Спешившийся страж заглянул внутрь.

— Кто такие? Куда едете? Бумаги есть?

— В приморские края едем. Там, говорят, заработать можно, — солидно ответило дварфо. — Попутчиков прихватили, кристаллы дешевле выйдут. А баба, — дварфо кивнуло на меня, — за прислугу сойдет.

Лавронсо от стражей скрывать было нечего, и оно достало документ. Мэтр и Секирд сделали то же самое. Увидев по бумагам, что орк на самом деле полуорчанка, страж удивился, но, к счастью, вслух ничего не произнес.

— У пацана, конечно, бумаг нет?

— Откуда? — пожала плечами Секирд. — Подобрали сироту, будет на подхвате, потом пристроим куда.

— А ты, тетка?

— Селянские мы, бумаг не справили. Сын помер, невестка выгнала, так я в услужение подалась, — состроила я жалостливое лицо.

Среди стражей много парней из сел, таких историй они знают пруд пруди. По мне лишь мазнули взглядом с долей сочувствия и обернулись к Бейлиру. И тут было слабое место нашего плана. Документ Бейлира показывать было нельзя, чтоб не возбуждать подозрений. Эльф, мобиль, человеческая женщина… не стоит наводить стражей на ненужные мысли.

"Берлиэль" поддернула вверх бровь и приправив возмущение нотами начинающегося скандала осведомилась:

— С каких это пор от высокородных детей лесов ожидаются свидетельства беспорочности?

— Э… — лейтенант задумался. — Откуда мы вообще знаем, может, вы и не эльфийка вовсе, а притворяетесь.

Я закаменела. Небеса, прошу вас, не дайте лейтенанту сказать что-нибудь про эльфийские уши или тем паче потребовать проверить их натуральность. Надеюсь, мой напарник все же сможет удержать себя в руках, даже если этот безголовый вояка тронет его гордость. То есть, схватит за кончик уха.

Но Бейлир поступил иначе. "Эльфийка" приняла томную позу и пропела гамму от низких нот драматического контральто, заставивших вибрировать пол под ногами, до верхних звуков сопрано, от которых стражей вынесло из мобиля. Не рискуя приближаться к голосистой эльфийке лейтенант махнул рукой, мол, езжайте, и Секирд поторопилась закрыть дверь. Мы с Лавронсо быстро поменялись местами, и я повела Стрекозу дальше по тракту.

— Друг мой, — начала я, ехидно улыбаясь. — Чего еще я о тебе не знаю?

"Бейлиэль" дернула ртом и осведомилась у потолка:

— Полагаю, достопочтенная публика не осмелится возражать, если я продолжу

певческие экзерсисы?

— Бейлир, это низко, — зашипела я.

— А впрочем… прошу прощения, но нет вдохновения, — осклабившись, закончил мой негодный напарник и откинулся на спинку кресла.

Похоже, он и впрямь начал впадать в лирическое настроение, и судя по помахиванию руки и шевелению губ, что-то сочинял.

Что ж, пожалуй, пока мы можем оставаться на тракте и дальше.

Вечером мы переехали по мосту через речку и свернули на дорогу, которая вела между полей к гряде леса на горизонте. Тракт уже начал пустеть, за последние четверть часа мы только пару конных обогнали, да две селянские повозки ехали навстречу. Возница проводил нас взглядом на повороте, видимо, раздумывал, а не заночевать ли рядом с нами, но проехал дальше — и хорошо.

До Лусмеина оставалось два часа.

Идея остановиться недалеко от реки пришлась по душе всем. Меня снова отправили отдыхать, и я постелила одеяло на траву, вытянув затекшие ноги. Мои спутники тем временем развели костер и занялись ужином. Артефактора приставили к чистке овощей. Пока костер разгорался, Бейлир с Лавронсо решили размяться на ножах, Секирд с Хитрой быстро окунулись в реку, принесли воды и запросились искупаться подольше.

— Уже темнеет, утром сходите, — не открывая глаз решила я и заснула.

Меня разбудили, когда была готова похлебка. Приняв из рук Секирд полную плошку я прислушалась к разговору артефактора и Хитры. Бывшая княжна задавала вопросы, которые странно звучали из уст сельского мальчишки. Мэтр это заметил:

— Хитр, у меня возникают сомнения, что вас воспитывали обыкновенные селяне.

Пока Хитра не ухудшила положение, я вмешалась:

— Мэтр Лигатрик, надеюсь, вы понимаете, что в такой компании, как наша, у каждого есть тайны, и мы привыкли уважать секреты друг друга.

Артефактор понял намек и продолжил рассказывать Хитре про свойства разных видов кварца в сочетании с благородными металлами. У меня закралось нехорошее подозрение, что Хитре не так интересен рассказ, как рассказчик.

Ночное дежурство снова распределили между Секирд, Бейлиром и Лавронсо — именно в таком порядке. Я знала, что могу положиться на этих троих, поэтому отправилась спать одной из первых. Завтра мне придется вести много часов подряд, чтоб проскочить Лусмеин и выехать из болотного края не останавливаясь.

* * *

Я знала, что ребенок где-то здесь. При пожаре дети прячутся под кровать или под стол, но в комнате не было ни кровати, ни стола. В комнате совсем ничего не было. Глубоко вдохнув я ринулась в клубы дыма и стала шарить по полу, надеясь наткнуться на маленькое тельце. Наверняка ребенок уже наглотался дыма и потерял сознание, но это ничего, недалеко живет лекарь, обладающий хорошим даром, он приведет ребенка в чувство и избавит от проникших внутрь ядов. Но где же мальчишка, где? Над головой раздался треск, и я посмотрела наверх как раз, чтобы увидеть, как рушится горящий потолок.

Из кошмара я вынырнула резко, хватая воздух ртом, все еще не осознавая, где я. Сбившаяся простынь, одеяло на полу, подушка… потом найду. Все как обычно.

Я старалась унять колотящееся сердце, подставляя разгоряченное лицо под ветерок из окна.

На самом деле всё прошло не так. Да, узнав заказ, мы допустили слабину. Обычно мы не работаем с незнакомыми. Нужно очень хорошо знать существо, чтоб быть уверенными — не подведет. В тот раз заказчик настоял, чтобы с нами пошел его охранник. Мы бы отказались от заказа, но письмо похитителей не оставляло толкований: или продаешь фабрику и переводишь нам все деньги, или пришлем ребенка по частям. У несчастного отца достало сил сообразить: если бы у него потребовали только сбережения, то дитя могли бы вернуть живым — зачем портить хорошую кормушку? Через годик можно еще раз наведаться и уже не похищать ребенка, а всего-лишь намекнуть, и новую порцию гольденов отдадут без промедлений. Но шантажистам нужно всё. Это значит, что заложника живым не вернут. Незачем рисковать.

Мы согласились взять заказ и согласились на условия. Бейлир позже стенал о недогадливости: могли бы уложить охранника “поспать” по дороге и сделать всё сами. Увы, до такой простой вещи мы не додумались. Разумеется, охранник нашумел и встревожил шантажистов. Разумеется, те попытались сначала подраться с нами, а потом сбежать, уничтожив все следы. Бейлир вогнал стрелу в огневой артефакт, но в доме был второй. Здание загорелось лишь с одной стороны, и это дало нам время. Бейлир проверял первый этаж, я побежала наверх, вытащила мальчика из-под кровати, привязала к себе какой-то тряпкой и вылезла в окно — путь к лестнице был отрезан огнем. Все закончилось благополучно, но иногда мне снится сон про комнату, полную дыма, и рухнувший потолок.

И что самое неприятное, этот сон с пожаром всегда означает: что-то пошло не так, но мы об этом еще не знаем.

Бейлир всегда крепко спал. Вот и сейчас он тихо сопел напротив меня. Ни Хитры, ни Секирд не было. Натянув штаны я выглянула из мобиля. Небо серело перед рассветом, и я сумела разглядеть Лавронсо на бревне у еле тлеющего костра.

— Где девочки? — шепотом спросила я.

— Пошли на речку. Не боись, они вдвоем, а Секирд девка неслабая.

На что мог указывать сон? Пожалуй, мне лучше присоединиться к купальщицам.

— Лавронсо, я прогуляюсь к ним, посижу рядом. В какую сторону они пошли?

— Туда, — махнуло рукой дварфо наискосок через лес. — Но ты не кипиши, пусть девки побрызгаются без твоего занудства. Иди поспи еще.

Я неуверенно потопталась. С одной стороны, я привыкла доверять чутью, а беспокойство не отпускало. Но с другой, может, и правда, я дергаюсь на пустом месте.

Вернувшись внутрь я не стала раздеваться, легла как есть. Утром тоже схожу на реку, тогда и сменю одежду на чистую. Это будет последняя перемена, надо бы постирать грязное. С этой мыслью я снова провалилась в дрему, откуда меня выдернул сигнал тревоги от охранного контура.

Приоткрыв дверцу мобиля я обнаружила Лавронсо с расплывающимся пятном крови на тунике. Он удивленно смотрел на метательный клинок в своей руке, и выронив его на траву, потерял сознание. Судя по положению, рана не должна быть смертельной, но требует внимания.

На фоне светлеющего неба четко прорисовались три фигуры. Они стояли за пределами охранного контура, который ударил бы нарушителя магией, но ножу контур не помеха. Над моей головой высунулся конец стрелы, но выстрелить Бейлир не успел — в нашу сторону полетела одежда: рубаха Хитры и жилет Секирд. Бандит заговорил:

— Девки у нас, так шта, не дурите. — Он присмотрелся. — Дварф, баба какая-то и

остроух. Это вы на хуторе наших порешили? — и сам себе ответил: — Вы, вы. Железячника сюда, и можете валить, даж девок отдадим.

Нужно быть очень наивным человеком, чтоб в это поверить. С эльфом они, может, и не станут связываться, но Хитру и Секирд нам никто не вернет. Но странно, бандит ни словом не обмолвился о том, что Хитра — оборотень, а первое, что сделала бы наша лисичка, попав в их руки — отрастила бы хвост и попыталась удрать. И Секирд бы не далась так просто. Меня взяли сомнения, что девушки у них, но наши подруги явно во что-то влипли.

— Как вы нас нашли?

— Мужик на селянской таратайке видел, как мобиль сюда свернул, — бандит явно наслаждался превосходством, мол, такую компанию обставить смог. — А мы все мобили прощупываем.

— И как успели… — я голосом передала растерянность.

Бандит купился:

— Не у вас одних мобили имеются. Хватит языком трепать, ведите железячника.

В дуо они не поместились бы, на дом-мобиле не догнали бы. Значит, где-то тут карет-мобиль. Вот что меня насторожило, когда ушли девушки! Сквозь сон я расслышала стрекот магротора, но не распознала вовремя! Ладно, некогда убиваться. Есть более важные дела.

— Наискосок вперед через лес. В шесть вечера у ратуши Лусмеина, — проговорила я так, чтоб услышал только Бейлир.

Стрела сорвалась, и не успело тело бандита осесть, как Бейлир уже летел в сторону второго. Оставив недругов на напарника, я бросилась к Лавронсо. В дверном проеме мелькнуло бледное лицо артефактора, но я рыкнула:

— Назад! Не высовываться! — и он исчез.

Лавронсо было тяжелое, но отчаяние придало мне силы. Я подхватила дварфо за подмышки и поволокла внутрь. Бандиты валялись на траве без признаков жизни, а Бейлир уже исчез в лесу в том направлении, которое я обозначила. Ждать, чем закончится его вылазка, было нельзя. Погоня могла затянуться надолго, а дварфо нужна помощь немедленно.

Я поручила Лавронсо артефактору, наказав прижать чистую тряпицу из лекарского короба к ране, а сама села за рычаги. Я могу гнать изо всех сил до Лусмеина, выжимая больше магии из кристаллов, но лучше бы найти лекаря поближе. Есть ли по пути крупные селения, я не помнила, иначе назначила бы встречу с Бейлиром там. Но быстро и коротко можно было указать только на Лусмеин, и на то, что есть в любом городе такого размера — ратушу. Если не доберемся к этому вечеру, то к следующему точно.

Через четверть часа показалась россыпь домов по обе стороны тракта. Я остановилась у ближайшего постоялого двора, быстро напялила платье и скинула штаны. Спрятав растрепанную косу под чепец, я выскочила наружу, дотронулась до запирающего артефакта, прошептала ключ-слова и побежала к воротам. Разумеется, они были заперты, я забарабанила по доскам, и уже примерялась перелезть, как услышала голос:

— Кого там с утра принесло?

— Мой хозяин помирает, бандиты его ножом пырнули! Лекарь очень нужен! — запричитала я.

Со двора послышались крики и стук. Понятно, что при упоминании бандитов держатели двора соберут кого покрепче, прежде чем открывать ворота. Наконец, створка приоткрылась, явив мне помятого мужика непонятных кровей с огромным ножом. Оглядев меня и

стрельнув глазами по сторонам, он открыл ворота пошире:

— Какой это хозяин?

— Да в мобиле! Он мобиль водит! Доехал и сомлел! — Я махнула рукой в сторону Стрекозы. — Где у вас тут лекарь?

Если нас в чем-то заподозрят, выяснять будем потом. Сейчас главное спасти Лавронсо. Дварфы крепче людей, но с такой раной и они не могут ждать долго.

Мужик оглядел меня с ног до головы, поскреб в затылке и, наконец, махнул рукой вдоль улицы.

— Как дойдешь до дома с синим окном, беги направо. Там будет лечебница, у нее вывеска зеленая с красной каплей.

Я кивнула в знак благодарности и побежала по улице.

Давно я так быстро не бегала. Эх, мало тренируюсь, надо больше разминаться по утрам. Вскоре я колотила в нужную дверь. У лечебницы была своя подвода, и лекарь отослал двух помощников привезти раненого.

Побоявшись оставлять артефактора надолго одного в Стрекозе, про которую уже знают бандиты, я приказала мэтру завернуться в плащ и ехать вместе с нами. Пусть не в привычках Бейлира упускать бандитов, но рисковать не хотелось.

Лекарь тут же перенес Лавронсо в операционную, и меня выставили вон, наказав приходить через час.

Мы вернулись в Стрекозу, я привела себя в порядок, переплела волосы и уложила под чепец, который на этот раз завязала на аккуратный бантик.

Артефактору я посоветовала скинуть сюртук — здесь и в рубахе можно ходить, но тот скривился. Ладно, пусть выделяется в придорожной таверне, если жить не хочет. Я не собиралась показывать его публике, все-таки Лигатрика ищут, но после утренней поездки к лекарю он решил, что выходить вполне безопасно, и пожелал поесть, как он выразился, хоть и за селянским, но настоящим столом.

Понадеявшись, что в этом селении отыщется маг, который может заряжать кристаллы, я кинула в мешок пустой комплект. У Стрекозы еще был запас хода, и полные кристаллы у меня имелись, но раз уж мы тут застряли, нужно пользоваться случаем.

Мы устроились в таверне на постоялом дворе, возле которого я остановила Стрекозу. Там мы узнали, что селение называется Боргезин, что до Лусмеина других больших селений нет, и в сторону лучше не съезжать, кругом болота.

Я старалась спокойно дышать, обводя взглядом зал. За парой столиков сидели сонные местные ремесленники. Сверху по лестнице спустились просыпающиеся постояльцы. Мутное окно ловило лучи солнца и пропускало внутрь рассеянный свет. Вид размеренной жизни селения подействовал на меня противоположным образом, будто всё вокруг кричало "ты не наша, уходи отсюда!" Я чувствовала себя чужой в мире, где не нужно спешить, прятаться, чутко следить за тем, что меня окружает, опасаться стрелы, ножа и меча, чужих ушей и недобрых глаз.

Мои невеселые размышления прервал стук плошки о столешницу.

Отдав должное каше с яблоками и грушами, я дождалась, пока мэтр расправится с начиненным грибами и сыром омлетом. Мы вместе зашли к магу, я забросила в Стрекозу заряженные кристаллы, и мы вновь двинулись к лечебнице.

Дварфо спало. Нам продемонстрировали зашитого и перебинтованного пациента, убедили, что его жизнь вне опасности, и лечебница у них приличная, пациентов не

обворуют. Лавронсо придется остаться тут на три или четыре дня. Я заплатила лекарю за самое лучшее лечение и поняла, что придется снимать комнату над таверной.

Мы начали сговариваться с хозяином, когда дверь распахнулась, и в таверну ввалилось четверо стражей. Один из них, лысый и гладко выбритый лейтенант с яростным взглядом, ткнул пальцем в нашу сторону:

— Вот они, попались, голубчики. Это он, это тот, кто бандитов на оникс-мобиль навел, а потом уехал вместе награбленное делить! И баба с ним, небось, заодно. Тоже из тех, кого с мобиля сняли? Подружку продала, а сама переоделась, думала, не узнает никто? Взять их.

Мэтр пытался сопротивляться, но его пихнули кулаком в бок, и он присмирел. Я возмущалась, что я честная женщина, никаких бандитов не знаю, но на стражей это не произвело впечатления. Артефактор вышел с достоинством, я же продолжала верещать и обсыпать стражей простонародными ругательствами.

— Чтоб тебе повылазило! Чтоб тебя чирьи заели!

Лейтенант грубо схватил меня за плечо:

— Открывай мобиль, обыскивать будем.

— Так не мой мобиль, мобиль не мой, хозяина моего, а нету его тут, заболел он!

— Врешь небось. Открывай!

— Да откуда ж мне знать, как его открывать? Я баба простая.

— Хозяин, не хозяин, а мобиль ей и правда не открыть, — усмехнулся другой страж. — Вы, господин офицер, из городских, небось, из столичных? У вас там, говорят, бабы мобили водят, а у нас тут никто этим курицам такую штуку не доверит. Ничего, потом за хозяином его вернемся. Эй, баба, кто твой хозяин?

Я промолчала, пытаясь сообразить, что ему ответить.

— Да дварф какой-то приехал и тут же — оп! упал! — отозвался один из зевак.

— Дварфов среди бандитов не было, — сказал тот страж, что рассуждал про "куриц". — Пусть лечится, а этих в Лусмеин свезти надо.

Лейтенанту это не понравилось. Если он столичный, он бы нас сразу в столицу отвез, а это плохо. Там могут сообразить и показать меня клиентам госпожи Раеналд, гильдейцам или конторам типа той, где работает Фасталк. Или нарисовать настоящий портрет и разослать его по городам, где я бывала. И тогда я закончу жизнь в пыточном подвале. Хорошо, если Хитра успеет сбежать, пока меня ломать будут. Ломать в подвалах тайной службы умеют.

Но лейтенант посмотрел на стражей и махнул рукой:

— Лады, в Лусмеин, а там разберемся.

Это хорошо. Из Лусмеина есть шансы сбежать. И очень хорошо, что наш разговор слышат зеваки. Бейлир уже научился вызнавать сведения у разговорчивых существ.

Глава 14

Нам связали руки и ноги, сняли кошель с моего пояса, а у мэтра вынули деньги из кармана сюртука. К счастью, артефактор взял с собой только немного монет. Опасаясь воров в таверне, документы и кошель он оставил в Стрекозе. Нас посадили в повозку и повезли по тракту. Судя по голосам, сопровождал нас тот же отряд, и бритый лейтенант был с ними. Это неудивительно, он славу поимки "разбойников" никому не отдаст.

— Госпожа Цинтия, мне кажется, я несколько… м… возможно у меня в голове все смешалось, — неуверенно проговорил Лигатрик.

— Вы что-то заметили? — насторожилась я.

— Голос лейтенанта. Я будто слышал его раньше, но в таких обстоятельствах…

Если б у меня не были связаны руки, я бы хлопнула себя по лбу.

— Представьте его с волосами и, думаю, с бородой.

Я услышала облегченный вздох, а затем стон:

— О-о… это тот самый бандит, что уехал с хутора до вашего появления!

— Тише! — зашипела я. — Ни слова больше. Я случайная попутчица, а вы сбежали от бандитов, и ни звука, что вы его узнали. Ключ по-прежнему у вас на шее?

— Да.

Артефактор носил рубаху с высоким воротником и повязывал шейный платок, как положено у аристократов и тех, кто пытается доказать, что ничем не хуже. Значит, пока его не будут полностью обыскивать, ключ не найдут.

— Теперь слушайте меня внимательно. Выдумайте что угодно, но не называйтесь ни артефактором, ни настоящим именем. Давайте назовем вас владельцем механической мастерской.

Лигатрик ответил мне стоном. Больше мы не разговаривали, зато стражи решили скоротать дорогу болтовней. Ехать им приходилось медленно, и я слышала, как они ворчат, что в Лусмеин привезли уже три карет-мобиля для стражей, но водят их пока только избранные, а рядовым стражам не дают, вот и приходится тащиться рядом с селянской повозкой. Но ничего, ничего, скоро лошадей на мобили будут менять, точно-точно. Вон курьеры некоторые уже на дуо-мобилях рассекают, им даже в города заезжать можно, если по делу.

То, что магтехника завоевывает свое место в Вавлионде, меня, конечно, радовало, но я очень надеялась, что нам удастся выпутаться из неприятностей до окончательной победы магроторов над лошадиной силой. Сейчас мобиль был нашим преимуществом.

Мы пару раз останавливались по дороге, чтоб стражи размяли ноги, и нас сводили в кустики. Воплями и возмущением я заставляла стражей отвернуться, но за это мне накидывали веревку на шею, мол, никуда не денешься. Без Лигатрика я и правда никуда не денусь.

До Лусмеина нас довезли, когда стемнело. Вытолкав из повозки у городской тюрьмы, нам распутали ноги, и под любопытными взглядами зевак провели внутрь. Я старалась идти, опустив голову и заслоняя лицо выбивающимися прядями. Лигатрик, напротив, шел с гордо поднятой головой, поглядывая на окружающих свысока.

Стражи записали наши имена. По счастью, Лигатрик внял моим увещеваниям, и назвался фальшивым. Не желая возиться, нас кинули в одну небольшую камеру и ушли,

пообещав разбираться с нами утром. Освободиться от веревок было делом четверти часа — грубая металлическая скамья хорошо для этого подходила. Веревки я снимала осторожно, чтоб можно было накинуть их назад и сделать вид, что мы все еще связаны.

— Если я что-то понимаю в этой жизни, лысый офицер придет выбивать из вас ключ. Надеюсь, он терпелив и даст нам выспаться.

— Спать? Здесь?!

Я устроилась на скамье и откинулась на стену.

— Предпочитаете у мусорной кучи рядом с бездомными или в злачном месте среди городского отребья?

Артефактор, потеряв самообладание, сполз по стене, стукнулся пару раз затылком о неровный камень, и следующие четверть часа я слышала вопли вперемешку со стонами о его ужасной судьбе, пока голос артефактора не стал взвиваться свыше всякой меры. Из соседней камеры заорали, пообещав засунуть ему неприличные части тела в глотку, если он не заткнется, и мэтр перестал страдать вслух, лишь тихо всхлипывал. Тишина позволила мне вовремя расслышать шаги по коридору.

Я быстро накинула веревку нам на руки. Терпением бандит не отличался, а возможно, над ним нависли ужасные кары, если не привезет работающий артефакт.

Загремели ключи, дверь распахнулась, и лысый "офицер" вразвалочку вошел в камеру, поигрывая кинжалом. Чтоб не привлекать внимание других заключенных, а может, для пущей острастки, он прикрыл за собой дверь, хитро сощурился и зашипел:

— Ты, тля заумная, что со своей штуковиной сделал? Ща топаешь за мной ровненько. Бабу им оставим, пускай допрашивают. — Он поиграл кинжалом, — давай, подымайся.

В бытность мою порученцем не одного и не двух бандитов я поймала на мнении, что в паре из человечки-женщины и эльфа-мужчины опасным может быть только второй. Вот и лысый бандит не обращал на меня никакого внимания, неосторожно повернувшись боком.

Его беспамятное тело я мягко опустила на пол и быстро обшарила карманы. В одном из них нашелся некий странный предмет из кристаллов и шестеренок, прикрытый пластинами с двух боков и завернутый в тряпицу. Увидев, что мэтр сейчас закричит в восторге, я быстро зажала ему рот.

— Тот самый артефакт?

— Ум… умгум!

— Ни звука.

Чесались руки свернуть бандиту шею, но я понимала неразумность такого убийства. Для стражей он сейчас свой. За убийство стража, случись нам снова попасться, арестовывать нас не будут, нас прикончат на месте. А мы непременно попадемся, потому что за своего стражи город перевернут, благо, он не такой большой. Поэтому я проверила пульс бандита и придушила еще чуть-чуть, но не до конца. Я подобрала веревку, прихватила ключи с кинжалом и сделала мэтру знак выходить. Закрыв дверь, я прокралась в конец коридора. Дежурный дремал за столом. На всякий случай его я тоже уложила "спать", но мягко и ненадолго, и кинула ключи ему в карман.

Конечно, если бы я выпустила из камер прочих обитателей, завтра стражам стало бы не до нас, но… этот город не сделал нам ничего плохого. Я все еще не собиралась переступать грань.

Наружу мы выбрались через черный ход, благо, запирался он изнутри на засов.

— Похоже, ваша мечта исполнится, ночевать вы будете не в участке, а где-нибудь на

свежем воздухе.

По звуку за плечом я поняла, что у артефактора снова начинается истерика, и угрожающе шикнула. Стараясь двигаться по теням я утащила его на другую сторону улицы, и мы спрятались в подворотне.

Обычно в центре районы почище, а где почище, там и стражи. Нам нужно убираться ближе к окраинам, провести ночь где-нибудь на задворках мелкой улочки, завтра найти, как сменить внешность, и к шести часам вечера вернуться к ратуше.

Раздался стук копыт, и я затолкала артефактора поглубже в тень. Света от луны и от редких фонарей было не очень много, но нас заметили бы. Здесь фонари были масляные. Управление стражей располагалось не в самых лучших районах, но и не в бедных. Стражи удалились, и я выглянула на широкую мощеную улицу. Судя по расположению звезд, она идет вдоль города, с севера на юг, как и тракт. Я глянула направо. Чем дальше, тем чаще стояли фонари, их блеск становился холоднее — в богатых районах предпочитали не масло, а заряженные кристаллы. Я посмотрела налево — масляные фонари удалялись, их ряд редел, и там, куда еще мог дотянуться взгляд, пропадал совсем. Значит, нам налево, на юг.

Мы двигались темными улицами прочь от центра Лисмеина. Стоило отойти туда, где не было никаких фонарей, ни масляных, ни на светляк-кристаллах, как на нас попытались напасть. С первого грабителя я сняла потрепанный плащ и прикрыла им слишком хороший сюртук мэтра. Я решила пройти еще немного — не прятаться же рядом с бесчувственным бандитом. Через пяток кварталов с нами соизволил познакомился второй, и был столь добр, что приберег для нас чей-то кошель с несколькими монетами.

Пришлось пройти еще немного. Больше любителей чужих гольденов не нашлось, и забравшись в проулок между рядами лавок, магазинчиков и доходных домов, я нашла груду барахла, которое отдавало пыльными тряпками, а не помоями, постелила плащ и предложила Лигатрику располагаться на ночь. Выслушав очередную песню про "невозможно для порядочного человека" ответила, что он может считать меня весьма непорядочной женщиной, но завтра нам придется прятаться в городе, а если не дождемся эльфа, мне предстоит вытаскивать нас с досточтимым мэтром из Лисмеина по единственному тракту среди болот, и для этого понадобятся все силы, поэтому я буду спать.

О том, каких размеров везение нам понадобится, я упоминать не стала.

Проснулась я, когда улица наполнилась утренними шорохами. Лигатрик спал, и это хорошо. Я посыпала его сюртук пылью и чуть распорола по плечевому шву. Шейный платок я сняла и положила артефактору в карман, а верхнюю пуговицу рубахи срезала. Вот теперь он не будет бросаться в глаза в тех местах, где мы собираемся провести этот день. Протерев грязными руками лицо мэтра, я придала завершающие штрихи его личине, а заодно помогла моему подопечному проснуться.

Артефактор по достоинству оценил мои труды неистовым воплем. Я решила заняться собой, пока он прокричится, а то слишком чистая я для чужачки в этих кварталах. Подоткнув юбку, я протерла боты влажной землей и накидала немного грязи на рубаху, которая после повозки и так выглядела не ахти, но это к лучшему. Волосы я оставила растрепанными, лицо потрогала грязными руками, надорвала подол юбки — должна быть хороша.

Тем временем артефактор выдохся.

— Мэтр Лигатрик, — проговорила я, накидывая ему на одно плечо изъятый у ночного грабителя плащ. — Или я оставляю вас с вашим артефактом здесь сию же минуту, и выпутывайтесь, как знаете, или это последнее ваше неповиновение. Решайте.

О том, где и когда мы встречаемся с эльфом, я ему благоразумно не говорила. Если он сейчас откажется и пойдет к стражам, мне это ничуть не повредит.

Но Лигатрик все же был умным человеком, только слишком изнеженным и истеричным, поэтому, помолчав, он извинился:

— Госпожа… Цинтия, верно? Госпожа Цинтия, я вел себя несколько несдержанно, и прошу меня простить. До недавнего времени я не выезжал за пределы Киртауна. Там я родился, там же получил образование в гимназии, закончил университет и затем работал у мэтров артефактного дела. Самым большим моим приключением был выезд на пикник рядом с городской чертой. Поездка в оникс-мобиле стала для меня серьезным шагом, и я уже сомневаюсь, что это было правильным решением. Если бы не желание посетить секретную лабораторию артефакторов, я бы попросил заказчика нанять надежных курьеров. Но увы, меня подвело тщеславие, и последующие события оказались выше моих сил. Еще раз прошу у вас прощения.

Я кивнула, принимая извинения.

— Мэтр Лигатрик, я понимаю, что на вас свалилось слишком много несчастий для неподготовленного к тяготам существа, но вы все еще способны ходить, разговаривать и принимать решения в отличие от многих других, кто в тяжелых обстоятельствах быстро сломался. Если вы будете следовать моим указаниям, я сделаю все, чтобы доставить вас в безопасное место. Не стоит корить себя за решение выбраться в большой мир из стен мастерской. Только через испытания мы имеем возможности познать самое себя.

Лигатрик приложил руку к сердцу и отвесил мне короткий поклон.

— Что мы будем делать теперь, госпожа Цинтия?

— Благодаря одному из ночных воришек у нас есть деньги на хлеб. Увы, пить нам придется сырую воду из того сосуда, что хозяевам будет не жаль, но большего я обещать не могу.

Мы были в той части города, где стражи появляются редко, а на новости из "чистых" кварталов мало обращают внимания. В том, что нам удастся скрываться здесь весь день, я не сомневалась, но чтоб добраться до ратушной площади и не попасться на глаза ни стражам, ни бдительным горожанам, придется немало исхитриться.

Можно дойти пешком до тех мест, где ездят пролетки, найти возницу, который не будет драть втридорога, и высадиться у ратуши. Но чтоб нас не сцапали тут же, мы должны выглядеть пристойно и отличаться от нас вчерашних. Но пристойные мужчина и женщина не пройдут по этим кварталам. Допустим, с артефактора можно снять веревку на штанах, отряхнуть сюртук, вернуть шейный платок, который удержит края рубахи. Рукав бы еще чем-то заколоть. Но что делать со мной? Одним грязным плащом я не обойдусь.

Я повела Лигатрика вдоль по улице, куда уже вылезли обитальцы окрестных домов. Кто-то готовил на открытом огне, кто-то выплескивал помои, кто-то грелся на утреннем солнце. Сбившись в кучки возились дети, провожая нас настороженными взглядами. Мы нашли пекарню, купили вчерашний хлеб, а хозяйка вынесла нам воду в кружке с щербиной.

— Нет ли работы, госпожа? Мне б на день только, за пару монет.

Полная булочница с нежно-оливковой кожей окинула нас сочувствующим взглядом и покачала головой:

— Ограбили вас, что ль?

Я шмыгнула носом и кивнула.

— Через две улицы лавка старьевщика. Ему то тряпье разобрать, то чайник начистить,

то постирать что. Может, заработаете монету-другую.

Поблагодарив добрую женщину, мы пошли в указанное место.

Пожилой орк нас и правда приставил к делу. Я разбирала груду дурно пахнущего тряпья, раскладывая одежду в три кучи: одна — еще приличное, вторая — будет приличным, если починить, третья — годится только на ветошь. Когда мне в руки попала накидка из побитого кружева и черный вдовий чепец, я поняла, как мы спрячемся на виду у ратуши. Еще бы платье потемнее найти… а вот и оно, потертое жизнью, но все еще сохраняющее темно-серый цвет.

Я предложила старьевщику заштопать и зашить горку вещей за эти три предмета. Тем временем Лигатрик, сбросив сюртук, зарабатывал нам на пролетку, натирая медные и латунные бока разнообразной утвари. То ли он почувствовал себя лучше, занимаясь металлическими вещами, то ли понял, что это настоящий шанс вырваться из беды, но работал он споро, умело и без жалоб. У артефактора большой опыт обработки металла, а в каком виде металл — пластина-заготовка или гнутый чайник — не так уж и важно.

Я опасалась доверять часам, которые висели в лавке, но старьевщик убедил меня, что если и врут, то на четверть часа, не больше. Поэтому в полпятого мы поблагодарили доброго орка за помощь, я сгребла заработанную одежду и укрывшись за ящиками, скинула селянское платье, надела серое, повязала чепец с большими, выдающимися вперед полями, и накинула шаль. Умыкнув одну из игл с вдетой в нее нитью, я приколола ее внутри ворота.

Не торопясь, чтоб не привлекать внимания, мы шли к улицам, где попадались пролетки. Мой вид был достаточно потертый для этих кварталов, и достаточно пристойный для тех.

Впереди уже шумел цоканьем копыт и криками разносчиков широкий бульвар, как из подворотни к нам выскочил мальчишка лет семи и упал на земь.

— Не дадите монету, закричу, что сироту бьете!

Я уже собиралась поднять мелкого прохвоста за шкирку и убедить, что почтенных вдов трогать не следует, как артефактор присел на корточки и задушевным голосом спросил:

— А хочешь, я предскажу тебе будущее?

Наверное, у его предков был дар искусств, и Лигатрику передалась частица эльфийской магии голоса, потому что мальчишка завороженно сел и уставился на странного дядю.

— Вечером такой же мальчишка, как ты, только старше, отнимет у тебя все деньги, правда? Тебя накормят объедками и устроят спать в подвале. И так изо дня в день, пока ваша банда не подрастет и не начнет воровать. Тебя будут посылать вперед себя, ты станешь лазать в окна и таскать кошельки. Тебя поймают и отправят в работный дом, который как тюрьма. Ты сбежишь оттуда и прибьешься ко взрослой банде. Когда банду арестуют, вас всех отправят на каторгу, где ты и останешься навсегда. Если…

Лигатрик сделал паузу, и мальчишка вскинулся.

— Если что?

— Если ты не пойдешь вот по этой улице, не найдешь лавку старьевщика Отира, не спросишь у него, где и как можно честно заработать. Тебе найдут дело, ты будешь есть чистый хлеб и спать под настоящей крышей. Ты станешь подмастерьем ремесленника, а потом выучишься сам и проживешь долгую хорошую жизнь.

Оставив мальчишку сидеть с открытым ртом, Лигатрик выпрямился, взял меня под локоть и повел по направлению к бульвару.

— Доктор Лигатрик, где вы этому научились?

— Я с рождения жил в большом городе, госпожа Цинтия.

За квартал до бульвара я отвела Лигатрика в тень кустов, быстро прихватила шов на плече и наказала снова повязать шейный платок. Сюртук я отряхнула, лица наши протерла как могла.

На бульвар вышла согнутая болезнями вдова, тяжело опиравшаяся на руку помятого господина. Мы, конечно, не выглядели образцом элегантности, но все же не настолько плохо, чтоб цеплялись стражи. Они проехали мимо, даже не глянув в нашу сторону, но остановились возле молодой пары, которая шла по другой стороне улицы, и о чем-то резко с ними заговорили.

Две пролетки проехали мимо, третья остановилась, хоть возница и косился — брать, не брать… Но заработанные Лигатриком монеты решили дело. Стараясь не высовывать лица из оборок я села внутрь, Лигатрик устроился рядом, и мы покатили по лицам Лусмеина.

Я попросила остановиться в переулке у ратушной площади. До шести оставалось еще двадцать минут. Мы медленно двинулись к углу, откуда можно осмотреть местность и провести рекогносцировку. За столиками кафе у ратуши сидело несколько существ, и один из них напоминал Бейлира, хоть издали я и не могла бы сказать доподлинно.

Я указала артефактору на скамью и сама пристроилась рядом. Оборки скрывали меня от чужих взглядов, но и обстановку вокруг от меня черные куски ткани тоже прятали. Осторожно поворачиваясь то так, то этак, я поглядывала по сторонам. Все же нужно осмотреться для начала. А осмотревшись, я поняла — за остроухим наблюдают. Делают это не стражи, не тайные агенты, а обычные горожане. Видно, они в чем-то заподозрили эльфа, и стоит нам подойти, как сложат два и два, набросятся, чтоб задержать, и позовут стражей. Впрочем, стражей они и так позовут, когда надоест на эльфа глазеть. Видно, наш побег так взбудоражил город, что теперь будут хватать всех хоть сколько-нибудь подозрительных чужаков.

Мой взгляд наткнулся на листок, белевший на тумбе с афишами. "Госпожа Раенальд и ее напарник эльф…" И правда, меня не узнать. Но эльф — это эльф. Бейлира схватят и потребуют установления личности. На Стрекозу он наводить стражей не станет, а его документ в Стрекозе. Возможно, Бейлиру и удастся вывернуться. А может статься, эльфа препроводят в столицу, а там… кто знает, вдруг покажут кому-то из наших прошлых клиентов. Так, на всякий случай. И этот всякий случай не заставит себя ждать.

Бейлир будет сидеть четверть часа после шести, потом встанет, чтоб уйти. И тут-то добрые горожане проявят бдительность. Что я могу сделать? Я могу спрятать Лигатрика, это раз. Я могу отвлечь на себя хоть часть горожан, это два. А дальше мы с Бейлиром кинемся в разные стороны, и может, затеряемся в городе, пока толпа будет метаться, мешая друг другу и пытаясь понять, за кем бежать. По крайней мере, часть из них. Самых прытких можно сбить на землю.

— Мэтр Лигатрик, слушайте меня внимательно. Нам придется разделиться. Вы помните угол, на котором мы сняли пролетку? — Тот кивнул. — У вас должно хватить монет, чтоб вернуться туда или хотя бы на полпути. Идите назад к старьевщику, наврите ему что-нибудь, что вас подруга бросила, сама удрала с военным, что угодно. Пересидите у него какое-то время, пока все не успокоится, а потом либо я вас найду, либо… — я запнулась, — либо пристанете к обозу или накопите на дилижанс, и возвращайтесь домой, и там обращайтесь к стражам.

План был не очень хорош, но другого у меня не было.

Бейлир нас заметил, но не торопился. Понимал, что раз я к нему не подхожу, для того

есть причины. Стрелка двигалась к шести. Я задумала отправить мэтра восвояси в десять минут седьмого. Он достаточно далеко уйдет, когда мы поднимем шум. Почему я тянула? Я надеялась, что мне в голову придет что-то еще.

Но ничего не приходило.

За минуту до шести эльф глянул в мою сторону, но я сидела на скамье неподвижно.

Начали бить часы. Бом!

От улицы, которая подходила к площади, послышались крики. Бом!

Рокот мобиля? Странно, их же не пускают в города, а дуо стрекочат иначе. Я бы решила… Бом!

… что это Стрекоза, но ее… Бом!

…некому вести? Черный мобиль с посеребренным хламом на боках ворвался на площадь. Бом!

Из его распахнутой двери высовывалась Секирд и отчаянно размахивала топором.

Я схватила Лигатрика за руку и потянула к мобилю. Бейлир помчался туда же.

Бом!

С дюжину горожан кинулись нам наперерез, но Секирд посторонилась, пропуская нас внутрь, не переставая грозить топором у нас над головами, и завопила: "Порешу-у-у!!!" Горожане опешили, дав нам драгоценные секунды.

Лигатрика я внутрь едва ли не забросила, сама вскочила следом, за мной Бейлир. Из водительского кресла вывалилось бледное измученное Лавронсо. Перескочив через дварфо — прости, друг! — я села за рычаги. Секирд ткнула топорищем в чьи-то пальцы и закрыла дверь, по которой тут же посыпался град ударов подоспевших горожан.

Но я уже уводила Стрекозу к улице.

— Сейчас два квартала, потом налево, и прямо до тракта, — прохрипело с пола дварфо.

Под визг рессор Стрекоза заложила крутой вираж, а я молила Небесные сады, чтоб экипажи, конные и прохожие убрались с дороги. Но по скрежету все и так поняли, что лучше нам уступить. Мне пришлось пару раз вильнуть, объезжая кэбрио, и через несколько минут я выскочила на тракт, выжимая из мобиля всю возможную скорость.

Глава 15

Отдав Лигатрику запасную рубашку и брюки, Бейлир отправил его в омовейную. Тот вздохнул, что ему жаль свой сюртук, но эльф намек "не понял". Он мягко посоветовал артефактору пошевелиться, не он один мечтает "смыть пыль и прах этого злосчастного города с весьма нелюбезными обитателями".

Я понимала, что мое место в самом хвосте этой очереди — вести Стрекозу я буду еще часа три, пока не закончится заряд в кристаллах. Потом поменяем на заряженные и поедем дальше. Я похвалила себя за предусмотрительность — на том, что у нас есть, можно проехать два дня и не мелькать рядом с местами, где нас слишком хорошо запомнили.

Мне дали протереть руки мокрым полотенцем и соорудили бутерброд из кусков хлеба и ветчины. Пить пришлось воду — кипятить отвар при такой тряске я не разрешала.

Едва мы выехали из болотного края, как свернули на лесную дорогу, на удивление хорошо разъезженную, так что, катили мы хоть и не как по тракту, но довольно быстро. Трясло при этом нещадно, но что ж поделать. Мы опасались, что бандит на карет-мобиле соберет стражей и бросился за нами в погоню, или у стражей самих магтехника найдется, поэтому стоит убраться подальше от населенных мест.

Путая следы, мы ехали то вдоль полей, то по лесу.

Едва мы выбрались из города, как вся компания, отдышавшись, устроилась в передней части мобиля. Хитра перелезла в кресло пассажира, Лавронсо сказало, что ему и на полу хорошо, а дорогу он видеть больше не может. Секирд постелила для себя и дварфо одеяла и устроилась с ним рядом. Бейлир сел на край лежанки, поскольку слух его достаточно хороший, чтоб оттуда к нам присоединиться.

Из рассказа девушек, Лавронсо и Бейлира, по обрывкам разговоров бандитов, которые они слышали, мне удалось составить более-менее полное впечатление о последних двух днях.

Выяснилось, что ускользнувший с хутора глава банды обладал кровями оборотней, поэтому слух у него острее обычного.

Как мы и предполагали, тем же вечером бандит обнаружил, что артефакт не работает. Утром злодей уже был на хуторе и вытрясал из селян нужные сведения. День у него ушел, чтоб добраться до дружков и найти контрабандиста с карет-мобилем, который согласился войти в долю. Вечером компания бросилась в погоню. По дороге они справлялись у встречных, кто видел мобили и где. Получалось, что мы могли ехать либо на медном карет-мобиле, либо на белом с деревом дом-мобиле, либо на ужасающем чудовище серо-черно-серебристого, с позволения сказать, цвета. Белый с деревом мобиль они вскоре догнали и проверили. Нашли перепуганную семью, но это были не мы. Бандиты даже кошель решили не брать, чтоб те не жаловались стражам.

Когда стемнело, контрабандиста-водителя напоили бодрящим и ночным зельями, сами тоже чего-то глотнули, и погоня продолжилась ночью, хоть и медленнее. Вскоре в поле увидели ночующий обоз. Бандиты растолкали селян и выспросили, кого они видели. Селянин вспомнил, что жуткий то ли мобиль, то ли непонятно что, свернул к леску вдоль реки. Бандиты решили проверить прежде всего там.

Двигаясь по дороге от тракта к лесу недооборотень приказывал поминутно останавливаться, выключать магротор и прислушиваться. Когда до его острого слуха

донеслись голоса Хитры и Секирд (непременно выдам по шее за шум! Мы прячемся, а они визжат на весь лес), бандиты оставили мобиль и двинулись дальше пешком. Стрекозу увидели издалека и решили проверить, а не пассажирки ли мобиля ушли купаться. К берегу они вышли рядом с одеждой девушек, и по жилету Секирд поняли, что на хуторе были именно мы — селяне запомнили орка-недоросля.

Хитра и Секирд плескались на мелководье и визжали (шею намылю!) поэтому ни оборотничий слух Хитры, ни обычная настороженность Секирд им не помогли. Увидев, что из леса кто-то идет, и явно не свои, Хитра растерялась. Секирд потянула ее к ближайшему дереву. Обрастать шерстью на глазах у бандитов наша лисичка не стала, опасаясь, что за молодой оборотницей охота начнется втрое сильнее, и оставила этот козырь на крайний случай. Поэтому Хитра, подвывая от стыда, карабкалась голышом на дерево и плакала, но попасться в таком виде бандитам ей было еще страшнее.

Для Секирд, которая выросла среди орков, не обладающих чрезмерной стыдливостью, было важнее не подпустить бандитов близко. Она влезла второй и успела зарядить пяткой в нос самому прыткому — самому недооборотню. Когда второй вознамерился полезть следом, наша боевая полуорчанка, не жалея ногтей, наскребла сухой коры, свесилась вниз головой и щедро сыпанула ему в лицо. Оба пострадавших (один с разбитым носом, второй в слезах) остались под деревом, а еще трое отправились к Стрекозе, прихватив одежду девушек.

Услышав удаляющийся звук мобиля, Хитра зарыдала в голос. Бандиты хохотали, что если кто из компании и остался живой, то теперь улепетывает во всю прыть, бросив девок на произвол судьбы, так что, никуда не денетесь, слезайте, будем поласковей.

Эльфы умеют ходить по лесу неслышно — для всех, кроме эльфов и оборотней. Поэтому пострадавший недооборотень, услышав Бейлира, понял все правильно и заметался. На его счастье по реке спускалось три лодки деревенских мужиков и парней, собиравшихся на утреннюю рыбалку. Недооборотень подскочил к воде и замахал им руками, вопя что-то про девок, которые деньги взяли и на дерево влезли. Рассмотрев сквозь ветки неприкрытые тела, селяне заинтересованно пристали к берегу и окружили дерево одновременно с выскочившим из леса разъяренным эльфом.

Хитра визжала и плакала, стараясь закрыться ветвями, Секирд поносила бандитов и грубых селян, что не добавляло тем радости, бандит с красными глазами пытался что-то сочинить, и никто не заметил, что недооборотень сел в одну из лодок и направился к стремнине. Бейлиру лук поднять не дали — во-первых, непонятно, кого это остроухий решил прикончить, а во-вторых, нечего хорошую вещь портить, лодки нынче дороги.

Шестеро селян не были ни в чем виновны, кроме наивности и блудливых мыслей при упоминании "девок", а этого для эльфийской совести мало. У Бейлира заняло некоторое время усыпить их бдительность разговорами, исхитряясь при этом не дать второму разбойнику отойти, а после, в короткой стычке, одного за другим уложить отдыхать в беспамятстве — всех, кроме бандита. Того он успокоил навечно. Селяне отделались парой-тройкой треснувших ребер и фингалами.

Из одежды у девушек, кроме белья, осталось только две пары штанов и одна рубаха на двоих, поэтому Бейлир стянул с себя рубашку, бросил Хитре и погнался за лодкой. Увы, бандит не стал уплывать далеко, а пристал к берегу и вернулся к карет-мобилю. Бейлир только стрекот вдали услышал.

Мой напарник и девушки добрались до тракта и принялись ждать обоз, который согласится довезти до Лусмеина полуобнаженного эльфа с двумя мальчишками, и при этом

не вызвать у Бейлира желание сворачивать шеи за гнусные намеки. Ничего не получалось, пока Секирд не придумала представить ситуацию наоборот. Эльфа положили на траву, рядом сел зареванный мальчик Хит, благо, в этот день поводов для слез у Хитры было достаточно, а Секирд принялась уговаривать возниц взять эльфа, которому досталось после стычки с бандитами, и двух сирот. Наконец, им повезло, и сердобольная семья помогла нашей троице устроиться в повозке и пообещала довезти до города. Бейлир и Секирд, как и было мной велено, держали при себе маленькие кошели с несколькими монетами. Хитра с беспечностью юности не стала брать с собой на реку гольдены, но хватило и того, что оказалось в двух кошельках. За несколько медных монет у семьи купили старую рубаху, и Хитра смогла отдать эльфу его одежду.

Повозки двигались медленно, и Бейлир понял, что в Лусмеин они попадут только на следующий день. Семьи из обоза были небедными, везли товар и деньги, поэтому остановились на ночь не в поле, а на постоялом дворе, возле которого Бейлир с удивлением увидел Стрекозу. Около мобиля жужжала толпа любопытных селян. Из разговоров Бейлир понял, что хозяин у лекаря, а его служанку и пассажира арестовали и увезли в Лусмеин.

Дальше Бейлир повел себя так, что я только поздравила себя, как успешно я помогла эльфу влиться в вавлиондское общество.

Первым делом он заплатил хозяину постоялого двора за хранение Стрекозы. Завести ее и управлять Бейлир не мог, но сумев преодолеть приступы сильнейшей неприязни и паники, он двинул рычаг и освободил колеса. Дюжие парни дотолкали наш дом-мобиль до заднего конца огороженного двора. Закрепив колеса снова, эльф оставил в Стрекозе лук и стрелы, чтоб не волновать горожан зря, запер мобиль и вернул охранный контур. Сняв комнату, троица отправилась навестить Лавронсо. Лекарь утверждал, что через два дня дварфо можно выписывать. Магии у лекаря не было, но настойки, сделанные магами, водились. Лавронсо тоже имело при себе достаточно монет, чтоб оплатить выздоровление по высшему разряду. Договорились, что Секирд с Хитрой будут ждать его на постоялом дворе.

Еще час Бейлир потратил на метания по комнате и заламывания рук, но вовсе не потому, что он не знал, что делать. Он хорошо знал, что ему нужно добыть коня, но это знание ему не нравилось. Эльфы не грабят. Но после лечения дварфо денег на коня не хватало, даже если сложить все наличные вместе, а девушкам еще нужно что-то есть и платить за комнату. Секирд с Хитрой убедили эльфа, что коня он не украдет, а одолжит. А в Лусмеине зайдет в банк, где снимет достаточно гольденов, чтоб оплатить селянам ущерб. Он бы еще долго не решался, но Секирд напомнила Бейлиру, что недооборотень от него ушел. Бандит показал себя самым сообразительным, и от идеи найти артефактора он не откажется, иначе ему самому шею свернут.

Дальше девушки дружно повисли на эльфе, умоляя его не ехать по темноте. Даже эльфы в безлунные ночи видят плохо, лошади же не видят вовсе. Останется Бейлир на тракте с лошадью, у которой ноги поломаны, что делать будет? Еле уговорили. Утром Бейлир вскочил и убежал воровать… то есть, одалживать коня. Нашел красавца в серых яблоках, в котором чувствовалась порода. Эльф отметил странность, что такой конь оказался в селянской конюшне, но значения этому не придал. И среди потрепанного старья на стене висело недешевое седро, красивое и удобное, с клепками, на которых клеймо мастера. Все же Бейлир оставался достаточно наивным, если его эта несуразность не навела ни на какие мысли.

В Лусмеин Бейлир прибыл хорошо после полудня, нашел таверну поприличнее, кинул

мальчишке у коновязи три медяка, и укрывшись за углом, перевязал волосы, чтоб закрывали уши. Оттуда он и услышал возглас:

— Мой конь! Сады небесные, это же Пепел! Господин Раф, полюбуйтесь, его у меня два месяца как свели вместе вот этим седлом! Скажи-ка, мальчик, а кто на нем приехал?

Не дожидаясь ответа, Бейлир пошел прочь, перемахнул частокол и три забора спустя был на соседней улице. Рассказывая об этом, Бейлир довольно улыбался: эльфийская совесть успокоилась.

Поплутав по городу эльф нашел другую таверну, где влился в общий гомон и вскоре узнал все: вчера из Боргезина, что к северу по тракту, привезли неких преступников, какую-то бабу и мужика. Держится этот мужик словно граф какой, и на рожу молод, а ночью они сбежали, уложив двух стражей. Публика в таверне не сошлась во мнениях, то ли убили, то ли придушили, но все они были уверены, что в Лусмеине орудует банда. Один из тех, кто потрезвей, вспомнил, что недавно по городу развесили портреты банды из бабы и эльфа. "А не та ли это баба?" — взволновались собравшиеся. — "А не было ли островатых ушей у этого молодого мужика, который вроде как граф держится?" И так они разволновались, что гурьбой пошли к дому стражей выяснять.

Понимая, к каким мыслям придут горожане совместно с стражами, узнав, что "баба" приехала на мобиле, эльф решил, что из Лусмеина мы, конечно же, выберемся, но Стрекозу придется прятать. Он зашел в банк и снял деньги, затем в лавке алхимика купил три бутыли невероятно дорогого алхимического зелья, от которого "всякая краска со всякого металла сама слезает", и не рискуя больше бродить по городу отправился к площади, сел за столик кафе по соседству с ратушей и принялся ждать шести часов. Что бы там ни было, нужно дождаться меня и решать, что делать дальше.

Видно, где-то из волос ухо все же выглянуло, или горожане решили, что высокого и стройного красавчика будет нелишним пристальней осмотреть.

Тем временем Лавронсо сбежало из лечебницы. Лекарь пытался его остановить, но дварфо поставило его перед выбором: либо лекарь перевязывает начисто и дает все настойки с собой, либо дварфо уйдет без настоек, а лекарь пусть мучается совестью, если что пойдет не так. Под причитания лекаря дварфо вышло из лечебницы с узлом, в котором побрякивали пузырьки, в снятой с помощника лекаря рубахе — тунику дварфа ни отстирывать от крови, ни зашивать никто не стал.

Добравшись до постоялого двора дварфо устроило совещание с девушками. По счастью, Бейлир поделился с ними планами на встречу у ратуши. Дварфо было уверено — мы с артефактором непременно сбежим, но выбраться из Лусмеина и вернуться на постоялый двор нам будет сложно. И еще дварфо предполагало, что за остатками компании рано или поздно придут — все знают, где попутчики арестованных. По всему выходило, что ему придется сесть за рычаги.

Лавронсо узнало у трактирщика, где живет местная знахарка, и отправило туда Секирд за самыми сильными успокоительными зельями, а само заказало два кувшина эля и принялось вызнавать у местных и заезжих, как и что расположено в Лусмеине, куда сворачивать, чтоб к ратуше попасть, и как оттуда вернуться на тракт. Помимо этого хозяйственное дварфо заплатило трактирщику за мешок овощей, два мешка круп, головку сыра и здоровенный кусок ветчины — оно рассудило, что наверняка нам придется скрываться, а еда не помешает.

Загрузив припасы в коробы и выпив четыре дозы успокоительного, дварфо вывело

Стрекозу на дорогу. По словам Секирд, зелья оно в дороге прихлебывало, как воду. Хитра ничего этого не видела. Когда Лавронсо выводило Стрекозу со двора, она глянула на перекошенное лицо нового водителя, убежала в омовейную, перекинулась в лисицу и тихо подвывая свернулась клубочком в уголке. Секирд, напротив, устроилась рядом с Лавронсо для поддержки.

На подъезде к Лусмеину Секирд, которая следила за временем, крикнула, что скоро шесть часов. Дварфо вцепилось в рычаги побелевшими пальцами и погнало вперед быстрее. О том, что у нас с Бейлиром договорено ждать четверть часа после назначенного, друзья не знали, поэтому торопились. Когда сворачивали с тракта, кто-то попытался заступить Стрекозе дорогу, мол, мобилям в город нельзя, но Секирд распахнула дверь настежь и многозначительно помахала топором. Так они и доехали.

Глава 16

Ночного зелья у меня остался последний пузырек, и Бейлир с Лавронсо уговорили его приберечь. Я не знала в этой части королевства мест, где можно надежно спрятаться, поэтому пришлось действовать наудачу. Установив светляк-кристаллы, я вернулась за рычаги, подкинула монетку и двинулась направо. Мы покрутились туда-сюда — Бейлир тщательно запоминал повороты и делал заметки — и, наконец, нашли полянку в стороне от дороги, где и остановились. Светляки я тут же потушила. Мы замерли, Бейлир прислушался. Хитра отошла в сторону, чтоб перекинуться не на глазах артефактора, но вернувшись, мотнула головой — никого. Эльф подтвердил — слышны только звери.

— Всё, всем спать! — объявила я и принялась вертеть рукоять на стене мобиля.

Двинулись шестерни, заскрипели цепи, и Стрекоза начала распахивать крылья. Бейлир с Лавронсо тут же отодвинули меня в сторону и занялись крыльями сами.

Мы заперли дверь, я зажгла охранный контур по корпусу мобиля, раскидали одеяла и упали, кто где.

Разбудили меня на рассвете. Я вышла, завернувшись в одеяло — утро выдалось прохладное. Обильная роса прибила траву к земле, а воздух можно было пить. Я поежилась. Судя по чистому небу, днем вернется жара.

Хитра уже поймала двух зайцев, их быстро освежевали и сложили в котелок вместе с клубнями картофеля, морковью и луком. Собрались все, кроме артефактора. Его все еще не считали своим, кроме того, для наших раздумий он был совершенно бесполезен.

Полчаса ушло на то, чтоб еще раз обменяться рассказами. Я только диву давалась, как эльф научился действовать в этих землях. Дварфо поклялось, что никогда больше не сядет за рычаги, даже не прикоснется. Ему теперь долго будут сниться кошмары. Мы чествовали Лавронсо как героя, а оно смущалось, краснело, отнекивалось, но чашку исправно поднимало.

Обсудив прошедшие дни, перешли к насущному.

— Мы можем пересидеть тут неделю, даже две, — проговорило дварфо, которое уже пришло в себя от вчерашней гонки. — Мы можем двинуться на юг по-быстрому, чтоб обогнать сведения о нас.

— У стражей стали появляться дуо-мобили как раз для курьеров, — вставила я слово.

— Значит, сидим, — заключило дварфо.

— За две недели ничего не изменится, — покачал головой Бейлир. — А на полгода мы здесь не поселимся. Давайте краску счищать. Гарни, какая Стрекоза под краской?

Я пожала плечами. Кто ж знает, мы ее купили голубой.

Стеная дуэтом, Бейлир и Лавронсо принялись освобождать мобиль от художественного хлама. Мне тоже взгрустнулось — я успела привыкнуть, что Стрекоза у меня красавица-чудовище. Увы, ничто не вечно, и черная Стрекоза с безумными конструкциями на боках должна исчезнуть.

Я опасалась, что трех бутылок на целый дом-мобиль не хватит, но зелье оказалось магическим, и его следовало разводить в воде. Вскоре из-под отслаивающейся краски заблестела бледно-золотистыми переливами латунь. В такой Стрекозе можно прятаться только в лесной глуши, иначе блеск и цвет увидят даже сквозь ветки, но что-то мне подсказывало, что моя жизнь на колесах подходит к концу. Слишком многие меня ищут, и

когда развезем пассажиров, нам с Бейлиром придется хорошенько задуматься, чем заниматься дальше.

Мы провели в лесу неделю, очищая Стрекозу, отдыхая и приводя себя в порядок. Нашу новую стоянку окружали сосны. “Будто стражи стоят и смотрят”, — ворчало Лавронсо. Чуть дальше лес густел елями, кленами и дубами — их кряжистые стволы и низкие внушительные ветви полюбились Хитре для гимнастических упражнений.

До ближайшей воды оказалось немало топать, и Бейлиру с Секирд, нашим водоносам, пришлось потрудиться. Лавронсо приказали большую часть дня лежать. Это чудо из чудес, что в гонке швы не разошлись. Видно, зелья у лекаря крепкие. Но теперь ни-ни, лежи и выздоравливай.

Себя лекари пользовать магией не могут. На эту тему мы каждый день выслушивали нытье дварфо утром и вечером. В остальное время ему ныть запретили.

Хитра часто исчезала в лесу, возвращалась с подозрительным блеском в глазах и отказывалась от ужина. Лисичка шепотом советовалась со мной, а можно ли открыться Лигатрику, но я убедила ее, что пока не стоит.

Но этим разговором Хитра меня обеспокоила. Когда лисичка не шастала по лесу, она предпочитала крутиться рядом с мэтром. Ему тоже нашлось дело — он пересмотрел артефакты в узлах Стрекозы, что-то почистил, что-то починил, что-то привел в порядок, что-то перенастроил, и теперь, по его утверждению, Стрекоза будет тратить меньше магии из кристаллов, а при нужде разгоняться быстрее. И то хорошо.

Когда Лигатрик все наладил, я стала часто видеть, как он что-то увлеченно рассказывает Хитре, рисуя схемы на бумаге, а Хитра… Хитра смотрела больше на него, чем на рисунки. Я старалась не выпускать их из виду.

Мы с Бейлиром находили время днем, чтоб размяться с оружием и без. Бейлир честно пытался фехтовать в половину скорости, иначе толку от этих занятий для меня было бы мало, но все равно я быстро выдыхалась от такого темпа.

С большим трудом я призналась себе, что я счастлива. Бейлир, Лавронсо, Секирд и Хитра стали моей командой, с которой и лесная жизнь в радость. В прошлый раз, когда мы покидали схрон на заимке, мне слегка взгрустнулось, но слишком силен был страх за наши жизни. Теперь испуг притупился, и я наслаждалась компанией. Даже Лигатрик не раздражал, хоть своим для нас и не стал.

Я долго ломала голову, кем мне представляться публике. Горожанка моих лет у стражи на заметке. Прислуга — тоже. Чтоб изображать благородную госпожу, нужно зайти в пристойном виде к модистке, заказать гардероб и выждать пару недель, пока сошьют. На парня я не тянула. У меня нет выдающихся форм, но фигурой я обладала отчетливо женской. Дварфой я могла обмануть только селян из глухого угла. Для орков или гоблинов у меня слишком тонкая кость, и по чертам лица всякий скажет, что я даже не смесок.

На третий день утром я проснулась с ощущением, что меня только что отчитали как школяра. Мне снилась директриса из пансиона в Боулесине. Она качала головой и смотрела на меня, будто на неразумное дитя. Я подскочила с улыбкой озарения. Наложить мне краски так, чтоб я казалась сухой старой девой, у эльфа займет четверть часа. Осталось добыть седоватый парик.

Я постирала темно-серое платье, которое заработала у старьевщика. Даже для старой девы оно слишком скромное. Чепец тоже привела в порядок. Ну и что, что такие чепцы были в моде пятьдесят лет назад, и сейчас их носят только пожилые человеческие женщины. Я

буду очень старомодной, воспитанной в жестких традициях госпожой. Впрочем, лучше всего, если меня немного состарить. Одна загвоздка: из-под чепца должно выглядывать чуть седых волос, но перекраситься в седину было нечем. Услышав о задаче, Хитра показала на шкурки очередного зайца, который томился в котелке. Мы настригли достаточно светлых шерстинок, и с помощью подручных средств и магии Лавронсо сотворили из них две седые пряди, которые я буду вешать надо лбом, уходящими под чепец. По крайней мере, если не приближаться, а тень от чепца падает на волосы, наше творение выглядит седыми прядями.

Сюртук артефактора мы с Секирд почистили, плечо я ему зашила, пуговицу для рубашки нашли, рубашку отстирали, разгладили артефактом, и Лигатрик воспрял духом.

Отлежавшись два дня, Дварфо заявило, что с советами отдохнуть мы можем идти на Синие Пики, и занялось удивительным делом. Вытащив запасные части и перебрав кухонную утварь оно сотворило второй комплект рычагов и подсоединило их таким образом, чтоб можно было переводить управление то на левое сидение, то на правое. Узлы переключения они перебрали вместе с Легатриком — понадобились знания и умения обоих. Теперь я могла сидеть "пассажиром", но при этом вести мобиль. Мы притушим чары непрозрачности стекол Стрекозы, и всякий увидит, что управляет мобилем дварфо, а справа, на почетном месте сидит "сушеная рыба" в чепце.

Мы успели очистить две стороны мобиля от краски, когда пошел дождь. Я любила такую погоду, когда удавалось выкроить время, чтобы смотреть в окно не с водительского сидения, а на лежаке Стрекозы, откинувшись на шкаф в изголовье. Жаль, выдавалось такое удовольствие нечасто: то мы спешили, и мне приходилось вести мобиль, невзирая на ливень; то дождь заставал нас в городе, и я бежала по мокрой мостовой, проклиная торопыг в кэбрио с брызгами из-под колес. Сейчас деваться нам было некуда, мы могли только ждать. Я налила себе горячий отвар, пристроила под спину подушку и отрешилась от ворчания дварфо, от хихиканья Хитры, от разговоров… Остались только я, чашка с отваром, стук капель по крыше и мокнущий лес за окном. Сосны на краю поляны то выглядывали из-под серебристой вуали, то снова прятались под пелену дождя, оставляя меня провожать взглядом ниточки капель на стекле. Изредка тучи дразнили просветом, но ветер тут же яростно затыкал брешь.

Мы готовили еду на греющем артефакте, в остальное время забивали скуку кто чем.

Дварфо вынуло панель из пола кабины, и вместе с Лигатриком они возились в брюхе Стрекозы — подключали рычаги.

Бейлир ходил за водой, раздевшись до подштанников, и мы дружно делали вид, что ничего не замечаем. В остальное время он сочинял стихи и тихо перебирал струны мандолины.

Походы эльфа за водой навели Секирд на мысль: они с Хитрой завесили окна в хвосте Стрекозы и бегали под дождем нагишом. Полагаю, наша лисичка мокла в обеих ипостасях. Дварфо попросилось с ними под тем предлогом, что к мужскому полу оно не принадлежит, но запротестовали обе — к женскому Лавронсо тоже не относится. На лице Хитры нарисовалась битва любопытства и стеснения, но стеснение победило. Секирд же эта идея и вовсе не понравилась, и даже в полумраке Стрекозы я увидела, как потемнела ее кожа. Покраснеть орки не могут, только потемнеть.

Я с беспокойством оглянулась на Лигатрика, но мы обсуждали половой вопрос в задней части мобиля, а Лавронсо с артефактором возились в кабине, полностью поглощенные переборкой узлов. Стук дождя по крыше заглушал звуки, и настоящий пол Секирд и Хитры

так и остался для доктора артефакторики тайной.

Подсвечивая страницы кристаллом я пересмотрела альбом гравюр дважды, второй раз — вместе с Хитрой. В перерыве между настройкой артефактов мобиля к нам присоединился Лигатрик, и мы почувствовали себя, будто на экскурсии в музее. Он получил хорошее образование, и сохранил интерес к искусствам. Его рассказ об особенностях композиции в творчестве Дорэра в разные периоды слушал даже Бейлир. Когда альбом закончился, я перечитала две книги и вытащила давно заброшенную вышивку.

Когда одни высыхали, а другие отрывались от работы, трио снова бралось за инструменты, и Бейлир продемонстрировал, что и женские партии ему по плечу, то есть, по горлу. Артефактор смотрел на нас как на бродячий цирк. В его взгляде ясно читалось: "Они еще и поют…"

На следующий день после полудня тучи разошлись, и мы снова принялись за дело: дочищать бока Стрекозы и перебирать ее наружные узлы. Ходить приходилось в подвернутых до колен штанах, а перед входом в мобиль обливать ступни водой — наша поляна превратилась в грязевое озеро. Я опасалась, что если дождь зарядит снова, мы здесь надолго застрянем.

Но я зря волновалась. Солнце светило, земля высыхала, мы дочищали Стрекозу, Лавронсо с Лигатриком посадили меня на второй набор рычагов, и я поездила туда-сюда по поляне, удивляясь непривычности положения.

В последний день я переоделась в платье, нацепила заячью "седину" и чепец, дала Бейлиру поколдовать над моим лицом и показалась компании. Войдя в образ, я поджала губы и оглядела друзей так, будто они не выучили уроки и стянули из столовой сладкое. У артефактора полезли глаза на лоб. Остальные покатились со смеху, но убеждали меня, что все получилось чудесным натуральным образом, только совершенно противоположно мне самой.

Я удовлетворенно кивнула. Офицеры из образованных должны были знать этот сорт дам по своему детству — кто в школе учился, кто в гимназии, кому на дом учительниц нанимали. Изрядная часть преподавательницы выглядела именно так — желчные, чопорные, будто рассерженные на весь мир. Всякий, кто имел с ними дело, сохраняет безотчетное желание оказаться от подобной особы подальше. Выходцы из семей попроще увидят во мне свой самый страшный сон: учительницу классов для детей из рабочих кварталов или при сельском храме, куда раз в неделю загоняют юных олухов, чтоб привить им зачатки грамотности.

Моя личина была готова.

На восьмой день ранним-ранним утром с лесного проселка на широкую дорогу с хорошо утрамбованным гравием выехал блестящий золотистый мобиль. У Лавронсо была только одна задача — не уснуть. Все же дварф, управляющий мобилем с закрытыми глазами, выглядит странно. Стараясь не дергаться телом, я передвигала рычаги. Первые часы лицо дварфо застыло в напряжении — еще живы были воспоминания, как его собственной волей дорога летела под колеса. Но потом оно привыкло и принялось вспоминать детство в Синих горах.

С помощью средств из артистических принадлежностей эльфа, мы перекрасили артефактора в масть потемнее. Бейлир снова стал Берлиэлью. Хитра осталась Хитом, ее рыжину тоже подкрасили в менее заметный цвет. Кривясь и куксясь, Секирд переоделась в мое старое платье и подоткнула подол, чтоб не мешал. Орчанки часто стриглись коротко,

поэтому, как юная орчанка, она не вызывала подозрений.

Артефактор от этого "театра" стал уныл и задумчив. Кажется, он снова проклинал тот день, когда решился на поездку.

Один раз нас остановили стражи. Я повернула кресло лицом внутрь, чтобы спинкой загородить второй набор рычагов, и вопреки ожиданиям друзей подала документ. Бегло глянув на меня офицер чуть изменился в лице, но все же прочитал бумагу, рассмотрел ее на свет с разных сторон, повертел, чтоб блики играли на печати, разве что на зуб не попробовал. Все еще удерживая лист в руках он спросил:

— И чем вы занимаетесь, госпожа…

— Преподаю! — взвизгнула я, прежде чем он успел назвать фамилию. — Преподаю у вздорных девиц в пансионе!

Страж поежился, торопливо вернул мне бумагу, и я перевела дух. Документ, который я предъявила, был самым настоящим, тем, что мне выдали в восемнадцать лет, но здесь пара чужих ушей, и называть вслух имя не хотелось. Офицер, безусловно, подсчитал мой возраст и забеспокоился, но когда я назвала занятие, отнес седину на счет вредной работы.

"Эльфийка" облила стража презрительным взглядом и громким глубоким контральто назвала имя. Тот не решился задавать ей вопросы. По счастью, имя артефактора ничем не запятнано, как и имя Секирд, и Лавронсо. От селянского мальчика никто бумаг и не ждал.

* * *

Мы по-прежнему останавливались на ночь у леса, а лучше — в лесу, в крайнем случае около перелесков, так, чтобы утреннее солнце нас не задевало и не заставляло золотистую Стрекозу привлекать внимание, сияя на всю округу.

Когда Хитра принесла весть, что в пяти минутах от нас течет лесная речка, я потянулась, разминая затекшие за день мышцы, и сообщила:

— Пойду искупаюсь.

— Одна не ходи, — резко сказало дварфо. — Возьми девок, им тоже неймется.

Я досадливо поджала губы. Мне хотелось в одиночестве посмотреть на темнеющий лес, послушать плеск воды, подумать о том, как разложила фишки судьба. Но дварфо в чем-то право.

— Хорошо. Только купаемся тихо.

Хитра шла впереди — она лучше всех нас видела в темноте. Мы пробирались за ней и наконец вышли к узкой полоске берега. Заросли почти подходили к воде, и в случае нужды мы сможем быстро спрятаться.

Пока мы плескались, мне пришлось пару раз шикнуть на расшалившегося ребенка. Звуки по воде разносятся далеко, а внимания нам не нужно.

Мы с Секирд вышли и стали одеваться, но Хитра попросила дать ей еще немного времени, чтоб поплавать в звериной форме. Я разрешила:

— Только чтоб мы тебя видели.

Та кивнула, и юная лисичка поплыла, разрезая отблески луны.

Я опустилась на корягу, Секирд присела рядом:

— Гарни, я давно хотела спросить… — начала она и замялась.

— Спрашивай что угодно. Я уже прошла тот возраст, когда что-то стесняются обсуждать.

Девушка помолчала, собираясь с мыслями, и, наконец, спросила:

— Ты часто дралась с бандитами?

— Не очень, у нас было много мирных заданий. Иногда по три месяца без боев проходило. Даже если мы нанимались охранниками, на нас не всегда нападали. Конечно, когда у противной стороны непременная задача захватить или убить нашего клиента, то боя не избежать. Работая в одиночку, я не брала таких поручений. Я понимаю свои силы.

Кроме одного раза, когда меня обманули, представив дело как простое сопровождение, и мне удалось опрокинуть Стрекозу в кювет, придавив двух нападающих, выскочить через окно и расправиться с двумя другими. Потом я выбивала с клиента гольдены, которые потратила на помощь мужиков из обоза, чтоб достать мобиль.

— Чаще всего нас нанимали на всякий случай. Богатой даме с дочерью безопаснее добираться день-два в дом-мобиле, чем три-четыре дня в дилижансе, останавливаясь на постоялых дворах. На дорогах разное случается, и на кареты, бывает нападают. Пару раз разбойники подстерегали нас наудачу, но удача их подвела.

Секирд улыбнулась, и я продолжила:

— А бывали такие задания, что нападали мы.

— Вы? Вы с Бейлиром? Нападали?

— Мы с Нимнадилом, а потом мы с Бейлиром. Это были обычные истории похищения и шантажа ради услуг или выкупа. К стражам обращаться опасно, вдруг у шантажистов там свои имеются. Нанимали нас.

— И вы справлялись?

— Да, всех вернули живыми. Не всех здоровыми, но всех живыми.

— Ух… — меня насторожили нотки зависти во вздохе Секирд. — Как Нимнадил решился тебя в такое втянуть?

— В “такое” он меня не втягивал. Ему нужна была компаньонка для сопровождения женщин. Когда даме нанимают охранника, все же не хотят оставлять ее с мужчиной наедине, поэтому при дамах состоят компаньонки. Но Нимнадил говорил, что компаньонки еще хуже самих дам: случись что, начинают квохтать, визжать и лезть под руку. Поэтому он предпочитал работать со мной в паре. Я была компаньонкой, и я прикрывала даму, пока он разбирался с нападающими. Однажды нас наняли, чтоб отвезти жену бургомистра в надежное место. Тот вскрыл какие-то махинации, и пока всех не переловит, решил отослать жену к надежным друзьям. Кому можно верить среди стражей, он не знал, поэтому нашел нас через своего друга детства. По-хорошему, хотя бы вчетвером охранять нужно, но никого из эльфов или смесков с эльфийской кровью он больше не знал, а прочим существам доверять боялся. Эльфийская кровь подличать не может, ты знаешь.

Секирд кивнула.

— А за меня Нимнадил поручился. Но, видно, кто-то все же проследил, что в карете будет охранник с острыми ушами, и придумали его выманить. Пока Нимнадил дрался у кареты, бандит убил возницу и вскочил на козлы, чтоб увезти нас прочь. Я уже тогда хорошо умела метать ножи и брала парочку с собой на всякий случай. И вот случай настал. Бандиты не ожидали компаньонки-охранницы. — Я пожала плечами. — Так и получилось, что нас стали нанимать на опасные сопровождения, а после и с похищениями справиться. Нимнадил пытался отказываться, все же я весьма средний боевик даже по человеческим меркам, но когда говорят “моего ребенка можете спасти только вы”, сама понимаешь… А потом я научилась собирать сведения, и Нимнадил оказался достаточно умен, чтоб не рассказывать, что женщинам здесь не место.

Мы помолчали. С трех сторон нас окружали обычные ночные звуки, с четвертой

доносился плеск и счастливое фырканье нашей лисички.

— Гарни, я вот о чем хотела спросить, — вновь заговорила Секирд. — Тебе не страшно было? Ведь ты женщина, и если бы ты попалась, то… ну…

— Ты про насилие? Когда я вызнавала сведения в трущобах, я одевалась под пожилую тетку, а если кто пристанет, быстро давала отпор, поднимала скандал, и они уходили. Не такой я лакомый кусочек в моем наряде, и в трущобах всегда есть более сговорчивые. А бандитам однажды почти удалось. Мне пришлось прыгнуть с обрыва в густой кустарник. Конечно, потом я долго лечила царапины и вспоротую суком кожу, но лучше так.

— Ох… Неужели после этого тебя продолжали брать на такие задания?

— После прыжка Бейлир неделю смазывал мои ранки и ворчал. У эльфов другое отношение к бедам разного рода. Когда живешь десять веков, всякое может случиться, но есть много-много лет, чтобы пережить, забыть и жить дальше, будто все это было сном. Пройдет век-другой, и многое покажется неважным. У нас нет этого времени, и эльфам сложно прочувствовать нашу жизнь в полной мере. С их точки зрения мы слишком суетливы, слишком мелочны, слишком поддаемся страстям, поэтому они относятся к прочим существам свысока. Как бы объяснить… Ты сама знаешь, что те, у кого кошель набит гольденами, не понимают жизни бедняков. У эльфов вместо гольденов — годы.

— Да, они совсем другие. Бейлир старается нас понять, но даже у него не всегда получается.

— Он старается, это правда. Послушай, Секирд, — на всякий случай решила предупредить я. — Если ты собираешься идти по тому же пути, что и я, то… не стоит. Поверь, у меня в прошлом есть сцены будто из ночных кошмаров. Я уверена, вы с Лавронсо придумаете тебе другое занятие.

— Если ему это нужно, — пробормотала Секирд.

— Нужно. Поверь мне, нужно.

В который раз подумалось, что и мне не стоит оставаться порученцем, тем более, теневым. То, что я все еще жива, без серьезных ран, которые будут напоминать о себе до конца короткой человеческой жизни, с целыми конечностями, и ни разу не попалась бандитам — в этом есть огромная доля везения. Но вечно везти не может.

Некстати вспомнилось, как я привезла умирающего Нимнадила к лекарю, которого мне рекомендовали как лучшего из лучших. Я объехала уже всех, кого нашла, даже двоих эльфов, поселившихся в Вавлионде, и они ничего не могли сделать. Но надежда умирает последней, поэтому я решила рискнуть еще раз. Доехать до эльфийских Лесов мы бы не успели.

Этот известный лекарь в куртуазных выражениях, придав голосу чарующей хрипотцы, предложил мне расплатиться за лечение телом. Слова, разумеется, были другие, но смысл один. Я заломила ему руку, прижала кинжал к глазу и спросила, есть ли у Нимнадила шансы. От ужаса лекарь выложил правду: нет, проклятие смертельно, и повернуть его вспять нет никакой возможности. Уже начался распад внутренностей.

А если бы сказал, что шансы есть? Что бы я сделала, и как бы жила с этим дальше? Не на все вопросы есть правильные ответы. Что бы ты ни выбрала, будешь мучиться, пока живешь.

Со стороны реки послышались звуки отряхивающегося зверька. Хитра перекинулась в человека и вытерла остатки влаги льняным полотенцем. Вот ведь тоже… большой вопрос. Разбивать ли иллюзии о безопасном мире совсем еще юной девушки, почти ребенка? Или оставить в неведении, тем самым подвергая опасности? Угроза жизни, из-за которой мы

прячемся, похоже, стекла с нее, как вода. Хорошо, что она не пугается всякой тени. Плохо, что она перестала быть осторожной, а переодевания для нее будто игра.

И меня одну, и меня с партнером часто нанимали для сопровождения юниц. Мне не раз приходилось объяснять подопечным, какие опасности могут их поджидать, и почему следует вести себя осмотрительно и слушать мои указания. На многих, особенно тех, кого с детства держали в домашней "оранжерее", мои откровения действовали пугающе, одна даже ночью с криком проснулась, когда я объяснила ей, почему мы не пойдем гулять по ночному городу вдвоем. Нытьем и капризами девица довела меня до крайне откровенной прямолинейности.

Наутро я рассказывала, что этот мир, на самом деле, вполне неплох, только местами неидеален, и лучше в эти места по доброй воле не лезть, а буде случится какая беда, обратиться к тем, кто может помочь. Потому что пока мы живы, все можно превозмочь (или почти все, но детали пока не к месту).

Однажды мое задание растянулось на три дня вместо трех часов. С бандитами, похитившими девушку, мы с Бейлиром расправились быстро, но вместо родительского дома я повезла ее к лекарке, подняв ту с постели в час ночи. Днями и ночами я сидела рядом, уговаривая, что если дать беде поглотить твою жизнь, это значит, что мерзавцы победили. Они мертвы, я их всех убила, но они победили.

Пожалуй, нужно провести с Хитрой беседу.

Глава 17

На четвертый вечер я объявила, что завтра около полудня мы подъедем к селению недалеко от Боулесина, где мы с Лавронсо и артефактором пересядем на дилижанс. Остальной компании показываться в городе незачем. Хитра блеснула глазами и спросила, собираюсь ли я зайти в лавки. Я подтвердила, что непременно. Уже несколько раз я стирала платье вечером, чтоб с утра надеть его, все еще сырое, и мне обязательно нужно завести гардероб "сушеной рыбы". Я подозревала, что Хитра тоже хочет переодеться в что-то более пристойное, чем старые селянские штаны и рубаху, вид которой близок к лохмотьям.

Лавронсо достало пару бутылок вина. Мы все чувствовали, что имеем право отпраздновать близкий конец по крайней мере той части пути, которая свела нас с опасным артефактором. Сам мэтр попытался отказаться, но дварфо убедительно произнесло: "Это для снятия страхов. Ты, вона, до сих пор трясешься". Мэтр вздохнул и протянул кружку. Судя по тому, чтоб ему понадобилось совсем немного вина, чтоб взгляд стал блуждающим, а слова — тягучими, возлияния были для него редкими событиями.

Мы вспоминали приключения и веселились, перебирая особенно яркие моменты. Разговор свернул на способности смесков. Лавронсо упомянуло, что еще недавно, чуть больше сотни лет назад люди считали не только орков, но и любого, в ком частица оркской крови, недостойными существами. Мы осторожно обошли тему о том, что дварфы и эльфы до сих пор видят себя венцами творения и оспаривают друг у друга первенство. Хорошо, что у Синих Гор и эльфийских Лесов нет общей границы.

Разгоряченный вином артефактор желал продолжить разговор о том, что все существа — братья. Размахивая чашкой, Лигатрик утверждал, что главное — разум.

— Никакого, я утверждаю, никакого различия в разуме между существами многообразных фенотипов не наблюдается. — В его голосе прорезались явственно лекторские нотки. Очевидно, прошлое талантливого артефактора отмечено опытом преподавания. — Оттенки кожи, лицевые признаки и тем более строение скелета и мышц никоим образом не означает более низкий или более высокий интеллект. Допустим, мой нос по форме был бы сравним с орчанским, — он обозначил улыбку, дав воображаемым студентам возможность присоединиться к шутке преподавателя, — неужели сие обстоятельство не дало бы мне возможности получить диплом доктора артефакторики? — Он сделал паузу и благосклонно посмотрел на хихикнувшую Хитру. — Все имеют возможность пользоваться разумом, — с назиданием продолжил Лигатрик, — все, кто передвигается на двух ногах, говорит на понятном языке, чьим поведением правит мозг, не звериное чутье.

Он так разошелся, что я не заметил, как загоревшийся, было, взгляд Хитры заледенел, а личико девушки застыло. Ох, зря Лавронсо налил ему для снятия страха, зря. Пусть бы этот недоэльф сидел и дрожал.

— Если твой прапрадедушка, к примеру, — он махнул в сторону Секирд, — пил мампоэр из черепа врага, неужели сие обстоятельство не даст это тебе выучиться как и всякому в Вавлионде? Ты выучился, ты знаешь законы, потому что ты — суть разумное существо, и у тебя, — он постучал согнутым пальцем по виску, — голова всему начало. Но можно ли верить в разум существа, которое раз от разу шкурой обрастает? если нюх его ведет? Можно верить, что оно разумное? Был у меня… м… некоторый опыт близкого

знакомства с орчанкой. Должен сказать, — он допустил легкое дрожание губ в намеке, — расе этой свойственна мощь и немалый огонь страстей наравне в очевидными признаками равно разумного существа. — Он цокнул языком не понимая, как нагревается воздух вокруг, и вовсе не от костра. — Оборотницы же… — Мэтр покачал головой и допил кружку до дна. — Нет… всякому должно быть понятно, что звериные инстинкты станут препятствием для работы ума.

На Хитру было больно смотреть. Секирд тихо закипала. Эльф посматривал на гостя так, будто прикидывал, куда всадить стрелу.

Я хлопнула в ладоши.

— Вот что, дорогие мои, завтра выезжаем рано утром, поэтому спать. Хитра, сегодня спишь на моей лежанке, — и глянула на нее так, чтоб никаких возражений у девушки не возникло.

Артефактора решили устроить в другом конце мобиля от греха подальше.

Идея идти спать ему не понравилась. Он забурчал и махнул пустой кружкой.

— Хорошо, — покладисто согласилась я, — Лавронсо составит тебе компанию. Бейлир, прошу тебя, помоги мне разложить одеяла.

Дварфо поняло намек, подсело к парню, плеснуло еще и принялось о чем-то расспрашивать.

Бейлир довел нас до Стрекозы и ушел в омовейную, а мы с Секирд сели вокруг Фырхитры, обняли ее и дали выплакаться.

* * *

На третий час у Халцедонов мне уже не приходилось разыгрывать малоприятную особу — именно такой я и стала. В конторе, ведущей дела клана, нас приняло совсем молоденькое дварфо. Сначала оно презрительно окинуло взглядом потрепанную тунику Лавронсо, затем глянуло на артефактора как на червя, меня же, человечку, проигнорировало вовсе. По итогам осмотра нас попробовали выставить нас вон. Лавронсо тут же продемонстрировало знание разнообразных диалектов дварфийского, и далеко не все они были предназначены для юных ушей. Изменившись в лице, молодое дварфо исчезло в глубине коридора, и к нам вышло дварфо постарше. Через пять минут разговора Лавронсо повторило часть прошлой речи. Наконец, появился тот, кому артефактор смог показать свое творение. Глянув на переплетения металла и камней, мастер нас позвал нас внутрь.

История повторилась, только в этот раз нас не выставляли вон откровенно, но пытались объяснить, что у них таких желающих по трое ежедневно. Артефакт они, так уж и быть, купят. При сумме Лигатрик попробовал подскочить на стуле, но наше дварфо прижало его лапищей, надавив на плечо. На подобные предложения Лавронсо отвечало с использованием дварфийских непереводимых выражений, перемешанных со специальными терминами. Ожидание между уходом одного дварфа и приходом следующего растягивалось все больше и больше.

К исходу четвертого часа мы добрались до того, кто мог оценить мэтра Лигатрика по достоинству. Нам с Лавронсо вынесли чай с пирожками, а Халцедон с седыми прядями в бороде увел мэтра на беседу в другой конец кабинета, к стеллажам, где выставлены камни, кристаллы и металлы. Седеть дварфы начинают лет в сто двадцать.

Я уже начала клевать носом, когда Лавронсо тронуло меня за руку.

— Они договорились.

— А? — не сразу поняла я. — О… Его забирают?

— Да. Он остается у Халцедонов. Будет, как мечтал, кристаллы исследовать, и поселят у долины. У них там, говорят, целый этаж безбородых набрался, даже окна в породе долбят для любителей света. Так что, пристроили мы нашего подельщика. — Дварфо хлопнуло меня по плечу. — Нам предложили переночевать в гостевом здании.

Мы с артефактором вяло попрощались. Я — потому что устала. Он… тоже устал. Все же выдержать экзамен на звание "безбородого под-мастера" после двух недель злоключений — серьезное испытание. Под-мастер у дварфов имеет право на собственную мастерскую, но работает "под мастером" — под проверками и надзором. Но это неважно. Важно, что мастерская будет в Синих Горах, где никакие бандиты Лигатрика не достанут, и он займется исследованиями без необходимости тратить время на заработок. Халцедоны готовы были платить тем, кто продвигает магнауку в одном из низших домов.

Нас перевели через двор, провели по переулку и проводили в трехэтажное здание, где на втором этаже отвели по комнате мне и дварфу. Наше временное жилище выглядело гостиничным номером с собственной ванной. Ужин пообещали доставить через полчаса из таверны, но я попросила меня не беспокоить. Стянув одежды, я набрала ванную, и вылезла, только когда остыла вода. Я уже было собиралась с отвращением надеть ту же нижнюю рубаху, но нашла на кровати бумажный сверток с надписью "чистая сорочка" и рядом пустой холщовый мешок с запиской: "Для стирки положите одежду и вывесите за дверь. Обувь поставьте в коридор". Пытаясь удержать глаза открытыми я запихала в мешок все, включая панталоны, надела сорочку и последовала надписи.

Уснула я, кажется, когда падала на подушку.

* * *

Проснулась я от того, что в дверь кто-то скребся. Приоткрыв один глаз я глянула на окно. Судя по солнцу, уже было довольно поздно, часов десять утра.

Добрела до двери и неуверенно спросила:

— Кто?

— Выспалась, наконец? — привычное ворчание Лавронсо вернуло меня к бодрости. — Тут одежа твоя болтается, приоткрой, подам.

Он просунул мне в дверь широкий плоский пакет и за ним туфли, вычищенные, будто новые.

— Через полчаса зайду, еду принесу, поговорим.

Не торопясь я оделась, прикрепила пряди, нацепила чепец, достала маленький наборчик красок, чтоб состарить лицо, и вскоре была готова. Дварфо явилось с подносом, на котором стояли две тарелки с яичницей.

— Они мне ветчину, сыр, булочки, а я говорю — нам эти ветчина и сыр уже во где, — и он полоснул себя ребром ладони по горлу. — Они б еще зайчатину предложили. Хех. Сказало, чтоб яйца сделали.

Да, яичница — это хорошо. Дождавшись, когда я доела и выпила полкружки отвара, Лавронсо начало издалека:

— Послушай, Гарни… Тут такое дело.

— Нас хотят нанять? — я отхлебнула еще взвара. — Надеюсь, они не считают, что мы будем работать в обмен на избавление от Лигатрика?

— Нет, — облегченно вздохнуло дварфо. — Нам заплатят. Я б сказало, что дело плевое, если б не знало больше, чем они пытаются представить.

— И что они пытаются представить?

— Да всего-то перевезти мастерскую очередных безбородых подельщиков. Халцедоны их тоже под крыло берут.

— А на деле это та самая мастерская, куда ехал Лигатрик, и чье расположение попало к бандитам.

— Угум. Я с ними все утро собачилось, но цену нам выговорило приличную.

Оно достало договор.

— Всю мастерскую, ясно дело, мы не заберем. Подельщики там пять лет живут, барахла накопилось достаточно. Халцедоны туда позже обоз пригонят, а может, из мобилей что. Нам бы самих артефакторов вывезти, пока до них бандюганы не добрались. Если, — он покачал головой, — еще не добрались.

Я просмотрела бумаги. Да, деньги были вполне достойные для того, чтоб проехать день-полтора на запад и быстро, пока бандиты не набежали, погрузить мастеров с грузом в мобиль, перерезать бандитов, если прибегут, и доставить “подельщиков” в селение к югу от Боулесина, где у Халцедонов стоянка мобилей.

Я была уверена, что Бейлир с радостью возьмется за такое дело. В кои-то веки все понятно: туда стрелять, сюда охранять.

— Пусть деньги положат к тебе, у меня сейчас именного счета нет. И внеси в договор еще один пункт: после дела, раз у них там мастерские, они покрасят Стрекозу.

— Ха! Цвет?

Я задумалась. Жаль, зеленый больше нельзя, про зеленую Стрекозу наверняка рассказали в гильдии. Но совсем скоро листва начнет желтеть. Я уверилась, что эта осень последняя в моих разъездах. Стоит затаиться и переждать где-нибудь на тихой работе в одном месте год-другой.

— Серый. А крыша белая. Неприметно, и такой Стрекозу не помнят.

— Будет тебе серый с белой крышей. Хитру, может, у Халцедонов оставим?

Я призадумалась над его предложением, но покачала головой. То, как нас здесь встретили, означало, что чужакам дварфы не рады. Я готова была пожертвовать частью гонорара, чтоб обеспечить Хитре жизнь в “гостинице” на те несколько дней, что нам понадобятся для нашей миссии, но что, если ее раскроют? Кто знает, какие связи у оборотней в этих краях, а в том, что наши тайные службы присматривают за дварфийскими общинами, я совершенно уверена. Сами Халцедоны ее не выдадут, но и драться за нее не станут. Гостья нужного возраста из недварфов наверняка привлечет внимание тех, кого привлекать не стоит, а дварфам не с руки ссориться с тайной службой по таким мелочам. Нет, Хитру нельзя сюда приводить, и оставлять здесь тем более нельзя.

— Едем все вместе.

— Едем!

Окрыленное дварфо убежало к Халцедонам с договором, а я допила взвар, и к его возвращению была готова. Мы зашли в банк, где я сняла немного гольденов с рунного счета, и отправились по лавкам. Нам обоим стоило обновить гардероб, купить новую одежду Хитре и Секирд, хоть полуорчанка и отказывалась. Бейлиру я тоже собиралась найти новую рубаху и пару платьев эльфиек-воительниц. Следовало наведаться в магазин с женскими ухищрениями и с театральными принадлежностями. Обувь тоже не помешает.

Много дел было, много. Так много дел, что неприятное чувство от осознания, что я в городе, от которого старалась держаться подальше, несколько притупилось. Тем более, в этих кварталах я и не была ни разу. Постаравшись выкинуть грустные мысли из головы, я

сосредоточилась на делах.

Дольше всего мы задержались в оружейной лавке. Рассмотрев клинки я перешла к магтехническим новинкам. Самонатягивающийся арбалет меня не впечатлил — уж очень медленно работает артефактный рычаг. Греющийся кинжал я и вовсе сочла шуткой. Да, не получается пока у магтехов ничего с инструментами для отъема чужой жизни. Я покрутила в руках новую модель огнестрела — дуло с раструбом на конце, откуда вылетает огненный шарик. Прошлая модель била на двадцать локтей, эта — на тридцать. Огнестрел по прежнему требовал полного заряда в маленьком кристалле, и дальше либо менять, надеясь, что добрые противники подождут, либо засунуть за пояс и возвращаться к старому доброму клинку. По мне, так лучше поучиться кидать кинжал, хоть на подзарядку таскать не надо.

Мы едва успели на последний дилижанс. Со стороны мы представляли комичную парочку: погребенное под коробками и свертками дварфо и надменная старомодно одетая человеческая женщина с единственной шляпной коробкой в одной руке и ридикюлем времен бабушек в другой. Но дварфо ворчало, что иначе будет подозрительно. Дилижанс был старым, тряским, с жесткими сиденьями, но мы за день столько ходили, что вытянуть ноги и откинуться на спинку я сочла за счастье.

Через час мы сошли с дилижанса, я села на станционную скамейку и попросила Лавронсо:

— Подай-ка мне вон тот сверток.

Новые полусапожки приятно облегали ногу. В самом деле, не тащиться же по проселочной дороге в туфлях. Я и до дилижанса дошла тем же манером, а Секирд, которая нас провожала, унесла мои старые полусапожки назад.

До Стрекозы мы добрались, когда солнце уже садилось. Сгрузив ворох покупок, я созвала всю компанию. Хитра бросилась в омовейную переодеваться. Секирд, напротив, приняла одежду с легким огорчением, но Лавронсо упомянуло, что оно выбрало орчанский городской наряд, и лицо Секирд неуловимо изменилось. Я могу поспорить на половину моего гонорара, что "я выбрало" было важнее, чем "что орочьи бабы в городах носят". Лавронсо и правда покупало вещи для нее само, за свои гольдены, и я сделала очередную зарубку в памяти.

Бейлир первым делом перебрал ухищрения для смены внешности, потом оценил наряды для “эльфийки”, и лишь затем развернул рубаху, посмотрел на нее и со вздохом сложил снова. Да, красоваться в мужских обновках ему нескоро придется. Для дела и старые сгодятся, а стражей по пути лучше встречать в женском.

Я повесила в шкафчик два платья вида "сушеная старая дева". Секирд устроила рядом свой наряд. Хитра с радостным визгом вертелась в штанах по колено поверх чулок, тонкой рубахе и клетчатом жилете. Грудь ей пришлось обвязать, но так она вполне могла сойти за миловидного мальчика лет тринадцати из семьи, что бывает на балах у градоправителя и ходит по модным магазинам.

Насилу уговорив счастливого ребенка, что время позднее, мы и сами разошлись спать. Устав прятаться во время путешествия с артефактором, Хитра обернулась лисой и вытянулась вдоль прохода. Похоже, что от ее страданий по влюбленности не осталось и следа.

Глава 18

Наутро мы с Лавронсо дождались, пока все перекусят, и рассказали про новое дело. Бейлир встряхнулся, оглядел компанию загоревшимся взглядом и хищно улыбнулся. Секирд удовлетворенно кивнула — ей деньги для переезда на острова тоже не помешают. Хитра вздрогнула, но мы успокоили девочку, что от нее ничего не требуется.

В новых нарядах мы настолько не напоминали себя прежних, что без опаски остановились пообедать в таверне. Разнообразные блюда и ужин за большим столом подняли дух команде, и даже мне стало казаться, что будущее не такое уж беспросветное, даже если я стану настоящей чопорной старой девой при пансионе.

Несмотря на неровности дороги, Хитра прыгала и дурачилась как мальчишка. Лавронсо изображал, что он ведет мобиль, а я двигала рычагами в новом темно-синем глухом платье с белым воротничком, который только оттенял мое лицо "сушеной рыбы", в темно-сером капоре, с седыми прядями, на этот раз настоящими, купленными в лавке для театральных поставновок. "Берлиэль" перебирал струны мандолины. Секирд сидела неподвижно, привыкая к новой себе — наряд обеспеченной орчанки-горожанки был необычным, но Секирд очень шел.

Когда первые орки просочились в эти земли из южных равнин, степей и лесов, когда только начали расселяться в городах и оседать в селах, они сменили набедренные повязки из шкур и миниатюрные кожаные жилеты на человеческую одежду — даже на юге Вавлионда погода более требовательна, в холод или ветер полуголым не побегаешь. К тому же, в города полуодетых орков не пускали, а в селениях смотрели косо и принимать в общину отказывались. Поэтому мужчины переоделись в штаны и рубахи, с той лишь разницей, что по теплому времени предпочитают обходиться без рукавов, а орчанки стали носить человеческие юбки, подтыкая их с боков, чтоб не мешали, или мужские штаны — ног орчанки не стесняются, а обвинять в бесстыдстве обладательниц мощных зеленых кулаков и заметных клыков никто не решится.

Последние полсотни лет немало городских орков выросло от низовых ремесленников до владельцев мастерских, от чернорабочих до мастеров мануфактур, от землекопов до строителей. Орчанки и раньше не отставали от мужчин, благо, крепость мышц позволяла выполнять тяжелые работы, а теперь тем более. Никто не здравом уме не заявит орчанке, что, дескать, управлять цехом — мужское дело. Несмотря на то, что первые поколения орков на земле Вавлионда считали учебу делом дурным и ненужным, нынче даже орки-механики попадаются. Немало мелких лавочек превратилось в добротные магазины.

Я заказывала брюки в швейной мастерской, которую держала орчанка. Тонкие работы вроде шитья орчанкам давались плохо, но человеческие женщины и смески охотно шли трудиться под начало орчанок-модисток — орки еще не обзавелись человеческой привычкой гнобить подчиненных. Мастерская была маленькая, и примерку устроили тут же. Орчанки кроили и гладили, человечки шили, и все болтали без умолку друг с другом про детей, мужчин, кулинарные рецепты, способы чистки меди и шитье одеял — вечные общие женские темы. Только в одежде у человечек и орчанок вкусы разные.

Получив новый статус, орчанки примерили городские наряды человеческих женщин, но сочли их неподходящими для своих мощных статей, и придумали собственную моду: брюки с большими карманами, укороченные спереди юбки и кожаньеты.

Кожаньет по конструкции похож на корсет, но шьется из кожи и надевается поверх рубашки или блузы — дань орочьему прошлому с их неизменными короткими кожаными жилетами. Столичные орчанки придумали украшать кожаньеты металлическими кольцами, клепками, петлями, нарочито большими и блестящими застежками — чем богата фантазия. Их соплеменницы в провинции быстро подхватили хорошую идею. Парадные кожаньеты блестят золотом, повседневные — железом или сплавами меди. Орчанские модницы подбирают цвет металлической фурнитуры под оттенок своей кожи, а кожа у орков бывает всех видов зеленого.

Человеческие женщины посчитали кожаньеты слишком грубыми, но на орчанках эти одежды хороши.

Городские орчанки при деньгах по-прежнему показывают, что стеснение им чуждо, но они на свой лад отдают дань красоте. Брюки современных орчанок короткие, до середины голени, украшенные цепочками, шнуровками и непременно с большими карманами. Если орчанка носит юбку, то присобирает ее спереди до колен — и удобнее, и не как у людей.

Секирд сегодня была в бордовых брюках с карманами на бедрах, кремовой рубашке и в коричневом кожаньете поверх нее. Дварфо выбрало модель, которая облегала талию под грудью и с боков поднималась к плечам. Сейчас Лавронсо поглядывало на девушку с интересом художника, который впервые выставил произведение в галерее. Кажется, даже дыхание затаило, когда она вышла из омовейной, переодевшись.

Вчера в модном салоне "Дикий лук" я успела заскучать, пока Лавронсо бродило между манекенами, придирчиво рассматривало каждый и что-то бормотало себе под нос. Наконец, оно решилось на покупку. К нам вышла сама хозяйка, орчанка во всем орочьем великолепии: красная многослойная юбка, поднятая спереди над мощными коленями, черный кожаньет с золотистыми вставками и белая блуза. В сочетании с ее собственной кожей цвета лесного мха смотрелось оглушительно.

Довольная произведенным эффектом модистка обернулась ко мне, но я кивнула на дварфо. Она расплылась в умиленной улыбке и развернула перед Лавронсо целую палитру зеленых оттенков — выбрать цвет кожи Секирд. Дварфо долго рассматривало квадратики от оливкового через травяной к морской волне, и наконец, с широкой улыбкой остановилось на хризолитовом. Модистка задумалась, что-то прикинула и предложила на выбор три кожаньета с латунной фурнитурой. К счастью, Лавронсо не стало капризничать, и вскоре хозяйка заворачивала покупки. Мы и так провели в этом модном салоне не меньше времени, чем у оружейников.

Но оно стоило того — выбранные Лавронсо вещи сидели на Секирд великолепно. Хоть не было в ней орчанской мощности, но угловатость в этом наряде выглядела строгостью, субтильность — гибкостью. Одевшись, полуорк-полуэльфийка долго смотрелась в зеркало на двери омовейной, и что-то в ней изменилось. Может быть, убавилось презрения к себе?

* * *

Южный тракт, который идет с запада на восток по, как можно догадаться, южной части Вавлионда, был проложен сравнительно недавно, когда уже появлялись мобили, поэтому сделали его широким, чтоб три мобиля могли встать в ряд. Если справа тащится повозка, а навстречу ползет обоз, все равно между ними можно пронестись на дом-мобиле, оставляя позади чихающих от пыли селян.

По Южному тракту мы долетели до Боулесина, объехали город и свернули на север. Эта, с позволения сказать, дорога была намного уже нового тракта, а повозок и дилижансов по ней ехало немало. Когда-нибудь местные власти поймут, что магтехника не стоит на месте, и здесь нужен настоящий широкий тракт. Но сейчас даже на мобиле не разогнаться. Мы то трюхали вслед за селянскими повозками, пропуская встречные обозы, то притормаживали, одним колесом съезжая на обочину, чтобы разъехаться с таким же широким дом-мобилем.

Я повернула рычаги, снова сбавляя скорость перед группой всадников. Был бы здесь тракт, мы бы часа за четыре долетели до поворота к артефакторам. А с нынешней скоростью нам еще и ночевать по дороге придется.

Обсудив на ходу планы, компания решила остановиться в городке по пути. Оглядев друзей я решила, что мы достаточно неузнаваемы, чтобы в кои-то веки снять комнаты в приличной и недешевой таверне. Мы с Секирд и Хитрой поселились вместе. После избавления от чужака лисица предпочитала спать в обороте — соскучилась по ипостаси. Кровати заняли мы с эльфо-орчанкой. Бейлир и Лавронсо сняли вторую комнату. Дварфо ворчало, что ему не пристало ночевать вместе с мужчиной, но я проигнорировала все намеки. Мы с девочками твердо были намерены выпить отваров вечером в одних ночных сорочках и обсудить мужской пол. Секирд явно собиралась задать какие-то женские вопросы, Хитра предвкушала возможность узнать то, о чем юной княжне никто не рассказывал, и поступаться этим веселым времяпревропождением ради неопределившегося дварфо никто не стал.

Отмокнув в настоящей ванной, мокрые и довольные мы пили чай с булочками и болтали. Я поняла, что недооценивала самоотверженность наших преподавательниц в "Шиповнике". Давать наставления юным девицам — это такая огромная ответственность, что я бы от нее с радостью отказалась, но две пары глаз смотрели на меня с ожиданием, и отступать было некуда. Хоть Секирд и ненамного моложе меня, но ее опыт не дал ей ничего, кроме отвращения к своему облику, а в некоторых вопросах она была даже хуже осведомлена, чем Хитра. Ту хоть не успели напичкать "мудростями", которыми несчастливые дамы любят поучать молодежь с высоты своих неудач.

Хитра еще только примерялась ко взрослой жизни, и я старалась убедить ее отложить главу "Мужчины: заведение и обращение" на несколько лет. Уловив огонек недоверия в ее глазах, я спросила:

— Хитра, ты хочешь, чтоб твое будущее зависело от мужчины?

— Нет! — вскинулась бывшая княжна.

Я удовлетворенно кивнула.

— Тогда мой тебе совет: устройся для начала, встань твердо на ноги, и тогда мужчина не сможет уронить тебя в грязь.

— Я даже не знаю, чем я могу заработать на жизнь. Не в подавальщицы же идти.

— Ни в коем случае! — хором крикнули мы с Секирд.

— Меня учили многому и… ничему, — княжна уткнулась носом в колени. — Жене князя нужно услаждать его взор и… — он скривилась, — и не только, но даже об этом толком не говорили! Князь решает, кто из жен занимается приемами, кто — нанимает учителей, гувернанток и нянь, и следит, чтоб дети были здоровы, правильно одеты и обучены. Кто присматривает за экономкой и слугами, кто за кухней и поварами… А если дела для тебя не найдет, будешь сидеть целыми днями в Женской башне, гобелен ткать, вышивать и строить козни другим женам. Бр-р-р. Как хорошо, что я убежала! Была б моя

воля, я бы вообще не росла в Княжеском дворе! Я бы выбрала селение. Я травы люблю, когда деревья цветут, люблю, я к яблоне каждый день бегала, смотрела, как яблоки растут!

Я задумалась. В посещениях книжных лавок я не обращала внимания на те разделы, где стояли книги по домоводству. Дома у меня давно не было, а хозяйство ограничивалось стиркой вещей и готовкой на нагревательном артефакте или на костре, и возиться с деликатесами никогда не было возможности. Но кажется, книги для садоводов там продавались. Не всем повезло перенять науку от родителей, а в городах, особенно небольших, бывало, что мать семейства разбивала цветник или устраивала маленький сад.

— Завтра с утра поищем книжную лавку. Здесь должны быть книги для тех, кто хочет растить сады.

Хитра захлопала в ладоши, а когда успокоилась, спросила:

— Но все-таки, как понять, парень серьезно ко мне или так?

О-ох…

Глава 19

Выехали мы поздним утром. Хитра устроилась на мягком сидении в углу между стенкой и шкафом, зарывшись носом в толстенную книгу "Всё про южные сады". Издание было красивое, с подробными иллюстрациями, и — такая редкость нынче! — на прекрасной белой бумаге. После нашего разговора само собой разумелось, что Хитра поедет с Секирд и Лавронсо на острова, и там за ней присмотрят.

Секирд купила книжку по первой медицинской помощи существам разного вида. Чуть потемнев кожей (что у существ с орчиной кровью означало покраснеть от смущения) она сказала, что в команде должен быть кто-то еще, знакомый с медициной. Вдруг Лавронсо опять ранят? Вдруг ему придется выхаживать сразу двоих? Я сделала вид, что поверила. Лавронсо, кажется, так ничего и не замечало. Имею ли я право повернуть его взгляд в нужную сторону? Когда дварфо определится, меня рядом не будет. Не хотелось бы, чтоб они оба потом жалели, что вовремя не разобрались.

Лавронсо было вынуждено пялиться на дорогу, поэтому потребовало, чтоб я развлекла его рассказами о былых делах, но вскоре стало ворчать, что я всё делала не лучшим образом, и приступило к собственной биографии.

Кажется, Бейлир научился впадать в лирическое настроение по своему желанию, потому что несмотря на утреннюю разминку с мечом, в дороге он взял листы бумаги с карандашом и, нашептывая что-то потолку, записывал неровные строки.

* * *

По моим расчетам, мы должны были приехать к лаборатории артефакторов около трех часов дня. Бейлир предложил остановить Стрекозу на подходе, пробраться на хутор пешком и посмотреть, нет ли бандитов, но я отказалась от этой идеи. Хоть Стрекоза теперь звучит намного тише, все же механический звук мобиля разносится по далеко по лесу, скрываться все равно не получится. Будем действовать по обстановке.

Даже если все пройдет благополучно, обратно мы сегодня не поедем. Я ожидала, что у артефакторов не один ящик инструментов, бумаг и механизмов, которые они пожелают взять с собой. Скорей всего, наша омовейная и проход будут забиты до потолка. Все, что я знала об ученой братии, говорило, что груза они упаковали на два дом-мобиля без других пассажиров, кроватей и прочего имущества внутри. Значит, какое-то время уйдет на то, чтоб выбрать самое нужное. Верней, сначала убедить артефакторов, что часть вещей придется оставить, а потом выбрать самое нужное. Остальное запрем понадежнее, и позже дварфы пришлют курьеров, когда это станет безопасно. Возможно, что-то из груза даже дождется.

Я еще не знала, что реальность превзойдет мои самые смелые ожидания.

Мы свернули с тракта на дорогу поменьше, затем еще меньше, передохнули, и я заняла привычное водительское место — вряд ли мы встретим кого-то в этой глуши. Мы тронулись по проселочной дороге, такой узкой, что ветки скрежетали по бокам Стрекозы. С трудом одолев последний поворот, наш мобиль, наконец, вырвался из плена переплетающихся над крышей веток и выехал на широкую просеку с чистым небом над крышей. Эта дорога вела прямиком к хутору. Интересно, каково им в сельском деревянном домике? Или там два? Наверное, под лабораторию приспособили сарай.

Впереди показался широкий просвет, в котором виднелась бревенчатая стенка обыкновенного селянского дома, а за ней торчала водонапорная башня. Приехали. Вывернув

на поляну, я остановилась.

— Сталагмит мне в задницу!

— Укуэтима! Укарима!

— Во дают!

— Гарни, что они понастроили?

Последний возглас принадлежал Хитре, и он содержал хоть какой-то смысл. Я выбралась из кресла и подошла к окну по правой стороне, куда прилипла вся остальная компания.

Да, моих спутников можно понять. Бревенчатый дом с сараем артефакторы забросили. Теперь я видела, что все подходы к нему заросли травой. Расчистив достаточно места на небольшом пригорке, три гения возвели небывалое строение. На узком основании с подпорками высились три этажа с круглыми стенами. Лишь с той стороны, что обращена к югу, отдавая дань удобству, выступали вперед прямые широкие окна. Первый этаж охватывала веранда с деревянными перилами. Второй этаж смотрел на лес большим круглым окном. Из третьего выдвигалась отдельная навесная комната, и все это безобразие венчала крыша-полусфера, забитая непонятными агрегатами. Из стен торчали не менее загадочные устройства.

Наш приезд заметили. Женщина и мужчина в белых халатах вышли на веранду, присмотрелись к нам и стали спускаться вниз по лестнице. Секирд отмерла и открыла дверь мобиля.

Артефакторы представились и попросили называть их по именам: Джанин и Алоис. Третий, Маврикий, остался в лаборатории завершать последний эксперимент.

— Джанин, насколько я знаю, вы поселились здесь, на хуторе, чтобы сохранить тайну. Но я вижу, что вы построили большое здание. Вы не побоялись, что строители раскроют вас не тем, кому нужно?

Джанин и Алоис рассмеялись, и артефактор довольно ответил:

— Не было никаких строителей. Все сами! — И, насладившись нашим обалдевшим видом, пояснил: — Первым делом мы собрали строительных помощников. Увы, управление ими столь сложно, что продавать их строителям нет никакого смысла, но нам втроем удалось возвести это здание всего за месяц.

— А материалы? — потрясенно спросила я. — И где же эти невероятные помощники?

— Разобрали, — пожал плечами Алоис. — Материалы нам доставил наш друг, единственный, кто знает, где мы находимся. Он сворачивает с тракта к нам по ночам. Да, в то лето ему пришлось погонять своих тяжеловозов.

— Но почему дом круглый? — подало голос Лавронсо.

— Донно, вы прогуливали уроки стереометрии? — мэтр Алоис смотрел на Лавронсо тем взглядом директрисы, который я репетировала недавно для “сушеного” образа. — Даже пятилетним детям известно, что сфера обладает наибольшим объемом при том же расходе материалов. По крайней мере, таковое правило верно для трехмерного пространства.

Лавронсо подавилось воздухом, но нашло в себе силы ткнуть в прямые окна на портике:

— А это?

Неожиданно Алоис смутился:

— Увы… соображения практичности заставили несколько поступиться принципами для установки стенда, которому нужен дневной свет. Но в остальном… о, вы скоро увидите, как мы устроились.

У Алоиса загорелись глаза, и нас провели внутрь. На лице мэтрессы Джанин я уловила едва заметную улыбку.

Внутри нас встретили круглые же стены, отделяющее центр от коридора, который огибал всю башню.

— Это наш бытовой этаж, — послышался голос мэтрессы. — В центре холодильная комната. Доверенный человек привозит нам материалы и заказы раз в две недели, он же поставляет продукты. Пришлось потрудиться, чтоб создать достаточно большое хранилище. Здесь кухня, дальше ванная с прочими удобствами и спальные комнаты.

— Это кухня? — обалдело произнесло Лавронсо, уставившись на облепившие стену механизмы, среди которых выделялось нечто вроде миниатюрной гильотины внутри большой колбы с металлическим дном.

— Кухня, — довольно произнесла Джанин. — Неужели вы думаете, что мы станем отрываться от работы ради приготовления еды? Заводить прислугу нам показалось излишним, учитывая, что пять лет мы сохраняли наше расположение в тайне.

— Но кто же здесь готовит?

— Механизмы, конечно! Алоис, сегодня ваша очередь запускать Оливьера.

— Оливьера? — переспросила я.

— Мы дали кухонному магмеханизму имя, — объяснила Джанин. — Поверьте, уже ко второму году жизни в маленькой компании у всех появляются милые чудачества, — рассмеялась она.

Алоис достал кипу листов, переплетенных на скорую руку в объемную книгу. Полистав, он выбрал одну из страниц, где под заголовком “Степное рагу с аршеванским соусом” развернулся список ингредиентов. Больше на странице не было ничего — ни способа приготовления, ни намека на то, что делать с продуктами. Но справа в колонке стояли некие обозначения с цифрами рядом.

Алоис исчез за незаметной дверью в центре зала, чтобы вскоре вернуться с корзиной, наполненной овощами, и завернутым в бумагу куском мяса. Артефактор по очереди загрузил продукты в шкафчики, плотно закрывая каждый металлической дверцей, сверился со

страницей “Степного рагу” и повернул рычажки. Последними он покрутил шестеренки под несколькими стеклянными емкостями с разноцветными порошками.

— Специи? — догадалась я.

Джанин кивнула и призналась:

— Жаль оставлять “Оливьера”, но я надеюсь, за ним еще вернутся. Я напишу подробно, как его разобрать.

Закончив, Алоис дернул за самый большой рычаг, и “Оливьер” загудел, зашумел, зажурчал водой — что-то мылось, что-то чистилось, в колбу упал клубень репы, гильотина его быстро измельчила, и результат провалился сквозь открывшееся дно в пузатую металлическую емкость, внутрь которой заглянуть было невозможно.

Даже эльф таращился на это действо не дыша, не говоря уже об остальной компании.

— Полагаю, вам стоит осмотреть лабораторию, — проворчал Алоис, — верней, то, что от нее осталось.

Мы поднялись на второй этаж, и едва мы переступили порог, как мне показалось, что я попала в желудок механического чудовища, которое урчит переплетениями труб, щелкает шестеренками и трещит огромными, с два кулака, лампами со светящимися кристаллами внутри. То тут, то там зияли пустоты — самое ценное артефакторы уже упаковали.

Третий мэтр стоял к нам спиной и что-то бормотал. Джанин окликнула его:

— Маврик, за нами приехали!

Ее слова не возымели никакого эффекта.

— Маврикий!

Мэтр, наконец, обернулся, поднял гогглы на лоб и неприязненно осмотрел нас:

— Хиловатые грузчики. — И повысив голос, дабы придать ему грозности, едва ли не взвизгнул: — Если уроните что-нибудь, я за себя не ручаюсь!

— Мэтр Маврикий, в нашу задачу входит вывезти вас отсюда и предотвратить возможные неприятности. Грузить нас не нанимали.

Я заметила, как дрогнул уголок губ Джанин.

Мэтр Маврикий содрал с себя халат и гогглы, швырнул одежду в сторону и крикнул:

— Я говорил, что это дурная идея! Джанин, отправь их прочь. Останемся здесь, сделаем еще защитников, никто к нам не сунется.

Я отметила про себя, что несмотря на все старания Алоиса выглядеть главным, заправляет троицей вовсе не он.

— Маврикий, если ты желаешь остаться, воля твоя, — устало ответила Джанин. Судя по всему, этот спор они вели не в первый раз. — Но оборудование мы забираем с собой, поскольку оно записано на мое имя.

Мэтр ничего не ответил, обошел нас по широкой дуге, лавируя между полупустыми столами, и загрохотал вниз по металлической лестнице.

— Мэтресса, мы впечатлены лабораторией, — искренне ответила я, кивнув на остальных, которые разбрелись по большой круглой комнате и рассматривали механизмы, — но мне бы хотелось увидеть ящики, чтобы оценить, сможем ли мы погрузить все в наш мобиль и вывезти сразу.

— О, за это не волнуйтесь! — просияла улыбкой Джанин. — Это здание было вторым, которое мы построили для наших нужд. Первый год мы ютились в старом селянском домике, а для лаборатории сделали нечто вроде флигеля. Мы и после использовали его для некоторых экспериментов, но флигель столь мал, что его удалось поставить на движущуюся

платформу. Все, что мы собираемся взять с собой, мы сложили внутри. Вы подцепите платформу к мобилю, и не придется ничего перегружать! В мобиль мы отнесем лишь свои вещи и несколько самых ценных ящиков.

У меня появилось весьма недоброе предчувствие.

Джанин подвела меня к окну. Я едва не застонала. То, что я приняла за водонапорную башню, оказалось верхушкой невообразимого строения. Да, действительно, на колесной платформе, имеющей отдаленное сходство с мобилем, стоял флигель в два этажа. Наверное, артефакторам было очень скучно здесь, в глуши, потому что выглядел этот флигель как сказочный домик — с одной стороны. С другой к нему прилепилась уродливая конструкция из металлического цилиндра и венчающей его круглой крыши, которую я приняла за водонапорную башню. Но главное, главное, все вместе было вдвое выше Стрекозы.

— Джанин, это… — я откашлялась, — это потрясающе, но сквозь лес оно не проедет.

— Не беспокойтесь, Цинтия, я лично вымеряла просеку.

— Кхм… Вы доходили до поворота?

— Нет. Зачем? Если я гуляю по лесу, то не по дороге.

— Мы ехали по широкой просеке последние четверть часа, повернув сюда с узкого проселка. То, что ветки задевали за бока нашего мобиля, не страшно. Он, пожалуй, такой же ширины, как ваш флигель. Но деревья смыкаются едва ли не над самой крышей, а порой мобиль сдвигал висящие ветви в сторону. Ваша конструкция слишком высокая, чтобы проехать до тракта. Кроме того, обычно мобиль едет довольно быстро, и либо мы будем ползти со скоростью селянского обоза, либо ваше строение опрокинется.

Мне было жаль расстраивать артефакторов, но эта оторванность от практических сторон жизни была так некстати.

Глава 20

Мы нашли мэтров на веранде, яростно споривших. Я взяла на себя нелегкую миссию донести неприятные новости до Алоиса и Маврикия. Последний и так меня невзлюбил, а после разъяснений разразился ругательствами, половины из которых я не поняла — похоже, он приспособил под выражение чувств разнообразные научные термины. Что такое, скажите на милость, изоляция пробитая? А тиристор дефективный? Я побывала и тем, и другим, и еще полудюжиной непонятных сущностей, пока Маврикий не исчерпал их запас и не махнул рукой:

— Два дня! Нам нужно два дня, чтоб восстановить хотя бы одного самого простого "строителя", снять второй этаж и перегрузить… — тут его голос дрогнул, — хотя бы самое ценное на первый! Два и ни часом меньше!

— Согласились бы полгода назад, собрались бы спокойно, — проворчало Лавронсо, когда мы отошли.

— Погоди, — остановила я его. — Им предлагали переехать полгода назад?

— Ну да. Тогда отказались, а тут вдруг согласились, сами написали письмо, мол, если еще приглашаете, мы ваши.

— Лавронсо, — глухо прорычала я, стараясь не выдавать окружающим ярость. — Я должна была узнать об этом сразу, как получили задание. Тогда мы летели бы сюда вчера с раннего утра и без остановок, а может статься, еще ваших дварфов прихватили бы, чтоб побыстрей собрать в дорогу эту артефактную братию.

— Не поняло, — призналось дварфо.

— Из-за чего они могли внезапно согласиться на переезд?

— Хм. Думаешь, бандюганы за ними уже приходили? Тогда где они? Почему оставили списываться с Халцедонами и дали время убежать? Что-то здесь не то.

— Не то. Я сейчас выясню, что именно.

Я вернулась к Джанин и попросила отойти со мной для разговора. Мы вернулись в лабораторию, обошли холодильный шкаф и сели за обеденный стол. Я спросила напрямую:

— Мэтресса, к вам приходили бандиты и потребовали перейти под их протекцию, не так ли?

Джанин виновато посмотрела на меня:

— Как вы догадались?

— Вы внезапно приняли предложение Халцедонов, хоть и отвергли его всего полгода назад. Что-то вас испугало так, что вы готовы бросить устроенное место и переехать к дварфам. Из наших прошлых приключений я знаю, что расположение лаборатории попало к бандитам. Вывод очевиден. Но мне интересно, что случилось потом. Судя по тому, что вам удалось передать со своим другом письмо, за хутором никто не наблюдает, и это странно.

— У нас есть "защитники". Они справились с бандитами, — лицо Джанин приобрело совершенно несчастное выражение, она старалась не смотреть на меня.

— Кто они такие? Другие бандиты? Постойте… Маврикий говорил "сделаем еще защитников". Сделаем?

— Это артефакты, — едва слышным шепотом сказала Джанин. — Мы поставили их на нескольких тропах, чтобы отпугивать зверье. Когда зверь приближается, "защитник" выпускает маленькую молнию, совсем крохотную, доставить неприятности, но не убить. Мы

все носим кольца, — она показала на широкий ободок вокруг пальца, — и “защитники” нас “не видят”. Два Алоис установил в кустах у дороги, но включать не стал. Просека чем-то не нравится зверям, они там не ходят. Может быть, потому что расчищали ее с помощью магии. Поэтому мы с Маврикием удивлялись решению Алоиса. От кого защищаться, если зверей там нет? Но Алоис говорил нам, что он бы и четыре там поставил, двуногие звери бывают страшнее четвероногих. — Джанин вздохнула. — Как видите, он был прав. Тогда мы смеялись — кто нас найдет? А если найдут, разве помогут молнии? Алоис подумал и потребовал, чтоб мы сделали ему браслет, который может одновременно включить всех “защитников”, настроить их на такие молнии, которые будут не жалить, а убивать. Это нас и спасло.

Я уже догадалась, что стало с бандитами. Мне стало невероятно жаль Джанин. Это я привыкла, что моей волей живой человек может стать мертвым. Мирной женщине тяжело.

— Джанин, я бы предложила вам заварить отвар, но я не знаю, способен ли на это Оливьер.

— Здесь в шкафу чашки. Видите углубление? Вставьте туда чашку. Сверху над ним колесики с цифрами. Первое — успокоительный сбор, второе — бодрящий, третье — сушеные фрукты, мой любимый.

— Я думаю, вам сейчас лучше выпить первый.

— Если покрутите два, будет смесь.

Я выполнила все, как она сказала, и сделала вторую чашку себе, с бодрящими фруктами.

Отхлебнув отвара, Джанин продолжила рассказ:

— Когда подъехал карет-мобиль, мы вышли на шум. Бандиты остановились на въезде и вышли из мобиля. Один из них подошел к нам и сказал, что мы должны поехать с ними, у нас полчаса на сбор вещей. Трое из них останутся вместо нас упаковывать лабораторию. За ней заедут позже. Я удивилась и сказала, что мы никуда не собираемся. На что этот человек ответил, что нас никто не спрашивает. Или мы едем сами, или нас свяжут и увезут как есть. Мы нужны таким людям, которые долго ждать не будут. И тогда… — Джанин сделала большой глоток и поморщилась, отвар был довольно горячим, — и тогда Алоис нажал на узел в браслете. Бандит стоял спиной к мобилю и только слышал треск. Что сделал Алоис, он тоже не заметил. Алоис укрылся за нашими плечами. Тогда я удивилась, обычно при намеке на опасность он прикрывает меня собой. Сейчас я уверена, Алоис предполагал — придется действовать именно так. Молнии затрещали, четверо бандитов упали, один был еще жив и застонал. Тот, кто разговаривал с нами побежал к остальным, не понимая, что произошло, и Алоис снова пустил молнии, теперь уже на всех пятерых.

Пять трупов. Хороши артефакторы. Страшно подумать, что будет, если такая штука попадет в недобрые руки. Нужно перевозить эту гениальную троицу к дварфам как можно быстрее. Дварфы, в отличие от людей, думают на дюжину шагов вперед, прежде чем выпустить в мир какое-то изобретение. Никто не знает, какие секреты таятся в их лабораториях, даже дварфы других кланов могут не знать.

— Куда вы дели тела?

— Алоис с Маврикием сожгли их той же ночью, а останки закопали.

— Не знаете, Алоис их обыскивал?

Джанин развела руками.

— А мобиль?

— Мобиль здесь недалеко в кустах, хорошо укрыт ветками. Мы подчистили все следы,

но бандит упоминал, что мы нужны кому-то повыше. К счастью, под вечер приехал наш друг, мы тут же передали с ним письмо и начали упаковываться.

Я тяжело вздохнула:

— Когда это произошло?

— Три дня назад.

— Ваш друг быстро добрался до Халцедонов.

— Теперь у него карет-мобиль. Мы над ним поработали, чтобы он шумел намного меньше. В тот раз он не стал ночевать у нас, а выпил разные зелья и поехал сразу в Боулесин.

Я прикинула время. Получалось, что неведомый друг приехал к Халцедонам под утро, и уже через несколько часов нам дали задание. И снова, снова не сообщили всего! Если бы артефакторы написали, что им угрожает опасность… Если бы мне хотя бы сказали, что артефакторы внезапно приняли предложение, от которого уже отказались, мы не тратили бы время на магазины, мы сорвались бы в дорогу в тот же день, я выпила бы все зелья, и были бы здесь еще вчера утром. Если бы!

Глубоко вздохнув, я решила выяснить хоть что-то.

— Кто он, ваш друг? Удивительно, как никто его не выследил за эти годы. Вы не написали Халцедонам про бандитов, потому что не доверяете этому другу?

Джанин посмотрела на меня оценивающе и решилась:

— Мы ему полностью доверяем. Это мой отец. Мой и Маврикия. Он когда-то служил в военной разведке, а может, и не только в военной. Он хорошо умеет скрываться и заметать следы, поверьте. Узнай отец про бандитов, он пожелал бы нас защищать, но в одиночку он бы не справился.

Теперь стало понятнее. Как любящая дочь она не хотела волновать отца и подставлять его под бандитские ножи.

— Алоис тоже ваш родственник?

— Нет-нет, Алоис не из нашей семьи. Мы когда-то учились вместе.

Что ж, не хочется огорчать женщину, но… увы.

— Джанин, вы понимаете, что придется бросать все и выезжать в ночь? Сегодня? Я могу вести мобиль под ночным зельем. Полагаю, сейчас люди, которые не любят ждать, уже знают, что предыдущая миссия провалилась, и пришлют новую команду, которая будет сильнее и осторожнее.

Мэтресса всплеснула руками:

— Мы не можем бросить все, Цинтия, не можем. Здесь слишком много наработок, которые не должны попасть в плохие руки.

— Их можно уничтожить.

— Далеко не все, и… Цинтия, это несколько лет нашей жизни!

— У вас явно остаются бумаги, описания, чертежи, вы всё восстановите, иначе эти несколько лет могут оказаться последними!

— Нет, нет. На уничтожение магических устройств у нас просто не хватит сил, а попади такая вещь к хорошему артефактору, он сможет разобраться. Даже если сложить все в нашу лабораторию и поджечь, что-то может уцелеть. Цинтия, вы будете спокойно спать, если бандиты получат коробочку величиной с ладонь, которая умеет медленно убивать? Она может вызвать болезнь, и никто не узнает, что человек занедужил неестественным путем. А наш “строитель”? Его можно приспособить не только для созидания. Разрушать он будет с неменьшим успехом. Главный блок небольшой, мы забираем его с собой. Но таких устройств

— половина флигеля! Я не стану предлагать вам выломать из дома-мобиля всю мебель, чтобы перегрузить ящики туда. Все равно на это понадобится время, но главное, рядом с некоторыми устройствами человеку нельзя находиться дольше четверти часа. Именно поэтому мы продолжали использовать флигель, верней, пристроенный к нему ангар.

Значит, “водонапорная башня” — лаборатория для опасных устройств.

— И я полагаю, эти страшные вещи нужно забрать обязательно, — спросила я уже безо всякой надежды.

— Именно! Но в ваш мобиль мы такие опасные устройства поместить не можем.

Первой мыслью у меня было напоить артефакторов ночным зельем и зельем бодрости, чтобы проработали всю ночь. Вохможно, тогда нам удастся ускользнуть. Но я быстро поняла, что ничего не получится. Я не я буду, если бандиты не явятся самое позднее завтра.

— Мэтресса, мне нужно поговорить с Алоисом. Придется и остальных “защитников” расставить по местам. У вас найдутся кольца для всей нашей компании?

Глава 21

Я смотрела на “защитника” — круглую пластину толщиной в полпальца и величиной с тарелку. Джанин, Алоису и Маврикию очень повезло. Вероятно, тайный отдел посчитал существование лаборатории романтическими слухами, а может быть, решили, что поющие разными голосами часы и меняющие цвет камни в ожерелье — игрушки, не стоящие высокого внимания. Если бы агенты Его Величества узнали, какие вещи эта троица делает не на продажу, а для себя… и порой лишь для того, чтоб попробовать силы… В лучшем случае их убили бы и сожгли здесь всё, не пожалев артефактов с магическим огнем. В худшем для начала выжали бы из них все сведения, а потом все равно добили. У Короны Вавлионда могли оказаться такие устройства, сама мысль о которых вызывает у меня оторопь. Но сейчас я держу одно из них в руках.

— И сколько у вас этих… “защитников”?

— Увы, всего шесть штук. Слишком много времени и дорогих материалов на них уходит.

Я осторожно положила тарелку на землю. Пусть сейчас она выключена, но я не доверяю этим артефактам, совсем не доверяю. Мы вернулись к остальной компании.

Алоис рассказал, что пошарил по телам убитых, но ничего не обнаружил, а устраивать тщательный осмотр мертвецов не стал, все же он не такой закаленный, как мы с Бейлиром. Если на бандитах что-то и оставалось, оно сгорело в магическом пламени. С этой стороны ничего не узнать.

Вместе с Лавронсо и Бейлиром мы обошли хутор, прикидывая, как расположить защиту. Алоис ушел собирать артефактные кольца, чтоб защитники не били своих. Секирд и Хитру мы посадили в Стрекозу — пока кольца не готовы, лучше пусть не высовываются.

Выяснилось, что кольца служат не только сигналом для “защитников”, но и ключами от дверей. Джанин с Маврикием не видели смысла ничего запирать, но подозрительный Алоис встроил рунные замки. Кольца даже прикладывать не нужно, подносишь руку — и замок открывается. Я и не замечала ничего, пока Джанин водила меня то в башню, то с этажа на этаж. Зачем Алоис запирал этажи, даже я не поняла.

Посовещавшись, мы составили план. Не идеальный, но какой есть. Часть первая: положить первого “защитника” на просеке, там, откуда поляна едва видна. Мы повалим дерево и устроим смертоносную тарелку под ним… Кто бы ни вышел из карет-мобиля, чтоб убрать препятствие с дороги, он мертв. Надеюсь, таковых будет двое. Вторую “тарелку” спрятать за кустами с той стороны, где растительность пореже. Именно туда пойдут бандиты, когда увидят, что бревно убрать не получится, и до хутора нужно добираться пешком.

Сколько останется бандитов, когда они придут? И сколько чудес магтехники к нам приедет? Какая ирония: стражи в Лусмеине жаловались, что им не дают даже дуо, а бандиты рассекают на карет-мобилях.

Часть вторая: расставить “защитников” так, чтоб пройти к башне-лаборатории по поляне и не встретиться с молнией было невозможным. Посадить Бейлира на самый верх башни, откуда он сможет подстрелить пару-тройку нападающих. Может быть, нам повезет, и бандиты на этом закончатся.

Если нет, то придется перейти к третьей части. Когда бандитам надоест терять

“бойцов”, они запросят переговоры. Я надену халат артефакторов и выйду к бандитам под именем Джанин. А дальше… дальше будем действовать по обстановке.

Этот план меня еще ни разу не подводил — ведь я все еще жива. Так себе аргумент, но другого у меня нет.

Я нашла Алоиса, который подносил новые кольца к какой-то мерцающей пластине, по ним бегали искры, а Алоис громко и напевно считал до десяти. Я попросила настроить “защитников”, когда закончит с кольцами.

Остаток дня мы потратили на установку смертельных тарелок и рекогносцировку леса вокруг поляны. Я переставила Стрекозу позади заброшенного домика, прижав ее чуть ли не вплотную. Мы забросали колеса всяческим хламом, заставили ящиками, повесили по бокам выданную ветошь, натерли грязью оставшиеся на виду блестящие места, и теперь это был не мобиль, а заброшенный за ненадобностью агрегат. Не стоит бандитам знать, что кроме артефакторов на хуторе есть кто-то еще.

Ужин нам сделал Оливьер, и картошка с тушеной курицей приятно удивила.

Ночь поделили по два часа на дежурства, чтоб не пропустить мобиль бандитов, если им вздумается приехать по темноте. Но утром, когда мы зевая и потягиваясь вышли на поляну, никого чужого еще не было. Значит, бандиты тоже решили поспать.

Невыносимо бодрый Алоис, который с раннего утра уже возился около повозки, убедил Оливьера сделать омлет с беконом и помидорами. Но как только мы прикончили завтрак, чуткие уши Хитры уловили рокот мобиля. Она подскочила к нам и почему-то зашептала:

— Едут! Они едут!

— Все в лабораторию. Бейлир, занимай позицию.

Я не торопясь зашла последней и накинула заготовленный халат. Если меня примут за Джанин, то стрелять не станут — артефакторы нужны им живыми. И это даст мне время для… пока не знаю. Но время даст.

Артефакторов и Хитру мы загнали на второй этаж, Бейлир притаился на самом верху, открыв три окна по разным сторонам и выход на крышу. Секирд засела с ним — наблюдать. Даже эльф не в состоянии смотреть во все стороны сразу. Лавронсо топталось где-то позади меня, отказавшись признавать себя мирным жителем.

Я приоткрыла створку окна, чтобы слышать звуки из леса. Вскоре и до меня донесся стрекот магротора. Мобиль приближался. Вот звук оборвался — бандиты доехали до поваленного бревна. Я замерла, не дыша, и скоро наши старания были вознаграждены: громкий треск и крики показали, что наша затея удалась. Лошадиное ржание. Скорее всего, приехал карет-мобиль, а остальные верхом. Снова треск — сработала вторая ловушка.

Вскоре они будут тут. Сколько их осталось?

Я приникла к открытой створке и вся обратилась в слух, поэтому едва не подпрыгнула, когда сзади подошла Хитра.

— Ты что здесь делаешь?

— Меня Бейлир послал. Он сказал, что видит в лесу движение от шестерых. Возможно, остальные где-то дальше, но эти окружают поляну.

— Спасибо. А теперь быстро наверх!

Шаги Хитры затихли на лестнице. Из леса раздался вопль, затем другой. Похоже, бандиты высунулись, и Бейлир подстрелил двоих. Со стороны Стрекозы послышался треск: кто-то собирался добраться до лаборатории перебежками, укрываясь за мобилем и ящиками, но пробудил одного из защитников.

Теперь я услышала, как спускается Хитра. Не отрывая взгляда от окна я бросила:

— Быстро говори и беги назад.

— Бейлир передал: четверо.

Значит, часть бандитов осталась в арьергарде, и кроме четверых мог быть еще хоть десяток, приехавших верхом.

Какое-то время стояла тишина. На месте бандитов я бы отступила и стала совещаться. Хорошо, что когда-то Алоис настоял на “защитниках”. Плохо, что остальные были так беспечны. Почему бы им не собрать большие и мощные огнестрелы?

Молчание затягивалось. Похоже, подошло время для третьего действия: попробовать договориться.

И правда, вскоре из кустов послышался голос:

— Не бейте нас молниями, мы хотим поговорить!

Я прикрыла створку и крикнула Лавронсо:

— Передай Бейлиру: часть третья.

Шум шагов затих на лестнице, я выждала немного и вышла на веранду:

— Один! — и для верности подняла палец.

Затем вытянула руку в ту сторону, где мы договорились оставить проход. Кусты зашевелились, и показался человек в добротном кожаном жилете и запыленных сапогах. Сомневаюсь, что лидер этой компании вышел бы под стрелы Бейлира, но этот человек и не из рядовых подручных. Скорее всего, второе лицо. Судя по пыли на сапогах, ехал на лошади, значит, не доверяет магтехнике, иначе не стал бы утруждать себя скачкой. Верней всего, артефакторов ненавидит.

Когда он приблизился по указанному мной пути, я удовлетворенно рассмотрела перекошенную от ненависти физиономию.

— Если бы ты не была так ценна для хозяина, я бы тебя лично удавил, — бандит выплевывал слова, будто надеялся попасть в меня и уничтожить на месте.

— Хорошее начало для переговоров, — я позволила себе тень усмешки.

Помолчали. Он изучал меня, я — его.

— А так ли ты ценна? Что баба понимает в магтехнике? Ты тут, небось, на подхвате, — с кривой ухмылкой процедил бандит.

— Слушай, ты, тиристор треснутый, говори, что хотел, изолянт дефективный.

Кажется, Маврикий ругался немного иначе, но бандит убедился, что такая знающая “баба” хозяину пригодится.

— Так или иначе вас отсюда вывезут. Не поедете с нами — пригонят с полсотни бойцов, наймут самых отпетых. Всех ваши молнии не перебьют, кто-то да прорвется. И лучников у вас тут не взвод, как я погляжу. У меня приказ доставить вас живыми и годными к работе. Про то, чтоб не трогать и не бить, уговора не было. Чуешь?

— Глянь туда, — я махнула рукой на ящики. — Ты как думаешь, почему мы еще здесь, а не уехали, как только прошлая компания к нам заявилась?

— Ну ящики, таратайки какие-то, нам-то что?

— А то, что без них не поедем. Уже который день пакуемся.

— Без вас допакуются.

— Скажи, дорогой, ты можешь сделать подобные молнии? — я показала на валяющееся недалеко тело его коллеги.

— Если мог бы, нахрен бы ты хозяину сдалась. Что сказать-то хочешь?

— Что мы не глупей тебя. Если бы мы могли доверить упаковку другим, сами давно уехали бы и прислали поденщиков. Нет, эти вещи должны паковать только знающие люди или, по крайней мере, знающие люди должны следить и говорить, что и как разбирать.

Бандит подвигал желваками.

— Сколько вам еще возиться?

— До завтрашнего вечера хотели управиться.

Он думал. Я тоже. План перебить всех сразу очевидно провалился. Остается тянуть время и вызнавать сведений побольше. Я рискнула закинуть удочку:

— Помощь нам и правда не помешает. Может, завтра около полудня было бы готово. Дашь своих людей?

— Троих могу прислать, — уже вполне дружелюбно сказал бандит. — Только молнии отключите. А кто это из ваших с луком так управляется?

— А ты думаешь, мы тут пять лет только кристаллами занимались? Этак и рехнуться можно. Иногда и отвлекаться надо, вот Ал и упражнялся.

Я сократила Алоиса на случай, если у бандита есть имена артефакторов, но не стала выдавать полное имя на случай, если нету. Знал бы Алоис, что я ему приписала меткую стрельбу, загордился бы наверняка.

Троих "второе лицо" может выделить. Значит, в охране останется шестеро-семеро.

— Пожалуй, троих достаточно. Только выбери, кто посмекалистей, все же с нежными агрегатами дело иметь будут, это вам не ножом махать. — Я сделала вид, что задумалась. — Да, больше помощников нам тут ни к чему. Вы ж как навалитесь толпой, разнесете нам все устройства. Чтоб в лабораторию не входили! Если не знать, за что и как можно хвататься, или себя покалечат, или артефакты.

Бандит кивнул. Я решила добавить, пока он впал в соглашающееся состояние:

— А вот носить ящики нам можно и побольше людей сюда, как все упакуем. Когда еще можете людей прислать?

— Раньше завтрашнего полудня не выйдет, — покачал головой бандит. — Может, одного еще подгоню или двоих, если дурить не будете. Хватит вам.

Значит, у них база не в ближайших селениях. Это хорошо.

Изобразив беспокойство, я испуганным голосом попросила:

— Ты отправь весточку своему хозяину, не то и правда пригонит сюда отребье!

— Отправлю, не бойсь. Отключайте охрану и лук отдайте, — он строго глянул на меня, и я изобразила покорность.

— Хорошо, сейчас скажу Алу.

Вернувшись в башню лаборатории я заперла дверь и поднялась наверх, по дороге махнув Лавронсо, чтоб присоединялось.

Со второго этажа крикнула наверх, туда, где засели Бейлир с Секирд, чтоб спускались. И когда все собрались, объявила:

— Алоис, отключай молнии, я обещала. — И дождавшись, пока тот потыкал в браслет и кивнул, продолжила: — У меня хорошие новости, плохие, очень плохие и очень хорошие. Хорошие новости в том, что нам дадут троих бандитов поумнее, чтоб помогли упаковать лабораторию.

Джанин издала нервный смешок, а Хитра и вовсе прыснула.

— Плохие новости: по моим расчетам в лесу засядет шестеро-семеро существ. Очень плохие: Бейлир, придется отдать им твой лук. Еще очень плохие: в Стрекозу нам сейчас не

попасть. Если они обнаружат, что это настоящий мобиль, заподозрят, что вовсе не Алоис по ним стрелял. Да, я свалила на тебя такую меткость, извини. — Алоис довольно усмехнулся. — Джанин, я буду вместо вас. Вы можете работать в лаборатории, но наружу вам выходить нельзя. Алоис и Маврикий, если проговоритесь, меня убьют, а Бейлир, полагаю, очень расстроится. Можете называть меня “доктор”, чтобы не запутаться.

Не могу сказать, что меня порадовала необходимость угрожать нашим подзащитным, но кто их знает, что может стукнуть в голову Маврикию, который не от мира сего, или Алоису, который — я была в этом уверена — любовник Джанин, и может решить, что он договорится с бандитами лучше, чем я.

По возмущенному лицу Маврикия и злому прищуру Алоиса я убедилась, что оба меня услышали. После паузы я продолжила:

— Остальные сидят в лаборатории и наружу не высовываются. Часть окон завесим или закроем ящиками, к остальным не подходите.

— На втором этаже стекла с чарами непроницаемости, мы можем их включить, — подала голос Джанин.

— Будем очень признательны.

— А очень хорошие новости? — поинтересовался Алоис.

— База бандитов не в ближайших городках. Сейчас они отправят курьера с сообщением, что все идет по плану, и мы выиграем время. А значит, мы успеем перебить их и убраться, пока их хозяева не забеспокоятся.

Я глянула в окно. Посреди поляны топталось двое бандитов. “Второе лицо” и еще один, высунувшись из кустов, указывали им, где еще пошагать, чтобы убедиться — молнии и правда выключили. Снять бы сейчас голубчиков одного за другим… Двоих посреди двора грохнуть молниями, двоих подстрелит Бейлир. Но где-то в тылу у них еще одна компания. Один немедленно поедет за подмогой, а оставшиеся дождутся, когда мы выйдем из башни и будем у них как на ладони. А выйти нам придется хотя бы для того, чтоб сесть в Стрекозу. Нам-то подмоги ждать неоткуда.

Нет, нужно тянуть время и высматривать возможности. Может быть, перережем их ночью. Может, наоборот, будем действовать ближе к вечеру, когда бандиты расслабятся после дня спокойствия, но еще не перейдут к ночному бдению.

Не прошло и получаса, как ничто не напоминало о бойне. Трупы оттащили, сложили в кучу, и “второе лицо” дал добро сжечь тела с помощью магического огоня, чем Алоис и воспользовался. Маврикий упоенно гонял троих бандитов, осыпая их неведомыми мне ругательствами. Про себя я назвала наших “помощников” так, как их обругал Маврикий, только без уточнений: Индуктор, Диполь и Скаляр — красиво и непонятно. Все трое были чем-то неуловимо похожи.

Когда я приблизилась, Индуктор со всем почтением задал мне вопрос, как отделять одну деталь от другой. Маврикий уже, было, вскинулся, но похожие узлы я ремонтировала в Стрекозе, поэтому быстро всё объяснила, чем поразила артефактора до вздернутых бровей. Хоть бы никто не заметил. Но нет, троица трудилась увлеченно и на совесть. И что это их в бандиты потянуло?

Индуктору понадобилась вторая пара рук, и пока он возился с двадцатью четырьмя болтами, этот вопрос я и задала:

— У тебя, вроде бы, руки правильным концом приставлены. Зачем тебе эта компания? Неужели нравится глотки резать?

— Да я и не резал еще, — буркнул он. — Мы с брательниками, — он махнул головой в сторону Диполя и Скаляра, — пятый день как к Свистку прибились.

— Что так? — я подхватила падающую гайку.

— Да вот крутили такие же гайки у одного мастера. Платил нам ни шатко, ни валко. Недавно он взял большой заказ на две дюжины тыр… таранс… железяки мощные, и много их.

— Трансмиссия?

— Во! А сроку нам дали такого, что начинали с самого рання и до полуночи не разгибались, без выходных, какие уж тут выходные. Мы, как водится, раз в неделю к нему за деньгой, а он говорит: еще за заказ не плачено, вот как сдадим, так и сразу за все выдаст. Ну мы и поверили, и дальше работать. Квартирная хозяйка нас гнать стала, мы к нему, а он: зачем вам квартира, вы тут все равно сейчас почти что и живете, вон бросьте одеяла и спите, пока заказ делаем. Кашу из трактира принесут.

Я подержала плату, а парень ловко снял восьмиугольную деталь со множеством отверстий и торчащих из них стержней разной толщины и длины. Не один и не два раза я забалтывала разговором “по душам” тех, чью душу позже отправляла к демонам. Но сегодня что-то внутри протестовало против такого подхода.

— Так месяц и жили, — продолжал рассказ Индуктор, не подозревая о моих мыслях.

— А потом он платить отказался.

— Ну да. Сказал, что мы тут спали, кристаллы жгли, кашу ели, потому за те недели нам по четвертушке жалованья положено.

— И вы его побили.

— Не успели. Я разок по морде съездил, так он заверещал, а мимо мастерской страж шел. Повел нас всех в участок, а хозяин возьми и заяви, что мы у него важные детали покрали да еще денег хотим, чтоб вернуть назад. Ну мы поняли, что ему веры от стражей больше будет, растолкали всех и деру. Только город небольшой, нашли бы нас, или сдал бы кто. Добежали до Мышиного переулка, там дальше кварталы такие, что стражи суются только по дюжине разом и то не каждый месяц.

— А там Свисток как раз набирал помощников, — попыталась угадать я.

— Нет, Вальтрап это был. Разве ж Свисток сам у папаши Склиса сидеть будет.

Могу поспорить на трансмиссию Стрекозы, что Вальтрап — это “второе лицо” с запылившимся от верховой езды сапогами.

— В лесу-то он сам сидит, не побрезговал после длинной дороги, — раскинула я сети.

— Да какая длинная… Если б не обозы, с ветерком домчались бы, а так трюхали с рассвета. Сам сидит, ага, а что ему делать. Вы прошлых-то молниями побили.

Я кивнула, отметив, что никакого сожаления у парня не наблюдается.

— А ему хозяин все давай да давай, нечего цацкаться. Вы у Свистка полбанды перебили, так он еще набрал, да побольше, чтоб с запасом.

— Таких же неприкаянных, как вы?

— А?

— Таких же обманутых?

— Да не. Остальные давно при Мышином переулке.

— И как же ты с братьями? Не страшно среди головорезов?

Индуктор осторожно уложил деталь из извилистых трубок в ящик, я присыпала ее опилками и помогла ему перевернуть стойку с тяжелым цилиндром на вершине.

— Они на нас, конечно, зыркают, но Свисток велел нас не трогать. А теперь их и вовсе четверо всего, а нас трое. Еще неизвестно, кто кого.

Четверо, которые зыркают — это явно не сами первые-вторые лица. Значит, как я и предполагала, кроме “помощников” их осталось шестеро.

— Теперь вам полегче, — ответила я, чтоб беседа текла дальше, и парень не заметил, что сдал мне все секреты.

— Да кто знает. Боюсь, Свисток злой будет. Как двоих у бревна побило, так ругался, мол, я бабу… ну это вас, значит, сам… — он опасливо глянул на меня, но я сделала непроницаемое лицо, — ругался он очень.

— Еще бы, — кивнула я.

— Доктор… а вы это… нас не убьете? Молнии у вас уж очень страшные.

Демоны. Почему-то не хотелось обещать того, что могу не исполнить.

— Молнии сейчас спят и еще долго не проснутся, — светло улыбнулась я в ответ.

Значит, неведомый Свисток набирал людей в городке неподалеку. Из Боулесина они так быстро не добрались бы. Но что-то мне подсказывало, что в этот город Свисток приехал, только чтоб оказаться рядом с артефакторами. Интересно, где его хозяин? Не хотелось бы, чтоб наши пути пересеклись после того, как уведем артефакторов у него из-под носа.

Между делом я зашла в башню и попросила Джанин приготовить обед на всех, и на “помощников” тоже.

— Лавронсо!

— Приветствую, доктор, — дварфо с глумливой физиономией приложило руку к сердцу и поклонилось.

Я в ответ лишь закатила глаза. Пикироваться сейчас не было ни времени, ни желания.

— Дварфы могут найти в Боулесине работу для тех троих, кого нам в помощь выдали?

Дварфо осторожно выглянуло в окно.

— Кровь на них есть?

— Вон тот слева сказал, что нет. Они еще на прошлой неделе в мастерской работали, железки собирали. Мастер их обманул, подставил, бандиты подхватили, все как обычно.

Лавронсо хмыкнуло:

— Если руки правильным концом, то Халцедоны подскажут, куда их пристроить. — И не сдержало ехидной ухмылки: — С остальными тоже говорить будешь?

— Нет, остальных под нож.

Я уныло пересчитала пассажиров: нас пятеро, артефакторов трое или еще трое неприкаянных. Мы с Лавронсо впереди, остальная моя команда и артефакторы сядут на лежанки. Проходы будут забиты вещами. Значит, неприкаянных устроим на полу в передней части. Раз берем таких сомнительных пассажиров, ехать придется как можно быстрее и без остановки на ночлег. Боюсь, битва с Лавронсо за право принять смесь из ночного и бодрящего зелий будет пострашнее боя с бандитами.

Глава 22

Обед прошел мирно. Джанин с Оливьером сделали замечательный пилаф и выложили на отдельное блюдо горку ранних огурцов с зеленью. Я удивилась, откуда свежая зелень, на что Бейлир ответил: “Из-под потолка”. Оказалось, под куполом теплица, и артефактов там едва ли не больше, чем растений.

Когда я вышла с пилафом, Диполь чуть не прослезился. Из плошек братьев еда исчезла в несколько мгновений.

Я решила попытать удачи и подошла к кустам на краю поляны с тарелкой, на запах которой можно было приманить половину Мышиного квартала, а может быть, весь целиком. Обращаясь к кустам я громко сказала:

— Если вы голодны, мы можем поделиться обедом.

Увы, на провокацию никто не поддался, и мест, где сидят наблюдатели, нам не выдал. Ну и демоны с вами, сами найдем. Я вернулась к “обеденному столу” из ящиков и отдала оставшуюся еду братьям-недобандитам.

После обеда Маврикий запустил “строителя”. Перед ним на треноге стоял агрегат с рычагами, и повинуясь движениям Маврикия, “строитель” разбирал крышку постройки на колесах. Скаляр выдал недетскую тираду восторга, остальные отделались отрывочными восклицаниями. Краем глаза я заметила, как кусты напротив башни зашевелились, чтоб дать сидящему за ними бандиту обзор получше. Один пост есть.

Под предлогом того, что мне нужно разбирать агрегаты в лаборатории, я засела с Бейлиром и Лавронсо над схемой хутора. Секирд просто пришла и опустилась рядом. Хорошо, что хоть Хитра занялась книгами.

Начальство наверняка осталось рядом с мобилем. Еще один при лошадях. И трое здесь — замереть как статуи наблюдатели не могли, и Бейлир уже знал все три засады, и что время от времени со стороны просеки приходит некто проверить посты.

Лошади все усложняли. Мы не сможем отрезать бандитам путь за подмогой — всадник проберется и по лесу, не такой он тут густой. Может быть, пусть едет? Мы артефакторов свяжем, кинем в Стрекозу, а ящики пусть позже забирают. И такие мысли у меня были, но я опасалась, что Халцедоны этого решения не одобрят. Свою стоянку бандитское начальство наверняка окружит хотя бы слабыми сигналками. Долетит ли нож? Стрела бы долетела, но увы.

И главное, как покинуть поляну, не вызывая беспокойства у наблюдателей?

— Одного нужно убрать, — я ткнула пальцем в место на схеме за башней. — Поговорим с Алоисом. Если вот здесь поставить ящики, они перекроют обзор второму наблюдателю, ты вылезешь через окно, и мы с тобой уйдем в кусты.

— Я с вами.

Голос Секирд звучал твердо, но я так же твердо ответила:

— Нет. Ты не боевик. Одно неосторожное движение, и перебьют всех.

Она собиралась возразить, но Лавронсо положило ей руку на плечо:

— Они правы. Я даже не прошусь, хотя у меня в жизни всякое бывало. Но ползать по лесу за теми, кто настороже — этого не было, тяжеловато я для таких дел. — Дварфо удрученно вздохнуло.

— А убирать первого как будем? — Бейлир вернул нас к насущному вопросу. —

Стрелой я б его легко снял, стрела мелкие ветки по пути собьет. Нож с такой высоты сильно не метнуть. Запутается в ветках, и только переполох поднимется.

Следующие полчаса мы вчетвером шепотом орали друг на друга, перебирая всевозможные и невозможные идеи. Выход нашла, как ни странно, Секирд:

— Если ты выйдешь с ведром и сзади башни будешь отмывать железяки, а потом выльешь воду в кусты, никто не удивится. Второй раз с водой нож полететь может.

— Артефакторы? Отмывать в ведре? При всех их устройствах и алхимических растворах? — Лавронсо с сомнением покачало головой.

— А бандиты об этом знают? Для них баба, которая что-то моет в ведре, обычное дело. Еще и посмеются, мол, мэтресса мэтрессой, а отстирывать приходится ручками как простой бабе. — Слова Секирд звучали очень убедительно.

— Это и правда прекрасная идея. Если дважды вылить воду рядом с наблюдателем, они в третий раз ничего не заподозрят. Но метать нож вслепую значит сильно рисковать. Ударить я смогу только один раз.

— Плесни кипятком, он сам и обнаружится, — пожала плечами полуорчанка.

— Дело говоришь, — усмехнулось Лавронсо и повернулось ко мне. — Он тебя, Гарни, за дурную бабу держать будет, и я не я, если не вякнет что-нибудь.

Мне понравилась эта мысль. Наверняка артефакт нагрева, чтоб кипятить в ведре воду, у Джанин найдется.

Уже через полчаса я в мокром халате купала в ведре железки, которые Джанин собиралась выбрасывать за ненадобностью. Вдоволь наполоскавшись, я вылила ведро в кусты по соседству с теми, где засел бандит. Вернувшись ненадолго в башню, я снова принесла воду и повторила действия. Третье ведро мне нагрели заранее. Приклеенный ко дну артефакт поддерживал кипение, чтоб не потерять ни толики тепла.

Размахнувшись, я плеснула от души.

— С-сука драная, — бандит не только зашипел, но и привстал, чтоб зыркнуть на меня злобным взглядом.

Я повторила движение, будто выплескиваю воду из пустого уже ведра, перехватив его левой рукой. Правая отправила нож по назначению. С коротким всхлипом мокрый бандит осел на землю.

Слева грохнул ящик — Алоис возвел высокую баррикаду, чтоб нас не было видно. Справа закрывали выступающие заросли. Я сделала знак Бейлиру. Он вылетел через окно, кувырнулся по склону и не поднимаясь нырнул в кусты. Я последовала за ним, крепко обняв ведро, чтоб не громыхало. Оставив на траве бесполезную теперь утварь, мы тихо двинулись вокруг поляны к другому наблюдателю. Я прикрывала Бейлира сзади, пока он избавлял мир от второго головореза. Спустя несколько минут пришла очередь третьего. Выпрямившись, Бейлир махнул в сторону башни, подавая знак, что теперь можно двигаться свободно. Мы разошлись, чтоб следить за подъездной дорожкой — “второе лицо” вскоре должно проверить посты.

В руку ткнулся мокрый нос, и рыжий хвост мелькнул дальше в траве. За спиной послышалось сопение.

— Девушки, что вы здесь забыли? — поинтересовалась я шепотом как можно спокойнее. — Марш назад.

— Сколько можно в башне прятаться? За вашими спинами? — яростным шепотом возмутилась Секирд.

— Лавронсо хоть не взяли?

— Нет, он пошел разговаривать с твоими бандитскими механиками.

Пожалуй, это правильно. Насчет работы в мастерских дварфо веры больше, чем какой-то бабе-артефактору.

Лисичка внезапно вынырнула из зарослей подскочила ко мне, тронула лапой и ткнула носом в сторону.

— Кто-то идет оттуда?

Хитра кивнула.

— Не от дороги, а оттуда?

Хитра снова торопливо покивала.

— Так, девушки, вы к Бейлиру, а я посмотрю, кто это там бродит.

Вальтрап, конечно, очень старался двигаться незаметно, но я знала, кого искать, а он скрывался на всякий случай. Я замахнулась ножом, но в это мгновение по лесу разлетелась трель резкого свиста. Вальтрап резко обернулся и увидел меня на мгновение раньше, чем я метнула нож. Он успел отпрянуть, клинок лишь взрезал кожу жилета. Бандит кинулся на меня с кинжалом в руке. Откатившись в сторону, я выхватила свой, вскочила на ноги и приняла боевую стойку. Скорее всего, я с ним справлюсь. По крайней мере, можно надеяться. О другом сейчас думать не стоит.

Из травы взлетела рыжая молния Вальтрапу в грудь. Наверное, Хитра целилась в горло, но не допрыгнула. Бандит покачнулся и лишь на мгновение опешил. Этого мне хватило, чтоб оказавшись рядом ударить его по руке с кинжалом, который он уже собирался всадить в Хитру, и немедленно отправить бандита к демонам.

Оказавшись на земле, Хитра отряхнулась и глянула на меня, будто спрашивая: “Ругать будешь?”

— Нечего всякую дрянь в рот тащить, — назидательно сказала я, вытирая лезвие.

Уши Хитры вытянулись вверх, она замерла, прислушалась и припустила в заросли. Теперь я и сама различила вопли, звон уздечки и ржание лошади. Сегодня день такой, что приходится много бегать.

Мы с Бейлиром успели как раз вовремя — Секирд висела на поводьях лошади, на седле, на самом бандите, и уже выбивалась из сил, стараясь не дать ему удрать верхом через лес. Лошадь снова заржала и встала на дыбы, мой напарник справился с всадником, а я подхватила летящую наземь девушку.

— Бейлир, что с шестым?

— Со Свистком? Уже ничего. Но успел таки засвистеть. Наверное, хорошую сигналку поставил.

Я опустилась на траву, обняв Секирд за плечи:

— Ты молодец, но все-таки не делай так больше.

— Угу, — ответила девушка, уткнулась мне в плечо и всхлипнула.

Я показала Бейлиру глазами, уйди, мол. Он понял. Второй рукой я трепала юную рыжую лису.

Глава 23

Ванная комната у алхимиков тоже была не как у прочих людей. Сама лохань — обычная ванна на ножках, медная и скучная. Но в углу артефакторы устроили водопад с потолка. Или дождь? Широкий медный раструб выпускал струи воды через множество мелких дырочек. Мне это показалось удобнее ванны. Такую конструкцию и в Стрекозе установить можно. Попрошу Джанин нарисовать схему и верну Халцедонам часть гонорара назад за эту штуку. Очень маленькую часть.

Хитра быстро вымылась, переоделась в свежее и побежала исследовать лес вокруг. Заточение в башне на полдня, гонка по лесу и прыжок на бандита — этого слишком много для юной оборотницы, но что-то подсказывало мне, что лучшее лечение для Хитры — лес.

— Только ненадолго! Скоро ужин!

Лисичка обернулась на мгновение, показала язык и побежала дальше.

Секирд по моему настоянию влезла в воду. Джанин принесла соли для расслабления, и теперь девушка лежала в клубах пахучего пара. Она только-только начала оттаивать душой в нашей компании. Надеюсь, сегодняшнее приключение не заставит ее снова влезть в раковину и захлопнуть створки.

Я вышла из ванной комнаты и успела перехватить Бейлира, который туда направлялся:

— Там Секирд, ей нужно в ванной полежать.

— Это Бейлир? Пусть входит, только не смотрит, — крикнула девушка.

— Не смотрю, не смотрю, — быстро согласился мой напарник, который хоть и умел приводить себя в порядок неизвестными мне способами, все же никогда не отказывался вымыться водой с мылом.

У орков стеснительности намного меньше, чем у людей. И похоже на то, что Бейлир для нашей полуэльфийки-полуорчанки был мужского пола несколько условно. Наверняка на присутствие Лавронсо она бы так легко не согласилась. Секирд упорно говорила о нем как о мужчине.

Выжав мокрые волосы и просушив их полотенцем, насколько возможно, я пошла выяснять, как продвигаются дела с упаковкой лаборатории.

Дела продвигались хорошо. “Строитель”, которым управлял Маврикий, уже разобрал верхние этажи повозки, снял крышу с нижнего, и теперь Индуктор с Диполем укрепляли стены, которые превратились в высокие борта. Повозку можно будет загрузить сверху и прицепить к Стрекозе.

— Лавронсо, как ты думаешь, сможет наш мобиль потянуть такой груз?

— Если гнать не будешь, то потянет.

— Что значит — если не буду гнать?

— Это значит, что будешь ехать, как раньше ездила, до того, как мы с Легатриком начинку ей подкрутили.

Я кивнула:

— Если б не подкрутили, наверное, и не утащили бы багаж?

— Утащили бы, только еще медленней. Плелись бы как селянский обоз, ну может, совсем чуть-чуть быстрей, — дварфо самодовольно улыбалось и имело на это полное право.

Я махнула в сторону неудавшихся бандитов:

— Как поживают наши помощники? Они хоть заметили, что без начальства остались?

— Теперь мы их начальство. Кажись, им самим в головорезы не хотелось, но сдуру думали, что деваться некуда. Подставили их, конечно, сильно, что и говорить. Сама знаешь, в мелких городках если за тобой семьи нет, так другая семья помыкать будет. А у бедняг никого не осталось.

Я поблагодарила дварфо улыбкой и подошла к артефакторам.

— Мэтресса, мэтры, я думаю, Бейлир вам уже рассказал, что с недругами покончено. Сколько работы осталось? Полагаю, что завтра к вечеру некий хозяин наших гостей может заволноваться, что от них ничего не слышно.

— С помощью младших механиков мы, действительно, закончим все раньше, чем думали. Я надеюсь, завтра утром погрузим ящики в повозку, и будем готовы ехать. Цинтия, почему вы с мокрыми волосами? Вы не воспользовались сушильным артефактом?

— Чем?

— Сушильным артефактом. Неужели ни разу не видели? Мы продали его разработку перед тем, как уехать в лес. Я полагала, что эту вещь сейчас устанавливают, по крайней мере, в обеспеченных домах.

— Увы, — развела я руками. — Последние пять лет моим домом была Стрекоза. О, у меня к вам просьба. Мне очень понравился водопад из медной чаши. Не могли бы вы нарисовать его схему?

— Конечно. Эту идею мы год назад продали Халцедонам, но для вас можно сделать исключение.

— Не стоит, я закажу у Халцедонов.

Джанин дала еще несколько указаний Индуктору со Скаляром и ушла запускать Оливьера для ужина. Я составила ей компанию — кухонный агрегат поразил меня, пожалуй, больше, чем все остальное. Джанин рассмеялась:

— По сути, все, что его составляет, было известно и до меня. Я лишь соединила части и заставила их работать в правильном порядке. По-настоящему интересные задачи практического свойства попадаются так редко! К счастью, мы можем выбирать заказы, и я давно не берусь на примитивные охранные контуры или часы с перезвоном. Но может статься, и скучный на первый взгляд заказ дает поле для новшеств. За колье для леди Тирисополь я взялась только ради баснословного гонорара. Условие было одно: стоит леди войти в зал, как всем станет ясно, что у нее на шее дорогой артефакт, а не обыкновенные бриллианты.

Я подавила смешок. Некоторые аристократы уже не знают, как показать величину состояния, если “обыкновенных бриллиантов” им мало.

— И разумеется, — продолжала Джанин, — артефакт должен был выглядеть как украшение, подходящее к бальному платью. Я долго ломала голову. Мерцающие кристаллы показались мне слишком банальными. К тому же, на балу вокруг такое обилие драгоценностей, что не блестят разве что, ливреи слуг, и то я не уверена. Представьте, я не спала две ночи, пока, наблюдая за звездами, которые то и дело перекрывались облаками, я не поняла: кристаллы должны мерцать синхронно! Случайно такого быть не может, только сложный артефакт со специально выращенными кристалликами способен дать такой эффект. Леди Тирисополь прислала мне в благодарность коробку засахаренных фруктов. Полагаю, узнала у отца про мои вкусы, — Джанин рассмеялась. — Но решение интересной задачи — вот настоящая награда!

Джанин так увлеченно рассказывала, что перебивать ее вопросом, что такое “сирхонно”

(я верно запомнила?), показалось невежливым.

Когда еда была готова, уже достаточно стемнело, и Маврикий повесил несколько кристалл-фонарей. Трое братьев соорудили столы из остатков флигеля, вынесли стулья, и мы устроились ужинать на свежем воздухе.

* * *

Ночью мы снова бодрствовали по очереди, но нас никто не потревожил. Я взяла на себя последнее дежурство, под утро. Где-то там, за лесом, вставало солнце. Сидя на веранде башни, я потягивала любезно приготовленный Оливьером фруктово-бодрящий отвар и любовалась мазками акварельно-голубого тумана, размывавшими графику ночного леса.

За спиной тихо хлопнула дверь, и мрачный Алоис, буркнув “доброе утро”, направился к механизмам.

Вскоре появилась Секирд и в ожидании завтрака присоединилась к Алоису. Я видела, как он ей что-то объяснил, и девушка потащила бревнышко к опилочной установке. Надо бы сказать ей, чтоб не надрывалась. За много лет она привыкла, что нельзя показывать слабину ни на грош, иначе потеряешь больше. Но теперь рвать жилы незачем. Устроив бревно Секирд повернула рычаг и с интересом следила, как оно превращается в мягкую стружку. Не баловала ее жизнь устройствами для удобства.

Я пошла в башню. Секирд, если что-то услышит, всем сообщит.

Не торопясь я привела себя в порядок, поделив ванную комнату с Джанин. Стоило, конечно, взять в руки гаечный ключ или отвертку, и заканчивать упаковку, но после вчерашней беготни душа и тело хором просили хоть немного побездельничать. А впереди еще дорога… Лориетта, неужели ты стала уставать? Не время, не время, еще до юго-восточного порта добраться, не попадаясь ни тайным службам, ни неизвестному “хозяину”, а еще где-то бродит лысый бандит, который знает меня в лицо.

Мне захотелось назад в лес, туда, где мы укрывались в глуши со всей компанией. Может быть, как доставим артефакторов, объявить всем выходные?

Я бы еще немного пожалела себя, но Джанин крикнула, что завтрак готов. Упоительный запах свежеиспеченной сдобы мигом вытеснил печальные мысли.

— Оливьер умеет печь?

— Да, только загодя нужно заложить все ингредиенты и поставить реле, через сколько часов начинать.

— Хочется надеяться, что когда-нибудь такие агрегаты будут стоять на кухнях простых людей.

— Простым такий механизм не по карману, а у богатых кухарки есть. Зачем им агрегаты? Только таким отшельникам, как мы, подойдет.

Эх, жалко, такая идея пропадает.

Я положила себе два рогалика, Джанин принесла печеночный паштет и несколько баночек варенья.

Вторая чашка отвара привела меня в благодушное настроение, и я даже согласилась с мыслью, что придется снова поработать. Но едва я допила последний глоток, как услышала разъяренный вопль Маврикия:

— Какого изношенного подшипника!

О, эти слова я знаю! Я радовалась, что понимаю хоть что-то из заумной ругани Маврикия, пока до меня не дошло: ругань означает, что… демоны-ы-ы… что-то снова пошло не так.

На крики Маврикия сбежались все, включая Хитру, которая прискакала из леса, отряхивая с носа перья.

— Полюбуйтесь на этот металлолом окисленный.

Маврикий нажал на рычаг на кубе, но устройство не проявляло никаких признаков жизни… то есть, никаких признаков работы, конечно же.

— Я дал ему команду поехать влево к ящику! Но это еще не все!

Одна из бортов-стен повозки была откинута, и мы могли видеть ее пустое нутро. Маврикий с натугой занес ящик и устроил его в углу. Стоило ему отойти, как “строитель” ожил. Он подъехал к повозке, поднял ящик и вынес его наружу.

— Он не дает нам грузиться. Просто не дает, — Маврикий устало развел руками. — И сам не работает, и нам не дает. Джанин!!! Сделай что-нибудь!

— Выключить? — предложила я.

— Не выключается! Я пытался кристаллы вынуть, он меня молнией шарахнул! — артефактор был близок к истерике.

Бледная Джанин и встревоженный Алоис направились к агрегату. Пожав плечами, я ушла освобождать Стрекозу от хлама и возвращать ей облик дом-мобиля. Ко мне присоединились все, кроме Хитры, которой мы разрешили и дальше побегать по лесу. Кто знает, что нас ждет дальше. Пусть ребенок порадуется.

Спустя час, когда Стрекоза была вычищена, протерта и натерта, я осторожно подошла к артефакторам. Повозка была по-прежнему пуста. Джанин без единой кровинки на лице сидела на земле. Маврикий кусал губы. Алоис то запускал пальцы в шевелюру, дергая себя за волосы, то нервно бегал ими по лицу, воротнику, лацканам халата. Я так же тихо отошла подальше.

Еще через час, артефакторы вернулись в башню. Джанин дрожащими руками покрутила все три колеса, наполнила чашку успокаивающе-бодряще-фруктовым отваром, села за стол, но не сделала ни глотка. Маврикий выглядел как иллюстрация к легендам о живых мертвецах. Алоис трясся и утирал пот.

— Он не слушается. Он не просто не слушается, а делает все наперекор, — похоронным голосом сообщил артефактор.

— Алоис, разве у механизмов может быть свое мнение?

— Нет! — неожиданно резко вскрикнул он. — Не может! Произошло что-то невероятное, чудовищное! Бунт! Бунт машинерии! Мы создали монстра! — Он уронил голову на руки. — Простите…

Отдышавшись, Алоис сделал себе успокоительный отвар. Проглотив полчашки он глубоко вздохнул и заявил:

— Маврикий, Джанин, я же умею водить мобиль. У нас есть карет-мобили бандитов. Я могу отвезти вас к Халцедонам или в другое надежное место, а сам вернусь сюда и постараюсь справиться с этим чудовищем. Команда Цинтии уже показала, что бандиты им нипочем, — я лишь фыркнула на это заявление. — Вам не стоит здесь оставаться!

Он смотрел умоляющим взглядом на Джанин, а Маврикий внезапно зашевелился, и на его лице появились какие-то иные чувства, кроме отчаяния.

— Помнится, когда мы ждали бандитов, ты собирался увезти только Джанин.

— Но ты отказывался!

— Я и сейчас отказываюсь, я и сейчас считаю, что нам следует остаться и защитить лабораторию. Всем!

— Джанин в опасности! Больше, чем мы с тобой!

— Успокойся, Алоис, я никуда не поеду, пока мы не поймем, что со “строителем”, — мертвым голосом произнесла Джанин.

Подействовал ли на нее тройной отвар, или события последних дней ее доконали, но мэтресса шатаясь пошла к лестнице и стала подниматься наверх, медленно, цепляясь за перила белыми пальцами. Я поспешила за ней.

В спальне Джанин скинула халат, и оставаясь в просторной тунике и брюках, растянулась на кровати.

— Это конец, Цинтия. Это конец. Конец всему.

— Мэтресса… Джанин… Вы по-прежнему гениальный артефактор. Если не удастся выяснить, что со “строителем”, просто уничтожьте его магическим огнем, и дело с концом! Или мы можем зацепить за него тросы и потянуть Стрекозой, опрокинем на бок, и он не сможет помешать нам сложить ящики вручную. В конце концов, главную свою работу он уже сделал.

— Вы не понимаете. Если мы создали чудовище, кто знает, что будет следующим. Цинтия, вы занимаетесь мужским делом. Вы долго создавали себе имя и репутацию, не так ли?

Я кивнула:

— Разумеется. В то, что я могу обеспечивать благопристойность сопровождения юных девиц, верили сразу. С этой стороны моя репутация была безупречна. С боевой точки зрения в нашей паре главным был мой жених, полуэльф-боевик. И когда он погиб… Это было давно, — поспешила я добавить, глянув на сконфуженное лицо мэтрессы, — да, когда он погиб, мне пришлось побороться за то, чтоб меня воспринимали не только как компаньонку-поденщицу. Кое-где даже не верили, что я могу управиться с мобилем без помощи мужчин.

— Вот видите, — устало произнесла Джанин. — На курсе артефакторов было пятьдесят существ, из них три девушки, у двух дварфийские крови, и третья — я.

— Но вы стали лучшей на всем курсе.

— Но я стала лучшей на всем курсе. До признания меня лучшей прошло два года беспрерывных боев. Никто, никто не верил, что я сама всего добилась, даже мой собственный брат считал, что мне помогает некий таинственный любовник из преподавателей! — ее голос сорвался на крик. Он помолчала и продолжила тише: — Вы называете нас гениями. Да, без таланта не стать гением. Но без демонских усилий останешься неограненным алмазом, про который спустя три года будут говорить “подавал надежды”, а через пять лет забудут. Мне же, кроме изматывающего труда на грани возможностей, приходилось каждый, каждый день пробивать стальные стены. Человечка может только отвертку подавать! — Она всхлипнула и закашлялась. — А теперь… они оказались правы. Да, Маврикий тоже гений. Он младше меня на два года, и ему пришлось признать, что и я чего-то стою, после летних каникул, когда я два месяца гоняла его по всему пройденному курсу с усиленной программой без помощи мифического любовника. Он вцепился зубами в учебу, и теперь уже он мне доказывал, что достоин называться артефактором. Два, — она саркастически усмехнулась, — два гения в одной семье. Но мы разделили области работы, чтоб не наступать друг другу на пятки. Блоки управления “строителем” делала я. И теперь всякий, всякий, всякий! Всякий, кто говорил, что человечке в артефакторике не место, может показать железный аргумент. В прямом смысле слова железный. Мужчине бы такой провал простили. Женщине, человечке — никогда.

Джанин замолчала, глядя пугающе сухими глазами в потолок.

— Оливьера тоже я собрала. Верней, Алоис с Маврикием стали мне помогать, когда первые узлы были готовы, Оливьер умел нашинковать мясо с овощами и стушить простое рагу. Мужчины совсем не думают о том, откуда берутся чистые рубашки, и как еда появляется на столе. Нет, они ни в коем случае не ожидали от меня ежедневной стирки и чудес кулинарии. Но Маврикий с Алоисом полагали, что вполне неприхотливы для жизни без бытовых забот. Представь, во что бы мы превратились уже через год. Так что, стиральный агрегат стал первым, что я сделала, а Оливьер — вторым. После рагу мои мужчины сдались, и мы вместе превратили это место в чудо магмеханики.

Она снова замолчала, и я решилась на вопрос:

— Алоис тоже признал вас за равную?

— Равную… Нет, Алоис признал, что я лучше. Вы не могли не заметить, признайте, Цинтия. Вы же не прямолинейный боевик.

— Да, я заметила, что Алоис… м… думаю, что он хороший артефактор, но не из породы гениев.

— Именно так. Мы познакомились, когда я была на втором курсе, а он на третьем. Он единственный никогда не сомневался во мне и не смотрел на меня, как на диковинную зверушку. За мной ухаживали мужчины и богаче, и выше статусом, но я не собиралась ни дня жить как винзерийская болонка. — Она помолчала и добавила. — Без Алоиса мне было бы трудней сохраниться живым человеком, а не агрегатом для достижения очередной вершины.

— Он знает об этом?

— О том, что он не гений? Конечно.

— Нет, о том, что вы его так цените.

Лицо Джанин, бывшее маской все утро, вернуло подвижность, и она удивленно посмотрела на меня:

— Разве я была бы с ним иначе?

— И все-таки… Мне кажется, слова тоже важны.

— Я подумаю… да… спасибо, что выслушали, Цинтия.

“… и ступайте вон”, — мысленно продолжила я. Прикрыв дверь с другой стороны я спустилась вниз и вышла наружу.

Следующий час я болталась без толку, мучительно гадая, что же теперь делать. Потом, вспомнив слова Джанин про стиральный артефакт, выяснила у Алоиса, где он находится и как им пользоваться, позвала Секирд и Хитру, и мы кинули грязные вещи в железную бочку. В воронку на боку добавили специальное мыло, дернули за рычаг, верней, дернула Хитра, которая посмотрела на меня умоляющими глазами, и еще какое-то время постояли, прислушиваясь к рычанию изнутри. Надеюсь, этот монстр не последует примеру “строителя” и не развесит наши панталоны на металлических стержнях, в обилии торчащих из купола.

Налюбовавшись на чудо магтехники, мы вернулись к ничегонеделанию.

Может, и правда усыпить артефакторов и увезти? Или усыпить артефакторов, затем повалить это чудовище, подцепив его за Стрекозу, быстро загрузить повозку силами братьев-недобандитов, и уехать? Вскоре я начинала склоняться к этой мысли. Бейлир и Лавронсо, которым я поведала свой план, признали, что из всех решений это самое безумное, но и самое разумное. И если до трех дня положение не изменится, так и сделаем. Я порывалась сварить сонное зелье, но у Лавронсо с собой оказался бутылёк готового — необходимое

средство для лекаря. Я едва не обрадовалась вслух. В сложившихся обстоятельствах это показалось бы странным.

Время шло, но ничего не менялось. Маврикий раз за разом ойкал, пытаясь вытащить кристаллы из недр чудовища. Алоис и братья подсчитывали, как быстро “строитель” может обнаружить появившийся ящик. Вскоре все уморились от таскания тяжестей и сели на траву скорбной группой.

Я устроилась в тени башни и бездумно смотрела, как солнце ныряет в белесые облака. В другой день я бы предавалась безделью с удовольствием, но не с магмеханическим монстром под боком и не с бандитами, которые дышат в затылок.

Неужели Джанин удалось создать мыслящую машину? Ограниченно мыслящую, конечно. Кто знает, может, гений мэтрессы сложил такие узлы, которые позволили бы рассмотреть ящик и решить, что ему здесь не место. Сложить такие узлы и самой этого не заметить?

Я видела артефакты, которые чувствуют магию. Я даже видела агрегат, который находил заряженные магией кристаллы как собачка. Как-то раз мы с Бейлиром доставляли ценную посылку в университет. Отдав груз проректору мы остановились возле толпы студентов, которые забавлялись с крохотной, с мой кулак, тележкой на колесах. Тележка поворачивала туда-сюда “глаз” — мешанину мелких деталей вокруг кристалла, вращая колесами в разные стороны поворачивалась на одном месте и стремительно подъезжала к искомому. Но “глаз” не видел, он чуял магию. Можно ли создать видящий глаз случайно? Если да, то чем “смотрит” этот монстр?

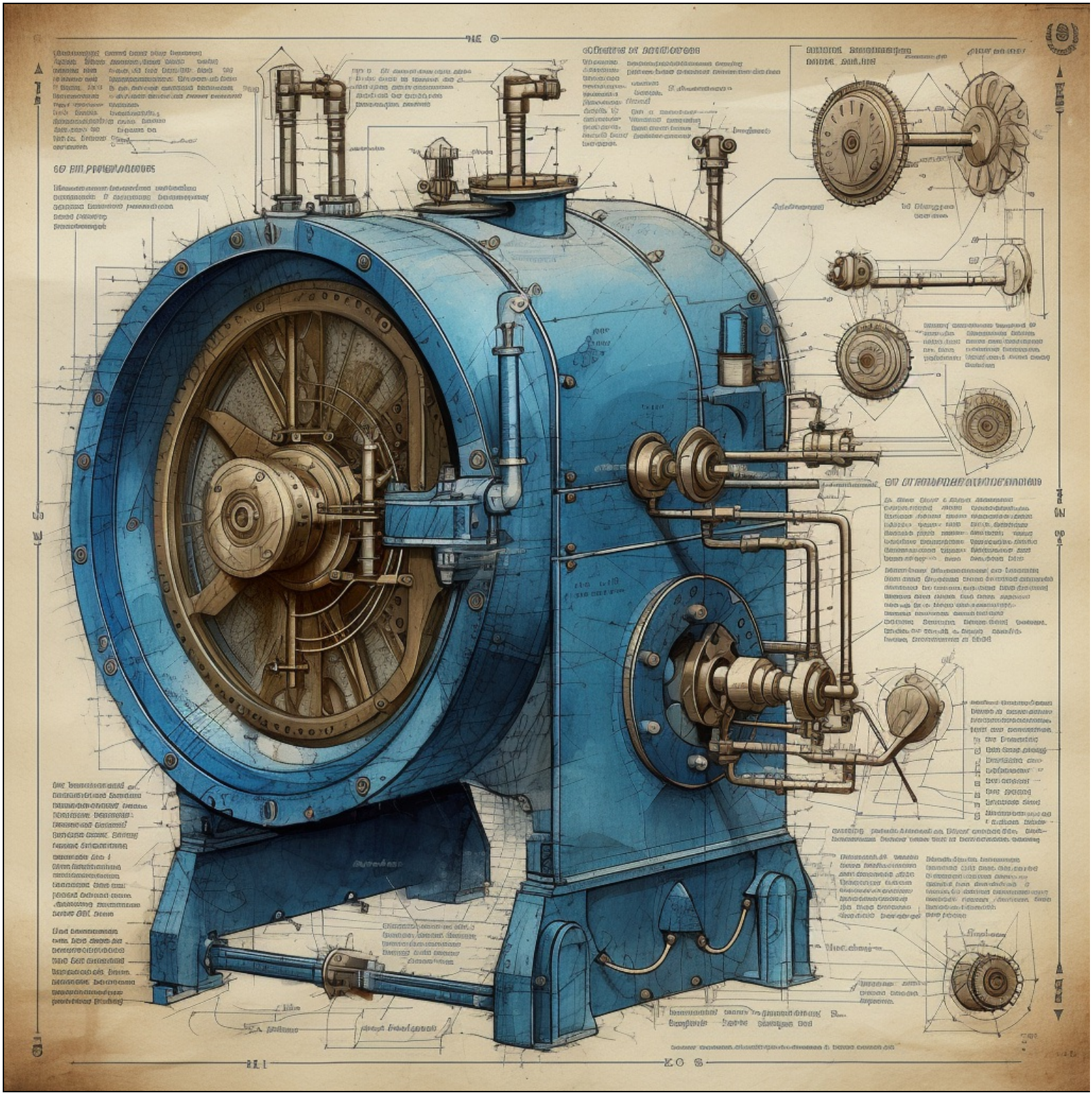
Я отвлеклась от мыслей на крики Маврикия. Вскочив на ноги, я узрела картину, от которой в других обстоятельствах покатилась бы от хохота.

Бейлир рассказывал, как эльфы-боевики охотятся на тороламию. Один бегает вокруг нее с красной тряпкой, и когда тороламия приходит в неистовство — а кто бы не пришел в неистовство, если бы вокруг него с красной тряпкой бегали? — то неизменно пытается убить назойливого пришельца, и видит в этот момент только цель. В это время второй прыгает на загривок и перерезает негодующему монстру горло.

Примерно это я сейчас наблюдала в исполнении Алоиса и Маврикия. Было бы удивительно, если бы гениальный артефактор не пришел бы к тем же выводам, что и мы. Джанин лежит в башне в нервическом шоке от потери смысла своей жизни, но Маврикий вцепился в необычное поведение “строителя” как в интересный вызов, и его голова продолжает работать.

Теперь они с Алоисом скакали вокруг агрегата с белыми халатами в руках, намереваясь прикрыть проемы в корпусе — на случай, если именно там располагаются “глаза”. Монстр поворачивался на гусеницах, размахивал манипуляторами и артефакторам не давался.

Поняв тщетность попыток, мэтры вернулись на траву. “Строитель” тут же успокоился, развернулся к повозке и замер.



Глава 24

Я снова улеглась. Но не успела я вернуться к созерцанию облаков, как мне в лицо ткнулась мокрым носом рыжая морда и шумно задышала.

— Хитра… и чем я пахну?

Через мгновение передо мной стояла юная девица в рубахе и штанах.

— Мылом с розмарином, но мы все им пахнем после артефакторской ванной. Фруктами, это ты отвар пила. А еще…

Я подскочила от возникшей мысли.

— Хитра, найди Секирд. Дело есть.

Я попросила девушек пройтись около “строителя” — вдруг обнаружат что-нибудь странное. Секирд может разглядеть какие-то мелочи своим почти эльфийским зрением, а Хитра — что-то унюхать. Подруги прогулялись туда-сюда, Хитра даже дважды, второй раз лисой. С загадочным видом они отозвали меня в сторону.

— Из одной щели чуть-чуть виднеется белая ниточка, даже не ниточка, а махринка, будто от халата, — сообщила Секирд. — Такая крохотная, даже я с трудом увидела.

— И что же? Они все в халатах. Наверняка Маврикий зацепился, когда собирал агрегат.

Глаза Хитры предвкушающе сверкнули:

— Из того места сильно-сильно тянет запахом Алоиса. Очень сильно. Когда Секирд сказала мне про ниточку, я специально все обнюхала.

Так. Это уже интересно. И тут же вспомнилось, что вчера утром Алоис был свеж и безобразно бодр, а сегодня едва волочил ноги… Не потому ли, что полночи оживлял “строителя”?

Это отвечало на вопросы “кто” и “когда”. Осталось выяснить “как” и “зачем”. Либо Алоис — скрытый гений, который смог за одну ночь научить машину видеть и мыслить без человека, пусть даже и ограничено, но тогда непонятно, почему он скрывал способности столько лет. Либо Маврикий и Джанин правы, и машина думать не умеет.

Идею о гении Алоиса оставим на потом. Если машина думать не умеет, что же мы видим перед собой?

— Секирд, — позвала я полуорчанку, которая развалилась рядом.

— Ага?

— Ты веришь, что “строитель” внезапно мог научиться думать?

— Демон его знает. Может, научился. А может, нет.

— Если нет, тогда что? Почему он ездит туда-сюда и ящики хватает? Что им управляет?

И тут же мы крикнули хором:

— Или кто?

— Алоис, — я была готова смеяться. — Остается узнать, как.

— Да двинь его по башке и обыщи, — пожала плечами прямолинейная Секирд.

— Секирд, ты гений! Где Лавронсо?

Когда я изложила дварфу идею, оно довольно захихикало.

— Вот теперь узнаю Гарни. То есть, Цинтию. Слыш, не меняй больше имена, ни демона не запомнить.

Хитра обернулась лисой и носилась по поляне туда-сюда перед артефакторами. Рыжая лиса, конечно, не красная тряпка, и артефакторы не тороламия, но внимание Хитра

привлекла. И когда Алоис в очередной раз поднял глаза на нашу диверсию, Бейлир в мгновение ока оказался у него за спиной и накрыл тряпицей рот.

Пока я объясняла Маврикию наши выводы, Лавронсо с Бейлиром обшаривали бессознательного мэтра. Мэтр сознательный ждать окончания обыска не стал и крикнул Индуктору, который возлежал поодаль:

— Загрузи еще ящик!

Тот с видом “бесполезно, но раз просите” поднял упаковку и поставил в повозку, быстро отбежав прочь. Но его предосторожности пропали втуне. “Строитель” не шевелился.

— Не может быть. Не может быть. Но зачем ему? Не может быть! И как? — Маврикий казалось, был потрясен едва ли не больше, чем в ту минуту, когда “строитель” начал действовать сам по себе.

— Многоуважаемый мэтр, мне неизвестно предназначение этой странной вещи, но возможно, она ответит на ваш вопрос, — Бейлир раздвинул пряди на голове Алоиса и показывал поблескивающий металлом очевидно чужеродный предмет. Мы с Маврикием едва не столкнулись головами. В прическе Алоиса прятался миниатюрный рычаг.

* * *

Джанин, напоенная стаканом успокоительного отвара и каплями из запасов Лавронсо, стояла у стены, опираясь на медную емкость из арсенала Оливьера, и устало смотрела на взъерошенного Алоиса. Тот сидел за обеденным столом, на который мы выложили двенадцать рычажков, найденных на артефакторе — в волосах, на халате, за воротом, в кармане. А мы-то списывали нервические движения руками на волнение…

Мы все собрались тут же, образовав полукруг вокруг несчастного, убитого разоблачением мэтра. Только Индуктор с братьями остались грузить повозку. На замечание Маврикия, что монстра починили, сейчас обговорим дела и будем работать “строителем”, те махнули руками, мол, ну его, чудовище, лучше сами потаскаем.

— Алоис, — мэтресса говорила тихо и ровно, но лучше бы она кричала. От этого тихого голоса Алоис будто съеживался. — Ты понимаешь, что ты сделал? Я больше никогда не подошла бы к инструментам, если продолжала думать, что оживший агрегат — правда. Как бы я жила без своего дела, Алоис? Как?

— Я признался бы во всем через неделю.

— Мне стоит тебе верить?

— Сейчас, погоди.

Алоис сорвался с места, проскочил между мной и Бейлиром, взлетел вверх по лестнице, а вернувшись, протянул Джанин слегка примятый конверт. Она вскрыла его, вынула лист бумаги и быстро прочла. Алоис пояснил:

— Я не знал, хватит ли у меня сил произнести все вслух, поэтому записал на бумагу. Я хотел увезти тебя отсюда. Если “строитель” не работает, мы задерживаемся, тебе опасно оставаться… Я надеялся, что ты согласишься уехать, раз здесь опасно, уехать вместе, спрятаться! Вместе! И там я отдал бы тебе конверт. Я надеялся… может, ты простила бы меня и разрешила остаться рядом.

— Допустим, — холодно кивнула она. — Но я все еще не понимаю, зачем. Уже сейчас мы ехали бы по дороге в Боулесин. Госпожа Цинтия и ее команда, действительно, доказали, что могут нас защитить. Мы добрались бы до Боулесина раньше, чем бандиты обнаружили, что нас здесь больше нет, а их подельники мертвы. У Халцедонов мы и вовсе были бы в безопасности. Зачем, Алоис?

— Джин, ты и правда не понимаешь. Такие, как я, дварфам не нужны! Халцедоны выкинут меня за порог, а ты уедешь в Синие горы, и мы никогда больше не увидимся! Вы двое, вы гении! А я кто?

— А ты хороший крепкий средний артефактор, которых должно быть по двое, а то и трое при одном гении. Ты работал за пятерых все эти годы.

Джанин произнесла это как само собой разумеющееся, а я едва удержалась, чтоб не схватиться за голову. Что ей стоило сказать это Алоису на день раньше? А лучше — на десять лет?

Теперь же Алоиса это не убедило.

— У дварфов вам будет сколько угодно середняков из самих дварфов. Я им не нужен.

— Алоис, — мэтресса добавила в голос железных ноток, будто она на кафедре, а перед ней класс нерадивых студентов. — Мы — сработавшаяся команда. Я не буду тратить еще два года, чтобы доучить новых артефакторов и привить им наши рабочие привычки. Ты понимаешь нас с полуслова, а порой и без слов. Вместо тебя мне дадут четверых дварфов, которые станут посматривать на меня свысока, и мне придется по два часа растолковывать им каждую просьбу. Я уже прошла этот кошмар один раз и совершенно не желаю повторения. Мы — команда, и Халцедонам придется принять нас как команду. Как команда мы представляем наши работы и наши планы. Разделяться наша команда не станет.

Она посмотрела на Маврикия, и тот согласно кивнул. Пожевав губами, он быстро глянул на Джанин и решился добавить:

— Учти, я с ней работать без тебя не буду.

Джанин удивленно воззрилась на него, но промолчала.

Алоис обвел нас ошарашенным взглядом. Бедняга столько лет считал себя придатком к гениальной возлюбленной, а теперь выясняется, что все не так уж и плохо, что он, можно сказать, незаменим.

— Я надеюсь, больше никаких безумий? — ровным голосом произнесла Джанин.

Было бы у нас время, им стоило бы остаться вдвоем, но увы, увы…

Мэтресса взяла со стола рычажок.

— Вот это твое создание ты дварфам и представишь.

— Будто оно кому-то нужно. Какая разница, большой рычаг или мелкий, — мертвым голосом ответил Алоис.

— Рычаг с узлом передачи магио-эфирных колебаний? Который обычно размером с твою дурную голову? — уточнила Джанин.

— Даже с узлом передачи! Тут расстояния всего ничего, было бы что делать!

Джанин закатила глаза. Я тоже — когда эта женщина научится говорить словами?

Пришлось вступить в беседу:

— Большая разница, доктор Алоис. Сам по себе уменьшенный рычаг, может быть, и не нужен, но если у некоей конструкции уменьшить один узел, другой, третий, рычаг, то вместо громоздкой вещи, которую только на столе держать, мы получаем уменьшенную копию, которую можно носить с собой. За магтехникой будущее, и кто знает, какие интересные агрегаты появятся через пять лет. — Я выпрямилась и перешла на голос, который Бейлир с усмешкой называл командным. — Господа артефакторы, нужно вернуться к работе. Мы выезжаем сегодня. Да, донно Лавронсо, не смотрите на меня так. Я выпью оба зелья, и ночного зрения, и бодрящее, и к утру мы будем у Халцедонов. По пустой ночной дороге мы долетим туда за несколько часов.

Лавронсо что-то проворчало, но признало мою правоту.

Мы начали расходиться. Джанин вышла первой, остальные потянулись за ней. Алоис остался сидеть. Он смотрел Джанин вслед глазами человека, который потерял всё.

Демоны с вами! Полчаса туда, полчаса сюда… не могу я взять на душу такую тяжесть.

— Алоис, у вас есть тридцать минут. Но чтобы потом занялись делом! Я сейчас позову Джанин. Я не знаю, как вы будете вымаливать прощение, это меня не касается, но полчаса у вас есть.

Я догнала артефакторшу.

— Джанин…

— Хотите попросить за этого олуха?

— Хочу.

— Он останется в команде, как я и сказала.

— Джанин, вы же сами знаете, что это не всё, что ему нужно. Верней, это ему не нужно без… без всего прочего.

Она резко остановилась и посмотрела мне в глаза:

— Вас когда-нибудь предавали?

— Он не продал вас бандитам, он не собирался лишать вас артефакторики, он всего-лишь глупо и неумело пытался сохранить ваши отношения. У него никогда не было вершины, потерять которую смерти подобно. Он просто не понял, что это такое. О, нет! Я не то говорю. Этой его вершиной стали вы. Вы умирали, когда думали, что потеряли артефакторику. Он точно так же умирал, когда думал, что потерял вас, что дварфы выгонят его, а вы поедете в Синие горы. Ему не места в лаборатории было жаль. Он хороший артефактор, а с вашими рекомендациями его взяли бы на очень высокий уровень. Но он хотел быть рядом с вами, Джанин!

— Чушь, я бы не поехала без него, — теперь Джанин смотрела в сторону.

Я нанесла последний удар:

— А он об этом знал? Вы никогда ему не говорили, что он для вас значит.

— Что вы от меня хотите? Чтоб я сказала это сейчас? Сейчас?!

— Да! Джанин, послушайте меня. Алоис годами был рядом с вами, поддерживал как мог и в университете, и после, и в лаборатории, и все это время предполагал, что вы можете выставить его вон в любой момент, потому что он для вас всего-лишь лучшее из худшего. Только представьте, каково это. Только представьте.

Мэтресса метала из глаз молнии почище, чем “защитники”, потом резко повернулась, печатая шаг дошла до башни и с размаху захлопнула за собой дверь.

Я, наконец, добралась до мирно укладывающего ящики “строителя”.

— Маврикий, где-нибудь, кроме башни, есть вода?

— Есть. У вас в мобиле, — не отрывая взгляда от рычагов ответил Маврикий.

— О… прошу прощения, сегодняшний день меня порядком вымотал.

— Понимаю, — все так же пристально уставившись на агрегат кивнул мэтр. — Теперь вы видите, почему я отказался работать с сестричкой без Алоиса?

— У нее есть причина для ярости, согласитесь.

— У нее нет понимания, что люди не артефакты, и Алоис единственный, кто может ей это объяснить… хоть иногда.

Нет, мне определенно нужна вода. И полчаса отдыха.

Через отведенное самой себе время я выбралась из Стрекозы и щурясь на солнце

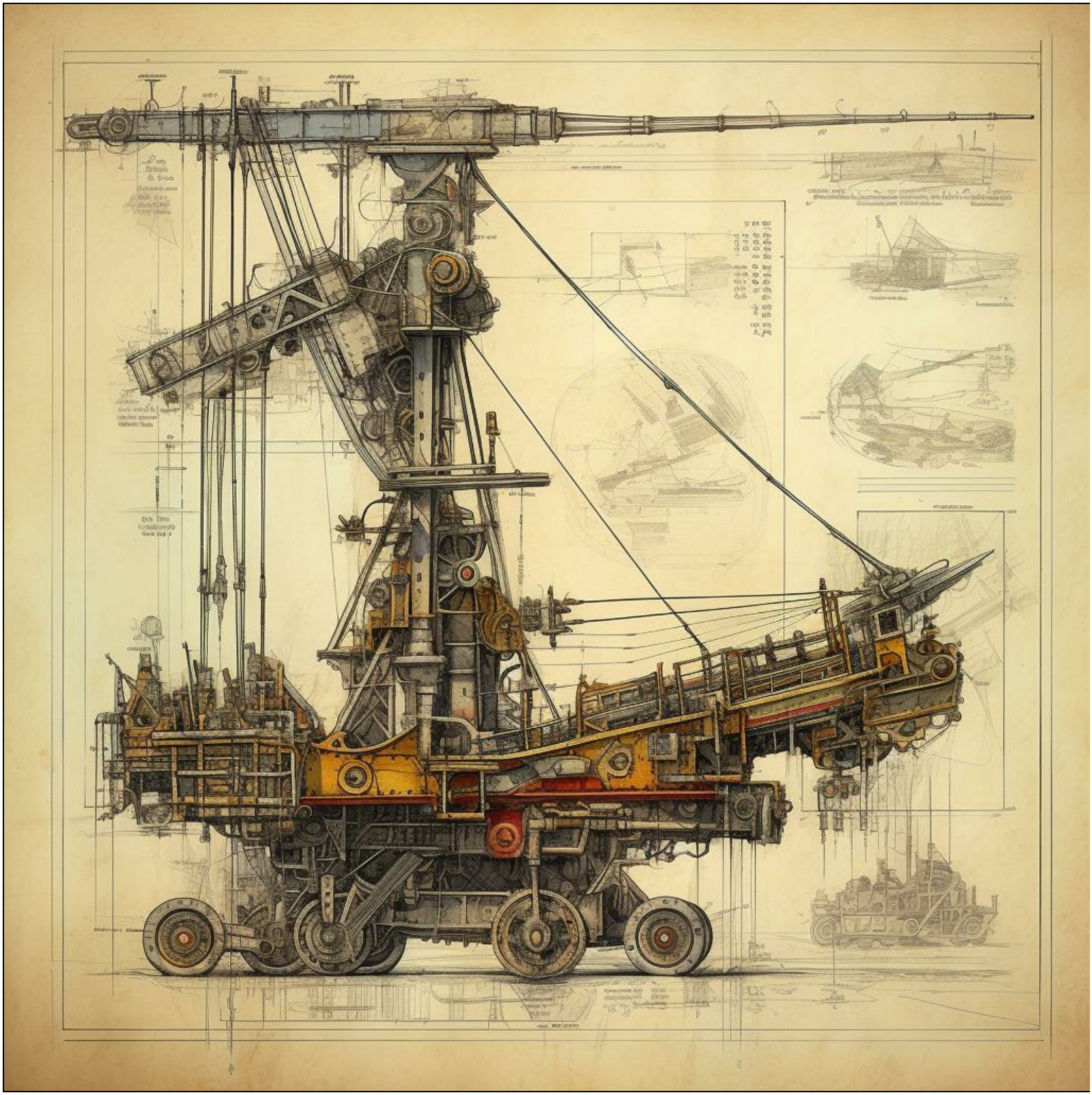
рассмотрела, как к “строителю” подходят Джанин и Алоис. Я поспешила к ним.

Веки Джанин чуть припухли. На халате Алоиса тут и там виднелись мелкие мокрые пятна.

Джанин переводила взгляд с Маврикия на Алоиса и назад. Она старалась сохранять серьезность и невозмутимость, но я видела, что это всего-лишь маска. Их с Алоисом сегодня сильно встряхнуло, и женщина просто не знала, как сейчас себя вести, поэтому пряталась за внешней непроницаемостью. Наконец она сообщила:

— Мне кажется, здесь хватит работников. Я хочу снять пару важных блоков Оливьера.

Она ушла, а Алоис остался, и по нему было понятно, что вымаливание прощения прошло вполне удачно. Он широко и счастливо улыбался.



Глава 25

Пока укладывали последние ящики, мы с Секирд и Бейлиром при помощи нюха Хитры нашли и поймали разбежавшихся лошадей. Втроем они сели верхом, взяли поводья оставшихся коней, я ехала за ними на бандитском мобиле. Оставив стадо у ближайшего села, мы вернулись на хутор. Селяне быстро найдут применение бесхозной живности.

Оливьер лишился нескольких своих частей, поэтому ужин пришлось готовить вручную. Лавронсо с Секирд вызвались пожарить мясо и нарезать овощи. После ужина холодильный короб Стрекозы доверху набили остатками провизии. Крупы тоже перекочевали в хранилища мобиля, а что не уместилось, выложили под кусты — пусть птицы порадуются.

Под неодобрительным взглядом Лавронсо я выпила ядреное зелье бодрости и второе — ночного зрения. Троица артефакторов заперла башню, включили все возможные охранные контуры и заклятья, и в сумерках мы покинули поляну, волоча за собой повозку с ящиками.

Мобиль с прицепом я еще не водила. Первые два поворота мне приходилось проезжать шагом, а Бейлир с Лавронсо выскакивали наружу и кричали мне, куда выворачивать, чтоб прицеп не врезался в дерево. Потом я приноровилась и на дорогу, которая шла на юг, к Боулесину, я выехала, уже вполне освоившись с удлиненной Стрекозой. Действительно, как и обещал Лавронсо, удалось разогнаться до той скорости, что была у Стрекозы до нашей встречи. Теперь мне казалось, что мы едва шевелимся. А ведь раньше я считала, что мы чуть ли не летим по тракту.

В расчетах сидений пришлось сделать поправку на ночь. Секирд спала на моем месте, прижимая к себе лисичку. Бейлир уступил свою лежанку Джанин. Лавронсо дремало на пассажирском сидении впереди на тот невероятный случай, если придется быстро меняться со мной местами. Вещами артефакторов забили проход в задней части Стрекозы, постелили сверху одеяло и положили Бейлира. Еще несколько тюков бросили в омовейной, на них полулежа, насколько позволяла длина в два локтя, устроились Алоис с Маврикием. В оставшихся проходах скукожились бандиты-механики.

На последней остановке, когда небо стало заливаться рассветной краской, я нацепила платье “сушеной старой девы”, седину и капор. Бейлира я будить не стала, нарисовала морщины и синяки под глазами как умела, и пересела на пассажирское сиденье, переключив управление на вторую пару рычагов. Лавронсо с ворчанием перелезло в водительское кресло и задремало. Я обещала разбудить, если покажутся стражи.

Утру мы обогнули Боулесин и с восходом подкатили к мастерским Халцедонов.

У нашего дварфо было вполне подходящее настроение, чтобы потребовать срочно сообщить главному: мы привезли очень важных персон, нужно срочно предоставить им охрану и сопроводить в городской квартал клана. Само оно намеревалось отправиться с ними и выбить повышенную плату за риск. “Меня совершенно не волнует, что они не знали про бандитов!” — заявило дварфо, пробуя аргументы на вкус. Когда от Халцедонов приехало две кареты, Лавронсо утащило с собой троих недобандитов: во-первых, как вещественные доказательства бандитских намерений, во-вторых, пусть Халцедоны им работу найдут. Я попробовала указать Лавронсо на некоторую несовместимость требований, но от меня отмахнулись.

Мы с артефакторами обменялись короткими словами прощания. Они — потому что еще спали. Я — потому что уже спала. Бейлира тоже пришлось разбудить, чтоб вытащить вещи.

Но этот… эльф… уже через две минуты был свеж, как едва распустившаяся роза, и бодро помогал перегружать тюки, запрягать пару лошадей в повозку с ящиками и еще успевал поддакивать дварфам, мол, совершенно согласен, пора пускать мобили в города, хотя бы дуо и каретные.

Когда беспокойная компания отправилась восвояси, я разделась до нижней рубахи, с огромным удовольствием растянулась на освободившейся лежанке и завернулась в одеяло. Бейлир больше спать не собирался, он ушел разминаться с мечами. Дварфийские мастерские расположились в рабочих предместьях, и я ожидала вскорости наплыв благодарных зрительниц. Хотела сказать ему, чтоб не увлекался, не доводил местных парней до ревности. Хоть объявления о поимке в таких местах висят не дольше четверти часа, как и любые объявления — читать мало кто умеет, а бумага в хозяйстве пригодится — все же не стоит рисковать. Но ничего я сказать не успела, мысль додумывала уже во сне.

Разбудили меня в полдень. Я села, закутавшись в плотную шерсть, и когда дварфо перестало двоиться у меня в глазах, попросила повторить то, что оно только что сказало.

— Всё зелья твои! — волчало Лавронсо. — Выбило я из Халцедонов еще треть сверх оговоренного. Сейчас все на моем счету. Делить как?

— На пять частей-й-я-а-у, — не зевать у меня не получалось. — Поможешь Хитре рунный счет завести?

— Куда ж я денусь. Сейчас отправлюсь в дварфский банк с этой писулькой, — оно помахало красочным документом с магическими печатями, — и все обстряпаем. Тут недалеко. Как мобиль твой загоним к покраске, так и пойдем. Тебе твою долю как отдать?

Я окончательно проснулась.

— Придется с вами идти. На рунный счет без меня ничего не переведут. Ох, и Бейлиру нужно с нами. Не опасно нам с ним вдвоем показываться?

— Сейчас в бабу его оденем, и не опасно.

— Благодарю покорнейше, друзья, но сей день я намереваюсь провести в мужеском обличии, дабы возместить полные тоски и печали недели отрешенности от изысканной компании, — донеслось от входа.

— По бабам собирается, — перевело дварфо.

— Попрошу без гнуснейших инсинуаций! Я с негодованием отвергаю всяческую причастность к неуемному блудодейству и ценю постоянство от заката и до заката.

— По бабе в день, ага, — хмыкнули рядом. — Так что, кавалер, тебе прям монетами и принести?

— Я пойду с вами и встречу звенящий мешочек у выхода. Далее наши пути разойдутся. — Бейлир соизволил заглянуть внутрь. — Дорогая Цинтия, как долго мы остановимся в этом прекрасном городе? Ах, будь моя воля, я бы поселился здесь навсегда!

— Бейлир, ты эльф. Ты можешь прожить дольше, чем будет стоять этот город. — Я попыталась потянуться, но едва не уронила одеяло. — К тому же, ты пока не видел ничего, кроме окраины.

Тут сон слетел с меня окончательно. Сады небесные, мы же снова в Боулесине! Пресветлые духи, уберегите меня от ненужных встреч.

Я обратила внимание, что Хитра в человеческом виде и Секирд сидят напротив и кутаются в одно одеяло.

— Так, мальчики… и немальчики, — поправилась я, глядя на дварфо. — Кыш наружу, нам нужно привести себя в порядок.

Выставив дварфо с эльфом я включила чары непрозрачности на всех окнах и задумалась, глядя на девушек. Хватит, Лори, пора посмотреть в лицо прошлому… хотя бы в профиль.

— Как вам идея снять роскошный номер в гостинице у центра? Только на нас троих? Хитра, будешь моим племянником, а Секирд — воспитанницей. Я узнаю, на сколько отдаем Стрекозу в мастерские, и проведем эти дни чудесно! Мы заслужили отдых.

Хитра захлопала в ладоши, Секирд улыбнулась, и мы привели себя в порядок. Я изображала строгую седоватую даму в нарочито аскетичном наряде. Хитра снова оделась мальчиком из обеспеченной семьи, Секирд вернулась в наряд городской орчанки.

Когда я вышла из мобиля, Лавронсо болтало с мастерами, а Бейлир продолжал поражать местных зрительниц гимнастическими упражнениями.

На миг прошлое ударило меня под дых. Это была та самая мастерская, где я впервые увидела мобиль. Мы привезли пансионерок из старших классов полюбоваться на чудеса магтехнического прогресса. Ох… Лори, не время!

Я подошла к дварфам. Мне сообщили, что покрасить Стрекозу в серый и установить конструкцию с водой из раструба с дырками займет два, может быть три дня. Значит, на три дня мы с девушками свободны. Бейлир собирался провести эти дни отдельно от нас. Само дварфо решило остановиться у Халцедонов. Иногда его тянуло пообщаться с соплеменниками, обсудить новости из Синих гор, послушать дварфскую… то, что они считают музыкой.

Услышав, как именно мы с девушками хотим провести эти дни, дварфо заныло, что желает походить с нами по лавкам и модным салонам, но я была непреклонна, и Лавронсо вернулось к прежним планам.

Я дала указание Бейлиру завернуть в льняные полотенца всю снедь, кроме круп, и раздать глазеющим на него девицам, собравшимся стайкой на противоположной стороне дороги, у ряда свойственных рабочим предместьям непритязательных строений. Даже отсюда я видела — зрительницы не из тех семей, что позволяют себе лишний кусок мяса.

Когда будем уезжать, еду купим свежую, а полотенца давно пора сменить. И занавески. И посуду. И… Стоп, Лори. Остановимся на полотенцах. И посуде.

— Бейлир! Кухонную утварь тоже отдай. Я куплю новый набор.

Я вытащила саквояж и набила его необходимыми на эти дни вещами. Если сушеная старая дева желает снять роскошный номер в центре, она должна выглядеть так, будто у нее есть деньги, но тратит она их редко. Украшений у меня было мало, порученец Гарниетта Раэнальд очень редко появлялась на званых вечерах. Но все же один набор я держала на всякий случай. Серьги и брошь были обыкновенными, ничем не примечательными. Я заколола брошью ворот платья и стала выглядеть как нужно для своей роли. Перед тем, как уйдем, оставив мобиль на попечение дварфийских мастеров, Бейлир научит меня накладывать краски на лицо, чтоб я могла хотя бы отчасти повторить его манипуляции самостоятельно.

Секирд сложила маленький узел. Старую одежду в городе носить не стоит, новое мы ей купим. У Хитры тоже был лишь один приличный набор. Ничего, сейчас найдем гостиницу, и…

* * *

Боулесин — довольно большой город, и едва мы вышли из кэбрио, как в глазах запестрело от самых разнообразных нарядов на самых разнообразных существах. В прошлый

приезд мы с Дварфо прошлись по магазинам ближе к окраине, теперь же мы с девушками окунулись в самую гущу городской жизни. Мы сняли номер в гостинице “Вечерняя звезда”. Девять лет назад она считалась вполне приличным местом, и надеюсь, с тех пор ничего не изменилось. Я ни разу не была внутри, но в последние полгода в Боулесине часто проезжала мимо.

Стряхнув воспоминания, я позвала девушек обедать в ресторацию неподалеку. Пока я спала, мои спутники перекусили хлебом с сыром и ветчиной, но теперь мы можем позволить себе настоящий городской обед. Потом пройдемся по магазинам и приоденем обеих. Может быть, я тоже куплю себе платье — в том же стиле старой девы, но лучшего качества. Поужинаем и заглянем в кондитерскую, чтобы посидеть за чашечкой чая вечером.

Завтра я свожу Секирд и Хитру в музей изящных искусств. В моей кочевой жизни очень редко доводилось приобщаться к прекрасному. Нимнадил отчего-то терпеть не мог оперу, хотя по музеям ходил со мной с удовольствием. Бейлир с этой стороны был несносен. Каждое посещение картинной галереи или представления вызывало у него восторги, как такие короткоживущие и в целом несовершенные существа, как люди, могли создать подобные творения. Заканчивался спич неизменно жестким критическим разбором тех же творений. Постепенно я научилась, выслушав первую часть, отрешаться от второй.

На третий день возьмем кэбрио и съездим в парк. Летом там ставят карусели, в пруду можно покормить лебедей, в другой части парка прекрасный розарий.

На набережную мы не пойдем. Я готова посмотреть прошлому в лицо, но не в глаза. Видеть замок за рекой будет слишком… слишком.

В тот день мы почти выполнили все намеченное, но пройдясь по магазинам едва не валились с ног, поэтому я заказала ужин из ресторации в номер, и по двойной порции десертов — пусть девушки порадуются. Сама я съела одно небольшое пирожное. Несмотря на тренировки с Бейлиром и пробежки по лесу за бандитами возраст давал о себе знать, и если я не хочу менять гардероб, увеличивая мерки одежды, по меньшей мере от сдобы стоит отказаться.

Да, возраст… По меркам того слоя, в котором я родилась, в свои тридцать лет я перестарок без надежды на пристойную жизнь. После смерти Нимнадиля я смирилась с тем, что мне никогда не стать матерью. Шальная мысль завести ребенка в одиночку и купить документы вдовы разбилась о подсчет сбережений. Несколько лет мне придется жить на ренту, но на дом где-нибудь в провинции мне хватало, а на ренту уже нет. К тому же… разве может женщина с моим прошлым растить ребенка? Я столько раз отнимала жизнь. Теперь я не уверена, что имею право подарить ее крохотному беззащитному существу.

Сопровождая семьи с детьми я видела, как смотрят на меня матери. Изредка я слышала шепотки: будешь плохо себя вести, закончишь, как госпожа порученец. Матери плохо знали своих детей. Пару раз я видела блестящие глаза в ответ. Боюсь, что эти девочки стали вести себя очень плохо. Но нет, такой судьбы я и правда никому не желала.

Боулесин мне явно не на пользу. Нигде мне не приходит столько грустных мыслей, как здесь.

В номере было три комнаты: небольшая гостиная с обеденным столом на четверых, спальня с большой кроватью, и спальня с двумя кроватями поменьше. Девушки не сговаривались заняли последнюю.

Я дождалась, пока Секирд, а за ней Хитра выйдут из ванной. Надо же, тут стояло изобретение мэтрессы Джанин, где вода лилась сверху. Водные процедуры прошли намного

быстрее.

Глава 26

Накрутив полотенце на мокрые волосы я облачилась в длинную, купленную сегодня сорочку, завернулась в плед, налила себе еще отвара и села у окна. Если уж смотреть в лицо прошлому, то без свидетелей, с чашечкой горячего отвара и не торопясь.

Двенадцать лет назад я увидела Боулесин в первый раз, когда сошла с подножки дилижанса на станции в конце вот этой самой улицы, что под окнами “Вечерней звезды”.

Преподавательница “Дикого шиповника”, госпожа Мостклер, учила нас: “Оказавшись в незнакомом городе, о котором вы ровным счетом ничего не знаете, возьмите кэбрио до ближайшей книжной лавки. Если у вас нет денег на кэбрио, выберите чисто и прилично одетую госпожу средних лет без детей и спросите у нее дорогу. Женщины с детьми будут торопиться, их следует отвлекать в крайнем случае. Книжные лавки располагаются там, где публика, по меньшей мере, умеет читать и находит на это время. Владельцы книжных лавок обыкновенно знают все и вся, поскольку не обременены потоком покупателей и не прочь поговорить. Лучше них осведомлены только барберы и модистки, но с первыми, будучи лицами женского полу, вы не сможете заговорить без особой нужны, а вторые, если вы не их клиентка, не найдут на вас времени. В книжных лавках вы всегда можете улучить минуту, когда хозяин или хозяйка скучают в одиночестве, и разузнать все, что вам нужно.”

Деньги у меня были, поэтому я наняла кэбрио, и через четверть часа вошла в книжную лавку “Розовые сказки”. Лавка была полна дамских романов, нравоучительных книг для юных дев и учебников для женских пансионов. Последнее навело меня на мысль. Убегая из дома, я надеялась на место гувернантки или компаньонки, но теперь появилась идея получше.

Вскоре я вышла из “Сказок” с адресами четырех женских пансионов. Директриса первого выставила меня за порог, узнав, что у меня нет рекомендаций. Во втором строго, но без нарочитого аскетизма одетая дама с интересом посмотрела на мой диплом из “Дикого шиповника”.

— Оценки у вас отличные и хорошие… Как поживает госпожа Мо… Мо…

— Мостклер, — улыбнулась я простенькой проверке.

— Да, именно.

— С ней все хорошо. Я многим ей обязана. Вы знакомы?

— Лично не знакомы, но мы здесь наслышаны о “Шиповнике”.

Директриса потеплела, откинулась на спинку стула и предложила мне присесть.

— А теперь, госпожа Лориетта, расскажите мне все без утайки. Байки о сироте и сгоревшем доме оставьте лавке, где вам дали наш адрес. Да-да, я знаю почерк хозяина “Сказок”, это кривое М ни с чем не перепутать.

Выслушав мой рассказ, директриса еще раз придирчиво меня осмотрела и приняла на должность преподавательницы чистописания.

Два года без малого я проработала в пансионе, и за это время освоилась в новой роли одинокой городской девицы. Пансион давал безопасное пристанище и уверенность в будущем. Остальное я изучала, когда выдавались выходные, или же вечерами, когда не выпадало дежурств. Разумеется, с наступлением сумерек я возвращалась назад.

Не раз и не два я благодарила небесные сады за “Шиповник”. Пусть я не стала знатоком людей и не могла найти выхода из любого положения, но я имела хотя бы начальные

представления о том и другом. Шиповник не растят в оранжереях.

Второй год моей работы подходил к концу, когда директриса спросила, есть ли в моем гардеробе платье, достойное бала в городской ратуше. Пансиону выдали несколько пригласительных, и один из билетов мой.

Прошло десять лет, а я помню тот бал Весеннего Равноденствия едва ли не поминутно.

Он представился Алариком — без титула и фамилии, пригласил меня на танец, а после увлек гулять по темнеющим дорожкам. Я отказалась уходить из виду толпы, чтобы не повредить репутации — преподавательницы приличных пансионов должны блюсти себя. Аларик предложил посидеть на скамье на виду у бдительных грымз, но с таким вкусом расписывал кофе и пирожные в новом кафе на набережной, что отказаться от встречи не было никакой возможности.

Он умел обставить свидания так, чтоб нас никто не видел в компрометирующей ситуации. В дождливые дни он сажал меня в закрытый экипаж на малолюдных улочках и увозил в дальний парк, в скрытые от глаз беседки у озера, а если было слишком ветрено, то мы оставались в экипаже, он доставал из корзины горшочек взвара, подогревал его на походном артефакте, и к взвару непременно находились закуски и сладости. Когда никого не было вокруг, он вытаскивал флейту — то блестящую клапанами концертную красавицу из эльфийского лилового клена, то деревянную флейту, любимую стародавними менестрелями, то забавный набор трубочек, соединенных стенами в ряд — как он объяснил, это пастушья флейта, традиционный инструмент гоблинов предгорий. На всех трех Аларик играл поистине виртуозно. Я полюбила наши "пикники в карете" едва ли не больше посещений кафе.

В конце весны Аларик сделал мне предложение, и лишь тогда я узнала, кто он такой на самом деле. Конечно, я слышала, как зовут детей барона из замка за рекой, но и подумать не могла, что встречаюсь с тем самым Алариком. Позже я не понимала, как он меня убедил. Ведь очевидно, что простолюдинка, дочь коммерциантов средней руки, сбежавшая из дома бесприданница, без рода за спиной — нет, определенно не пара будущему барону. Но нежности, которые он шептал мне между поцелуями, вскружили мне голову, и я приняла кольцо.

Директриса заметила мой блуждающий взгляд и мечтательную улыбку. В ее кабинете я призналась в наших встречах и достала подарок Аларика, спрятанный на цепочке под воротом. Мудрая женщина качала головой и лишь пробормотала: "Небесные сады! девочка, лучше бы ему быть лавочником". Взяв с меня обещание хранить благоразумие и держать роман в тайне, она оставила место за мной. Все же помолвка — не свадьба, и свой доход мне пока необходим. Мне не хотелось, чтобы Аларику пришлось обеспечивать меня, пока мы не женаты. Скептическое отношение директрисы меня задело и посеяло легкое беспокойство. Но на следующем же свидании Аларик уверил меня, что все сложится хорошо. Какими наивными мы были…

Аларик представил меня семье как свою невесту. Отец принял меня сдержанно, но я и не ожидала иного от барона, владетеля земель. Барон Боулес назначил бракосочетание на следующую весну — их семья старых строгих правил, и после помолвки принято выждать полгода, проверяя чувства молодых, а затем несколько месяцев готовиться к свадьбе, рассылая приглашения и готовя торжество. Аларик позже сказал, что в его поколении свадеб еще не было, а его родители, действительно, поженились через год после того, как сговорились их семьи.

Его сестра Эрментина, которой в ту весну исполнилось пятнадцать, приняла меня живее и потребовала у Аларика, чтобы он и впредь устраивал наши встречи. Мы, действительно, виделись еще несколько раз за следующий год.

После помолвки, пусть и не объявленной по традиции аристократов, мы порой появлялись вместе на публике, но всякий раз вокруг было множество народу, чтобы никто не заподозрил учительницу пансиона в неприличиях. Удивительно, но Аларика не узнавали. Иначе одет, иначе причесан, иначе смотрит — и вот уже со мной под руку идет не аристократ из высших, а обычный горожанин. “Люди так ненаблюдательны”, — смеялся наследник баронства.

На лето большинство пансионерок разобрали по домам, и мне выпадало лишь два дежурства в неделю. Аларик устраивал дела так, чтоб видеться как можно чаще. В середине лета он осторожно поинтересовался, не откажусь ли я провести с ним четыре дня в охотничьем домике, и уверил меня в своем совершенно безукоризненном поведении.

Накануне отъезда я зашла в салон "Жемчужная лилия" и покинула его с объемной коробкой невероятно симпатичных, воздушных, отделанных кружевом женских вещиц, в которых уважающая себя дама покажется только перед одним мужчиной (некоторые — перед двумя или тремя, но оставим это на их совести). Наняв закрытый экипаж, я съездила в дальний квартал на другом конце города, где жили небогатые горожане. Надеюсь, здесь никто не увидит, что я захожу к госпоже зельевару, и тем более не узнает, что именно я у нее купила. Мне было уже двадцать лет, и я надеялась, что поведение моего жениха будет "безукоризненным" в несколько в ином смысле, но заводить детей до свадьбы в мои планы не входило.

Уединенный дом на берегу небольшого озерца показался мне именно таким, как я себе представляла: веранда со столиком, где было так приятно завтракать, берег с мягкой травой, где Аларик играл для меня на флейте, лесные дорожки, где мы могли бродить часами, кресла у очага, где мы пили вино по вечерам, и уютная спальня наверху, где пригодились покупки из "Лилии".

Долгие годы я гнала от себя воспоминания об этих днях, до краев наполненных счастьем и нежностью, но они возвращались снова и снова.

Мы еще не раз выезжали в охотничий домик, а с наступлением осени, когда занятия не давали мне отлучаться надолго, Аларик пригласил меня в городской дом Боулесов. По легкому удивлению, промелькнувшему в глазах экономки, я предположила, что его прежние подруги такой чести не удостаивались. Мне не с кем было сравнивать Аларика, но я догадывалась, что без некоторого опыта сложно достичь той "безукоризненности", которой я наслаждалась в наши встречи. Там, в особняке светлого мрамора, мы встретили осенние дожди и зимние снегопады, оттуда я выскальзывала через черный ход и в закрытом экипаже доезжала до переулка рядом с пансионом, туда я возвращалась, когда у меня выдавалось несколько часов свободного времени, изредка — целый выходной.

Аларик преподнес мне роскошную парюру с россыпью бриллиантов и жемчужин. Я отказалась — такие вещи не для скромной учительницы. Аларик ответил, что драгоценности мои и будут ждать меня в замке.

Свадьбу назначили на начало апреля. Боулесы разослали приглашения. Увы, мне некого было позвать, кроме директрисы. Сообщать родителям о том, где я, и что со мной происходит, я не собиралась — они едва не отдали меня в руки живодера! Аларик навел справки — отец все еще бушевал по поводу блудной дочери, а мать и вспоминать меня не

желала. Что ж, они сделали свой выбор.

Директриса приняла из моих рук лист дорогой плотной бумаги с вензелями и нахмурилась:

— Девочка, — второй раз она назвала меня не госпожой Лориеттой, а девочкой, — я понимаю, что барон Боулес живет старыми правилами, но все же меня смущает, что здесь нет твоего имени. Возможно, конечно, старшие Боулесы не хотят давать пищу для пересудов, раз сын женится на простолюдинке, но все же, все же… будь осторожна.

Аларик вознамерился огласить помолвку на балу Равноденствия в замке Боулесов. За две недели до бала он прислал записку, что в салоне госпожи Парфэ меня ждут для выбора платья, туфель и всего, что необходимо женщине для помолвки, и что он надеется — я приму его подарок.

Я успела зайти к госпоже Парфэ, снять мерки, выбрать ткань и обсудить фасон, но в тот же день, уже в сумерках мне прислали запечатанный сургучом без оттиска конверт. Вскрыв его, я обнаружила другой, с печатью Боулесов. Это не Аларик. Он запечатывал записки личным оттиском с изображением лошадиной головы. На герб он пока не имел права. Вскрыв конверт, я увидела короткую строку: "Через два квартала к северу вас ждет кэбрио. Барон Боулес".

От таких приглашений не отказываются. Я накинула шерстяную пелерину, закрепила шляпку булавкой, спустилась и прошла два квартала. Кэбрио провез меня совсем недалеко, в тот переулок, где зачастую я садилась в карету Аларика. На этот раз здесь стоял экипаж с гербами. Лакей открыл дверцу и пригласил меня внутрь. За четверть часа я подготовилась к самым неприятным новостям, и они не заставили себя ждать.

— Я дал сыну поиграть с мечтаниями юношества, но ему пришла пора остепениться. Разумеется, я не собираюсь вводить в нашу семью безродную женщину. — Он кинул мне на колени туго набитый кошель. — Надеюсь, это вас утешит. И еще. Боулесам не нужны бастарды. Если вы обнаружите себя в тягости, пришлите мне записку, я оплачу услуги знахарки.

Я бросила кошель ему назад, чем вызвала высокий залом брови.

— О свадьбе или о ее отмене я буду говорить только с Алариком. Если вам больше нечего мне сказать, позвольте распрощаться.

— Ты думаешь, что у меня нет власти над моим сыном?

Раздался треск. Дверь кареты отлетела, выломав замок, и повисла на одной петле.

— Что ты ей наговорил? — Кристалл на стенке кареты осветил взбешенное лицо Аларика. — Лори, выходи, — он протянул мне руку. — Отец, я женюсь на Лориетте, даже если это будет стоить мне отлучения от рода.

Я вышла из кареты, и Аларик прижал меня к себе, яростно глядя на отца.

— Что ж, — губы барона искривились в победной усмешке, — я задумал породниться с Меркатами так или иначе. На балу Равноденствия должны были объявить твою помолвку с дочерью виконта. Но если ты отказываешься, через три недели, как только Эрментине исполнится шестнадцать, она станет виконтессой Меркат. Это будет прекрасный союз.

— Ты не отдашь Эрментину старику пятидесяти лет!

— Мальчик мой, я не спрашивал твоего мнения.

Тычком трости барон сбил на земь покачивающуюся дверцу, та громыхнула о брусчатку. Боулес негромко приказал:

— В замок.

Мы остались стоять в темном переулке. Рядом всхрапывала лошадь, на которой прискакал Аларик. На козлах делал вид, что дремлет, возница доставившего меня кэбрио. Аларик увлек меня внутрь. Он держал меня за руки и горячо убеждал, что найдет выход из положения, в котором мы оказались, что отец упрям, но он, Аларик, еще упрямее, а я смотрела на едва освещенное светом из окон любимое лицо и понимала, что барон все предусмотрел.

Род Боулесов никак нельзя назвать малочисленным. Аларик упоминал то одну двоюродную тетушку, то другую, то неких кузенов на двадцать лет его старше, то четвероюродных племянников.

Меркаты — графский род. Виконт — или сын, или младший брат графа. А значит, их связи еще прочнее. И два рода загонят нас как вервольфы косулю.

Я обняла Аларика, поцеловала в последний раз и убедила отпустить меня пройтись пешком. Но все же в отдалении за спиной я слышала цокот подков, пока не постучала в парадный вход пансиона.

Аларик присылал письма ежедневно, рассказывая, какие переговоры он ведет внутри рода, что создалось две партии, что он вступил в переписку с виконтом, и что он непременно разрешит это временное затруднение. Я читала между строк — меня хорошо учили в "Шиповнике". На стороне Аларика молодежь, у которой пока еще нет веского голоса. Виконт не сдается, иначе бы Аларик написал об успехах. Времени все меньше.

За два дня до бала я вспомнила другие навыки, которые получила в пансионе "заноз", и переодевшись в штаны для удобства, доехала на селянской повозке через мост до перелеска, за которым до замка рукой подать. Скрываясь в кустах я притаилась в дальнем конце сада. Наконец, мне повезло — Эрментина гуляла одна.

Мы спрятались в зарослях, и она потрясала кулачками, рассказывая о замысле отца, убеждала меня не отчаиваться, говорила, что она готова зарабатывать на хлеб своим трудом, отказавшись от положения в обществе и имени, когда сбежит вместе с нами. Я понимала, что барон Боулес не отступил и не отступит. И никакого выхода нет.

Эрментина предложила мне поговорить с невестой Аларика и убедить ее отказаться от брака. Я понимала, что это ни к чему не приведет, но чтобы не расстраивать Эрментину еще больше, согласилась встретиться с Мирианой.

Через полчаса Эрментина вернулась с девушкой чуть старше нее самой, и мы плакали втроем. Я не согласилась помогать Мириане бежать в монастырь и попросила ее сделать Аларика счастливым, насколько это возможно. Эрментина побледнела:

— Значит, ты отказываешься от моего брата? Ты сдаешься?

Я обняла ее:

— Я не буду счастлива в браке с Алариком, если тебе придется страдать.

Мне казалось, что я уже выплакала все слезы, но я ошибалась.

Я вернулась в пансион опухшая, едва стояла на ногах, но откладывать было нельзя. Когда я постучалась в комнату к директрисе, мне показалось, что та не удивилась, лишь спросила:

— Надеюсь, ты была осторожной?

— Да, конечно.

Я не стала уточнять, что она имела в виду, но в тягости я определенно не была. Об остальном я ничуть не жалела.

— Ты можешь остаться и преподавать дальше, но я уверена, что ни барон, ни Аларик не

дадут тебе спокойной жизни. Один — потому что отомстит за непослушание сына, второй — потому что любит. Ты слишком горда и честна для того, чтобы стать любовницей женатого мужчины.

— Мне нужно уехать, — кивнула я.

— Я дам тебе лучшие рекомендации. Надеюсь, у тебя есть сбережения?

— Да, немного.

— Я выпишу тебе премию. Ты заслужила тем, как прошла это испытание. И еще… — Она остро глянула на меня. — Есть люди, которые мне кое-чем обязаны, и я могу сегодня же достать тебе бумаги на другое имя. Я напишу рекомендации на оба. Иначе, боюсь, молодой Боулес тебя быстро найдет.

— О… Да, разумеется. Благодарю вас!

Наутро я села в дилижанс, который увозил меня из Боулесина. В кармане на внутренней стороне жилета прятались бумаги на имя Лориетты Долран, бумаги на имя Гарниетты Раенальд, и две рекомендации — и той, и другой.

Поступила бы я так теперь, случись у меня подобные обстоятельства? Или стала бы искать выход, рисковать со всем моим нынешним опытом? Не знаю. Тогда я была моложе, и когда живое воображение показывало мне картины, как Эрментину волокут к алтарю, иного выхода я не увидела.

Глава 27

Девушки доверили мне выбор развлечений, и за два дня мы выполнили все задуманное. Секирд впервые была в музее, и выглядела изумленной и оглушенной новым, неизведанным миром. Я купила ей книгу про основы искусств. Хитре, напротив, искусства преподавали как благовоспитанной девице из княжеской семьи, но музеи и картинные галереи оборотней довольно однобоки, и Хитре многое было в новинку, хотя смотрела она на картины и статуи более понимающим взглядом, чем подруга. В книжной лавке при музее она выбрала альбом "Сцены охоты в современном искусстве".

Я позволила воспоминаниям течь сквозь меня, как вода тихой речушки в оглаженном солнцем лесу. Порой мне чудилось, что юная пара, Аларик и Лори, идут со мной рядом. Я смотрела на них, таких счастливых, у статуи духа весеннего дождя, где Аларик тихо произнес Лори на ухо: "она так похожа на тебя", и Лори смущенно покраснела — дух обладал формами юной девушки, прикрытыми искусно выполненной тонкой накидкой. Верней, ничем не прикрытыми, лишь кое-где резец скульптора обозначил складки на белом мраморе. Через две недели в лесном домике Аларик скользил губами по розовеющей коже, будто повторяя узор мраморных изгибов, и шептал "невероятно похожа".

Влюбленные стояли перед картиной, где сердитый океан, казалось, был готов захлестнуть золотистые завитки рамы, и кораблик на гребне волны отчаянно боролся с разгневанными духами бури. Аларик будто невзначай провел пальцами по ладони Лори, и как ни в чем не бывало принялся рассуждать о приемах, которыми художник передавал прозрачность изумрудной воды и контраст с кружевами белой пены.

Из музея я вышла вслед за подругами, будто меня вынесло той самой волной, осторожно опустило на берег и отпустило.

Девушки о чем-то догадались, верней, догадалась Секирд — когда Хитра заговорила о набережной, полуорчанка отвлекла ее, а потом что-то зашептала на ухо. Я сделала вид, что ничего не заметила. В моменты моей задумчивости подруги старались меня не трогать.

Назавтра я шла по парку и будто слышала шелест закрывающихся страниц. Мы выходим с аллеи к фонтану, в нашу сторону дует ветер, и долетают радужные брызги… Шорх… Дети катаются на карусели, и Аларик с намеком слегка сжимает мои пальцы… Шорх… Карусель для взрослых, у меня едва не слетает шляпка, Аларик успевает придержать ее и невзначай роняет руку мне на талию… Шорх… Трио музыкантов наигрывает простенькую мелодию, и хоть флейтист очень старается, я знаю — Аларик играет намного лучше… шорх…

Я отпустила Хитру с Секирд покататься, села на скамейку и подняла лицо к шелестящей, словно исписанные страницы, листве. Шорх… шорх… шорх…

К вечеру я устала так, будто год за годом шла прочь от этого города, не останавливаясь ни на минуту, не оглядываясь, опасаясь, что стоит обернуться, как окажется, что я бреду по тем же улицам, тому же парку, той же галерее.

Заказав кувшин отвара для лучшего сна, я отправилась в кровать пораньше, оставив девушек листать альбомы и шушукаться за десертами.

* * *

Утром мы не стали долго разлеживаться. Быстро собрались, забежали в кафе позавтракать и наняли кэбрио, сложив на свободное сиденье свертки с покупками. Щедро заплатив, я попросила подождать нас у хозяйственной лавки. Секирд осталась ждать — хоть

она и производила впечатление совсем молоденькой орчанки, но клычки и суровый взгляд отбивали охоту у любителей легкой наживы.

Долго мы не задерживались, вернулись с набором посуды на шесть персон и кухонной утварью. Хитра настояла взять фарфор, по стенкам которого вились буколические узоры с травками, цветами, бабочками и, главное, стрекозами. Рассмеявшись, я согласилась. К набору давали корзину для пикника, куда чашки, тарелки и плошки укладывались в отдельные ячейки. Для тряского мобиля — лучше не бывает.

— Шесть персон, а нас пятеро, — задумчиво проговорила Хитра. — Не появится ли у нас шестое существо в команде?

— Нам его на ночь класть негде, — мрачно отозвалась Секирд.

— Как-нибудь устроится, — махнула рукой девочка.

Да, жажда новых впечатлений в этом возрасте — жуткое дело. Нет, шестого существа нам не нужно. Надеюсь, Стрекоза готова, все в сборе, и можно выезжать. По южному тракту, прямому, широкому, покрытому отличной серой массой многослойного слежавшегося гравия, до Иркатуна всего два дня — если, конечно, меня не будут гнать из-за рычагов. А там до порта рукой подать.

Мы еще заехали за снедью и, наконец, добрались до мастерских, где увидели серую, совсем непохожую на себя Стрекозу.

Я оставила девушек раскладывать и развешивать покупки, осмотрела новую омовейную — над ней хорошо поработали, превратив в обитую медью комнату с поливным раструбом, и расплатилась с механиками. Поливной раструб они назвали душем, значит, комната теперь — душевая.

Ни Бейлира, ни Лавронсо еще не было. Дварфы попросили меня перегнать мобиль на другую сторону луга, который простирался за мастерской. Там, у рощицы, есть удобное место для стоянки. Площадка у ворот мастерской небольшая, скоро другие клиенты приедут. Я выполнила просьбу и разрешила Хитре побегать вокруг в ипостаси. Секирд переоделась в простые рубаху и штаны, чтоб поваляться на траве среди лугового разноцветья.

Сама я устроилась полулежа на подушках и задремала, пока меня не разбудил звучный голос Бейлира:

— Подъем, подруга, мы клиента нашли.

— А? Где, кого?

Я с трудом разлепила глаза и уставилась на радостного эльфа.

— Рассказывай, что за клиент, как нашли, уверены ли, что не ловушка.

— Строго говоря, он не сам по себе клиент, он наемник, но понял, что в одиночку с заданием не справится. Вышел на нас через трактирщика в "Больших делах".

Я кивнула. Трактир был известен среди порученцев тем, что одни искали, другие находили, и лишних вопросов никто не задавал.

— Он предложил разделить гонорар на всех? Негусто получится.

— По его словам, денег ему дадут, сколько нужно. Но главное… Гарни, вчера похитили ребенка, девочку пяти лет.

Я медленно поставила кружку на стол.

— Продолжай.

— Ее отец какая-то владетельная шишка. Мать девочки погибла год назад. У отца с родней жены были отношения не очень хорошие, а после ее гибели на него пытались давить.

— Может, не зря? Может, руку к ее смерти приложил?

— Лавронсо припомнило этот случай, оно как раз было в Боулесине. Среди улицы взбесилась лошадь, опрокинулись телеги, бочки, несколько прохожих подавило — слишком сложно для убийства, слишком много свидетелей вокруг, пара стражей на посту стояла. Если было бы неслучайно, кто-то бы заметил.

— Хорошо. Дальше. Родня и похитила?

— Скорее всего. У них стародавние идеи на счет браков для укрепления семейных связей, и наемник подозревает, что семья матери решила убить одной стрелой двух зайцев — воспитать девочку как невесту для нужного человека и держать как заложницу для управления отцом.

— Почему отец не обратился к стражам?

— Он обратился, но сдуру ляпнул, что подозревает родню, а старший брат его тестя из высшей аристократии. — Бейлир скривился, поскольку к человеческим титулам относился с легким презрением. — Для дел такого рода нужен королевский отдел из столицы, а пока туда, пока обратно, девочку запрячут так, что не найти, следы подчистят и сделают вид, что ничего не знают. Дознаватели, дай боги, через неделю-две займутся, а наемник идет по горячим следам. Всегда кто-то что-то видел и пока еще помнит. По его сведениям, девочку повезли в направлении Иркатуна.

— Понятно. Девочку нужно вернуть, спору нет, но его родня не остановится.

— В этом и стоит вторая часть задачи: найти, как их остановить.

— Можем ли мы поговорить с отцом? Как его имя? И как зовут наемника?

— Наемник — Дерик, человек с примесью орков или гоблинов, или всех сразу. Про отца девочки пока ничего не говорит. Сама понимаешь, дело для него рискованное. Но Дерик сказал, что у него есть все нужные сведения. Если возьмемся, на все вопросы ответит.

— Беремся, конечно, если все дело обстоит так, как он сказал. Но если соврал…

Бейлир кивнул:

— Я ему объясню, что врать опасно не только для жизни. Они с Лавронсо придут через полчаса.

— Хорошо, подождем. Притащи, пожалуйста, пару бревен. Сядем, поговорим снаружи.

Если это настоящий наниматель, то мне нужно показаться полным сил опытным наемником. Если ловушка, то лучше бы сохранить инкогнито под личиной сушеной старой девы. Но засушенные старые девы в глухих платьях не командуют отрядами порученцев, так что, моя маска все равно даст трещину. Вздохнув, я смыла камуфляж из морщин и мешков под глазами, переоделась в свой обычный наряд — и будто вернулась в саму себя, порученца Гарниетту, то есть, теперь Цинтию, которая готова к приключениям, а прошлое… оставила в прошлом.

Глава 28

Я вышла наружу, чтоб размяться, и уже заканчивала гимнастические упражнения в тени Стрекозы, когда на тропинке от города показались фигуры Лавронсо и наемника. Скользнув внутрь, я разглядывала визитера сквозь стекло мобиля. Еще издалека было видно, что от гоблина у него лысая как шар голова, от орка — оливковая с зеленцой кожа и плечистая фигура. Когда подошел поближе, я рассмотрела безрукавку без рубахи, запыленные штаны, заправленные в сапоги, и похоже, что за спиной болтался объемный мешок, а на поясе кинжал — хоть сейчас рисуй с него иллюстрацию "наемник-одиночка с долей степных кровей". Такое точное следование канону настораживало.

Я отошла от окна. Пусть подойдет ближе, сядет в тенечке, расслабится, тогда я выйду и поковыряю, кто таков, и что ему на самом деле нужно. А пока я налила фруктовый отвар, в которому пристрастилась у артефакторов, достала альбом с гравюрами и настроилась хоть ненадолго отрешиться от мыслей, во что мы снова ввязываемся.

Выждав время, я захлопнула книгу и убрала внутрь маленькой, слишком маленькой закрытой полочки, сполоснула чашку и глянула на себя в зеркало. Нехитрая прическа с узлом на затылке, лицо без красок, но я хорошо выспалась, поэтому выглядела свежо и молодо — слишком молодо на мой вкус. Простая блуза, широкие брюки под грубый ремень, никаких украшений. Я не особо сильный боец, но и не неженка. Если этот тип откажется "иметь дело с бабой", как уже не раз бывало, пусть катится к демонам. Без доверия в команде все равно задачу не выполнить, только своих существ подставлю.

Я открыла дверь и спрыгнула на землю. Девушки уже сидели на бревнах вместе со всеми и потрошили добычу довольной Хитры. И когда только успела?

Со спины дикий наемник выглядел, как положено выглядеть наемникам-степнякам, но голос… Я сжала зубы и прошла в общий круг.

Лавронсо встал и церемонным жестом представил меня:

— Госпожа Цинтия, о которой мы вам рассказывали. Можно сказать, капитан нашей небольшой команды. — Он махнул в сторону наемника. — Господин Дерик.

Повинуясь законам вежливости наемник встал, собираясь отвесить поклон, но замер. Он смотрел на меня так же пристально, как и я на него. Лавронсо, Бейлир, даже Секирд забеспокоились.

— Друзья, — я облизнула пересохшие губы. — Нам с господином Дериком нужно поговорить наедине. Пока мы беседуем, прошу вас собраться в дорогу.

Бейлир приподнял бровь, я сделала ему знак "все в порядке". Он поднял бровь повыше — уверена? Я кивнула, мол, уверена, и повернулась, уводя гостя в рощицу. За плечами послышалось тихое шипение Лавронсо. С точки зрения многоопытного дварфо поворачиваться спиной с незнакомому наемнику — высшая степень беспечности. Ничего, скоро поймет.

Хитра как в воду глядела с шестой персоной.

Скрывшись с глаз команды я обернулась к тому, кто представился Дериком. Мы молчали. Не так-то просто подобрать слова спустя столько лет.

— Лори… — наконец произнес он. — Лориетта. Я уже не думал, что увижу тебя.

Я сделала вдох и выдох. Сначала дело. Сначала, демоны драные, дело.

— Аларик, кем тебе приходится девочка? Дочерью?

— Да, Фелисия — моя дочь.

— Бейлир сказал, что ты подозреваешь родню жены и был у стражей, но дело отправили в столицу.

Он кивнул.

— Почему ты здесь один? Мне казалось, у твоего отца достаточно власти.

— Отец умер три года назад. Задолго до того он сдал, и родня Мирианы пыталась оттеснить и его, и меня от управления. Когда я принял баронскую корону, мне пришлось побороться за влияние на своих же землях и уволить немало ставленников Меркатов.

— Понятно. Ты все еще не знаешь, кому можно доверять, поэтому стал искать девочку сам, выпил какую-то дрянь, чтоб сменить цвет кожи, побрился налысо, пошел неузнанным по следу, но понял, что переоценил силы.

Тот кивнул.

— Я и представить не мог, что ты теперь… — он замолчал, подбирая слова.

— Что я теперь бывший порученец, которого разыскивает королевская тайная служба, чтобы допросить всеми методами, а затем уничтожить. Ты наверняка видел, что за сведения о Гарниетте Раеналд и ее спутнике объявлена награда.

Он прикрыл глаза, и его оливковая кожа стала чуть светлее. Был бы он обычного цвета, можно было бы сказать "побледнел".

— Аларик, мы найдем твою дочь. Но ты должен рассказать все, все без утайки, причем не только мне, но и всей команде.

— Ты им доверяешь?

— Да. Если после той суммы, которую обещают заплатить за наши с Бейлиром головы, я все еще разговариваю с тобой, им можно доверять.

Я собиралась вернуться к Стрекозе, но Аларик не двинулся.

— Лори.

— Я давно не Лори. Я была Гарниеттой, теперь меня называют Цинтией.

— Лори. Подожди.

Я смирилась с тем, что объяснения не избежать.

— Лори, я искал тебя.

Сколько раз я прокручивала в голове этот разговор, даже будучи уверенной, что он никогда не состоится!

— Аларик, нам не оставили выхода. Куда бы мы ни убежали, рано или поздно нас нашли бы, и скорее, рано. Я не хотела, чтобы ты унижал меня и себя предложением быть твоей любовницей… возлюбленной, да, но суть не меняется. Я бы жила от встречи до встречи, и эти встречи ограничивались бы спальней. Мы не могли бы появиться нигде вместе, чтобы не оскорбить твою жену, которая ни в чем не виновата, и мне самой не встать в положение дамы полусвета. Ты разрывался бы между мной и семьей, и неизбежно стал бы считать семейную жизнь невыносимой.

Я выпалила слова, которые вертелись у меня в голове столько лет. Заготовленное объяснение годами давило на душу, и теперь сброшенный груз слов напряженно звенел в воздухе. Переведя дух, я спросила:

— Ты получил мое письмо?

— Да. Ты была права, Мириана оказалась славной девочкой… женщиной. Мы постарались сделать наш брак удачным, и мне действительно жаль, что ее жизнь оборвалась так рано.

Он замолчал. Я ждала — начатый разговор стоило закончить, и больше к нему не возвращаться.

— Лори, прошло столько лет, но ты осталась все такой же.

— Что? Аларик! Я прошла кровь, грязь… О чем ты?!

Он покачал головой и тепло улыбнулся, и я совру, если скажу, что внутри ничего не дрогнуло от его улыбки.

— Все, что меня привлекало в тебе, что меня восхищало, все это в тебе осталось, и даже стало ярче, полнее. Последний год я думал, что моей семьей отныне будут дети, и всё, но теперь…

— Дети?

— Да, первым родился мальчик, Феликсу семь лет. Он остался в замке с немногими надежными людьми. Я увеличил внешнюю охрану, прежде чем уехать на поиски Фелисии. — Он помолчал. — Лори… Сейчас не время, но когда все закончится, я хотел бы поговорить с тобой.

— О чем, Аларик?

— О нас.

Изумрудная волна бушующего океана вылилась через толстую раму, смела завитушки с позолотой и утянула меня в пугающе темную пучину.

Аларик все еще улыбался, и я закусила губу, чтобы не закричать на него, не разрыдаться, не умолять оставить прошлое в прошлом, не напоминать то чувство ржавой пилы, которое точило меня месяцами после расставания. Я не хочу больше этого выносить! Пусть бы мы оставались добрыми старыми знакомыми, пусть!

— Почему ты уверен, что я свободна? — спохватилась я. — Мы с Бейлиром два года вместе.

— Вы не вместе. Вы напарники, но вы не вместе. А уверен я, потому что ты не сказала "нет". — Аларик глянул в сторону, откуда мы пришли: — Боюсь, твои друзья скоро явятся тебя спасать.

— Да, — я постаралась совладать с голосом. — Идем. Если у тебя есть рубашка, надень, пожалуйста. В таком виде гоблины расхаживают только в своих анклавах подальше от городов.

Пока мы шли к Стрекозе, Аларик застегивал рубашку, а я мучилась вопросом: почему я не сказала сразу "нет", почему?

Увидев нас, Бейлир с Лавронсо успокоились.

Стрекоза сложила "крылья", команда заняла места внутри мобиля, и мы с Алариком зашли последними. Прежде чем сесть за рычаги, я заново представила "наемника" компании.

— Прошу вас познакомиться с нашим заказчиком: барон Аларик Боулес, мой, — все-таки я запнулась, — старый знакомый. Он расскажет детали нашей миссии.

И мельком глянув на вытянувшееся лицо Бейлира, округлившиеся в романтическом "о-о" губы девушек и — демоны! — хитрую физиономию Лавронсо, я села за рычаги и повела Стрекозу по дороге в Иркатун.

Глава 29

Совещание устроили в передней части Стрекозы, чтоб не отрывать меня от дороги, благо, стараниями Лавронсо и Легатрика магротор работал совсем тихо.

Лавронсо и Аларик сели за моей спиной, Бейлир чуть дальше.

— Я уверен, что Фелисию похитили Меркаты. Это графский род, и моя жена была дочерью виконта Мерката, младшего брата главы рода. Виконт навестил меня полгода назад. Он попросил проводить его в детское крыло, но вернулся уже через четверть часа, изъявив желание побеседовать со мной. Речь пошла о некоем семейном бизнесе. Он утверждал, что род Меркатов весьма успешен в том, чем они занимаются, но подробности оглашать отказался. Упомянул лишь, что речь идет о торговле и перевозках. Я, признаться, удивился такой таинственности, он заюлил, что опасается конкурентов, но в конце упомянул, что дела бывают рискованными, но и плата за таковую коммерцию намного больше, чем за обыкновенную. Это меня насторожило, и я ответил, что не вправе подвергать семью опасности. Мой тесть туманно сообщил, что опасности бывают разного рода и откланялся. Весной приехали поверенные Меркатов и убеждали меня принять участие в делах родни. Я настаивал на том, чтоб узнать детали дел. Когда один из них проговорился, что с городскими властями они рано или поздно сойдутся в цене, и лучше бы мне успеть принять правильную сторону, я выставил их вон.

Аларик вздохнул. Наверное, сожалел, что не распознал угрозу заранее.

— Фелисия с няней исчезли во время прогулки. Когда они не появились к обеду, и прислуга их не нашла в саду, я пошел на поиски сам и увидел на дорожке письмо. Вот оно, — за спиной зашелестела бумага. — "Лорд Боулес, благополучие дочери зависит от вас. Сегодня вечером вы получите несколько предложений, от которых мы рекомендуем не отказываться", — прочел барон. — Подписи нет.

— Позвольте взглянуть, — судя по шуршанию, Лавронсо взяло письмо. — Писал мужчина, хорошо образованный, но не из тех, для кого писание — ежедневное занятие. Скорее всего, у него для этого секретарь есть. Но такое письмо он писал сам. Да, очевидно, аристократ. И заметьте, он сказал не жизнь, а благополучие. Убивать девочку не собираются, а вот условиями жизни и ее дальнейшей судьбы вас могут держать на коротком поводке. Вы сказали, что они исчезли с няней. Как к вам попала эта особа? Возможно, ее прихватили, чтоб не ухаживать за девочкой самим, но может быть, она в сговоре.

— Подозреваю второе, поскольку нанимала няню еще Мириана сразу после рождения дочери, и прибыла эта женщина с рекомендациями от ее двоюродной тетушки. У меня к вам просьба. Называйте меня на ты и прозвищем Дерик.

Я услышала одобрительные хмыки. Дерик, Дерик, как бы мне не перепутать.

— К тебе пришли с предложениями? — спросила я.

— Пришли. К тому времени я уже выяснил, что Фелисию увезли в карете по тракту на восток.

— В карете?

— Да. Видимо, Фелисию увозил кто-то из семьи, не подручные. Меркаты считают, что мобили — для простолюдинов, стражей и военных. Благородные люди, по их мнению, никогда не променяют четверку породистых лошадей на дурно пахнущие железки, — Аларик хмыкнул и продолжил рассказ. — Вечером меня навестил поверенный из Боулесина

и передал письмо. Некие лица оповещали, что надеясь на мое благоразумие, они собираются разместить на моей мануфактуре определенный заказ. Я должен приказать управляющему принять материалы и чертежи от господина Тинуса и следовать им в точности, не задавая вопросов.

— Можем ли мы посмотреть письмо?

— Увы, я оставил письмо в кабинете, не стал возить с собой такую важную улику.

Лавронсо понимающе хмыкнуло и задало следующий вопрос:

— Какого рода мануфактуру они присмотрели? Литье металла или штамповку?

— Штамповку, литья у меня нет. Откуда ты знаешь? — голос Аларика прозвучал обеспокоенно.

— Кхех, — развеселилось Лавронсо. — Что можно делать в секрете, на чем деньги зарабатывают? Незаконные артефакты — раз. Столько оружия, что закупи его в мастерских — тайная служба забеспокоится, с вопросами придет. Это два. Запрещенные зелья — три. Но зелья на мануфактурах не делают. Что есть в артефактах, для чего нужна мануфактура? Металл или дерево. Но устроить мастерскую по дереву проще простого, а вот с металлом тяжелей. И для оружия металл нужен. Если для огнестрелов, то и вовсе один металл.

Я едва не хлопнула себя по лбу:

— Мне, пока я Секирд к лекарю возила, попалась газета. Меркаты пытались завести какое-то дело с дварфскими мастерскими, но те отказали. И тогда Меркаты решили открыть свой цех сами. Говорят — производить мобили.

— Значит, не мобили, — усмехнулось Лавронсо.

— Или мобили, но с секретом, — добавила я соображение, вертя рычагами, чтоб объехать длинный обоз. — Что можно установить на мобиль, что не получится делать открыто?

— Я бы подумало про оружие, здоровенный огнестрел. Но в прошлом году Нефриты пробовали собрать огнестрел с дулом в три раза больше, чем сейчас делают, — с сомнением произнесло дварфо. — И ничего у них не получилось. Мощи кристалла не хватает.

— Лавронсо, — встрепенулась Секирд. — Помнишь, ты спросил, что за дрянь я пью, и сказал, я будто кристаллы внутри выращиваю. Почему?

— Дык оно пахнет как анауритико палимас, очень характерный запах, ни с чем не спутаешь, а без анауритико палимаса кристалл хороший не вырастить.

— В том зелье и есть этот палимас, — мрачно заметила я, вздрогнув от догадки.

Судя по сжатым губам Секирд, она подумала о том же. Упавшим голосом она сообщила:

— Когда мы Стрекозу красили, я большие ведра зря таскала, у меня болело потом, и Гарни к врачу отвела.

— Почему меня не позвала? — взвилось Лавронсо.

— Потому что так надо! Не о том речь! — окрысилась на него Секирд. — Мне это зелье, с палимасом, доктор дала и сказала, что аури… этот именно палимас последние месяцы не достать.

— Кто-то весь скупил? Меркаты задумали вырастить большие кристаллы?

— Лигатрик говорил, что большие кристаллы выращивали неоднократно, но они не работали, — внезапно вступила в разговор Хитра. Судя по тону, она в точности передавала слова мэтра. — Многие артефакторы пытаются заставить кристаллы работать синхронно, то есть, он объяснил, вместе работать, но никому не удавалось.

Ребенка с наших совещаний никто не гнал, но ничего полезного от нее не ожидали. И

вот пожалуйста, не нужно никого недооценивать. Даже от ее влюбленности в мэтра оказалась польза.

И от того, какие сведения принесла эта польза, я похолодела. Но для начала я решила уточнить, все ли так ужасно.

— Я уже слышала это слово от Джанин. Что такое “синхронно”?

Лавронсо охотно объяснило:

— Кристалл на самом-то деле не ровно работает, а будто вспыхивает и гаснет, только так часто, что никто не замечает, и каждый со своей частотой. Если бы можно было вырастить такие кристаллы, чтоб частота была одной, и не просто одной, а чтоб вспыхивали и гасли разом, можно было бы их заставить работать вместе. Это и называется синхронно.

— Но ведь у Стрекозы много кристаллов, и они работают одновременно, — я продолжала пытать дварфо. Идея, к которой я пришла, была настолько чудовищной, что не хотелось никого пугать зря.

— Они работают одновременно, но не вместе. Каждый дает свою частицу силы в общий поток, после их объединяют. Но для мощи оружия нужно другое. Тут такая штука: одновременные колебания усиливают друг друга… — Лавронсо обвело взглядом наши озадаченные лица и принялось объяснять попроще: — Видели, как ходят по подвесному мосту солдаты?

— Видели.

— В ногу идут?

— Нет, не в ногу. Ой, и правда, а почему? — озадачилась Хитра.

— А потому, что мост качается под их шагами. И если они все вместе, в один момент, опускают ногу на мост, а потом другую, то и мост вскоре начнет качаться в том же ритме, и раскачается так сильно, что цепи, которые его держат, оборвутся. Потому что каждое качание моста будет сильнее от ударов ног солдат. А если идет просто толпа людей, и опускают свои ноги по-разному, то колебания не складываются. Так и тут. Если кристаллы будут вспыхивать и гаснуть одновременно, то их магический поток будет гораздо больше, чем сумма сил каждого кристалла. Потому что они усиливать его будут в каждую вспышку. Но пока этого достичь никому не удалось.

Я закусила губу и застонала. Это было столь необычно, что все звуки смолкли, и в тишине, разрываемой лишь тихим напевом магротора, я поделилась открывшимся мне страхом:

— Джанин сделала кристаллы, которые работают синхронно. Она еще смеялась, что для мерцающего колье леди Тирисополь пришлось нарочно выращивать кристаллы. Ей дали заказ на необычный бальный артефакт-украшение. Я тогда не поняла этого слова, но мне запомнилось. Колье! — Я не знала, смеяться мне или плакать. — Опаснейшее изобретение было сделано для блестящей безделушки!

— Кажись, Джанин просто рада была попробовать силы, — покачало головой дварфо. — Но ты права. Опаснейшее изобретение вышло в свет. Наверняка это колье попалось на глаза Меркатам, и они сообразили, как эту штуку применить. А те бандюганы, что упустили Лигатрика, отправили записки о лаборатории, мол, мы одного упустили, зато можем сдать вам место, где таких трое. Те и сложили одно с другим.

— Халцедонов нужно предупредить. — Я стиснула рычаги от волнения. — Они, конечно, обезопасят Джанин, но им нужно сказать, какое ужасающее открытие у них в руках. Тайна синхронной работы кристаллов должна остаться тайной как можно дольше.

Мерцающее колье, конечно, уже у артефакторов Меркатов, но если речь о способе выращивания таких кристаллов, думаю, из самого колье они ничего не узнают. Хорошо, что Джанин у дварфов. Если кому и можно доверить такую страшную тайну, то Синим горам.

— Да, мы — не вы, — довольно заявило Лавронсо. — Мы продумываем все на дюжину шагов вперед.

— Неужели это не легенды? — удивился Бейлир.

— Нет, конечно, — пожали плечами мы с дварфо.

— Интересно. А отец думал, они… Кхм… простите.

— Что?

— М… это одна очень старая тайна, которую хранит мой род, а верней, отец рассказал мне.

— Давай уж, — махнуло рукой дварфо. — Одной тайной больше, одной меньше.

Бейлир вздохнул и принялся рассказывать:

— Отец мой очень хороший лекарь. Родрик Хитрый пригласил его ко двору для весьма конфиденциального дела.

— Родрик Хитрый? Основатель Вавлионда как единого королевства?

— Он самый. Эльфы долго живут, — улыбнулся он.

Было невероятно сложно осознать, что перед нами сидит сын существа, которое лично знало жившего полтысячи лет назад короля. Да, общеизвестно, что эльфы живут очень долго, и половина эльфов — современники Родрика Первого, но все же… странно.

— Родрик попросил уменьшить нос и извести бакенбарды у одной дварфы.

— Что-о-о? Ах вы дылды длинноухие! — взревело Лавронсо.

— Тише, тише. Дварфа и ее род были совершенно согласны.

— Не может быть такого! — кипятилось Лавронсо.

— И может, и было. Для свадьбы с Родриком эта дварфа взяла новое имя: Мариэн.

— Королева Мариэн — дварфа? — хором удивились мы с Алариком.

— Да. Родрик захотел, чтоб у его династии была дварфийская рассудительность. И долгожительство не помешает, конечно. Его сын, Родрик Второй, он же Родрик Мудрый, был наполовину дварфом.

— А я удивлялась, почему правители Вавлионда, в отличие от остальных человеческих государств, ведут себя по крайней мере дальновидно, а не как бабочки-однодневки.

— Именно поэтому, — кивнул Бейлир. — И поэтому лишь два короля Вавлионда, сам Родрик Хитрый и Людвиг Несчастливый, умерли с короной на голове. Людвига, верней всего, отравили, и даже крови дварфов не помогли. Остальные передают корону сыну или дочери, еще будучи в здравии, и уходят на покой, после чего о них постепенно забывают.

— Конечно, — кивнула я. — Даже сейчас, столько лет спустя, они наверняка живут намного дольше чистокровных людей, и дабы не возбуждать в народе лишних мыслей, тихо исчезают из поля зрения. О, я помню, что младшая дочь Родрика Хитрого и младшие дети Родрика Мудрого составили династические браки с кланами Синих гор! Нам это подавалось как укрепление связей молодого королевства с соседями. Конечно, в первых поколениях дварфийские крови было не скрыть!

— Мой отец еще раз ездил в Вавлионд лет двести назад или около того. Возможно, тогдашний король решил освежить дварфское участие, — заметил Бейлир.

Однако… Если б Корона Вавлионда не мечтала видеть меня в качестве удобрения для полей, я бы даже выразила восторг.

— Прошу прощения, кто такая Джанин? — подал голос Аларик.

Коротко мы пересказали Аларику прошлые приключения. Лавронсо в рассказе не участвовало. Спохватившись, оно набросало записку, чтоб отдать в дварфскую мастерскую на нашем пути. Едва успев закончить, дварфо скомандовало мне притормозить возле огромного сарая, к которому вела короткая дорожка от тракта. Лавронсо быстро забежало внутрь и вскоре вернулось, кивнув, мол, все в порядке. Послание доставят по назначению уже к вечеру.

— Демоны через колено! Теперь все сходится, — дварфо вернулось в водительское кресло, и мы снова двинулись по дороге. — Они собираются сделать большую херовину…

— Лавронсо, здесь дети!

— Да ну тебя… большую стреляющую штуку, чтоб поставить ее на мобиль, или еще какую дрянь. Если штуке нужен большой заряд в один момент, ничего хорошего я б от нее не ожидало. Верней, штук они будут делать много, раз столько палимаса загребли, что его аж лекарям не хватает.

— Мобили, — произнесла я с нервным смешком. — Кажется, небесные сады очень хотят спасти эту часть света, если подкинули нам все ключи к загадке. Двадцать четыре трансмиссии, которые некто заказал в мастерской, где работали Индуктор и… ой… те три брата, несостоявшиеся бандиты, мы их вчера у Халцедонов оставили, чтоб им работу нашли.

— Погоди, погоди, подробнее можешь?

Я вкратце рассказала историю наших недобровольных помощников.

— Если на двадцать четыре трансмиссии понадобилось три механика и месяц работы, это ж какие здоровые и сложные агрегаты они заказали, — со знанием дела покивало дварфо. — Ставлю бороду против медяка, что этот заказчик работает на Меркатов, и трансмиссии пойдут в их новый цех. — Внезапно Лавронсо развеселилось и судя по звуку, хлопнуло Аларика по плечу. — Не дрейфь, где производство, там и документы. Кто-то чертил, кто-то письма писал… найдем ниточку и потянем. Двадцать четыре мощных мобиля и невиданное оружие — подозреваю, что Его Величеству это очень не понравится.

— Артефакт Лигатрика, — напомнил Бейлир. — Тот, который может упрочить кости и создать мощных бойцов. Если Меркаты и здесь замешаны, они собирают армию.

— А это уже заговор! — Лавронсо пришло в полный восторг.

— Кто в их роду имеет наибольший вес? Граф? — я решила, что паука нужно брать с головы.

— Не знаю, — удрученно ответил Аларик. — Скорее всего он. Но может статься, что мозг у них кто-то другой, а графа лишь сподвигли на действия, играя на честолюбии, которого Его Сиятельству не занимать.

— И не надо знать. Кто командует, у кого все ниточки, тот на виду не держится, — рассудило Лавронсо.

Интересно, чем еще занималось дварфо, кроме лекарского дела, механики и магмеханики, поисков сокровищ, контрабанды дварфийских артефактов и добычи шкур диких горных коз?

— Ты уверен про Иркатун? — поинтересовалась я. — Да, земли к северу от города принадлежат графству Меркат, но почему именно Иркатун, почему не Меркитаун на северной оконечности графства? Или там, где графский замок?

— Граф давно не живет в замке, он городской человек, у него особняки в нескольких крупных городах, и в Иркатуне тоже. У меня есть некоторые соображения. Приятель

попросил подыскать место для одного своего знакомого, неплохого человека, но совершенно разорившегося игрой в карты. Я устроил его к себе помощником управляющего, как раз освободилось тогда. Он прослужил три года и подкопил денег, чтобы уехать на острова попытать счастья не с пустыми руками. Однажды у меня в кабинете он увидел документ с девичьей фамилией Мирианы и побледнел. Придя в себя он покачал головой, что удивляется, как в такой своре шакалов родилась белая горлица. Оказалось, что троюродный брат Мирианы был крупным карточным шулером и выиграл имение под Иркатуном у этого бедолаги. Ее семья никогда не упоминала, что у них есть владения на юго-востоке. Фелисию повезли в том направлении. Думаешь, я ошибся?

— Если поместье за городом, то скорее всего девочка и правда будет там, — ответил наш начальник штаба. Похоже, эта должность теперь за Лавронсо. — Сам паук, граф это или нет, наверняка засел в Иркатуне, но далеко от себя отпускать ценную заложницу не станет. Раз они считают эти владения тайной, верней всего, девочку и впрямь туда везут.

— Иркатун на перекрестье трактов. Там дороги в два крупных порта, в столицу и дальше по южным провинциям, — припомнила я географию Вавлионда.

— Да, ты права. Там он сидит, там. Мы, конечно, по дороге еще порасспрашиваем, вдруг они куда-нибудь свернули, и все совсем иначе. Но первым делом в Иркатуне искать надо.

— Бейлир, достань карты. Нужно посчитать, где они могли останавливаться в первую ночь, — бросила я через плечо, не отвлекаясь от дороги.

Лавронсо потянулось к рычагу, который управляет прозрачностью стекол, и выкрутило его на полную завесу с той стороны. После чего дварфо поднялось с сиденья и прошло внутрь.

— Дерик, — услышала я голос Лавронсо, — сколько бодрящих зелий ты выпил за сутки?

Что ответил Аларик, я не расслышала, только ответный рев Лавронсо:

— Сколько-о?! Спать! Как лекарь этого экипажа я приказываю спать!

— Донно, я вполне в состоянии… — Аларик тоже повысил голос.

Я сочла необходимым вмешаться:

— Ал… Дерик, Лавронсо право. Бодрящее зелье уже заканчивает действие, я по твоему голосу слышу. Невыспавшиеся существа слишком часто ошибаются, а в нашем деле любая ошибка может стоить жизни, причем не только тебе, но и любому из нас. Устраивайся на моей лежанке и отдохни. Пожалуйста. И пристегнись, там ремни есть. Остальные с картой ко мне.

— Но…

— Капитан подтвердила, слышал? — донесся голос дварфо, и после некоторой возни оно появилось слева и кивнуло, мол, дело сделано, клиента уложили спать.

При всех своих достоинствах Аларик — кабинетный человек. Понял ли он, насколько все серьезно для нас всех, не только для Фелисии?

Лавронсо вернулось в кресло и сделало окна вновь прозрачными, Бейлир и Секирд уселись на пол рядом и разложили карту.

После спора, обмена сведениями о городках и поселениях, друзья выделили одно крупное село и город Идолта дальше по тракту. Для начала нужно убедиться, что девочку и правда везут по тракту на восток, а потом… потом я выскажу Аларику некоторые соображения, которые ему не понравятся. Но такова жизнь, я привыкла действовать не так,

как нравится заказчикам, а чтобы добиться цели.

Глава 30

За разговорами мы обогнули Боулесин по объездной дороге и выехали на Южный тракт. Сейчас я была бы рада извилистому лесному пути, где нет места для посторонних мыслей, только успевай рычагами двигать. Увы, Южный тракт оставлял достаточно возможностей утонуть в невеселых размышлениях, не отрываясь от управления мобилем.

За что, демоны, за что? Аларик спал всего в нескольких шагах. Бритая голова, потемневшая кожа — все это неважно. Это был все тот же Аларик, только взрослее, серьезнее, как и положено мужчине его возраста. Но глаза… глаза говорили, что он готов снова подхватить меня на руки и закружить на лесной поляне, усадить на колени у камина, разбудить на рассвете, чтоб упасть в мокрое от росы поле ромашек, он готов снять с меня мокрые после осеннего ливня боты и согреть ступни в своих руках… Я тряхнула головой. Он готов… Но той Лориетты больше нет. Нет больше Лориетты, которая могла откинуть голову на плечо любимого и парить в облаках его тепла.

И чем быстрее Аларик это поймет, тем лучше для нас обоих.

Лавронсо улучило момент, когда рядом со Стрекозой никого не было, встало с сиденья и задернуло занавесь между кабиной и салоном. Я уже и забыла, что эта тряпка из зачарованного плотного брезента привязана по сторонам. Мы отгораживались от пассажиров, только когда везли семьи с надежными взрослыми. И то, в сложных местах Бейлир предпочитал бдеть в хвосте, готовясь, чуть что, подать мне знак. Что это дварфо понадобилось?

Вернувшись в водительское кресло, чтобы снова изображать управление Стрекозой, Лавронсо тихо хмыкнуло:

— Барон, значит. А я удивлялось, что в ауре от гоблинов ничего не видать, но у смесков такое бывает, хоть и редко. — Чуть склонившись ко мне и, понизив голос, будто бы между делом Лавронсо поинтересовалось: — Договорились с бароном?

— Ты же само слышало.

— Я не об этом.

— Я тебя не понимаю.

— Не валяй дурочку. Я помню, что ты рассказывала.

— Это дело прошлое.

— Ты мне лапшу на уши не вешай, я не эльф, у меня уши короткие, спадает. Ты сама видишь, как барон на тебя смотрит.

— Пусть смотрит, смотреть не запрещено. А ты тоже смотри — на дорогу. Нас дуо с непонятными личностями обгоняет.

— Значит, не договорились, — хмыкнуло Лавронсо и послушно уставилось вперед. Не отрывая взгляда от бегущей под колеса серой ленты тракта нарочито спокойно спросило: — Так и будешь дурить? У тебя на лице все написано.

— Донно Лавронсо, — я начинала злиться. — Вам почудилось что-то странное. Я думаю о новом, весьма непростом задании.

— Тьфу ты, — дварфо едва не стукнулось лбом о рычаг. — С такой рожей, как у тебя, на плаху ходят, а не про задание думают. Ты вот что. Не гони коней. То бишь, не решай все махом. Дай вам с ним время, авось, что-то прояснится.

— Лавронсо, заткнись, — прошипела я сквозь зубы.

Дварфо ничего не ответило, и меня это насторожило.

Через два часа я притормозила возле окраины села и Секирд соскочила с мобиля. Аларика будить не стали. Была б в нем и правда хоть четвертушка гоблинской крови, этого времени хватило бы, чтоб отдохнуть. Но он чистокровный человек, и после такой нервотрепки и бессонной ночи ему нужно выспаться. Вечером наверняка еще дело предстоит.

Секирд вернулась, когда мы успели побродить по кустикам, и я с Бейлиром занялась простенькой гимнастикой. Верней, я — гимнастикой, Бейлир — простенькой, для эльфов это было весьма простенькими упражнениями.

— Была карета такая, как описал Дерик, но проскочила без остановки, — доложила девушка, устраивая в коробе для еды два круглых хлеба и головку сыра.

Лавронсо достало карту, и мы сели на траву. Секирд устроилась рядом, Бейлир продолжал разминаться, а Хитра кружила вокруг в хвостатом облике.

Мы высчитали: если будем ехать без остановок, к вечеру должны нагнать похитителей.

Допустим, мы с Бейлиром отобьем девочку. В карете, скорей всего, два охранника и третий — возница. Я сомневалась, что няня обладает какими-то боевыми навыками. Мы отобьем девочку, развернем Стрекозу, я напьюсь зелий, и к утру мы будем в замке Боулесов. Что дальше? Даже если мы убьем троих охранников — а я не была уверена, что ситуация станет настолько опасной, что убийство будет оправданным — останется няня. Доказать ее причастность не удастся. А вот нас она запомнит, и вместо того, чтобы добывать сведения против главного Мерката, нам придется прятаться самим, теперь еще и от графского рода.

Я изложила соображения Лавронсо, и мы замолчали. Мысль оставить девочку у Меркатов, пока мы ищем на них управу, казалась чудовищной, но по всему выходило — единственно верной. У меня не поворачивался язык произнести это вслух, но Лавронсо оказалось решительней:

— Вот что. Пока эти Меркаты ни ухом, ни рылом о том, что бар… Дерик по следу идет, и про нас не знают тем более, надо втихаря искать бумаги.

— Именно так, — с облегчением кивнула я. — Решать, конечно, Дерику, но пока про нас не знают, стоило бы этим воспользоваться.

Мы вернулись в Стрекозу и через час доехали до Идолты, поставили мобиль в тени рощицы и отправили Секирд на разведку к домам у поля, которое раскинулось сразу за городком. Вернувшись, она сообщила, что в городе есть три постоялых двора: один почище, два похуже. В таверне ближе к центру тоже комнаты сдаются. Но скорее всего, похитители с девочкой ночевали в новой, недавно открывшейся гостинице.

Мы разбудили Аларика-Дерика, и я пересказала ему наши расчеты. Его губы сжались, он опустил голову. Я сочувствующе вздохнула:

— Аларик… то есть, Дерик, если ты хочешь, мы отобьем Фелисию сегодня. Я умею прятаться, Бейлиру без меня ничего не угрожает, он может и вовсе вернуться в эльфийские леса и переждать, пока о нем забудут. Десять лет для эльфов не срок. А я справлюсь. Остальных Меркаты не увидят. Лавронсо с Секирд и Хитрой поедут на острова, как и собирались. Ты наймешь порученцев, которые умеют расследовать подобные дела, и они рано или поздно найдут доказательства того, что Меркаты занимаются незаконными вещами.

Аларик молчал, и когда заговорил, голос его звучал глухо, будто у больного и очень уставшего человека.

— Если вы вернете мне Фелисию сегодня, я, конечно, сделаю все, чтобы ты была в безопасности, но и тебя, и Фелисию, и Феликса придется охранять и прятать. И все равно я не уверен, что сумею сделать это достаточно хорошо. Меркаты мстительны, кроме того, если… хм… неважно. Ты права, нам придется найти доказательства против Меркатов прежде, чем мы заберем Фелисию.

Мы дали Аларику некоторое время привыкнуть к нашему неприятному плану, после чего обсудили, что делать дальше, с чего начинать. Раз мы не хотим догонять похитителей, нужно узнать о них побольше.

Решили первым делом проверить гостиницу и таверну — вряд ли кучер ночевал вместе с лордами, а если были еще какие-нибудь прихвостни рангом пониже, их тоже в таверну отправляли.

Я обвела глазами команду, прикидывая, кто покажется в гостинице наиболее вызывающим доверие.

— Думаю, эльфийка с человеческой воспитанницей вполне могут снять номер, а сопровождающий их охранник-полугоблин выяснит, куда отсылают прислугу.

Аларик кивнул. Фырхитра соскучилась по платьям, и с радостью вытащив из шкафа наряд, убежала переодеваться в душевую.

По взгляду Бейлира я поняла, что в списке "я тебе это припомню" добавилась еще одна строчка. Лирического настроения у него сегодня не было ни на полмедяка, и перевоплощение в женщину не вызывало никакого восторга.

Когда Фырхитра была готова, пришел мой черед, и я оделась в усталую тетку с бедных окраин, и другой наряд, поудобнее, на всякий случай взяла с собой. Лавронсо остался как есть, Секирд снова ехала в одежде бедного парня, и переодеваться не стала. Они взяли с собой инструменты — музыканты считаются народом безопасным, поэтому располагают к себе.

Мы забросили на плечи по мешку, и я заперла мобиль всеми способами, замкнув охранный контур. Дождавшись тихого писка и свечения рун, я махнула остальным, что можно идти.

Накинув на Бейлира тонкий плащ, чтоб уберечь его наряд от дорожной пыли, а саму "эльфийку" — от взглядов любопытных прохожих, мы добрели до первых домов и стали искать, у кого бы нанять повозку. Гоблин с примесью неясных кровей оторвался от колки дров, оглядел нас с подозрением, наткнулся взглядом на Аларика, подмигнул ему и услышав просьбу, выкатил "экипаж".

Хорошо, когда в команде есть каждой зверюшки по четвертушке — всегда найдется "свой".

Нас довезли до главной улицы и высадили недалеко от центра. Бейлир с Фырхитрой под охраной Аларика прошествовали дальше в гостиницу. Мы направились в таверну, где должны быть комнаты на сдачу.

Нам выделили столик недалеко от входа. Взгляды посетителей говорили, что трогать нас не будут. Все же, таверна на главной улице, деньги городу не помешают, да и разбираться с стражам им ни к чему, поэтому — пусть чужаки поедят да и проваливают. В свой круг местные допускать нас не собирались.

Съев по миске похлебки и выпив по кружке кисловатого эля, мы с Лавронсо переглянулись, он кивнул Секирд, и мои спутники потянулись к мешкам. Ранний вечер, конечно, не лучшее время для выступления, но мы еще не решили, ночевать ли в городе, или

придется ехать дальше по следу.

Постукивая по тамбурину, Лавронсо подошло к хозяйке заведения и начало с ней разговор, показывая то на скрипку Секирд, то на тощий кошель, повешенный на пояс для представления. Хозяйка пожала плечами и махнула в сторону лавочки у стойки.

Для начала сыграли зажигательную тарахтеллу — танец, родившийся на границе гоблинских степей и человечьих земель в те времена, когда Вавлионда еще не существовало. Уже к середине мелодии существа в таверне принялись громыхать кружками по столам.

Были здесь и люди, и три дварфа, и смески всех оттенков. За соседним столом сидел бородатый гоблин ростом пониже товарищей. В паре лиц я разглядела что-то эльфийское. У одного усатого селянина нос картошкой сочетался с острыми ушами. И я могла бы поспорить, что два суровых и угрюмых господина за соседним столом при виде полной луны заводят вековечную песню.

Первыми потеплели дварфы. Когда мелодия закончилась, один из них крикнул "Шмяковяк!" и кинул музыкантам монету. Оборотни, выпив еще по кружке, заказали "капкан" и тут же вознамерились его станцевать, благо, движений там было всего два: попеременно задирать правую и левую ногу, будто выбираешься из капкана. Но хозяйка погнала их полотенцем — размеры таверны не предполагали подобных телодвижений.

Сыграв еще несколько мелодий Лавронсо попросил принести что-нибудь промочить горло, и дварфы ожидаемо позвали его за свой стол. Секирд направилась ко мне, но ее перехватила компания орко-гоблино-человеческих молодых парней. Я скосила глаза, но девушка привыкла отыгрывать роль, а оркские крови прекрасно справлялись с хмельным.

Я заказала пирог, и ко мне подсела сама хозяйка, оставив бегать двух подавальщиц.

— Что-то ты смурная, — начала она, и я сложила выражение лица, которое можно было прочитать как "жизнь такая" или как "ох уж эти мужики" в зависимости от желания. — Да, мужики нынче те еще… — выбрала толкование хозяйка. — И как ты с этими бренчалками оказалась?

— Муж в кости проигрался. Думал отыграться и меня на кон поставил.

Хозяйка оглядела меня с ног до головы и непонимающе вытаращилась.

— Стирать, стряпать, присматривать за мальцом, которого дварфик сиротой подобрал. Только меня тоже не на всякой корове объедешь. Я дварфику пошептала, что в порту получше с игрой будет, вот мы туда и поехали. Мой-то орал… хотя теперь уж больше не мой, — усмехнулась я.

— А молодец! — хлопнула меня по плечу хозяйка. — Зелька, дай нам по кружке золотистого!

В дверях показался Аларик, и Секирд приглащающе помахала ему рукой. Да, в их компании он будет кстати. Проходя мимо меня, он сложил руку в кулак с оттопыренным большим пальцем — знак, что наши ожидания оказались верными, похитители останавливались в гостинице. Что ж, надеюсь, наши "девочки" что-нибудь узнают, а мы пока поговорим в таверне, тем более, хозяйка оказалась словоохотливой. Чем еще можно разговорить женщину средних лет, рядом с которой не видно мужчины, как не перебиранием косточек мужскому полу всех рас и разновидностей.

Когда половина гостей сменилась, хозяйке все-таки пришлось меня оставить. Она пообещала выделить комнату моим музыкантам по самой низкой цене, а мне отдать каморку под крышей совсем бесплатно.

— Ежели хочешь, там и вдвоем поместиться можно. Выбирай, — заговорщицки

шепнула она и обвела рукой зал, полный мужского пола, о котором мы только что всласть позлословили.

* * *

Комнатушка для дварфо с Секирд оказалась вполне подходящей, чтоб сесть там вчетвером и обсудить добытые сведения. То и дело кто-нибудь из нас издавал звуки, будто режемся в кости. Лавронсо попеременно прикладывало то Секирд, то Аларика крепкими дварфийскими словами. Со стороны должно выглядеть, что любители азартных игр, дварф с воспитанником, собираются облапошить полугоблина.

А между возгласами мы обменивались сведениями. Как успел узнать Аларик, верней, “Берлиэль” до того, как отослала “охранника” в таверну, вчера в гостинице остановился некий аристократ с маленькой племянницей и ее няней. Кучера и слугу отправили сюда. Про аристократа пока больше ничего неизвестно, это уже дело Бейлира.

Здесь Аларику и Секирд удалось узнать побольше. Двоих пришельцев завсегдатаи определили как головорезов на жалованье у денежного мешка. Надо отдать должное, глаз у местных наметанный. Компания молодежи порывалась начистить им физиономии, но хозяйка удержала, объяснив горячим орко-гоблинским парням, что разбираться со стражами по поводу трупов ей не хотелось бы. "Так мы трупы в нужник засунем, и дело с концом", — хорохорился заводила. "Не их трупы. Ваши." — припечатала опытная госпожа, и те, по словам свидетелей, замолчали.

Чужаки в таверне — повод для пересудов. Кто побогаче, идет в гостиницу, кто победнее — на постоялый двор. Здесь либо парочки от благоверных прячутся, либо те, кто прислуживает гостиничным визитерам. В гостинице в самых богатых номерах для личных слуг есть каморки, но остальных отправляют сюда. Поэтому и орки с гоблинами, и дварфы, и сама хозяйка с удовольствием почесали языками. Лавронсо удалось выяснить нечто совсем интересное. По мнению дварфов, у одного из головорезов второй хозяин имеется. Иначе с чего б он полвечера не пил, потом куда-то отлучился, а уж вернувшись, влил в себя одну за другой четыре кружки и сидел как в воду опущенный?

— Нужно прошерстить местные трущобы, — вздохнула я. — Наверняка их тут негусто, но какой-нибудь квартал имеется.

— Горчичники, — кивнуло Лавронсо.

— Горчичники?

— Там раньше горчицу растили, так и осталось.

— Значит, идем в Горчичники… завтра.

— Почему не сегодня? — удивилось дварфо.

— Потому что на такое дело нужно идти свежими и отдохнувшими. Слишком велика цена ошибки. И кроме того, я бы не совалась никуда, пока не поговорим с Бейлиром.

Дварфо кивнуло.

В распределении спальных мест получилась заминка. Дерику, как проигравшемуся, положено было бы идти либо на сеновал за работу, либо восвояси. Если дварфо оставило ему хоть монету, в нашу легенду не поверят. Что с этим делать, было очевидно, хоть и очень не хотелось. Но… но Аларик-Дерик сейчас наш наниматель и коллега по делу, и личные переживания я обязана отставить в сторону.

— Хозяйка разрешила мне переночевать в отдельной каморке под крышей и намекнула, что туда можно и мужика привести, — проговорила я, глядя в темное окно.

— Значит, ты его, вродь как, позовешь на ночь. Или он тебя. Га-га-га-га! — дварфо не

выдержало и расхохоталось так, что, должно быть, слышно на улице. — Иди, кавалер, проси эля в долг, мол, проигрался, — оно обернулось ко мне, — а ты потом спустись и цепляй. Б… Г… га-га-га!

Аларик вышел. Дождавшись, пока он отойдет, я зашипела:

— Лавронсо, тебе совсем борода не дорога? Даже та, которая есть? — чем вызвала новый приступ смеха. — Ничего, наступит еще мое время.

Секирд хихикала в подушку. Предатели.

Выждав пару минут, я спустилась вниз, где Аларик страдальчески уговаривал хозяйку налить ему кружечку, запить разорение.

Я кинула монеты:

— Налей ему. Да и мне заодно.

Хозяйка окинула взглядом фигуру Аларика и одобрительно мне подмигнула.

— Госпожа… я это… благодарю… — Аларик пытался изобразить простецкий говор.

Я кивнула на столик в почти пустом зале, пока он себя не выдал.

— Ло…

— Меня зовут Мабель, — сказала я, не понижая голос. — Ты кто?

— Дерик. Госпожа Мабель, — Аларик принял игру, но говорил потише, все ж, интонации у него не для дикого наемника, — если могу чем служить…

Я допила эль, оказавшийся, к слову, превосходным — хозяйка “по знакомству” налила из той бочки, которую обычно нужным гостям подносят, а не кому попало. Дерик последовал моему примеру. По движению бровей я поняла, что он тоже многого не ожидал и приятно удивился.

— Идем, — я махнула головой в сторону лестницы. — Посмотрим, чем можешь.

Остававшаяся в зале компания проводила нас понимающими взглядами.

Я отперла дверь, и Аларик, убедившись, что никого вокруг нет, достал из мешка светляк-кристалл. Каморка и правда была каморкой — я с трудом могла выпрямиться в середине, под самым сводом, а Аларику пришлось пригибаться. Почти все пространство занимали два матраса, положенные один на другой, и грубое, но большое одеяло. Видно, я сильно понравилась хозяйке, потому что на одеяле лежала сложенная стопкой хоть и серая, штопаная, но все-таки простыня. И правда, не на голых же тряпках избранника принимать.

Мы молча расстелили полотно по матрасу, достаточно большому, чтоб улечься вдвоем. Похоже, хозяйка приберегла каморку для недорогих свиданий. Я жестом попросила Аларика выключить кристалл, чтоб скинуть платье, оставляя нижнюю рубаху. В том, что Аларик будет держать при себе и руки и другие части дела, даже если я разденусь донага при свете, я была уверена. В том, что он захочет разговора — тоже.

Аларик сбросил штаны и жилет, оставшись в исподнем, и устроился рядом, но на некотором расстоянии.

— Лори, я хочу поговорить. Просто поговорить.

Я подавила вздох.

— Как ты жила эти годы? Как ты попала в порученцы? И почему вас ищут?

— Жила… сначала компаньонкой. Потом компаньонкой-охранницей. Потом жених-порученец взял меня в гильдию и научил драться по-настоящему.

— Жених?!

— Тш-ш, не кричи, услышат.

— У тебя есть жених? Или уже муж? Но ведь это не Бейлир. Я не понимаю…

— Нет. Его звали Нимнадил, полуэльф, он погиб три года назад. Работая одна я год сопровождала дам или возила важные пакеты, а потом познакомилась с Бейлиром, и мы стали брать поручения вместе. Ты прав, мы не пара. Но это ничего не меняет.

Говорить о том, как я отправляла разнообразных бандитов к демонам, мне отчего-то не хотелось. Аларик видел во мне всю ту же Лориетту, только более взрослую, и я причиню ему боль, разрушая хрустальную иллюзию. Но вблизи мой образ неизбежно пойдет трещинами. Значит, нужно держаться от Аларика подальше.

Демоны! Смогу ли я кому-нибудь довериться? Смогу ли я открыться, показаться такой, какая я есть на самом деле? Смогу ли подпустить кого-нибудь достаточно близко и не думать, что он отшатнется, увидев истинную меня? Все, чья кровь на моих руках, были достойны своей участи. Но все же после первого убитого Нимнадил долго приводил меня в чувство. И после второго. А потом… потом стало легче. Но теперь… Кому нужна женщина, которая может вот так запросто и без сомнений всадить нож в живую плоть? Разве что тому, что прошел с ней этот путь рядом. Но Нимнадил мертв, и другого такого не будет.

Ах, да, Аларик спросил, почему нас ищут… Я кратко рассказала ему, что мы увели из-под носа тайных служб Хитру, не вдаваясь в подробности ее статуса.

— Лори, когда все закончится… Ты веришь, что я смогу тебя защитить?

— Давай для начала соберем доказательства, что по твоим родственникам кандалы плачут, заберем твою дочь и доставим вас всех вместе с документами к королю. Поверь, в каждом из пунктов плана есть, о чем волноваться. А сейчас будем спать. Судя по тому, что сказало Лавронсо, в этом городке можно потянуть за ниточку.

Аларик вздохнул, но ничего не сказал. Я заставила себя отрешиться от невеселых мыслей и уснуть.

Глава 31

Утром я проснулась в одиночестве. Рядом на потрепанной, но чистой салфетке стояла тарелка с омлетом и двумя ломтиками хлеба. Моя фляжка, полная воды, лежала рядом. С трудом удержав слезы я принялась за еду. Слишком похоже это на… Нет. Не вспоминать. Перевернуть страницу. Нельзя.

Спустившись вниз, я обнаружила, что спектакль в самом разгаре. Отдав хозяйке таверны грязную посуду я заняла место в первом ряду около Секирд, которая невозмутимо доедала омлет.

— Еще! Еще разок! — Аларик страдальчески заламывал брови. Переигрывает.

— На тебе долга уже три золотых, — посмеивалось Лавронсо.

— Последний раз! я отыграюсь!

Рука Лавронсо легла на бумагу:

— Каждый золотой — неделя службы. Хочешь округлить до месяца? Ну давай, раз такой смелый.

Интересно, кому пришла в голову идея? Мальчики поняли, что действовать придется вместе, и решили подбить под это солидное обоснование, чтоб ни у кого не возникло вопросов, с чего бы вдруг спелись двое приезжих.

Аларик-Дерик, конечно, проиграл и в этот раз. Довольное дварфо сложило в сумку его документ — залог, что должник не сбежит. Я едва удержала смешок: разумеется, сам себе барон Боулес мог выдать сколько угодно бумаг с самой настоящей баронской печатью.

— Мабель! — махнуло дварфо. Мы вчера забыли договориться об имени, но Аларик уже сообщил ему, как я назвалась. — Поди сюда. Этот… Эй, гоблин, как тебя?

— Дерик он, — усмехнулась я и глянула на хозяйку, которая понимающе улыбалась.

— Хех, уже знакомы? Я, вродь, его себе служить взял, а не тебе.

— Тебе днем, а мне… Или хочешь, чтоб он и тебе так же послужил? — приняла я игру.

Дварфо совершенно натурально взревело, хозяйка захохотала. Свирепо глянув на меня, Лавронсо прорычало:

— Болтай, баба, меньше! Тебе в помощь будет. Потом еще куда пристроим. Эй, хозяйка, мы еще на день тут останемся, и ужинать будем. Этот лишенец теперь со мной.

— За комнату с ужином на всех возьму четыре серебряных, — отозвалась та.

— А камору? — поинтересовалась я.

— Камору тебе за полсеребра уступлю, — подмигнула она.

Кажется, мне скинули половину платы за развлечение.

* * *

Секирд принесла вести от “Берлиэли”. Удалось узнать, что тот лорд, который приехал с племянницей, был желчным и раздраженным господином, почем зря гонял прислугу, а на няню наорал. Горничная даже слышала обрывок фразы: “… не можешь приструнить…”, “… быстрей шевелилась бы…” и “здесь торчать”. Та возмущенно оправдывалась в ответ, а потом плакала. Аларик развел руками — няня совсем не похожа на ту, что едет не по своей воле. К тому же, раз охранников отослали, Меркат не ожидал, что женщина сбежит. Что-то задержало всю компанию в этом городе, потому что выехали только в полдень.

Еще глазастые служанки увидели, что лорд явно писал письма — на столешнице остались брызги чернил. “Торопился кому-то что-то сообщить”, — решило дварфо.

Аларик с дварфо решили разведать квартал Горчичников днем и поболтаться по разным злачным и не очень местам.

Нам с Секирд досталось пройти по маленькому рынку и по рядам лавочек, послушать, что говорят разные существа. “Берлиэль” и “ее воспитанник” предстояло сделать то же самое, только в более дорогих заведениях, которых в этом городке было не очень много, но путешествующая эльфийка решила познакомиться с Вавлиондской провинцией, и под этим предлогом могла заводить самые странные разговоры.

За следующие несколько часов мы с Секирд обошли едва ли не всю Идолту, переговорили с тремя дюжинами существ, попробовали и съели на рынке столько всего, что меня начинало подташнивать, а Секирд сообщила, что на сметану смотреть не может. Мы обзавелись куском серого полотна на нижнюю юбку, рубахой для Секирд (и правда — не помешает), глиняной свистелкой и грубо вырезанным всадником. За сведения приходится расплачиваться покупками, но ничего не поделаешь.

Вернувшись, я освежилась, обтеревшись водой из ведра, которое принесла добрая Секирд, помогла ей сделать то же самое, и мы растянулись на кроватях в ожидании остальных.

Перед тем, как сесть ужинать, Секирд с Лавронсо снова взялись за инструменты — не разочаровывать же публику. Аларик, пока ходил по городу, разжился флейтой, собранной из набора небольших дудочек — как он мне когда-то рассказывал, на этой флейте играют гоблины, пастухи предгорий. Никто не удивился, что полугоблин Дерик умеет с ней обращаться.

Аларик-Дерик что-то шепнул дварфо, и они заиграли. Я вцепилась зубами в край кружки с элем. Зачем ты со мной так?!

Затаив дыхание, таверна слушала, как над горной долиной парит орел, и ветер трепещет в перьях расправленных крыльев, и будто вместо покрытых пятнами стен вокруг развернулся голубой простор с зубчатой грядой, кое-где тронутой редкими лоскутками облаков, и восходящий поток уносит птицу туда, в звенящую высь, и вот она пропадает из виду, оставляя нас, бескрылых, бессильно смотреть ей вслед.

Я украдкой утерла слезы, опасаясь, что меня неправильно поймут, но зря — носами шмыгала добрая половина посетителей. Хозяйка поднесла всем троим музыкантам по кружке, они дали публике прийти в себя и ухнули что-то разудалое, где флейта Дерика пела вторым голосом, сплетаясь со скрипкой Секирд.

Лавронсо поглядывало на меня будто бы недовольно.

Закончив выступление, Аларик с Секирд присоединились к давешней зелено-коричневой компании, Лавронсо помахало дварфам, которых сегодня пришло заметно больше. Убедившись, что никто против не будет, Лавронсо позвало меня за стол с новыми приятелями. Что-что, а наводить мосты дварфо умело. И вот уже дварфы-подружки принимали его за своего, вернее, свою — Лавронсо во всеуслышание объявило о желании определиться женщиной. Меня, конечно же, включили в женский круг. Хозяйка принесла “девочкам” четыре кружки эля с ягодной ноткой, и потек женский разговор. Обменялись рассказами про обновки, поговорили о мужчинах, застращали Лавронсо, чтоб до тех пор, пока “определение дозреет”, ни-ни. Надавали будущей дварфе советов, как избежать “туров винторогих”, когда время придет. Поспорили, когда лучше рожать первенца: в пятьдесят или потянуть до восьмидесяти, и тогда уже всех махом, один за одним. Обсудили, что лучше подходит под зеленые глаза — хризолит или малахит. Я вставила свои два слова, что нужно

подбирать под оттенок: если больше в орех, тогда хризолит, а если с синевой, тогда малахит. Меня зауважали.

Лавронсо кивнуло на подвеску, что болталась на шее дварфы:

— О, что-то новенькое, я таких не помню.

Та сняла кожаный шнурок и протянула нам рассмотреть получше. Дварфо принялось вертеть в руках рогатый полумесяц с переплетениями узорной филиграни внутри и полупрозрачным белым каменем.

— Кто-то из Адуляров выискал в старом манускрипте рисунок женского амулета в виде

месяца, ну и обрадовались, у них же второе имя Лунные. Теперь мода у нас в Синих горах на их подвески, и положены лунницы только девочкам, — довольно усмехнувшись, дварфа погладила бакенбарды.

— Неужто у мужиков не появилось своих знаков? — поинтересовалось Лавронсо, возвращая дварфе подвеску.

— А им зачем? — удивилась она. — Будто мужикам мало того, что у них болтается.

Дварфы расхохотались, и я не стала отрываться от компании.

Кто-то вспомнил юность, и дварфы принялись делиться похождениями молодости. В отличие от людей, дварфы пускались в приключения без различия пола, верней, многие приключения состоялись до возраста определения. Дамы хвастались, кто в какую опасную шахту забрался, кто пошел втроем на двух троллей, кто застрял в степи на сломанном драндулете. Последняя история позволила мне зацепить нужную тему.

— Эх, — мечтательно возвела я глаза к бревенчатому потолку, — кабы у нас, у людей, бабы тоже на мобилях кататься могли! Я бы… ух! Только б меня и видели.

Дварфы сочувственно покачали головами:

— Ох уж эти мужланы ваши человеческие… Может, пристроим тебя за дварфа какого?

— Э! Она мне еще два месяца отработать должна, — возразило Лавронсо и тут же вжало голову в плечи под шквалом возмущения, мол, сестру свою гнобишь, жизни не даешь.

Успокоились дварфы, только когда Лавронсо пообещало, что как два месяца пройдут, подыщет мне какого-нибудь дварфа из приморских.

— Молодого тебе не надо, — рассудительно советовала самая старшая дварфа. — Возьми, кому полторы сотни исполнилось. Они непривередливые, как раз вместе и доживете. И на мобилях тебя научат. У нас мобили завсегда получше человеческих будут, хоть они десять цехов построят.

— Неужто строят уже? — будто бы для поддержания разговора поинтересовалась я и краем глаза увидела, как Лавронсо напряженно глянул на дварфу, а потом на меня со значением. Быстро, пока дварфы не удивились его мимике, рявкнула: — Чего уставилось? А вот выучусь на мобиле, и не зыркай мне тут!

Дварфы одобрительно засмеялись.

— Да говорят, где-то в здешних местах и строят, только где, кто ж знает. Нам-то неинтересно, а людишек, кто любопытствовал, чем-то шуганули.

— Это понятно, боятся этой… как ее… курекции, — глубокомысленно выдала я.

— Конкуренции, дура-баба, — зло буркнуло Лавронсо, понимающее, что едва не выдало наш интерес.

— А ты не шуми тут, неопределившееся, — нахмурилась старшая дварфа. — Вот когда взаправдашней дварфой станешь, тогда и голос подымай. Не то живо сейчас к мужикам пойдешь.

Лавронсо, решив спасать положение, заказало еще эля на всех и большой яблочный пирог.

* * *

После ужина мы вчетвером устроились в комнатушке и обменялись добычей: и нашей, и Аларика с Секирд, и тем, что узнал Бейлир и передал заглянувшему к нему “охраннику”.

О том, что где-то в округе люди открывают цех по производству мобилей, судачил едва ли не весь городок. Похоже, Меркаты, как и всякие высшие аристократы из больших городов, недооценили степень любопытства жителей провинции. Если бы, наоборот, поставили цех

на окраине города вроде Боулесина, вполне могли бы сохранить производство в секрете. Кому какое дело, что там за железки таскают. Существ вокруг видимо-невидимо, шныряют тут и там, сегодня один, завтра другой. А во все дырки голову совать — мигом без носа останешься.

Другое дело — Идолта. Каждое новое лицо будто магнит для любопытствующих. “Берлиэль” едва не засыпали вопросами, стоило ей шагнуть за порог гостиницы. Хорошо, Хитра сообразила сочинить легенду: росла она, воспитанница, в эльфийском Лесу, и теперь добрая леди Берлиэль показывает ей человеческие земли.

Откуда взялась человеческая девочка в Лесу, никто не спрашивал — ставить под сомнение рассказ и тем портить отношения с эльфийкой жители не рисковали. Многие и эльфов-то раньше не видели. Могу поспорить, они дюжину лет будут к месту и не к месту упоминать “подавала я суп самой настоящей эльфийке”, или “у вас сегодня есть те слойки с клубникой, что я эльфийской леди присоветовала?” или “да-да, именно такой шарфик у нас купила эльфийка три года назад, до сих пор не вышел из моды!”

И конечно, всякое любопытство Бейлира тут же стремились удовлетворять. Чтобы не запомниться интересом к машинерии в окрестностях Идолты, Бейлиру пришлось задавать вопросы самого разного толка, но главное он узнал: два месяца назад в городе останавливались четыре господина из образованных. Местный мастер по ремонту часов и прочей механической утвари утверждал, что разглядел в них инженеров. Три недели назад они появились снова, за два дня обошли все рестораны и приличные таверны — все пять, и вздохнув, что глушь надоела до демонов, уехали верхом по южной дороге.

Обозы с “железками”, конечно, через Идолту не шли, но местные тоже пользуются трактом. Кто-то видел, как сворачивают в сторону, кто-то заметил караван гремящих повозок у дальнего леса. Кто-то спьяну проболтался, что встретил на дороге двух верховых, те завернули его назад и наказали никому не рассказывать. Наивные.

Кто-то, браконьерствуя в чужих угодьях, слышал далекое рычание магроторов.

Кажется, я догадываюсь, что расстроило лорда-похитителя. Наверняка, проезжая через город, он решил встретиться с доверенными лицами, узнать, как идут дела, а вместо этого за ужином и за завтраком услышал болтовню про свое очень тайное производство.

Я довольно улыбнулась, представив физиономию Мерката.

Но одних слухов мало. Если лорды строят мобили, Корону это заинтересует лишь с точки зрения податей, чтоб утаить не вздумали. Нет, нам нужно найти что-то солиднее, а расположение цеха — приятная приправа.

— Не понимаю одного, почему они поставили цех так далеко от Иркатуна. Сюда на карете почти два дня ехать, — удивился Аларик.

— На карете два, на мобиле быстрее, — напомнила я. — Полагаю, только сами Меркаты не любят магмеханики. Их подручные вряд ли отказываются от прогресса, а Меркаты не будут лично каждую неделю цех проверять.

Аларик кивнул.

— И кто тебе, Дерик, сказал, что цех всего один? — задало Лавронсо резонный вопрос.

— Ты прав, — поддержала я дварфо, и меня осенило, — конечно, у них не один цех! Здесь, в большом, который рано или поздно найдут, производят мобили, большие и мощные мобили, но ничего противозаконного. Остальные части Меркаты наверняка оставили в других местах, двух или даже трех, чтоб быстро собрать все воедино в решающий момент.

Против ожидания Аларик приуныл:

— И где же эти места искать…

— Нигде не нужно, — убежденно сказала я. — Корона пусть ищет. Наше дело — добыть сведения, доказывающие, что искать надо. Если рядом с Меркатом обретается засланец местных ночных хозяев, значит, что-то они знают помимо цеха с мобилями. Интересно, что…

— Вот это мы и выясним, — криво ухмыльнулось дварфо.

Я вздохнула. Не спать мне этой ночью.

— И не вздумай, — без слов поняло меня Лавронсо. — Ты портрет свой на столбе видела? За такие деньги они любую хоть сколь похожую бабу сначала к стражам поволокут, а потом уже разбираться будут, та или не та.

— Ты же само говорило — я не похожа.

— Это ты не похожа, когда в таверне с ложкой сидишь, а когда станешь в мужских штанах кренделя выписывать, станешь очень даже похожа.

— Кто поволочет, кто — они? — удивился Аларик.

— Местные ночные воротилы. Если есть у того головореза начальник, то среди них обитается, а скорей всего их главный. Город небольшой, двум ночным хозяевам тут не развернуться, — пояснило дварфо.

— Ты давно от ночных хозяев не бегал? — напомнила я.

— Тем более прощупаю, вдруг кому на западных черное досье нужно.

— Рискованно.

— Не рисковей, чем бабе к ним соваться.

— Один пойдешь? — удивилась я.

— Нет. Со мной, — ответил Аларик, и Лавронсо, чтоб его, такого знающего, демоны пнули, кивнул.

Меня уговорили провести эту ночь в комнате вместе с Секирд, а дварфо с перекрашенным бароном отправились к ночным воротилам.

Глава 32

Я пролежала с четверть часа, потом сняла сорочку, надела темно-серую рубаху и черные штаны, которые принесла с собой из Стрекозы. Сверху накинула очень старый и очень потрепанный кусок ткани, изображавший не то накидку, не то плащ, и резко обернулась назад, перехватив зеленую руку.

На что рассчитывало Лавронсо, когда просило Секирд меня остановить? Если бы я не умела спиной чувствовать опасность, у меня было бы на пару шрамов больше. Даже не насторожись я от шороха за спиной, такого шороха, будто кто-то пытается двигаться тихо, все равно легкий и очень знакомый сладковатый запах рассказал бы мне о намерениях подруги.

Перехватив Секирд за запястье, я выдернула из ее руки пропитанный зельем лоскут. Секирд вырвала руку. Я усмехнулась:

— Вы с дварфо такого низкого мнения о моих способностях?

— Я хотела тихо, а надо было быстрее, — мрачно произнесла Секирд.

— Неужели ты думаешь, никто никогда не пробовал быстрее?

Обиженная девушка забралась назад на лежанку.

Достав краски для лица, я выбрала крохотную склянку с черной пастой. Любой человек с даром почувствовал бы, как от нее несет магией, но мне нужна такая крошка, что распознает только очень, очень сильный и обученный маг, а таких в местах вроде Горчичников не водится. А если водится, будет интересно узнать, зачем.

Я обмакнула самый кончик самой тонкой кисточки и нанесла крохотный штришок на тыльную сторону руки. И еще один. И еще. Через четверть часа такой работы у меня на руке красовался знак одного из воровских кланов столицы. На свету зачарованная для стойкости сурьма мало похожа на татуировку, но в полутьме и так сойдет. Завернув коробочку с приспособлениями для обмана в панталоны я сложила ее назад, в комок вещей. Подвязав волосы спрятала их под видавшую виды шляпу непонятной формы, которую она приобрела после неоднократного пребывания в заплечном мешке. Я оторвала полосу от куска полотна, купленного взамен рассказа о рычащих за лесом магроторах, и сложила ее на манер шарфа, который навернула так, чтоб прикрывал нижнюю часть лица.

Осмотрев себя в крохотное зеркальце, я осталась довольна.

— Я с тобой, — донеслось со второй кровати.

— Нет, Секирд. Иначе мне придется еще и тебя охранять.

— Меня не надо охранять! Я была с вами в лесу!

— Здесь будет намного опаснее, и даже на помощь не позовешь. Пожалуйста, останься, — мягко попросила я. — К тому же, если мы до утра не вернемся, кто-то должен объяснить Бейлиру, что произошло, чтобы он перевернул Горчичники вверх дном.

Секирд буркнула “ладно” и повернулась лицом к стене.

— Дверь за мной запри, — усмехнувшись, посоветовала я.

* * *

Лезвие ночного грабителя прочертило дугу и глухо брякнуло о булыжник. Слова “кошелек или жизнь” он договорить не успел. Слегка его придушив, я шепотом просвистела:

— Не стоит со мной связываться.

Перед носом бандита быстро мелькнул рисунок на руке. Любитель чужого издал

нечленораздельный звук, но я уже шагнула в тень, оставив незадачливого налетчика посреди улицы.

Теперь осталось только проследить, куда он пойдет — за новость о том, что город посетили столичные коллеги, местный ночной хозяин хоть медяк да отвалит.

Когда дварфо с “полугоблином” отправлялись на дело, у меня мелькнула было мысль поделиться с ними секретом, но увы, столичная “элита” воровского мира допускает в свои ряды только чистокровных людей.

Клочковатые тучки с неровными прорехами то норовили притушить половинку луны, то прикрывали блестящей вуалью, то позволяли светить во всю силу, и нервный лунный свет подрагивал на щербатой мостовой, которая, по мере приближения к Горчичникам, превращалась в слежавшуюся глину с редкими вкраплениями брусчатки. Вскоре ветерок донес крики и смех.

Город, и правда, небольшой, и злачный район здесь — всего-то две улицы. Я проследила за “провожатым” до спуска в полуподвал, откуда орали скабрезную песню, а девица у входа не оставляла сомнений в своем занятии. Внутрь я не пошла. Осторожно двинувшись вокруг, я следила за тенями на занавешенных окнах. Вскоре я нашла, что искала. На втором этаже одна тень, низкая, еле двигалась, зато другие расхаживали вперед и назад. Если где-то и был кабинет местного начальства, то здесь. Осмотревшись, я засекла охранника, и вскоре он уже “отдыхал” в глубокой тени за помятым водостоком. А я, прижавшись к стене, разглядывала кабинет в тонкую щель между рамой и портьерой. Жаль, окно закрыто, ничего не слышно.

Мой “знакомец”, волнуясь и переминаясь, закончил “доклад”. Ночной хозяин, действительно, бросил ему медяк и махнул, мол, вон иди. Разложив ноги на потертом столе между бумаг, тарелок с объедками и кружек, местный главарь разбойничьего квартала опрокинул в себя что-то из захватанного стакана и взял со стола бумагу. Увы, рассмотреть, что там было написано, я не могла. Что ж, главное я узнала, пора спускаться. Под утро навестим кабинет, пошарим, может, что-то интересное найдется. За это время стоит проникнуть внутрь, чтоб оказаться рядом, когда ночной хозяин будет вешать сигналку.

Я бросила последний взгляд в щель и поняла, что навещать кабинет придется прямо сейчас: три бугая притащили Лавронсо и Аларика. Заняв удобную позицию я медлила: может, обойдется?

Увы, нет. После короткого разговора один бугай положил руку на нож, но начальство поморщилось так, что я будто услышала: не здесь же. Если бы я была уверена, что их выведут на улицу, встретила бы у входа. Но вполне могли повести в подвал.

Взявшись за верх поудобнее, я влетела в комнату, вышибая стекло с рамой вместе. Хозяин получил каблуком в висок, два бугая — по ножу. Жаль, придется бросить тут оружие. Третьего Аларик с Лавронсо уложили сами. По лестнице уже бежали на шум.

— В окно, слева водосток! Проулок к северу! — прошипела я и едва не взвыла: меня решили пропустить вперед. — Дерик первый, ты за ним! — и упреждая сопротивление, толкнула обоих к выбитой раме.

Я уже собиралась последовать за друзьями, как заметила на столе сложенные вдвое листы бумаги с кривыми буквами, среди которых выделялось слово “цех”. Чем быстрее найдем сведения, тем быстрее Аларик отделается от Меркатов, а я… да! — а я от Аларика! Додумывала я, одной рукой засовывая бумаги за пазуху, другой отбивая нож бандита. Лезвие просвистело до опасного близко, но я успела пнуть нападающего на тех, кто вваливался в

комнату за ним, и перемахнув через подоконник, вскочить на водосток, а с него — на утоптанную землю.

Оставив за спиной жужжащее гнездо работников ножа и удавки, я влетела в ночную тьму проулка.

— Лори, ты живая?

Демоны. Он бы меня еще по фамилии на всю улицу назвал.

— Они там! — взвизгнул кто-то сзади, и мы побежали прочь.

Нам пришлось дважды свернуть, но преследователи были где-то рядом.

В боку пекло, в голове начинало шуметь. Нас очень неудачно загнали — слева высокий каменный забор, справа стена кирпичной фабрики, прямо над проходом висит полная луна и светит во всю силу.

— Сюда, — прошипело Лавронсо и потянуло нас к груде ящиков, рядом с которой валялась небольшая бочка. — Дерик, сделай вид, будто вы это самое. Штаны ей подверни, и на ящики.

О чем он? Но Лавронсо не стало уточнять и нырнуло в бочку, будто сделанную по размеру низкорослого крепкого дварфо.

Аларик потянул меня к ящикам и толкнул, чтобы я полулежала на жестких досках. Подтянув мои штаны до колена он навис надо мной сверху и закинул мою голую голень себе на бедра. Все, что выше колена, было укрыто плащом. Погоня приближалась. Аларик шепнул мне: "Стони", выдернул две шпильки, выпуская пряди, и впился в мои губы поцелуем.

Я застонала, но скорее, от неожиданности и возмущения. Работая на гильдию мы с Бейлиром как-то раз изображали целующуюся пару, но мы лишь касались друг друга сомкнутыми губами, не делая никаких движений страсти. Аларик же будто только и ждал… Демоны! Слишком быстро прошло мое возмущение, и я ответила на поцелуй.

Кажется, погоня давно пробежала мимо, но Аларик не отрывался. Мне стало легко-легко, в голове шумело, и только услышав голос Лавронсо я поняла, что поцелуй был не единственной причиной.

— Эй, потом намилуетесь! Дерик! Нам нужно идти.

Аларик нехотя встал, вернул мои штанины на место и протянул мне руку, но сил подняться у меня не было.

— Лори, — прошептал он, — ты в порядке? Драные демоны! Лавронсо!

Уже уплывая, я слышала дварфийские выражения, которые так и не удосужилась выучить.

* * *

Я очнулась в Стрекозе. Лавронсо проворчало, что стоило мне еще поваляться в обмороке, пока он не закончит.

— Где Аларик? — вскинулась я.

— Я отправил его за Секирд. Девку надо вытаскивать сюда поскорей, да и он мне тут не нужен под руку квохтать.

Да, это правильно. Утром обитатели Горчичников пойдут по постоялым дворам и трактирам искать дварфа и гоблина. Мы уже узнали все, что могли узнать в Идолте. Можно уезжать.

Я расслабилась и скосила глаза на бок. Кажется, ничего страшного, только крови натекло. С моими запасами зелий утром буду в порядке. Дварфо слегка приглушило боль и теперь орудовало иглой. Края раны светились, соединяясь друг с другом, а что оно творило

внутри, я не знала, но по ощущениям, во мне вовсю гуляла лекарская магия. Закончив, Лавронсо поставило передо мной кружку отвратного пойла. Подозреваю, что в подобное питье специально подмешивают травы попротивнее, чтоб неповадно было болеть.

— Вот что, — голос Лавронсо приобрел интонации директрисы, отчитывающей нерадивую пансионерку за проказы. — Если не прекратишь дурить, мы тебя отставим от задания. Будешь нас на постоялом дворе ждать, пока не решишься на что-нибудь.

— Донно Лавронсо, смею напомнить, что в этой команде последнее слово за мной. Я не люблю объявлять об этом обстоятельстве открыто, но таково настоящее положение дел.

— А мы не любим ходить под лезвием топора из-за твоих метаний! Или используй мужика по назначению, или выкинь романтическую дурь из головы. Но прекрати нарываться на смерть!

— Что? — опешила я.

— То! Страшно выбирать? Помереть проще? Это ты как хочешь, но без нас.

— Я задержалась, чтоб забрать важную бумагу, — я постаралась добавить в голос металла, чтоб не звучало как оправдание.

— Никуда бы твоя бумага не делась! Ты хотела либо все решить махом, либо саму себя махом решить!

Я молчала, пытаясь придумать, где бы оно было неправо, и у меня не получалось.

— Был у меня такой командир, когда мы в пустыню Ык за сокровищами пошли. — Пыл Лавронсо угас, и дварфо вернулось к привычному ворчанию. — Никак не мог выбрать между бабой любимой и бабой беременной. Все по краю ходил, а как назад возвращались, сорвался, полез на песчаного червя вперед всех. — Лавронсо сделало паузу, представляя мне самой догадаться, во что песчаный червь превратил незадачливого кладоискателя. — Даже костей не осталось. Только мешок с добычей эта тварь и выплюнула. Мы его долю беременной отдали, ребятенка растить. Вторая баба два месяца выла. А мог бы к ней вернуться! Сокровища беременной, сам жениться, а сына навещать! Народец вокруг пошептался бы чуток, пока не надоело, а там глядишь, другие сплетни подоспели бы. Зато и сын при отце, и бабы при деле. Но нет, морочился — и так плохо, и так не поймут. А ты-то чего боишься?

— Боли! — огрызнулась я. — Тебе не понять! Тебе еще два года не понять!

— Да-а, куда уж мне, — прошипело Лавронсо. — У нас же, пока причиндалов нет, и сердце не отрастает.

Я ничего не ответила. Расспрашивать о чувствах дварфов до пробуждения влечений было не к месту.

— Слушай меня, неразумная. Боль твоя никуда уже не денется. Если за столько лет не остыло, всё, кранты, тем более теперь, когда руку протяни, и вот он, ждет готовенький. Так что, либо решайся, либо смирись, что болеть так и так будет. А еще раз нарвешься, оставим терзаться в одиночку и уедем.

— На моей Стрекозе? — попыталась съязвить я.

— На твоей Стрекозе выполнять твою работу, раз ты справиться не можешь.

— А за рычаги кого? — попыталась съехидничать я.

— Дерика вон научим. Ты не юли. Поняла меня?

— Демоны же толкнули взять такое мудроумное в команду, — проворчала я. — Все дварфы такие, или ты один особенный?

— Не все, — хмыкнуло Лавронсо, — но многие. Это все потому, что мы ума набираемся, пока мужское иль женское на голову не давит, и голова свободная, а не как у

людей.

Дварфо важно почесало пушистый подбородок, и я порадовалась, что нет здесь Бейлира. Устроили бы турнир за звание самой мудрой расы. Отсутствие мужского или женского у дварфов и легендарное высокомерие эльфов ничуть не мешают тем и другим состязаться по любому поводу. Я даже удивлена, что Бейлир и Лавронсо цапались только раз в неделю, а не трижды на дню.

Дварфо поднялось, чтоб уйти, но я не могла не подпустить яду на прощание.

— Посмотрим, Лавронсо, как ты будешь через два года выбирать со своей свободной головой.

— А чего мне? Как все буду. Наверное, бабу выберу, бабой жить забавнее.

— Думаешь, Секирд из тебя подружка нужна?

— Э? — Лавронсо замерло и уставилось на меня большими глазами.

— Ага, — усмехнулась я реваншу и прикрыла глаза.

Озадаченное Лавронсо вышло. Вскоре снаружи послышались голоса, и в мобиль влетел Аларик.

— Лори, Лори!

Кажется, он намеревался зацеловать меня до полусмерти, и я снова не смогла оттолкнуть мужчину сразу, позволив себе несколько секунд безрассудного счастья. Но все-таки, собравшись с духом, я отстранила его.

— Прошу тебя, Аларик, не делай так больше.

— Лори, ты едва не умерла!

Я рассмеялась:

— Аларик, это всего-лишь царапина. Да, я потеряла немного крови, пока мы убегали, но завтра я уже встану.

— Тебя ранили!

— В четвертый раз за шесть лет, с тех пор, как я стала порученцем. И две из моих ран были гораздо хуже.

Увидев изумленное лицо Аларика я грустно улыбнулась. Если безродная бесприданница и наследник барона были из разных кругов общества, то госпожа порученец в бегах и барон — существа из разных миров.

Глава 33

Утром Секирд вернула угнанных ночью лошадей, добралась до гостиницы, и, заплатив серебряный молочнику, доехала с Бейлиром и Хитрой в Стрекозу.

Проснувшись после настоек Лавронсо, я изучила добытые с боем листки, которые представляли собой разрозненные заметки — скорее, чтоб не забыть самому, о чем нужно доложить. Кое-где лакуны заполнил другой почерк — видно, сам ночной хозяин добавлял со слов засланца.

Что цех "где-то за лесом", знает всякий местный. Кривой рисунок, видимо, был призван обозначать тракт, Идолту, дорогу и лес. Интереснее были отрывочные строки о том, что "сильных кристаллов нету пока", "Свистун и головастые пропали" — значит, похититель Фелисии понял, что выкрасть артефакторов им не удалось, но куда делись нанятые ими бандиты и сами артефакторы, они не знали.

Дальше сообщалось, что "трубы возле Ирк", "заговоренные стекла" и "стены бутерброд", где рядом другой рукой было приписано "слоями". Лавронсо пояснило, что дварфы ставили опыты с упрочнением стен, и лучше всего, если не цельную плиту отливать, а складывать из разных слоев. Дальше он сыпал словами, которых я не поняла.

Последней строкой стояло "Бистура", которое было зачеркнуто рукой начальства, и вместо загадочного слова приписано: "бастурма?" Я тоже не поняла. Но если засланец решил, что это важно, значит, "бистура-бастурма" нам пригодится. Я сомневаюсь, что шпион бандитов решил записать любимое блюдо лорда Мерката, да и не похож Меркат на того, кто оценит степную кухню. Я бы скорее поверила в "хамон" — вяленое мясо из далекой Сапнии, человеческого королевства, считающегося законодателем моды в южной кулинарии. Хамон продают в лавках деликатесов и предлагают в ресторациях как закуску. Бастурма водится в специфических лавочках, где за прилавком стоят лысые хозяева с кожей цвета древесной коры. Не сходится у меня такая картинка с Меркатами, которые высокомерием могут поспорить с иным эльфом.

Я решила отложить эту несуразность в памяти. Пока же мне было достаточно того, что Меркаты, действительно, ведут работы, и если собрать воедино всю картину, Короне это явно не понравится. И замены нашей гениальной троице артефакторов у них нет. Если есть работы, значит, есть и документы. Если артефакторов нет, значит, у нас есть время.

Засланцу было от чего расстраиваться: ничего полезного для местного хозяина ночи он не принес. Зато для нас — очень даже.

Я попросила Секирд принести мне ящик с зельями, выпила две ложки из двух разных бутыльков, подремала еще с полчаса и пошла приводить себя в порядок, превращаясь в сушеную старую деву. У двери омовейной взвыло два голоса:

— Ты куда собралась?

— Лори! Тебе необходимо отлежаться!

Я поинтересовалась в ответ:

— Хотите дождаться гостей? Сейчас прочешут город, вас не найдут и примутся шерстить окрестности. Секирд, как я выйду, оденься в городское, будешь сидеть рядом со мной вместо Лавронсо, пока не отъедем от Идолты. Он сейчас слишком известен, не будем рисковать.

Закончив переодеваться и открыв дверь, я обнаружила там встречающих в том же

составе. Сотворив как можно более строгое лицо я обвела их сердитым взглядом:

— А о ваших способностях к добыче сведений мы потом поговорим. Надеюсь, все поняли, что каждый должен заниматься своим делом?

Не получив от сконфуженной парочки ответа, я пропустила в душевую Секирд и ушла запускать Стрекозу.

Бейлир уже перебирал струны мандолины, черкая что-то в новой толстой тетради. Хитра читала большую и прекрасно изданную книгу по истории Вавлионда — обязательно потом одолжу посмотреть. Похоже, с покупками этим двоим повезло больше, чем нам.

Вскоре Секирд заняла “водительское” место, и мы тронулись в путь. Лавронсо село на пол, разложив карту.

— Часа два проедешь, и будет. Хорошо, если до того не свалишься.

Я подумала и согласилась. По ровной серой дороге мы отъедем достаточно далеко. Выбрав прямой участок, где не было никого вокруг, я скосила глаза на карту, туда, где палец Лавронсо упирался в темно-зеленое пятно леса. Помню эти места, там можно на четверть часа отъехать от тракта, и не найдут.

Солнце стояло еще высоко, когда я втиснула Стрекозу между рядами деревьев и пристроила ее на небольшую полянку. Бейлир узнал это место — мы здесь прятались после нашего первого совместного задания.

Прежде чем стянуть платье и парик, умыться, и оставшись в плотной нижней сорочке, забраться на лежанку под одеяло, я выглянула в окно. Моя команда привычно занялась делом: Хитра обернулась в звериную ипостась и убежала на разведку, только рыжий хвост в траве мелькнул. Лавронсо разделывало бревно на дрова, Секирд несла хворост, Байлир подкладывал веточки в пока еще слабый костер.

Аларика приставили чистить овощи, что он делал с таким видом, будто никогда не носил бархатный сюртук и не сидел в ресторации, непринужденно и не глядя выбирая из восьми ножей подходящий. Рядом с ним в рядок лежали разрезанные белые луковицы, выпотрошенные зубочки чеснока, ждали своей очереди фиолетовые конусы моркови, желтые клубни репы и бурые клубни мангольда, темно-красные внутри, как венозная кровь. В котелке лежал кусок мяса с костями.

Аларик поднял на меня глаза и улыбнулся. Закусив губу, я зарылась под одеяло. Похлебку насыщенного бордового цвета он приготовил в одну из наших поездок в лесной домик Боулесов, когда только-только поспели ранние сорта овощей. Это было… демоны! Это было ровно десять лет назад, день в день!

Я дотянулась до ящика с флаконами, отвинтила крышку у зеленого и сделала крупный глоток сонного зелья. В конце концов, меня этой ночью ранили, я имею право спать и ни о чем не думать.

Открыв глаза, сквозь окно я увидела темнеющее небо и первые звезды. Я надела платье и вышла из мобиля, все еще слегка покачиваясь после сна, а может быть, от слабости? Все же со вчерашнего дня я ничего не ела, только зелья пила, и еще рана эта… В боку слегка тянуло. Пусть у Лавронсо эльфийский дар живого проявлен не в полной мере, но вполне сравнится с вавлиондскими маглекарями.

Компания сидела у костра. Хитра в человечьем обличьи о чем-то шепталась с Секирд. Девушки потрошили двух зайцев, и еще две тушки лежали рядом готовые. Лавронсо о чем-то тихо разговаривало с Бейлиром.

Опираясь рукой о край двери я приноравливалась сойти вниз, но Аларик успел

подхватить меня раньше и доставить на заботливо разложенное покрывало у костра с бревном под спиной. Не желая устраивать комическую драму на глазах у команды, я лишь скупо поблагодарила. В руки мне тотчас же подали плошку с похлебкой, куда щедро плюхнули ложку сметаны.

— Спасибо, Аларик, — выдавила я, глядя на таявший в красной жиже айсберг, и принялась за еду.

Закончив, наши добытчицы залили мясо плохоньким вином. Аларик засыпал в котелок приготовленные травки с парой корешков и устроил томиться на еле тлеющей части костра — раз уж Хитра не может сдержать охотничьих инстинктов, то позавтракаем плотно.

Аларик устроился рядом со мной. Компания усердно делала вид, что ничего не происходит. Предатели!

Рядом с котелком в небольшой новой кастюльке грелось вино получше, в котором плавали дольки южных фруктов и порезанные яблоки. Ополовиненная баночка меда стояла недалеко в траве. Я знала только одного человека, который любит этот рецепт, и в свое время пристрастил меня к сладкому пьянящему напитку, и этот человек сейчас сидел рядом, будто и не прошел десяток лет.

Когда я доела, барон Боулес забрал у меня пустую плошку, а взамен подал кружку с подогретым вином. От одного запаха закружилась голова, и я сделала несколько глотков, потом еще несколько… А потом, когда человек рядом придвинулся непозволительно близко, попросила Секирд прогуляться со мной в заросли. Да, я умею испортить романтику, особенно, когда романтике не место в моей жизни.

Возвращалась я, почти повиснув на Секирд. Оценив обстановку, Аларик подхватил меня на руки и понес внутрь. Кажется, он и платье с меня снял бы сам, но к счастью, Секирд пошла за нами и молча выставила его вон. Я с благодарностью погладила ее по руке, на что она пробормотала: “Быстрый слишком”, и не успела я обрадоваться союзнице, как продолжила: “Вот дело закончим…”

Ох, друзья…

* * *

В два часа пополудни мы загнали Стрекозу на постоялый двор, который и двором назвать нельзя. Семья орков еще лет пять назад сообразила, на чем можно легко сделать деньги, и выкупила пустырь. Теперь здесь можно за плату поставить мобиль. Окружал стоянку реденький заборчик с надписями “тут охранный контур!” и рисунком молнии, которой заборчик бьет в лезущее внутрь существо. По самой стоянке бегало несколько волков. Нас обнюхали и кивнули — мол, запах запомнили. Оборотни-охранники в Вавлионде не новость, но мобилей волки обычно сторонились. Привыкли, значит.

Хитру они обнюхивали с подозрением, косясь то на нее, то на нас. Девушка присела на корточки и что-то им сказала. Волки переглянулись и покивали друг другу.

— Я им пожаловалась, что меня замуж решили пристроить, и я сбежала, теперь я при эльфийке, — рассказала нам Хитра. — Здесь много оборотней, кто от договорных браков сбежал.

Перекусили мы в таверне рядом со стоянкой, ее держал тот же клан.

— Повозка в город через полчаса, — сообщила нам разносчица, устраивая на столе тарелки с куриными ножками и свиными ребрами.

Да, кормят тут неплохо, хотя могли бы и не стараться, путникам все равно деваться некуда. Но эта семья работала на совесть.

Оставив два серебряных сверх цены, мы сели на скамейки повозки, укрывшей нас полотняным пологом от солнца. Дорога в город была покрыта таким же гравием, что и Южный тракт. Иркатун, стоящий на пересечении путей, богат даже для небедного Вавлионда.

— Сколько здесь отделений Дварфского банка? — поинтересовался Аларик-Дерик.

— Не знаю, наверное, есть несколько. Зачем тебе? И одного хватит.

— Думаешь, полугоблин, снимающий с рунного счета крупную сумму, не привлечет внимание?

— В Иркатуне? Нет. — И на немой вопрос ответила: — Скоро сам увидишь.

Приплатив три серебряных вдобавок к обычной цене мы доехали до дверей недорогой, но добротной гостиницы под названием “Орлиное гнездо”, где могли остановиться и горожане, и мелкие аристократы, к которым приравнивались эльфы. Дерик, которого я утром убедила переодеться в свежее, чтоб выглядеть не диким наемником, а приличным городским смеском, хоть и удивился, но послушался. И теперь он ничем не выделялся из толпы на улице.

Иркатун был Вавлиондом вдвойне или втройне. Это был первый город внутри материка, который встречали на своем пути степные народы. Орочьи и гоблинские переселенцы сожгли его по разу, но потом совместно отстроили, принеся человеческому роду множество извинений.

Это был второй после Боулесина город, где обосновались дварфы. Приморье дварфы не любили, предпочитали вести дела там, где до моря недалеко, но самого моря не видно.

Это был город, который эльфы проезжали по пути к Южному морю. Может быть, десяток эльфов на весь город и найдется, но полуэльфов, четвертьэльфов и существ со следами эльфийской крови здесь было достаточно.

И, наконец, это был город, на краю которого волки-оборотни и медведи-оборотни основали общины, желая убраться подальше от своих княжеств и поближе к теплу. За многие десятилетия с тех пор, как Иркатун дорос до упоминания на карте королевства, расы перемешались, и теперь по улицам ходили существа разнообразных видов и оттенков.

В гостинице на нашу компанию посмотрели без любопытства, в Иркатуне всем было все равно, кто кому кем приходится. Для “эльфийки” нам предложили роскошный номер с огромной кроватью. Мы согласились, чтоб не портить легенду. Для остальных мы сняли три номера, в каждом по две кровати. Консьерж высыпал ключи на стойку, мол, расселяйтесь, как хотите, это никого не интересует. Секирд с Хитрой заняли один номер, Аларик с Лавронсо другой. Мне достался третий, отдельный. Пожалуй, неплохо, мне определенно стоило отдохнуть в одиночестве.

В банк мы пошли втроем: я, Аларик и “Берлиэль”. В очереди перед нами стоял гоблин, и насколько я могу судить, чистокровный гоблин. На нем был короткий кожаный сюртук, лишь рукава из тонкой шерсти. Я уже видела на улицах такую одежду. Похоже, что не только орчанки придумали свою моду. Обеспеченные потомки степняков мужского пола тоже нашли свой отличающийся от людей стиль.

— Доктор Шургак, добрый день! — обрадовался юноша за стойкой, обращаясь к гоблину. — Мы не устаем благодарить вас, тетушка идет на поправку!

Аларик вытаращил на меня глаза. Да, в Иркатуне гоблин, работающий лекарем, не новость.

— Я рад, Мэтт, — кивнул тот. — Мне как обычно, пожалуйста.

Он заполнил бумаги и вскоре отошел от стойки с мешочком монет и пачкой ассигнаций — новшество, которое Корона пытается продвинуть в массы, но прижилось пока только в столице и, как вижу, в Иркатуне.

Обернувшись, доктор увидел соплеменника, поприветствовал его кивком, и пошел прочь.

— Я думал, у меня прогрессивное баронство, но здесь…

Я улыбнулась и пропустила его к стойке. Юноша поздоровался с “полугоблином Дериком” не менее учтиво, чем с доктором. Одно ухо у юноши было слишком острым для человека — видимо, прабабушка польстилась на заезжего красавца. Глядя на похождения Бейлира, я понимала, почему несмотря на то, что эльфов в Вавлионде мало, полукровки, кватероны и далее в любом городе не редкость.

Возвращались мы в гостиницу, ведя с двух сторон крайне изумленного Аларика. Бейлир посмеивался — он уже бывал со мной в Иркатуне. На него этот город тоже произвел впечатление в свое время.

С одной стороны, город прекрасен своим разнообразием. С другой — искать иголку в этом стоге сена можно до конца жизни. Эльфийской.

Мы попросили подать в номер Бейлира чай с булочками и пирожными, и собрались обсудить, что делать дальше. Раз уж эльфу достались хоромы, будем использовать их как штаб.

Пока мы ходили в банк, Лавронсо купило карту Иркатуна и отдельно — окрестностей города. Мы быстро нашли Зеленополье — имение, которое один из Меркатов некогда выиграл в карты. На Стрекозе я добралась бы туда за час даже по мелким дорогам. Но мелькать на мобиле там не стоит.

— Тебе и самой там мелькать не стоит, — рассудило дварфо. — Кто знает, как будем девочку вытаскивать. Явишься сейчас как селянка, а потом придется училкой. Или наоборот. Нет, сиди в городе.

— Но кто-то должен проверить, там ли Фелисия.

— Кто-то и проверит. Я поеду.

— И что там будет делать дварфо? Думаешь, тебя не запомнят?

— Меня не запомнят, — тряхнула головой Секирд. — Здесь орков чуть ли не больше, чем людей, а может, и впрямь больше, со смесками уж точно.

— Я с тобой! Я перекинусь и поближе подберусь! — подскочила Хитра.

— Стойте, стойте. Вы думаете, я отпущу вас одних? — взвилась я.

— Гарни, — Секирд положила руку на мою. — До нашей с Лавронсо встречи я полжизни жила одна. Я путешествовала с бродячим цирком, я работала красильщиком, жестянщиком и штукатуром в орочьих кварталах столицы — то еще место. Потом подалась возницей с обозом на запад, и как видишь, доехала. Я справлюсь, Гарни, и за Хитрой присмотрю. Ей и правда проще к ним подобраться.

Я понимала правоту Секирд, но внутри все же ворочалось беспокойство. Мы с Секирд встретились в плохое для нее время: они с Лавронсо едва избежали смертельной опасности, и пока мы не отъехали достаточно далеко на восток, их могли узнать в любой таверне. Несмотря на трудную жизнь в прошлые годы, смерть, которая гналась по пятам, стала для девушки серьезным испытанием. С дварфо путешествовали вместе полгода, и влюбленность в “неопределившееся” не могла не угнетать полуорчанку, которая избегала смотреться в зеркало.

Но шок от той ночи, когда их с Лавронсо спас только разводной мост, постепенно прошел. Позже, когда Секирд надела блузу с кожаньетом, что-то стало меняться. А после моего весьма прозрачного намека в Идолте дварфо вскользь упомянуло, что “мужиком тоже неплохо быть”, и в глазах девушки загорелась надежда.

И ведь правда, Секирд совсем ненамного моложе меня, а хлебнула лиха уж никак не меньше. Мы опекали ее, пока она приходила в себя, но опека не должна стать клеткой.

Сделав пару глотков чая, чтоб решиться окончательно, я кивнула:

— Хорошо. Лавронсо, Аларик, проводите девушек на рынок, как раз скоро оттуда селяне будут разъезжаться. Найдите добропорядочную семью, которая довезет Секирд с Хитрой до… — я глянула на карту, — до Зеленых Кочек, они рядом с Зеленопольем, или другого села недалеко, и пустит их ночевать. Скажете, что родню в тех краях ищете. Хорошо бы, конечно, чтоб через день снова ехали.

— Гарни, я найду, как доехать назад, правда. Пара-тройка серебряных будет, так выберемся, — заверила меня Секирд.

— По два серебряных каждой и вся медь, котору найдем, а лучше, если на рынке еще наменяете. И чтоб у каждой один кошель на шее, другой в штанах. Положите по серебряному. Боюсь я вас отпускать…

— Гарни-и-и! — взвыли девицы хором, а Лавронсо к ним присоединилось.

Собрались быстро. Девушки оделись небогато, но чисто. Лавронсо, напротив, расправило плечи в тунике в роскошной вышивкой. Аларик одолжил у Бейлира рубашку тонкого полотна, и теперь у селян должна остаться мысль, что за двумя сиротами стоят господа без шуток.

Если все будет хорошо, послезавтра Секирд и Хитра вернутся с утренним обозом.

А мы займемся поиском сведений.

Бейлир переоделся в мужское и решил обновить оба гардероба. По городу он ходил без мечей, припрятав два маленьких метательных ножа в сюртуке — в случае чего ему хватит. По мнению обывателей, эльфы-боевики ходят вооруженными до зубов, и когда в нашей работе стоило показать статус моего напарника, он старательно соответствовал ожиданиям публики. А сейчас — нет-нет, ни в коем случае не воин.

Когда я осталась одна, тело мне напомнило, что вчера потеряло много крови, и что зелья — зельями, но лучше лечь. Поскольку ничего срочного не предвиделось, я послушно отправилась в кровать.

Поздно вечером меня разбудил Бейлир с подносом еды. В полусне я выпила наваристый бульон, что-то съела, и Лавронсо подсунуло мне очередное зелье.

Глава 34

Утром я чувствовала себя намного лучше. На это раз обсудить планы собрались вчетвером.

— Все, что мы знаем, указывает на крупный заговор. Возможно, Меркаты решили потеснить власть Короны, по меньшей мере, на юге, или… кто знает. В делах такого размера паук не может действовать в одиночку. — Я размышляла вслух, так легче думалось, и может, соратники подкинут какую-нибудь идею.

— Не может, — согласилось Лавронсо. — Им нужны связи со стражами, с армией, деньги нужны…

— Их там целый клан, — напомнил Аларик. — Кубло пауков. Есть полковник и два майора, есть банкир со своим небольшим банком. Но в Иркатуне ли они, и Меркаты они или других фамилий, я не знаю. Часть рода действительно давно живет в Иркатуне, но какая часть… — он пожал плечами. — Про стражей у Меркатов я не слышал.

— Значит, банк свой есть, — кивнула я. — Майоров отметаем, полковник им нужнее. Кто-то непременно должен быть связан со стражами, а может, и с ночными хозяевами Иркатуна. Лавронсо, будь другом, попроси коридорного принести свежие газеты. Может, мелькнут нужные фамилии. А если у них остались вчерашние номера, тоже хорошо.

Следующий час мы изучали четыре крупные городские газеты и три бульварных листка. Аларик указал на заметку в одном из них: “Глава комиссии по общественной безопасности лорд Анеройен был ограблен в квартале Алого заката. Жительница квартала, выглянув на шум, увидела лорда Анеройена, поднимавшегося с мостовой в порванном сюртуке, и двух убегавших в темный переулок существ. Лорд Анеройен отказался от помощи и уехал на первом же свободном кэбрио. Нашему корреспонденту не удалось встретиться с лордом, чтобы получить комментарии, но его дворецкий недвусмысленно заявил, что лорд ни в коем случае не мог показаться в подобных местах.”

— Полагаю, дворецкого выставят за слишком длинный язык, — усмехнулась я. — Возможно, он недавно на этом месте, и еще не знает, что перед писаками такого рода нужно быстро и молча закрывать дверь. Аларик, что ты знаешь про Анеройена?

— Что он женат на ком-то из родственниц Меркатов. Точнее не скажу, но я его определенно помню на празднествах, когда собирался весь род.

— Плохо, что мы узнаем так открыто о том, что кто-то из рода в больших городских чинах, — проворчало Лавронсо.

— И плохо, и хорошо, — заметила я и на непонимающие взгляды Аларика и Бейлира пояснила: — Плохо, что они перестали скрываться, потому что уверены в себе, и для этого наверняка имеются причины. Хорошо, потому что перестали скрываться и стали менее осторожны. — Подумав, я обозначила наш первый шаг. — Но нам нужно знать, где особняки самих Меркатов и их любовниц. Возможно, пауки осторожны и хранят бумаги под боком у одной из красоток, а не в родовой резиденции. Аларик, у тебя никаких сведений нет?

— Нет. Род не считал меня своим, и хоть приглашали в боулесинский особняк Меркатов на празднества, но там собиралась небольшая часть рода, и сам граф приезжал лишь дважды.

Я рассмотрела карту окрестностей и нашла то, что искала — военный гарнизон. Да, Аларик прав, паук — или пауки? — в Иркатуне, и здесь же собирают кулак. Верные части нужно держать под рукой.

Итак, нам нужно узнать побольше про военных, про банки, про особняки… В последние нужно как-то пробраться. Я глянула на Бейлира. Кто, как не эльфийка, ближе подберется к аристократии?

Эльфы мужского пола привлекали всеобщее внимание намного меньше, чем эльфийки, поскольку чаще встречались в Вавлионде, а многие здесь жили. Когда-то я поинтересовалась у Бейлира, почему такая разница, на что он туманно ответил: “Лорд и горничная — это одно, а леди и кучер — совсем другое, прежде всего для леди”. Я пожала плечами и оставила эту тему.

Главное, что стоит эльфийке появиться в местах, где обитают аристократы, она непременно вызовет желание завлечь в свой круг. Селяне эльфов побаивались и недолюбливали, в небольших городках их тоже не любили. Идолта стоит на большом тракте, а там существа более любознательны. Здесь, в городе на пересечении путей, интерес должен быть поживее.

Для начала стоит провести разведку.

— Бейлир, не прогуляешься по центру города в мужском с прикрытыми ушами, чтоб не привлекать внимания? Нужно найти дорогие ресторации или модный салон, где одеваются светские дамы помоложе. Как только выясним, кто нам нужен, “Берлиэль” пойдет туда знакомиться с местным светом.

— Сделаю, попрошу рекомендаций для сестры.

Я отметила про себя, что не жены — эльф оставлял за собой возможность для знакомств в виде мужчины, а может быть, собирался соединять приятное с полезным.

Я кивнула и повернулась к дварфо и барону:

— Лавронсо и… Дерик, вам придется походить по лавочкам, по рынку, может быть, в ремесленные кварталы завернуть и расспросить осторожно, где особняки Меркатов, кто их любовницы, что за военные стоят под городом, кто у них командир, и все, что можете узнать. О настоящих хозяевах банка, конечно, люди знать не будут…

Я задумалась, а дварфо заерзало.

— Что? Лавронсо, ты что-то знаешь?

— Тут один мой приятель жить должен. Он из рода, который торговлей занимается. — Дварфо замолчало, но я чувствовала недоговоренность.

— Торговлей и контрабандой, — закончила я, и получив кивок в ответ, уточнила, — и он из тех, с кем ты мешки через границу носил.

— Почему носил? На мелких подводах с пони по козьим тропам возили, — пробурчало Лавронсо. — Лады, поговорю. Им ли банки не знать. А ты сегодня отдыхай, не то убегалась уже с драным боком.

Бок уже зажил, но отдохнуть хотелось. С другой стороны, стоило сделать что-то полезное, найти еще какие-нибудь сведения. Призадумавшись, я нашла способ соединить и то, и другое — отправилась в книжную лавку.

* * *

Удивительное дело. Когда в Стрекозе ездили только мы с Нимнадилом, затем мы с Бейлиром, я считала, что наши вещи занимают почти все место, и под книги выделила часть полки в шкафу. Пять лет я пребывала в уверенности, что ничего больше в дом-мобиль не уместится. Как путешествуют семьи с детьми, я не представляла.

Когда к нам присоединились Лавронсо, Секирд и Хитра, все со своими мешочками скарба, Лавронсо переложило вещи в Стрекозе туда-сюда, освободив один из коробов под

лежанками для своих с Секирд пожитков, а рядом пристроило мешочек Хитры. Наряд Секирд и костюм мальчика для лисички уместились рядом с моими платьями и камзолами Бейлира.

Способность Лавронсо находить место заставила меня забыть размеры Стрекозы, когда мы ходили по магазинам в Боулесине. Конечно, вернувшись, мы выбросили кое-что совсем старое, ветхое и застиранное. Но все же мой гардероб вырос за счет новых личин, а у остальных… просто вырос. Лавронсо оправдало мои надежды и все устроило по местам. Наверное, у дварфов, которые обживают ограниченное пространство горных недр, подобные таланты в крови.

Путешествуя с Бейлиром я подозревала, что у эльфов есть тайная магия — очень быстро приводить себя в порядок, будто только что не скакал с крыши дилижанса на землю в драке с тремя противниками сразу. Возможно, дварфы тоже обладают секретным даром неизвестной доселе магии: расширять пространство.

Я улыбнулась своей шутке и с приподнятым настроением взялась за медную ручку на дубовой двери. Судя по виду, и тому, и другому не меньше двухсот лет — наверняка зачарованы, чтобы сохранить всё, как раньше, а значит, это очень, очень многообещающая лавка. В предвкушении я потянула дверь на себя.

Выбрав несколько альбомов я устроилась в чуть продавленном, но все еще уютном кресле в углу.

Первым мне попал в руки столичный ежегодник “Альманах выставок”. Следующим я взяла "Природные гармонии: ода ландшафту" — пейзажи разных художников. В цвете! Цветных литографий пока печаталось мало, и я присмотрелась к альбому. Может быть, дварфо найдет для него место в Стрекозе. Покрутившись у полки с книгами про графство Меркат, взяла что-то про Иркатун.

За этими тремя томами я могла бы просидеть до закрытия, но на полке рядом с креслом попался тонкий и огромный по размеру сборник карт “Юг Вавлионда сто лет назад”. Мне даже вставать не нужно было, только руку протянуть. Я любила старинные карты, где мелкие рисунки иллюстрировали особенности земель. Отложив альманах и литографии я потянулась за “Югом”, намереваясь быстро просмотреть эту дюжину страниц.

Уже над первой я замерла. Карта изображала план Иркатуна, когда он был еще небольшим городком у перекрестка дорог. Сейчас на месте старого Иркатуна трущобы, а тракт провели в стороне от города. Несколько улиц, которые когда-то были на краю, сейчас отделяли “чистые” районы от тех, куда и днем заходить не стоит, не говоря уже о ночи. Чтобы не ошибиться, я взяла с соседней полки новую карту города и сравнила. Да, все так. Большое и подробно изображенное здание с надписью “Особняк рода Меркат” в центре старого Иркатуна сейчас должно быть в самом сердце трущоб.

За эти годы Меркаты могли продать его или бросить. Здание могли разрушить, впрочем, в этом я сомневаюсь. Скорей, его перестроили. И ночные хозяева наверняка живут именно там. Я представила, что Меркаты отступают, сдавая районы наползающей шелупони и… и не смогла. Напрашивается невероятный, но резонный вывод: Меркаты и есть ночные хозяева. Скорее всего, Меркаты держат город и законной властью, и внезаконной.

Вытащив из ридикюля листок бумаги и карандаш я перерисовала схему кварталов, где находился интересующий меня дом, после чего решительно взялась за литографии. Покупать сегодня я ничего не буду, но часок для того, чтоб рассмотреть красоту, у меня есть.

* * *

Придя в гостиницу, до возвращения Бейлира, дварфо и “полугоблина” я успела выполнить приказ Лавронсо отдохнуть, и собравшееся было ворчать дварфо не нашло повода… пока я не сообщила, что ночью собираюсь посетить трущобы, показав срисованную схему.

— А давай мы тебя в Стрекозе запрем, — мрачно предложило Лавронсо.

— Не выйдет, замки на меня настроены, — усмехнулась я. — Лавронсо, нам рано или поздно придется идти в эти кварталы.

— Лучше поздно, — проскрипело двадфо. — Послушай сначала, что мы выяснили.

Конечно, огромный белого мрамора особняк графа Мерката знали все. Из любовниц удалось выяснить лишь про некую госпожу Локхарт — о ней на рынке судачили с большим удовольствием. Дочь владельцев трех больших лавок, Селессия Локхарт, позволила себе интрижку с офицером. Тот вскоре перевелся в столицу, а ее с собой не взял, зато место офицера тут же занял чинуша Анеройен — да-да, тот самый, из желтого листка. Разумеется, ни о каком благопристойном ухаживании речь уже не шла. Двадцатилетнюю содержанку поселили в двухэтажном доме недалеко от центра для все-знают-какой цели. Заметка из листка и обсуждалась торговками, мол, так ей и надо, гулене, сначала с офицерьем путалась, теперь чинушья полюбовница, и то, вон, по бабам от нее сигает, небось, скоро ей нового полюбовника искать придется, а там покатится.

Адрес дома содержанки выяснять не стали, чтоб не привлекать внимание. Но это нестрашно, главное, знаем имя и историю. Разговорившись про беспутную девку, Лавронсо ловко свернул тему на прочих бесстыжих дам и выудил еще одно имя: леди Эливан. Продавщицы лука и репы спорили, женится виконт Меркат на ней или нет. Леди Эливан была аристократкой, хоть и без титула, виконт так и жил холостяком, поэтому леди занимала положение не низкой содержанки, а “дамы сердца”, хоть и жила за счет виконта в одном из его домов. На замечание Аларика, что он сомневается, будто виконт любовнице большой и устроенный дом снял, торговки тут же замахали на него руками: “Что ты, что ты, у ней дом возле Сахарного озера, там маленьких не бывает”. Судя по разговору, торговки “болели” за леди Эливан.

— Интересно, — заметил Бейлир. — В моих изысканиях я тоже встретился с именем этой леди. Мне рекомендовали несколько ресторацией, и про “Золотую мерку” сказали, что туда сама леди Эливан захаживает, “Мерка” совсем рядом с домом леди. Действительно, это у Сахарного озера.

Я повертела в руках карандаш:

— Поехали, посмотрим на эту ресторацию, пока не стемнело. Тебе нужно сходить туда завтра после полудня и посидеть подольше. Как бы и мне подобраться… впрочем, подумаем потом.

В ранних сумерках мы поехали медленным шагом вдоль озера, наняв открытую пролетку для лучшего обзора. Возница оказался разговорчивым, и решив, что мы в Иркатуне впервые, рассказывал весьма занимательные, а может быть, и правда полезные вещи про эту местность.

— Озеро-то раньше прудом было, ряска, тина, еще при деде моем, но как богатеи тут жить стали, так почистили его. Ух и денег тратили, не считая. Нанимали молодых да здоровых и платили не скупясь. Многие тогда через эту очистку из бедноты вышли. Дед мой тоже был батраком в селении недалеко, а на деньги те купил инструмент всякий и ремеслом занялся. Строили потом тут много, и все разные, разные, вон смотрите, дом будто золотой.

Нарочно так поставили, что когда солнце заходит, на стены оранжевым светит.

И правда, особняк из золотистого полированного гранита будто полыхал. Возница остановился и дал нам полюбоваться. Я заметила, что не мы одни встали, чтобы посмотреть на чудо.

— А вон там, — продолжал довольный эффектом извозчик, — ух какая красота, но надобно днем смотреть, когда краски на солнце прям в глаз так — ух! Магии видимо-невидимо, чтоб краска держалась. Эльф этот дом придумал.

Дом, на который показывал возница, и правда был примечательным. Редко кто из людей умел так ловко подобрать восемь… нет, девять цветов, чтобы смотрелось на диво гармонично. Стены, колонны, капители колонн, подножия колонн, портики, оконные рамы, лепнина трех разных видов, черепица — у всего был свой цвет. Невероятно!

— Теперь туда гляньте, — наш "экскурсовод" лучился радостью от таких понимающих пассажиров. — Монстру видите? Я подъеду, там весь дом в монстрах, и как темнеть начнет, тени шевелятся, глядите. Будто прыгнут монстры эти прям на улицу.

— Надо же, и как хозяева не боятся в такой страсти жить, — удивилась я больше для того, чтоб поддержать разговор, хотя какая-то мысль мышью зашуршала на краю сознания.

— Дык леди Эливан живет, она ого-го какая. Красивая леди и знаменитая очень. С бургомистром ругалась в прошлом годе, чтоб парк не рубили. Хороший парк, и богатеи там гуляют, и простые люди, пруд есть с бережком, где посидеть можно, всем радость, а этот рубить вздумал. Так леди сама как монстра была, бумагу какую-то рвала и грозилась. Бургомистр и отступил.

Какая интересная леди. И какой интересный дом.

Мы доехали до конца улицы и попросили возницу высадить нас на центральной площади, где через четверть часа мы наняли кэбрио. Ресторацию я рассмотрела — увы, укрыться мне было негде.

Но это не самое важное. Словоохотливый возница получил тройные чаевые. Сведения, которые он сообщил, стоили даже больше.

Фронтон дома леди Эливан был украшен фигурами тангалеберга, тороламии, песчаного червя, шесепанха, пещерного медведя, кистеухого лепарда и прочих бестий, которых живьем видят только безумные искатели приключений и артели эльфов-боевиков на добыче декоктов.

Ночной хозяин Идолты зря исправил записку своего засланца. Бастурма ни при чем. Необразованный головорез написал "бистура" — как расслышал. Уверена, что этот особняк Меркаты называют между собой "Бестиарий", и он был чем-то очень, очень важен для похитителя Фелисии.

Завтра в "Золотой Мерке" появится "Берлиэль", и если я хоть что-то понимаю в светских дамах, получит пару-тройку приглашений на чай. Хорошо бы нам вливаться в аристократические круги вместе, но эльфийки не нанимают компаньонок. И боюсь, к любой человеческой женщине моего возраста рядом с эльфами стражи могут проявить интерес.

Под мерный топот копыт и скрип кэбрио я скользила глазами по улицам города, медленно погружающимся в сумрак. Дневная публика уступала место вечерней, только кое-где припозднившиеся гувернантки уводили домой детей и юных барышень. Одна из них, остановившись у столба с магфонарем недовольно кривила губы, а не то гувернантка, не то приставленная родителями компаньонка что-то сердито ей выговаривала.

А что, если…

Вернувшись, я постучалась к дварфо и попросила зайти ко мне.

— Лавронсо, нет ли травок, чтоб выглядеть моложе, хоть и ненадолго?

— Были бы такие травки, эльфы бы только их и растили да в человеческие страны продавали. Зачем тебе? Аларику твоему ты и так…

Не в силах терпеть, я швырнула в дварфо подушечку с софы. Это уже переходит всякие границы.

— Что? — удивилось оно. — Зачем бы тебе еще молодиться?

— Чтоб пойти с Берлиэль как ее воспитанница завтра в ресторацию, а потом к какой-нибудь фифе на чай!

— А-а-а… тьфу, так бы и сказала, — сконфуженно протянуло дварфо и принялось пристально меня разглядывать. — Тебя пухлее сделать надо. Взгляд наивнее. Лоб запудрим, а чтоб не морщила, вытяжку из слизи дракокваки вотрем. В губы жегутень, пухлее будут.

— Опухнут, то есть?

— Ну да. На щеки тоже чуть-чуть. И красками тебя Бейлир намажет. На три-четыре часа за молоденькую дурочку сойдешь. Платьев только у тебя нет, посветлее платья надо, и чтоб талия повыше, и с бантиками, и…

— Вот завтра за платьями и пойдем, — прервала я поток излияний Лавронсо, которое изредка впадало в настроение “я девочка” и не могло остановиться.

Глава 35

Секирд и Хитра вернулись рано утром. Они рассказали, что селяне с рынка довезли их до своего дома, как обещали, и пустили переночевать. Утром девушки отправились гулять по окрестностям. Рядом с поместьем они удалились в кусты, откуда выскочила юная лисичка, прошмыгнула в сад возле особняка и уже к обеду рассмотрела гулявшую с няней девочку. Обе они подходили под описание Аларика. Обратный путь наши подруги проделали наполовину пешком, лишь в середине пристав к обозу, а в городе наняли кэбрио. Теперь они сидели на софе, вытянув гудящие ноги, и Лавронсо, бурчал что-то о свалившихся ему на голову пигалицах, разминал обеим мышцы. Хитра хихикала от щекотки, а когда дварфо занялось ногами полуорчанки, я глянула на лицо Секирд и поспешила отвернуться с чувством, что подсмотрела за чем-то очень личным.

Аларик заметно успокоился. Его дочь живет в Зеленополье, и судя по тому, что видела Фырхитра, с ней хорошо обращаются. Фелисии ничто не угрожает. Пока. Осталось найти возможность прижать это семейство, выкрасть дочь Аларика и, главное, удрать подальше, пока не хватились. Всего-то!

Таких задач я еще не решала. Но если кто и способен здесь придумать план, то это я. Аларик образованнее меня и знает неизмеримо больше, Лавронсо немало видел в этой жизни, Секирд хлебнула лиха, Бейлир способен справиться с дюжиной существ (если среди них нет эльфов), но только мне едва ли не на каждом втором задании нужно было обмануть, перехитрить, обвести вокруг пальца преступников, наемников и прочих умников, которые жаждали попортить кровь моим нанимателям и мою шкуру заодно.

Девушек накормили и уложили отдыхать.

После завтрака я нарядилась в “сушеную старую деву”, и вместе с Лавронсо мы отправились в лавку за травками и за покупками в салон готовой одежды для “моей племянницы”. Если потом меня увидят в этом платье, то подумают, что племянница похожа на тетушку.

Лавронсо с Бейлиром за какой-нибудь час омолодили меня на дюжину лет. В свои восемнадцать я выглядела иначе, но сейчас мне важно создать впечатление юной спутницы роскошной эльфийки. К неудовольствию друзей, увидев себя в зеркале, я начала смеяться. Особа, которая смотрела на меня из отражения, наивно хлопая глазками, нимало меня повеселила.

Окинув придирчивым взглядом свое творение, Лавронсо отозвало меня в сторонку и занудно рассказало о вреде сладкого, мол, в моем возрасте уже нужно за фигурой следить, не восемнадцать лет. Похоже, “девочка” в нашем дварфо уступила место “тетушке”. Боюсь, с этой дамой мы не поладим.

* * *

После полудня эльфийка с молоденькой человечкой заказывали деликатесы в “Золотой мерке”. Еще не успели принести закуски, как на нас обратили внимание.

Интересно, дома ли леди Эливан? Сомневаюсь, чтобы знаменитая дама пропустила явление эльфийки в Иркатуне. Ей наверняка доложат до того, как мы закажем десерт.

Официантка с восторгом рассказывала, что морепродукты им привозят на мобиле с огромным холодильным артефактом прямо с берега, и Бейлир взял здоровенных белых морских червей с розовыми хвостиками, свернувшихся в кольцо после варки. Бр-р. Я же

заказала розово-оранжевые ломтики копченой рыбы, посыпанной мелкими зелеными шариками, солеными на вкус. Да, у богатых странные причуды. Странные, но вкусные.

Увы, на середине порции нас прервали. Некая молоденькая пышечка, одетая в кремовое платье со множеством оборок, медленно продефилировала мимо и задела “Берлиэль” нарочно отставленным в сторону ридикюлем. Рассыпавшись в извинениях, во искупление столь ужасающей вины она заказала на наш столик бутылочку зеленоватого вина с резким запахом, но Бейлир, судя по одобрительному движению бровей, был с ним знаком.

“Эльфийка” назвалась и указала на меня как свою воспитанницу Китти.

— Селессия Локхарт, — представилась дама.

— Леди, — “Берлиэль” указала на стул, — позволю себе предложить вам присоединиться.

В том, что касалось очарования женщин, Бейлир бывал на редкость сообразительным.

— Нет-нет, я не леди, — зарделась польщенная госпожа Локхарт. — Но приму ваше приглашение с большим удовольствием. Ах, я так люблю “Золотую мерку”!

Наверное, господин Анеройен сладкоежка, иначе не могу объяснить выбор содержанки, которая похожа на большое говорящее пирожное. Была бы Локхарт из семьи старой аристократии, модистки непременно указали бы ей на неподходящий фасон. Аристократки опасаются шепотков за спиной и предпочитают прислушиваться к мастерицам своего дела. Но если на девушку из бедной семьи внезапно падают деньги, она отметает все попытки наставить ее на путь истинный, поскольку уже уверилась в своем совершенстве.

Госпожа Селессия продолжала вещать про ресторацию, чтобы у нас не возникло сомнений, что она хорошо знакома с этим местом.

Я невозмутимо положила в рот еще кусочек оранжевой рыбы, хотя очень хотелось рассмеяться. Похоже, между любовницами лордов из рода Меркатов возникло соперничество, и бывшая лавочница дразнит леди Эливан, появляясь в ресторации в двух шагах от ее дома.

Впрочем, нет, не соперничество. Цыпленок не может быть соперником боевому коню, но может назойливо чирикать и метаться под ногами, делая вид, что он ровня. Решит ли конь пнуть птенчика лично, вот в чем вопрос.

Чтобы сделать приманку слаще, Бейлир упомянул свой дар искусств в тот момент, когда официантка меняла блюда. Неужели не доложат своей постоянной клиентке?

Дамы выпили по рюмочке странного напитка. Мне не предлагали — юным барышням не пристало пить хмельное, кроме одного бокала игристого на балу. Бейлир умело вел разговор, и госпожа уже принялась зазывать нас на чаепитие. Что ж, даже если ловушка не сработает, мы доберемся до Эливан по длинной цепочке.

Но ловушка сработала. Леди явилась, когда я покончила с перепелкой в ореховом соусе, а Бейлир расправился с рулетами из телятины с кислыми южными фруктами яркой расцветки. Еще не дойдя до нашего стола, она всплеснула руками и принялась рассыпать громкие восторги:

— Ах, леди Берлиэль! Я столько слышала о вас! Наконец-то, наконец-то вы посетили наш город!

Леди двигалась к нам коброй с раздувшимся капюшоном, и белозубая улыбка никого не обманула, ни меня, ни Бейлира, ни госпожу Локхарт. Леди явилась забрать добычу у той, кому она не по рангу.

— О, прошу прощения, нас не представили, но я надеюсь, вы простите мне эту

маленькую вольность. Аридия Эливан к вашим услугам, — закончила она, дойдя до нашего столика.

В отличие от содержанки чиновника, “возлюбленная” виконта была одета в шелк цвета приглушенного нефрита, который очень шел к ее темно-русым волосам. На платье не было излишней декорации, тем явственней было видно, что силуэт идеально подогнан к точеной фигуре, а ткань тонкой выделки и наверняка из эльфийского сырья. Объемная шляпка с полями в две ладони шириной довершала наряд — и утвердила впечатление кобры, готовой к атаке.

На госпожу Локхарт было жаль смотреть, но увы, увы, мы охотимся не на цыплят.

“Берлиэль” с достоинством кивнула:

— Присаживайтесь, леди Эливан, я тоже слышала о вас не далее как вчера. Мое сердце радуется от знакомства с той, что не погнушалась подать голос в защиту наших безмолвных друзей!

Похоже, историей про парк леди Эливан задела Бейлира за живое. В этой реплике эльф был совершенно искренен — бессмысленную вырубку дикорастущих деревьев эльфы считали проявлением варварской натуры.

Леди выбрала место с противоположной от госпожи Локхарт стороны между мной и Бейлиром, и повела разговор о высоких стилях поэзии, бессомненно, знакомых известной своим даром искусств эльфийке. Цыпленок был растоптан, но покидать компанию счел позором. Госпожа Локхарт бессильно улыбалась, глядя на оживленную беседу. Чтобы не давать противнику ни малейшего шанса, леди ловко включала меня в разговор, не требуя при этом осмысленных реплик — достаточно умна, чтоб не ставить в неловкое положение юную барышню, а следовательно, достаточно умна и для противоположного.

Наверняка она довела бы виконта до храма, если бы не препятствия выше ее сил. Например, прямой запрет графа. Раз виконт и леди еще не поженились, значит, леди Эливан нужна Меркатам свободной.

Уверена, что нужных для Меркатовских планов людей принимают в “Бестиарии”, где леди Эливан создает приятную атмосферу, чтобы птички увязли сначала коготком, а потом всеми перышками. Для таких маневров нужна умная женщина, которая не будет мешать планам Меркатов ни нарочно, ни по недомыслию. В случае неуспеха женщину, не связанную узами с родом, можно отбросить, как хвост ящерицы, вместе с тянущим ко дну грузом.

Меркаты вполне могут хранить бумаги у нее в особняке, но если всё вскроется, сделают вид, что они ни при чем.

Интересно, понимает ли это леди? Я следила за разговором леди Эливан с “Берлиэлью” и убеждалась, что женщина весьма неглупа и не стала бы играть в такие опасные игры, если бы ей не посулили солидный куш в случае победы, такой солидный, что мечты о нем застили бы все опасения. Например, брак с виконтом, который станет не виконтом, а кем-то повыше. А может статься, она слишком глубоко в этом деле, и понимает, что живой ее никто не отпустит.

Мы заказали десерт. Убедившись, что наша кобра достаточно увязла клыками в расставленных сетях, я отдала должное карамельному флану. Госпожа Локхарт, наконец, сдалась, “припомнив”, что у нее срочное дело, и мы остались втроем. Убедившись, что противница вышла за дверь — все-таки противница, и это забавно — леди Эливан всплеснула руками.

— Ах, дорогая Берлиэль, я поражена вашим тонким вкусом! Прошу вас, украсьте наш

музыкальный салон! Прошу! У нас в городе только и разговоров о новой опере. Вы наверняка ее слышали, про несчастную Лючию? Ее ставили в этом сезоне в столице. Ах, как жаль, что к нам нескоро привезут такой шедевр! Говорят, ее последняя ария поражает в самое сердце!

— Разумеется, леди Эвелин, разумеется. Вы непременно услышите арию Лючии, — премило улыбаясь ответила “Берлиэль”.

— Жду вас завтра в восемь часов вечера! Мой особняк в трех домах к северу, он украшен разнообразными монстрами. Вы не ошибетесь!

Глава 36

— Бейлир, что ты будешь делать с обещанием этой наглой особе? — спросила я, когда мы сели в кэбрио, и Бейлир попросил отвезти нас к городскому театру.

Пожав плечами, Бейлир ответил:

— Исполню арию, конечно же.

— Бейлир, какую арию! Мы с тобой в столице были в прошлом году, ты даже слышать эту оперу не мог! Ты же ненавидишь оперу! Думаешь, в театре тебе сейчас дадут ноты?

— Нет, не в театре, а в музыкальной лавке напротив. Партитуры наверняка уже напечатали и разослали по крупным городам. А нет… эти дамочки тоже не слышали оперу. О чем они могут говорить? Пересказывать статью из "Вестника музыки"? — Он поднял глаза к потолку и манерным голосом провозгласил: — Потерявшая разум девушка в запятнанном кровью платье воображает, будто вышла замуж за любимого, и умирает с разбитым сердцем! — он скривился. — Тьфу, гадость какая эти ваши человеческие трагедии. Раз уж пырнула мужа, вали в окно, а любимому дай по морде за то, что выслушать не сподобился. И за что мне ваши оперы любить? Что ни представление, так все умерли, ха-ха. Гарни, поверь, никто не посмеет поправить меня, если я спою им свое собственное сочинение.

Партитуры, действительно, были, но одним набором дело не обошлось. Из музыкальной лавки мы вышли через два часа, когда "Берлиэль" перепробовала с две дюжины инструментов, и кроме пяти опер, купленных за несуразные деньги, вырвала у хозяина сборник старинных песен гоблинского племени Унылый рог, который уже приготовили на растопку за ненадобностью.

Остаток дня "Берлиэль" пела. Если прочие постояльцы гостиницы и были возмущены неуместным концертом, то нам никто об этом не сообщил.

Ужинали в моем номере. Бейлир забежал ненадолго, быстро съел салат и ушел репетировать.

У горничной, которая принесла нам отвары с печеньем, блестели глаза и горели румянцем щеки.

— Это настоящая эльфийка поет? Настоящая?

Как раз в эту минуту "Берлиэль" зашла за горячим питьем. "Эльфийка" улыбнулась девушке, отчего та впала в ступор. И правда, где бы еще она могла услышать эльфийское пение, если даже в особняки эльфов наперебой заманивают?

Я попросила эльфа задержаться: пока мы с Лавронсо делили тарелку с десертами, мне в голову пришла не слишком приятная мысль. Я поспешила обсудить ее с друзьями:

— Леди Эливан выглядит особой, которая может добиться своих целей. Она красива, обладает хорошим вкусом, неглупа, сведуща в интригах, ведет разговор так, как ей надо, и куда надо. Такая женщина женила бы на себе виконта, если бы кто-то более высокий по положению, то есть, сам граф, не запретил бы. Она нужна Меркатам свободной, и ее особняк должен быть связан с Меркатами так, что слухи слухами, а доказательств — только слова светских сплетниц. Если это действительно так, значит, леди Эливан с "Бестиарием" держат отдельно от клана на случай провала — обыски, перехваченные документы, и уверена, тайная служба вполне в состоянии распилить этот демонов тайник. Но если Меркаты так предусмотрительны, значит, в тайнике нет ничего про самих Меркатов. Но я не

понимаю, как они в этом случаем всем управляют.

— Через подставное лицо, — хором сказали Аларик и Лавронсо.

— И подставные компании, — добавило дварфо.

Я впилась ногтями в ладони. Столько усилий, и все насмарку.

— Значит, с этого конца их не взять. Даже если каким-то образом заставить леди Эливан дать показания, она нетитулованная аристократка и наверняка без сильной семьи за спиной, иначе не стала бы любовницей лорда в два раза ее старше. Поверят ли королевские службы, если связующим звеном будут только твои слова и ее слова?

— Я думаю, что никакого отдельного лица нет, слишком рисковано, — задумчиво проговорил Аларик. — Наверняка кому-то из своих выдали документы на другое имя, и все дела ведутся через этого несуществующего человека.

— Но деньги идут через их банк, — напомнило Лавронсо.

— Деньги через банк. Чтобы банк открыть, одной бумажки было мало, тут им пришлось свое имя представить. Если они предусмотрели “Бестиарий” как хвост ящерицы, наверняка банковские документы в другом месте.

Аларик постучал карандашом по столу, и я вдруг представила его в кабинете барона за делами. Я знала его молодым человеком, который был при отце на вторых ролях, и даже тогда ни разу не видела за делом. Зрелый Аларик мне нравился даже больше.

Левронсо перехватило мой взгляд и слишком понимающе улыбнулось. Демоны.

Лори, дело! Где могут быть документы?

Вздохнув, я вытащила схему, которую перерисовала со старой карты.

— Если Меркаты, действительно, правят и ночным миром Иркатуна, думаю, связующее звено они спрятали там, куда королевские следователи и не подумают сунуться, а стражи не рискуют появляться. Нужно проверить это место. Для начала хотя бы посмотреть.

В ответ я услышала четыре вопля:

— Лори, неужели ты пойдешь туда?!

— Снова дырку схлопотать хочешь?

— Гарни, я уши волосами прикрою и посмотрю.

— Если тебе там фингал поставят, ты к этой леди на музыку не пойдешь.

Аргумент Секирд оказался самым действенным. Действительно, по летнему времени у платья открытые руки, и любой синяк или царапина вызовут подозрения. Лицо тоже может пострадать. Демоны. Придется отложить вылазку.

— Аларик, я пойду туда, куда нужно для дела. Ты и представить не можешь, куда я ходила за эти годы. Лавронсо, если и схлопочу, это будет не вторая и не третья. Бейлир, и думать не смей. Хочешь, чтоб стражам донесли, что видели эльфа-боевика в городе? Секирд, ты права, — я сделала паузу и насладилась вытянутыми физиономиями. Секирд хихикнула. — Портить вид перед таким важным событием мне и правда не стоит. Если я не смогу прийти с Бейлиром на музыкальный вечер, то некому будет искать тайник с бумагами.

Я вздохнула.

— Бейлир, сколько времени ты сможешь удерживать их внимание? Сколько длится эта демонова ария?

— Недолго, но я спою несколько, а эту их “Лючию” в конце. Скажи, сколько времени тебе нужно.

— Около четверти часа. Но, Бейлир, никто не должен заметить, что меня нет!

— Гарни… — укоризненно посмотрел на меня напарник, а Лавронсо картинно

схватилось за голову.

Хитра не поняла этой сцены, и Аларик поспешил ей объяснить:

— Если эльфы, одаренные искусством, хотят, чтобы при их пении прочие существа забыли обо всем, то поверь мне, они забудут обо всем. Бейлир, неужели вы ни разу не пользовались этой способностью на заданиях?

— Мы не хотели, чтоб кто-то знал о двойном даре Бейлира, — пояснила я. — Сейчас ищут эльфа-боевика, и никто не заподозрит в одаренной искусствами Берлиэль морду со столба, даже если Бейлир будет стоять рядом с объявлением о поимке. Когда Бейлир пел и играл в тавернах, он не использовал дар полностью и обязательно носил с собой меч. Думали, что он боевик, который умеет неплохо петь, что по всеобщему мнению вполне обычно для эльфов.

Аларик одобрительно кивнул такой предусмотрительности, а Лавронсо, посмотрев на часы, разогнало нас по кроватям, не удержавшись от ехидства, что сегодня мне и правда стоит выспаться одной, за что едва не получило по шее. Довольно хохотнув, дварфо вернулось к серьезному виду и тронуло меня за плечо:

— Гарни, я тебе сейчас успокоительных травок заварю.

— Мне не нужно.

— Нужно. Ты как дергаться начинаешь, сразу травок попей. Не то и сама изведешься, и все вокруг будут как тетива натянутая. А там либо щелкнет невовремя, либо лопнет.

Вот же… мудроумное.

Уже лежа в постели, я перебрала в памяти, все ли взяла с собой из Стрекозы. Набор отмычек, несколько артефактов… кажется, всё.

* * *

Девушки оделись в приличные для города штаны, рубахи и жилеты, и пошли гулять по Иркатуну. Я попробовала попереживать, но Бейлир напомнил, что Секирд большая девочка, даже очень большая, а Хитра в их совместной поездке доказала, что вполне может быть благоразумной.

И правда, в этом деле я волнуюсь сильней, чем обычно. Может, потому что теперь рядом со мной много других существ, а не только резвый эльф-боевик. А может быть… да, стоит быть честной с собой: я боюсь разочаровать Аларика. Ерунда какая-то…

Я заняла себя чтением свежих газет, Бейлир — репетицией, Аларик ненавязчиво составил мне компанию, предупредительно поднося отвары и вовремя заказав обед. Я готова съесть любимую шляпку, если это не было ухаживанием.

Лавронсо с утра куда-то пропало и вернулось после обеда с огромной коробкой, из которой вынуло многослойный голубой наряд, сочетающий в себе платье, тунику и плащ одновременно.

— Что это? — с подозрением спросил Бейлир.

— Шелк из ваших Лесов, выделка в наших Синих горах. Контрабанда! — довольно задрало палец дварфо. — Прочное очень. Пригодится.

Мы с Бейлиром пожали плечами. Платье и правда выглядело необычным и очень эльфийским. Впрочем, на дварфе оно тоже смотрелось бы хорошо. Удивительно.

— Лавронсо, о контрабанде… Ты не узнало еще ничего?

— Вот как раз сегодня и узнало. Есть у них свой банк. Иркатунское Златохранилище принадлежит кузену графа Мерката. Банк маленький, но имеет дело с магистратом.

— Еще бы.

— А полковник гарнизона на его дочери женат.

— Спасибо. Ох и кубло мы нашли…

Больше в этот день мы ничего не обсуждали. Я прятала в подвязках артефакты, а в нижней юбке отмычки. Лавронсо с Бейлиром к восторгу девушек снова омолодили меня на дюжину лет. Когда я оделась полностью, девушки хохотали так, что едва не обидели наших художников. Бейлир и Лавронсо надулись, но приняли заверения, что выгляжу я вполне похоже на восемнадцать лет, особенно когда стараюсь смотреть глупо и хлопать глазками.

— Мужикам только не попадайся, — напутствовало меня Лавронсо. — Раскусят. Мужики в кварталах вроде Алого заката и не такое видали. Тридцатилетних перестарков, изображающих невинность, там пруд пруди.

Я даже не обиделась на перестарка, но Аларик недовольно глянул на дварфо.

Пока “эльфийка” одевалась, а я пыталась удержаться от того, чтобы кусать опухшие (стараниями Лавронсо) губы, дварфо отвело меня в сторону.

— Гарни, вы сколько с Бейлиром вместе работаете?

— Два года.

— Он тебя хоть раз подвел?

— Нет, но…

— Без “но”. Он берется за то, что может выполнить. Если он сказал, что удержит их глаза на месте, пока ты не вернешься, значит, удержит. Не теребись, поняла? Не то отправим в Стрекозу сидеть.

Я фыркнула, но напряжение чуть спало. И правда, Бейлир не брал на себя невыполнимых задач.

Глава 37

Как и было задумано, мы приехали с опозданием, заранее предупредив леди Эливан запиской. На этом вечере будут мужчины, а с ними мне хотелось сталкиваться поменьше. Мужчины могут раскусить мой возраст. Женщины, найдя некий недостаток, лишь порадуются и придумают ему объяснение. Мужчины же, как верно заметило Лавронсо, могут припомнить, где они видели подобные ухищрения, и что за ними крылось. Или же, напротив, сочтя, что эльфийка мечтает выдать воспитанницу замуж, предложить себя в качестве приличной партии. Соберется элита Иркатуна, и если мы отмахнемся от подобных предложений, не рассматривая кандидатов, это покажется подозрительным. Предваряющее вечер время для разговоров и обмена приветствиями мы предпочли пропустить, как и половину выступлений.

Я несла мандолину и список арий с нотами. Бейлир нёс самое себя как необычайную драгоценность, которую прочим повезло увидеть лишь по странной прихоти судьбы.

Дождавшись перерыва между песнями, дворецкий объявил наш приход. Гости оживились. Леди Нахалка пошла к нам навстречу с протянутыми руками. "Берлиэль" пришлось вложить в ее ладони пальцы и закрепить этим объявление дружбы. Я изображала здоровое детское любопытство, разглядывая зал.

— Ах, леди Берлиэль, как это мило, что вы нашли возможность заглянуть! О, Китти, вы выглядите прелестно, просто прелестно!

Я скромно опустила глазки и сделала глубокий реверанс, уходя от руки Эливан, которая норовила потрепать меня по щеке. Не то, чтобы я не доверяла краскам Бейлира, но такой слой лучше не трогать. Леди мгновенно нашлась и хозяйским жестом поправила цветок у меня в прическе.

Я подала "Берлиэль" лист с витиевато выписанными строчками, который "эльфийка" вручила хозяйке.

— Дорогая моя, я решила в знак извинений за опоздание исполнить несколько номеров, если вы, конечно, не возражаете.

— О… о… — леди Эливан захлебнулась восторгом и обвела победным взглядом зал. — Это великолепно! Я немедленно распоряжусь…

— Нет-нет, прошу продолжать вечер. Я выступлю в конце.

Нас усадили в первом ряду, но Бейлир, согласно нашим планам, попросил устроить стулья поближе к краю, чтобы "не удручать сидящих сзади дам, высоким ростом лишив их возможности наблюдать за действом" — и махнул рукой в ту сторону, что была ближе к лестнице. Деревянные ступени, покрытые ковром с модным нынче узором Леса Белой Долины, вели на галерею, опоясывающую зал на втором этаже. Я понадеялась, что могу добраться по ней в кабинет. Но… демоны. В зале мало мужчин. Значит, они собрались в курительной комнате, в библиотеке или там, куда я надеялась попасть.

Я тронула Бейлира за локоть:

— Мужчины…

Он предупреждающе коснулся моей руки и сказал нежным шепотом, которым старшая дама могла обращаться к юной волнующейся барышне:

— Все хорошо, дорогая, положись на меня.

Я постаралась придать лицу безмятежное выражение, но как же это было непросто!

Наконец, пришел черед особой гостьи салона. Со слезами на глазах и придыханием хозяйка объявила “несравненную Берлиэль”.

Я быстро скользнула к роялю и подала пожилой леди со скучающим лицом листы с нотами.

Владеть залом Бейлир умел. Едва он вышел, как все взгляды устремились на его высокую фигуру в голубом одеянии. “Берлиэль” изящным жестом дала знак даме за роялем, и будто оглаживая слушателей грудным голосом, запела:

У любви, как у пташки, крылья, Её нельзя никак поймать. Тщетны были бы все усилья, Но крыльев ей нам не связать.

Наверху тихо стукнула дверь. Мужчины стекались на тягучую, медово-полынную, медленно, но неотвратимо накатывающую волну страсти. К концу арии, когда всякое существо во фраке в этом зале мечтало получить хоть каплю женского внимания от прекрасной эльфийки, путь был свободен.

Едва Бейлир запел следующий номер, как я, не привлекая внимания, поднялась со стула и мелкими шагами отошла к лестнице.

Поднявшись на несколько ступеней, я не удержалась и скосила глаза вниз. Виконт Меркат стоял рядом с леди Эливан.

Странно, но отец Мирианы, погибшей жены Аларика, не вызвал во мне совсем никаких чувств, хоть вместе со старым бароном Боулесом отнял счастье у всех троих: меня, Аларика и своей же дочери. Наверное, я перегорела. Но утоплю я его с большим удовольствием.

Никем не замеченная, я подошла к кабинету. Артефакт, который я достала из подвязки, показал, что охранные контуры тут есть, но сейчас не работают, что совершенно не удивительно. Лорды, увлекаемые пением “Берлиэли”, даже замок не заперли. Осторожно прикрыв дверь кабинета я удостоверилась, что голос Бейлира отсюда хорошо слышен, и приступила к обыску.

Я просмотрела бумаги на столе, стараясь не нарушать порядок.

Проведя артефактом по кабинету, я обнаружила магтехническую охрану в трех местах: на ящиках стола, на небольшой шкатулке и на картине, изображающей ступающих по лесу эльфиек в полупрозрачных одеждах — обычные фантазии стареющих стастолюбцев.

В шкатулке бумаги не поместились бы. Ящики или картина? Бейлир допевает вторую арию, времени все меньше. Вытащив из-под другой подвязки весьма дорогой, незаконный, но очень действенный артефакт, я прервала нить контура, пустив его по другому пути, и сняла картину со стены.

Обычный замок на литой дверце меня удивил. Проверила на контур — ничего. Решив рискнуть, я вскрыла его отмычкой и поняла причину “беспечности”. Литая дверца всего-лишь служила крышкой, защитой от пыли над настоящим замком, который можно было вскрыть только особым, специально для этого замка сделанным и настроенным артефактом. Углубление в виде ромба с лепестками на концах мерцало мелкими, будто пыль, кристалликами. Что ж, только очень серьезные секреты стоит держать за таким замком. Мы нашли тайник. Но без артефакта его не открыть.

Я закрыла литую крышку, защелкнула замок, подняла картину и принялась пристраивать ее на место, когда случилась катастрофа. Надколотый край рамы зацепился за пышный рукав моего платья из органзы. Одной рукой я застряла в раме, другой придерживала картину. Порванное платье, даже испорченная ткань на рукаве обязательно притянет внимание, а в разлохмаченном дереве останутся крошечные нитки, и наша легенда

пойдет прахом.

Бейлир начал последний номер. Сейчас он закатывал глаза и заламывал руки, изображая сошедшую с ума новобрачную.

Извернувшись, я подхватила раму плечом, освободила правую руку и принялась осторожно выпутывать ткань из ловушки.

Наконец, гнусное дерево отпустило мой рукав, и мне удалось разгладить отметины. Но время было упущено. “Берлиэль” заканчивала арию, а я еще не выбралась из кабинета. Что делать? Уходить через окно?

Я вешала назад злополучную картину и выравнивала ее край, пока глубокий голос выводил:

Все жизни наслаждения с тобою разделю я,

Вся жизнь улыбкой неба отныне станет нам.

Все. Конец песни.

Приоткрыв дверь, я проверила — в коридоре никого. Возвращаться под взглядами гостей по галерее и спускаться в толпу?

Я едва не подпрыгнула, когда Бейлир резко ударил по струнам мандолины и снова запел. По особняку разнесся необычный вокализ. Эльф взял резвый темп, столь редкий для благородного пения. Когда его голос внезапно стал мужским, у меня упало сердце, неужели он решил нас выдать? Но в следующее мгновение песня взвилась вверх и перелетела через несколько октав. Безумным танцем на высоких нотах звуки сплетались в рваные кружева. То срываясь вниз, то взлетая вверх голос эльфа создавал невыносимо прекрасную гармонию, а я бежала по коридору под ритм его ударов по струнам и благодарила Небесные сады за эльфийское искусство.

Прошмыгнув по галерее над залом я увидела, что Бейлир еще и танцует, изображая сумасшествие несчастной героини. Да, такие звуки в своем уме не издаст даже эльф.

Заметив, что я вернулась на стул, он выдал последнюю руладу, и тремя аккордами завершил выступление.

Я едва не вышла из роли, опасаясь, что рыдающие дамы разорвут на части либо Бейлира, либо голубое платье, обнажив сущность моего напарника, но эльфийско-дварфийский шелк выдержал напор. Интересно, где и когда Лавронсо успело оценить действие эльфийского дара на светских леди?

Похоже, я могла бы провести в любом месте особняка еще с четверть часа, никто бы не заметил.

Дамы постепенно успокаивались и принялись промакивать салфетками размазанные по лицам краски. Хозяйка вечера обмахивалась веером со скоростью Оливьера, шинкующего овощи. На ее лице застыла улыбка блаженства — в этом сезоне все соперницы в свете Иркатуна повержены.

Я скромно встала в уголок, пока Бейлир принимал восхищение, восторги и с улыбкой императрицы благодарил слушательниц едва заметным кивком. Высокородные леди роились вокруг певицы, мужчины попытались зайти клином с другой стороны. Дамы, оставшиеся в последних рядах, сменили тактику и обратили внимание на меня, но госпожа Локхарт успела первой.

Любовница чиновника снова была одета в платье-торт, но в этот раз ярко-голубого цвета с блестками. Интересно, как она пробралась на прием? Очевидно, госпожа Локхарт чувствовала себя не в своей тарелке среди благородной публики, слегка скандализированной

присутствием любовницы женатого мужчины, тем более, недавно его имя полоскали в бульварном листке, но ради того, чтоб добавить ложку уксуса в бокал игристого для леди Эливан, госпожа Пирожное была готова потерпеть.

Я изобразила наивную радость от встречи со знакомым лицом. Позволив себя расцеловать я искренне согласилась составить госпоже Локхарт компанию. Для юной девушки совершенно естественно обращать внимание на украшения, поэтому я не таясь рассматривала, как на шее госпожи Локхарт мерцала, переливаясь магкристаллическими огнями, подвеска с тремя лепестками, которые идеально подошли бы к выемке для ключ-артефакта.

После обмена приличествующими светскими фразами я решилась сделать комплимент:

— Госпожа Локхарт, вы выглядите великолепно! А это украшение… ах! Невероятно! Я слышала, что в моду входят магтехнические вещицы. Это правда?

— Да-да, она прекрасна, не правда ли? Я обожаю новую моду. Бриллианты, изумруды — это так скучно! Поколения наших прародителей носили одно и то же. Пора привнести что-то новое!

Я сомневалась, что прародители госпожи Локхарт, владельцы лавок, носили бриллианты. Но, разумеется, барышня Китти смотрела на госпожу Локхарт во все глаза в ожидании новых откровений из мира высокой моды. Польщенная вниманием госпожа похвасталась:

— Это чудо магтехники мне преподнес один… один друг.

Кажется, госпожа лукавит. Не мог Анеройен подарить содержанке ключ от сейфа, чтоб она повесила его на шею. Самого Анеройена здесь не было. Странное совпадение. Нужен Бейлир, чтоб вытащить из нее правду. Юной воспитаннице такие разговоры вести не должно.

Я сопровождала госпожу по залу. Лишь пара дам снизошли к ней, соизволив перемолвиться парой слов, и то, полагаю, благодаря присутствию “ах, это же воспитанница леди Берлиэль”. Я поймала светский оскал хозяйки, направленный на мою спутницу. Судя по довольному лицу Локхарт, она добилась нужного эффекта. Наконец, отбив Бейлира от почитательниц, леди Эливан привела “эльфийку” к нам, чтобы спасти юную особу от недостойной компании.

— Госпожа Локхарт, — с улыбкой барракуды обратилась к ней леди Эливан, выделяя первое слово, — давайте вернем юную леди ее попечительнице.

— О, я совсем, совсем не против компании госпожи Локхарт, — защебетала я. — Госпожа так интересно рассказывает про магтехнические новинки! Леди Берлиэль, посмотрите, какая чудесная подвеска у госпожи Локхарт!

Бейлир понял, что эта вещь чем-то меня заинтересовала. Теперь нужно увести хозяйку дома подальше, чтоб мой напарник без свидетелей вытянул из Локхарт подробности.

— Леди Эливан, — я продолжила играть неискушенную светским обществом девицу, — я вижу, вы тоже не чужды магтехнической мысли? — я указала на медленно крутящуюся люстру.

— Разумеется, у меня в доме множество новинок. Я могу себе позволить не отставать от прогресса. К примеру, чтобы открыть и закрыть гардины вовсе не нужно звать прислугу. — Она оглянулась, собираясь доказать “эльфийке”, что гардины намного интереснее какой-то побрякушки, но Бейлир предусмотрительно увел Локхарт куда-то за колонны.

— Покажите, покажите, прошу вас! — взмолилась я.

Мне пришлось рассмотреть далеко не новый механизм, который наверняка стоял здесь, когда леди Эливан еще не было на свете, но я исправно выражала восторги. Наконец, появился Бейлир, провел еще немного времени в обществе хозяйки дома, и мы смогли попрощаться.

* * *

— Ох, — я откинулась на сидение кэбрио, обмахиваясь ладонью за неимением веера. — Что ты узнал про эту подвеску?

— Странная история, — взмахнул бровями Бейлир. — Она нашла подвеску в кресле после ночи любви и сочла ее подарком от покровителя.

— Анеройена.

— Да. Чем тебя заинтересовала эта безделушка?

— Тем, что подходит в выемку сейфа в кабинете как часть ключ-артефакта, — объяснила я.

— Вероятнее всего, Анеройен выронил ее из кармана, — усмехнулся Бейлир, подтвердив мои предположения. — И госпожа Локхарт об этом догадывается, но предпочитает делать вид, что получила в подарок от любовника, возможно, из ревности к его жене, или кому еще он мог нести драгоценность.

— Интересно, где остальная часть? Неужели Локхарт попросила ювелира ее отпилить?

— Было бы забавно и весьма трагично для Меркатов.

— Пожалуй, нам стоит открыть компанию, которая занимается ремонтом особняков и умеет разбирать стенки, чтобы предложить им услуги, — усмехнулась я. — Но давай для начала узнаем в точности.

Эльф кивнул.

— О, Бейлир, едва не забыла. Твое выступление было чудесно. Благодарю тебя, я, действительно задержалась в кабинете. Ни разу не слышала за тобой такого странного пения.

— Пф. Еще бы я гоблинские охотничьи песни завывал.

— Что?

— Это призыв кракена, его пели гоблины племени Унылый рог. Правда, исполняют его четверо с разными голосами попеременно и в три раза медленней.

— Зачем призывать кракена? Разве они все еще существуют?

— После того, как прибрежные племена выбирали вождя охотой на это зубастое головоногое? Нет, больше не существуют, к счастью для моряков.

Кажется, мы многого не знаем о гоблинах. С усмешкой Бейлир продолжал:

— Я был уверен, что моя трактовка этим светским человечкам понравится, они и не заподозрят, что будь кракен рядом, человечки бы только хрустнули в зубах. Ой, прости, я иногда забываю, что ты человечка тридцати лет, а не эльфийка лет двухсот.

— Неужели похожа? — спросила я со смешком.

— Иногда — очень даже, — серьезно ответил Бейлир. — В кабинете все прошло хорошо? Я забеспокоился, когда ты задержалась.

— Найти тайник оказалось чуть сложнее, чем я думала, — я не стала разочаровывать Бейлира, рассказывая про зацепившееся платье. Никакая эльфийка не попалась бы так глупо, и репутацию портить я не стала. — Как удачно, что мужчины ушли оттуда, не запирая дверь! Иначе мне и вовсе не хватило бы времени. Кто придумал поставить первым номером песню знойной полуорчанки?

“Берлиэль” совершенно неженственно захохотал:

— Полуорчанки! Ха-ха-ха! Слышала бы тебя Кармеиниель!

— Кто?

— Кармеиниель из Леса Золотой Герберы. Двадцать лет назад мой отец уговаривал Кармеиниель отказаться от идеи поехать в Вавлионд и надрать задницу автору оперы. Она сочла себя оскорбленной, что ее историю так исказили. Чтоб она бегала за мужчиной! Чтоб она не могла защитить себя, когда какой-то человек пошел на нее с ножом! Да она боевик второго круга, она за свои шестьсот лет пять раз ходила в Кратер Гиблых Льдов и уничтожала там матку огнекрылых муравьев! Как они смели? — закончил Бейлир тоненьким голоском и снова рассмеялся. — Отец сказал Кармеиниель, что пока на границе с Вавлиондом помнят о ее контрабандных походах, ей лучше еще раз сходить в Кратер. Или, по крайней мере, дождаться, когда тот генерал уйдет в отставку.

— Какой генерал?

— Который выпустил ее из тюрьмы под обещание благосклонности, а вместо жаркой ночи получил тычок промеж ног. — Бейлир хмыкнул. — Кидаться на эльфийку-боевика с кинжалом, разумеется, было ошибкой. Но заметь, она оставила его в живых! Заперла в своей камере и сбежала.

От смеха у меня выступили слезы.

Глава 38

— Итак, что нам известно. В кабинете “Бестиария”, действительно, есть тайник с замком дварфийской работы из зачарованного элдриториума. Закрыт он ключ-артефактом вот такой формы, — я протянула компании зарисовку, — и верхняя часть болталась на шее Локхарт как украшение.

— Это странно, — удивился Аларик.

— Это шутка судьбы, — усмехнулась я и пересказала историю появления у Локхарт новой подвески.

Дварфо закатило глаза, девушки хохотали, Аларик хмыкнул и взял лист в руки.

— Мне предлагали однажды тайник с таким ключом. Он состоит из четырех частей.

— Ясно. Раздали по куску всей теплой компании, чтоб держать друг друга за… — дварфо осеклось под моим взглядом, — за нежные места.

— Похоже на то, — нахмурилась я и вздохнула. — Придется побегать по Иркатуну за кусочками мозаики. Интересно, кто первый успеет добраться? Мы до бумаг, или Анеройен до горла любовницы? Хм. Бейлир, она не говорила, когда это случилось?

— Четыре дня назад. Они поссорились, он ушел раньше, и она посчитала, что он таким образом решил извиниться. Верней, она хочет так думать.

— Отправился в квартал Алого заката утешаться, где на него напали, — вспомнил Аларик. — Поэтому ночные хозяева сейчас перетряхивают своих, а не дом Локхарт. Какое-то время у нас есть. Странно, неужели никто не заметил, что у нее на шее часть ключа?

Я задумалась:

— Там был виконт… Ее любовника не было. Возможно, остальные тоже не пришли. Мне кажется, она старалась не попадаться на глаза виконту. Это объяснимо, само ее появление на вечере скандально и против правил. Интересно, кто же эти трое, что держат остальные части? Виконт в их компании или нет?

— А кто у них в компании, кроме чинуши… Граф, виконт, полковник, банкир… Четверо, — нахмурилось дварфо. — У подвески четыре части, но одна у Локхарт, значит, должно быть трое. А их четверо.

— Может быть, графа и виконта считать за одного, если хранят часть в родовом особняке и оба об этом знают? — предположил Аларик.

— И по очереди проверяют перед сном, — хмыкнуло Лавронсо. — С вас, благородных станется. Полковник забрал в гарнизон, банкир — в закрома банка. Как думаете, сколько мы провозимся, собирая все части? А если мы ошиблись, и какая-то часть ключа у другого урода?

— И каковы шансы удержаться в тени это время. Очень маленькие шансы. Одна ошибка, и нас всех перебьют, — закончила я его мысль. — Джанин бы сюда. Она бы по этому осколку собрала весь ключ. Или хотя бы Лигатрика. Лавронсо, тут нет дварфов-артефакторов?

— Гениев нету, а если б обыкновенные могли управиться, то ключ-артефакты не стали б делать и за такие деньги продавать.

— М-да. Хорошо Меркаты придумали с разборным ключ-артефактом. Хоть и правда стенку долби.

— Не поможет, — покачал головой Аларик. — Это же не одна дверца, это ящик из

элдриориума. Странно было бы вешать сложный рунный замок, если конструкцию можно было обойти с боков.

Мы зашли в тупик. Стащить у госпожи Локхарт “подвеску” — проще простого. Но что дальше? Следить за “Бестиарием” в надежде, что подловим, когда соберутся все четверо с ключами? Они наверняка принимают меры предосторожности.

Помолчав немного, мы разошлись спать.

* * *

Завтракали мы в номере Бейлира. Молча. Утром он продемонстрировал мне подвеску, которая еще вчера красовалась на пышной груди госпожи Локхарт, и теперь мы не разговаривали. Конечно, для него это была плевая задача, но идти на дело втихаря не годится. Что за ребячество!

О том, что и Аларик, и Лавронсо знали о вылазке, я видела по их лицам. Девушки ушли спать еще до того, как мы с Бейлиром вернулись. Сейчас, быстро поев, они убрались из-под грозовой тучи на софу и залегли там с книжками.

Несмотря на суровые взгляды Лавронсо, я разрезала еще теплую булочку, намазала ее маслом и примерилась к конфитюру. Тяжелая атмосфера за столом вовсе не помешала дварфо вспомнить про мою фигуру, и оно будто невзначай отодвинуло вазочку с вожделенной сладостью на другой конец стола. Заметив мой взгляд, от которого разве что скатерть не дымилась, Аларик вернул десерт на место. Смотреть на меня он не решался. Лавронсо надулось, всем своим видом выражая “для вас стараюсь, а вы не цените”.

Лучше бы Лавронсо был сегодня “девочкой”. “Заботливая тетушка” из него получается совершенно невыносимая.

Впрочем, сегодня все они невыносимы.

Неторопливо украшая мягкую сдобу золотистым джемом, я соизволила оповестить команду:

— Вот что, друзья. Шутки кончились. Вы можете завывать, когда я собираюсь в ночь к бандитам, можете пичкать меня лечебными отварами, учить жизни и прятать печенье — Лавронсо, я все вижу, верни тарелку на стол — но еще один знак недоверия, и я выхожу из игры. Совсем выхожу, потому что без доверия ни дело не сделаем, ни сами не убережемся. Еще одна такая выходка за моей спиной, еще одна попытка утаивания сведений, и вы будете делать все, что хотите, но без меня.

Аларик вздохнул и сдался первым:

— Прости. Я думал, тебе понравится сюрприз.

Демоны! Он и правда не понимает.

— Аларик, — сказала я мягко. — Сюрпризом может быть мороженое в жаркий день или бодрящий взвар холодным утром. В нашем деле сюрприз может стоить кому-то жизни.

— Гарни, я хотел поработать сам, — удрученно подал голос Бейлир.

— Поработал бы. Поговорил бы со мной и поработал. Мы команда, и это значит, что “сам по себе” — не здесь и не сейчас. Каждый из нас держит в своих руках жизни остальных.

Я пристально посмотрела на Лавронсо. Видно было, что оно давно все поняло, но сдаваться не собирается.

— Гарни… ты… э…

— Я?!

— Э… Ты сама за нами в Идолте пошла не спросясь! — дварфо решило стоять до

последнего.

— А ты подговорил Секирд меня усыпить. Мне с самого начала нужно было тебя не слушать, а постановить, что иду за вами. Больше так не будет.

— Ладно, прости. — Выдавило из себя Лавронсо. Я ждала. — Прости, правда, я не подумало. У меня тоже больше так не будет.

Я кивнула. Лучшего от него не добиться.

— Зашторьте окна, посмотрим, как ваша добыча мерцает.

Подвеска, и правда, была усыпана шевелящимися огоньками.

— Странно, руна какая-то, — задумчиво сказал Бейлир.

— Руна? — удивились мы хором. Для остальных подвеска просто переливалась мелкими искрами.

— Ха, это ж рунный ключ, — хмыкнуло Лавронсо. — На нем руна и должна быть, ее только обученные маг-артефакторы могут разглядеть, больше никто. Видать, еще и эльфы, — и добавило грустно: — Даже я не вижу. Наверное, на других частях другие руны.

— И что теперь будут делать Меркаты, лишившись одной из четырех? Хм, Аларик, ты не спрашивал у тех дварфов, что делать, если одна часть потеряется? Или весь ключ?

— Спрашивал. Обратиться с ним, — Аларик усмехнулся, — в их мастерскую в предгорьях. Если останется хоть одна часть ключа, они могут восстановить остальные по этой одной. Если утерян весь ключ, то нужно везти ящик, чтоб срезать дверь.

— Не ехать же нам в предгорья, — протянула я уныло. — Интересно, как восстановят? Руны наверняка разные.

Вдруг Лавронсо вскинулось:

— Ушастый, ты только одну руну видишь? Я тут подумало… погляди хорошенько, а?

На удивление, Бейлир не обратил внимания на непочтительное обращение, забрал у девушек клетчатый плед, свернул его вдвое и влез под него с головой. С подвеской.

— Вижу! — Донеслось из-под покрывала. — Еще три крохотные руны, слабые совсем, но они есть!

— Хех, — довольно посмотрело на нас дварфо. — Если по одной части можно восстановить потерянную, значит, прочие руны тоже встроили, но слабее, чтоб замок их не поймал, только настройщик видел. Но сильный настройщик нужен. Обычные-то во многих мастерских водятся.

— Что за настройщик?

— Плоская такая штука, на которой пыхают нужные руны, — ответило Лавронсо. — Верней, маги-артефакторы обученные видят, что пыхают. Для остальных просто огни бегают.

— Когда я звала Алоиса настроить “защитников”, он держал у мерцающей пластины кольца для нас, — вспомнила я. — Эх, жаль, что их пришлось вернуть.

Хитра, которая сидела на софе с новой книгой “Три дюжины блюд из курицы”, оторвалась от изображения запеченных ножек, быстро глянула на меня, будто чувствовала себя в чем-то виноватой, и снова уткнулась в картинку.

— Хитра, — я пристально посмотрела на лисичку.

— А? — она подняла на меня глаза, и взгляд ребенка был кристально честным. Понятно.

— Хитра, ты вернула кольцо?

— Ну… — кажется, она едва сдерживалась, чтоб не обернуться в хвостатую ипостась и

не шмыгнуть под софу.

— Давай сюда.

Поняв, что ругать не будут, по крайней мере, сейчас, Хитра достала из-за ворота веревочку с артефактом зачарования одежды. Рядом болталось тонкое и неприметное колечко, именно такое, как нам дали в лаборатории.

— Я думала, если Джанин попросит, то верну, но она не попросила, — Хитра опасливо протянула мне артефакт.

Вся компания воззрилась на крохотный ободок, который мог спасти нашу миссию.

— Я не я буду, если эти гении не сделали кольцо очень, очень сильным, — прошептало Лавронсо. — Обыкновенные ключи прям к замку поднести надо, а колечки этих безбородых работали, если к двери подходишь. “Защитники” и вовсе с полдюжины локтей чуяли.

— Может ли ключ настроиться от ключа? — я опасалась понадеяться зазря. — Как ты думаешь, подвеска-ключ может быть настройщиком?

— С этими гениями я во все поверю. Давай проверять.

Но как мы не прикладывали кольцо к подвеске, искр не появилось. Попробовали все по очереди, и девушки тоже. Хитра возилась дольше всех, от усердия высунув кончик языка. Она поворачивала кольцо и так, и этак, уж очень ей хотелось, чтоб она стянула эту вещицу не зря. Секирд, стоявшая рядом с подругой, внезапно сказала:

— Погоди. Дай-ка… Надо на свет.

Она подошла с кольцом к окну и отодвинула штору.

— Бейлир, глянь-ка. Дырка?

— Да, крохотное отверстие. Вряд ли случайно. Но туда даже кончик иглы не пройдет.

Отрядили дварфо в лавку инструментов, а если там не найдет, пусть к своим соплеменникам в мастерскую прогуляется. К полудню оно вернулось с нужной иглой и увеличительным стеклом. Теперь мы все видели маленькую аккуратную дырочку

Как лекарю, привыкшему к тонким манипуляциям, дело поручили самому Лавронсо. Затаив дыхание мы следили, как он осторожно водит тонкой иголкой с невидимым концом. Не удержавшись, когда игла встала на место, Бейлир крикнул: “Жми!!!” Игла вошла в отверстие, Секирд тут же подала подвеску, и дварфо приложило кольцо к ней. Я задвинула гардины, и под общий облегченный вздох по кольцу побежали искры. Мы хором досчитали до десяти и подождали еще немного.

Уверенности в том, что кольцо зарядилось всеми четырьмя рунами, у нас не было, но проверить это можно было только одним способом: приложить к замку в кабинете.

Кольцо доверили Бейлиру — на его пальцы оно село лучше всего. Хитра и у артефакторов носила его на веревочке, с ее тонких пальчиков кольцо спадало. Мне украшения мешают, а эльфу всё нипочем. Эльф может убить двух противников, будучи одетым по роскошной придворной моде. Проверено.

Мы решили дождаться очередного приглашения для эльфийки — это удобнее, чем пытаться проникнуть в “Бестиарий” самостоятельно, скрываясь от хозяев. Подвеску этой же ночью Бейлир подкинет назад — не стоит заставлять Меркатов волноваться раньше времени.

— Друзья, вы не забыли, что есть вторая часть бумаг, которая связывает банк Меркатов с их делами?

— Помним, помним, — проворчало Лавронсо. — И твою идею о том, что эти бумаги в трущобах, тоже помним. Мне уже начинать завывать?

— Пока нет. Я хочу навестить одного поверенного, который давал контракты не только гильдийским порученцам, но и теневым.

— Обыкновенным наемникам, то бишь.

— Да, но высокого класса, не всякой рвани. Звать стражей ему, как ты понимаешь, не с руки. Не смотри на меня так. Придется рискнуть. О том, кто хочет подвинуть Меркатов в трущобах, на рынке не расскажут.

Бейлир предложил проследить за мной на всякий случай, но я отказалась. Нет такой слежки, которую нельзя было бы распознать, а в паре нам появляться нельзя. Аларика и Лавронсо я в этом качестве даже не рассматривала — не сумеют.

Убедившись, что он мне не нужен, Бейлир оделся в мужское и под ехидные замечания Лавронсо ушел куда-то “по делам, не имеющим отношения к нашей миссии”. Лавронсо решило осторожно поговорить со своим приятелем-контрабандистом. Аларик — все же покрутиться по разным рынкам и лавкам ремесленников.

Девушкам сегодня дела не нашлось, поэтому они собирались зайти в кафе, а после — в галантерейную лавку. У обеих просыпался интерес к женским штучкам. У Хитры — в силу возраста и обретенной свободы. У Секирд — потому то под напором здравого смысла по имени Лавронсо постепенно ржавели и распадались кандалы, которые она сама на себя навесила, глядя в зеркало с ненавистью.

Глава 39

Переодевшись в городское платье зеленого цвета, приколов к низкому узлу волос новую шляпку из купленных в Боулесине, я доехала до Жасминовой площади, небольшого мощеного пятачка в старой части города, и попросила остановить у перекрестка, откуда начинался узкий переулок, такой узкий, что двум кэбрио не разъехаться.

За квартал до нужного дома я подошла к стене, и опираясь на блестящий водосток, будто сильно стесняясь постучала каблучком по жести — приличная госпожа не может очищать обувь среди улицы, но с налипшей грязью ходить так неудобно. Господин на противоположной стороне улицы понял, что он раскрыт, и направился ко мне.

Мохнатые круглые брови, добродушная, но вместе с тем внушающая уважение физиономия, квадратная фигура и быстрые, хоть и с виду неуклюжие движения — могу поспорить на запасное колесо Стрекозы, что передо мной оборотень из медвежьего рода. Одет он был как существо на грани нищеты, которое вот-вот перешагнет эту грань, если чудо не выдернет его из несчастий. Со стороны могло показаться, что медведь понадеялся — госпожа может стать таким чудом. Но прикрытие было так себе. Община не дала бы пропасть своему, а изгоя не стали бы терпеть в Иркатуне. И следил за мной оборотень слишком умело.

Я решила подыграть ему:

— Я могу чем-то помочь вам, господин…?

— О, госпожа, если бы вы были так добры! Мне весьма неловко, но в моем затруднительном положение всякое участие пошло бы на пользу.

Понятно. Изображаем из себя бывшего благополучного, а ныне падшего горожанина. Порученец. Я могла поспорить на новую шляпку, что передо мной порученец, который меня узнал. Чего ему нужно? Денег за то, что не сдаст стражам? Но порученец должен понимать, что шантажировать госпожу Гарниетту Раенальд занятие не из простых. Верткая слишком.

Стоит поговорить.

— По заветам Небесных садов всякий, вкушающий сладкие плоды, должен помочь ближнему своему, удрученному горькими. Я полагаю, нам следует устроиться в тихом месте и обсудить ваше бедственное положение.

Я махнула проезжающему кэбрио. У медведя явно были другие идеи, но он быстро понял, что играть придется по моим правилам. Если согласился… значит, дело непростое.

Едва за нами закрылась дверь, и я приказала вознице ехать на пересечение Восточного бульвара с улицей Грез, что на другом конце города, как медведь прошептал:

— Госпожа Раенальд, прошу прощения, но неужели в ваших невзгодах вы настолько ударились головой, что решили явиться в контору, которая сдаст вас и не поморщится?

— Мне казалось, именно это место славно тем, что никого никому не сдает.

Я удивилась, что оборотень меня узнал. Я не могла его вспомнить. Меж тем, тот продолжил:

— Когда объявления с вашим именем появились на столбах, именно в этой конторе меня спрашивали, не знаю ли я, где нынче госпожа Раенальд, и настоятельно рекомендовали сообщить им, буде таковые сведения появятся.

Я прикрыла глаза и медленно выдохнув, тихо проговорила:

— Я ваша должница. Прошу прощения, откуда вы меня знаете?

— Некогда брат показал мне вас. О, я не представился. Бернард Карху к вашим услугам. Нет, вы не должница, напротив, это я отдал вам долг. Четыре года назад вы вытащили задницу моего брата из задания, за которое он взялся, не подумав. Надеюсь, ваш напарник в добром здравии? Передайте ему мое почтение. Я удивлен, что на объявлениях не указали его имени, только ваше.

— Нимнадил погиб. Это другой, он не в гильдии, но был при мне.

— Прошу прощения, я не знал о смерти достойного Нимнадила. Да будут Небесные сады добры к нему.

Я кивнула, принимая соболезнования.

Да, было дело, мы с Нимнадилом прикрывали спину паре из оборотня-медведя и орка.

Их клиент не так давно женился на милой девушке. Увы, пуская пыль ей в глаза он выставлял себя как успешного торговца, хотя был простым приказчиком в лавке дальнего родственника. Не прошло и месяца после свадьбы, как молодую жену похитили, назначив выкуп в тысячу гольденов — половину сбережений "торговца", каковым приказчик никогда не был. И, разумеется, не было у него двух тысяч гольденов, которыми он хвастался невесте. Он достал, сколько смог, одолжился у родственника и нанял порученцев.

Молодой медведь рьяно взялся за дело, а вот его мудрый друг, орк, почуял некий душок. Всей истории несчастный муж порученцам не рассказал, и орк удивился, почему у простого приказчика требуют такую сумму? Знай он о лжи молодого человека, мог бы догадаться, что про сумму похитители могли знать только от "похищенной", а значит, они в сговоре. Но что-то орк заподозрил, поэтому попросил нас с Нимнадилем сесть в засаде.

В притоне оказалась целая шайка, промышлявшая подобными делами. Мы помогли коллегам, и стражи, потирая руки, приняли от нас пять упакованных тел, одно из которых визгливо сыпало проклятиями, весьма контрастирующими с богатым платьем.

Виноватый медведь-оборотень запомнился мне хорошими манерами. Позже он упомянул, что они с братом закончили гимназию. В их семье образование ценилось весьма высоко, но молодых медведей потянуло на приключения.

— Госпожа Раенальд, зачем вы шли в контору? Сомневаюсь, что вы стали бы рисковать, взяв теневое поручение, когда вас ищут по всему Вавлионду, и, я уверен, не за обоз ищут.

— Нет. Я сорвала план Тайных служб и выжила, вопреки их задумке. — Он кивнул без удивления, и я продолжила: — Мне нужны сведения. Но я не уверена, что стоит втягивать вас в это дело. Вы уже отдали долг, оберегая меня от ошибки, которая могла мне дорого стоить. Судя по костюму, у вас собственное задание.

— Я только взялся. Это мой обычный костюм для поездок. Сбивает с толку, и я выгляжу неопасно.

— Для поездок? Вы уезжаете?

— Да, взял поручение.

От меня не укрылся легкий вздох.

— Господин Карху, вам не нравится это поручение?

— Признаться, мне не нравится всякое поручение. Но что поделать? После того провала мой брат отошел от дел, выучился на законника и обзавелся выводком медвежат. Он умнее меня и намного способнее. Я попытался вступить в его дело как помощник, но увы, проку от меня не было никакого. Если бы только я мог заниматься чем-то другим, я бы с радостью оставил эту стезю, но увы, увы, кому еще надобны мои умения?

— Возможно, я смогу вам подсказать что-нибудь.

Но медведь горестно покачал головой:

— Нет, пока лапы могут двигаться, я буду гоняться за проворовавшимися приказчиками, неверными женами и пропавшими артефакторами.

Внутри меня похолодело. Я спросила, стараясь не изменять голос:

— Пропавшими артефакторами? Как могут пропасть такие ценные существа?

Он пожал плечами:

— Вы же понимаете, конфиденциальность задания… — но поймав мой взгляд, сдался. — В контору, куда вы так неосторожно направлялись, пришло письмо от поверенного, которые ведет дела одного подающего надежды артефактора из Киртауна. Тот направлялся в Лусмеин и просит встретить его с оникс-мобиля, а в случае, если не явится в срок, попытаться выяснить, куда он пропал.

— Но Лусмеин довольно далеко. Почему письмо прислали в Иркатун? Почему именно вас? И артефактор знал о вашей природе?

— Нет, артефактор просил поверенного, в случае, если попадет в беду, нанять порученца из медведей или волков, а все знают, что здесь большая община.

Что-то здесь не то. Лигатрик говорил, что он родился и вырос в Киртауне. Мог ли еще один артефактор из Киртауна в то же время ехать на оникс-мобиле и не доехать? Но мэтр не считал оборотней за разумных существ, а когда мы упомянули гильдию, выразил к нам, порученцам, недоверие.

— Когда пришло письмо? Известно, когда поверенный доктора Лигатрика его отправил?

— Письмо пришло… Что?! Откуда вам известно имя?

Угадала. Но никакой радости по этому поводу у меня не появилось. Дело оказалось еще сложнее.

Разговор намечался долгий. Я попросила высадить нас у неухоженного парка, мы прошли вглубь и нашли место, где ни подслушать нас, ни подкрасться незаметно было невозможно. И говорили мы очень тихо.

Через четверть часа я уже знала, что некто писал: Лигатрик едет на оникс-мобиле до Лусмеина, а если не приедет, нужно отправиться на поиски.

Я не знала, куда направлялся оникс-мобиль, но указание на Лусмеин мне не понравилось. Лигатрик ничем не показал, что именно в Лусмеин он и ехал, и никаких попыток передать заказчику в Лусмеине артефакт он не делал. Разве что… не было никакого письма! Верней, было — с наказом отправить кого-нибудь из оборотней в Лусмеин, авось вынюхает, куда пропал артефактор.

Скорее всего, письмо послал лысый бандит, сам отчасти оборотень и знающий об их преимуществах. Этот бандит в Лусмеине запомнился как страж, и ему пришлось уехать, поэтому таким способом он решил передать задание. У порученцев другие возможности.

Стараясь не вдаваться в подробности, я рассказала Бернарду, что некто собирает артефакторов с помощью бандитов, стараясь прикрыть все концы.

— Гарниетта, — внезапно проговорил Бернард. — А ведь я снова тебе должен.

За время откровений мы перешли на ты.

— М? — я удивилась.

— Думаешь, меня оставили бы в живых, найди я след?

— Не знаю, — честно призналась я. — Но похоже, мы вытащили друг друга из больших неприятностей.

О нашей теплой компании в “Орлином гнезде” я не сказала. Чем меньше медведь знает, тем меньше выдаст в случае провала.

— Какие сведения тебе нужны?

Я задумалась. Местный порученец — это находка.

— Мне нужно знать, кто в этом городе ночные хозяева, и кто мечтает их подвинуть.

Он быстро глянул на меня и пожевал губами. Похоже, связь Меркатов и ночных хозяев стараются прятать поглубже. Но порученцу это известно. Если не раскроет сведения, то дел с ним иметь нельзя.

Медведь встал, потоптался на месте, взъерошил шевелюру, сел назад на скамью и, наконец, сказал:

— Город под Меркатами. Весь. И мне это не нравится.

Я тихо выдохнула.

— Давно?

— С основания, но по-разному. Здесь их род взял начало. Триста лет назад в эти края приехал торговец откуда-то из дальних королевств и решил остаться. На его языке, уж не знаю, каком, Меркат — рынок. Рынок он здесь и устроил, но после нападения степняков обнес его крепостной стеной и построил укрепления как положено. Вокруг крепости сначала селение образовалось, потом вырос город. Очередной Меркат получил баронский титул. Позже Меркаты присоединили через браки северные земли и получили графство. На новых землях было интереснее осваиваться, и главная ветвь переехала на север, основав Меркитаун. К тому времени старый город стал беднеть, но кто-то из рода там остался. Я в точности не знаю, как оно было, но сейчас ночные хозяева Меркатам дальняя родня. Законная власть в Иркатуне давно была другая. Как положено, если селение стало городом и ратушу поставили, графы и бароны городу больше не указ. Но три года назад что-то стало меняться. Полк сюда другой перевели, банк открыли, бургомистра нового избрали, он своих людей поставил на нужные места. Наш клан следит внимательно, нам отсюда сниматься и переезжать не хотелось бы. Так вот, вся власть сейчас так или иначе с Меркатами связана.

— И вам это не нравится.

— И нам это не нравится, но что мы можем поделать? Старейшины о чем-то между собой говорят, но кто их знает.

С одной стороны, я порадовалась за медведей, что не сдаются, в отличие от того, с которым я сейчас разговариваю. С другой… пусть не торопятся. Может статься, без них управимся. Шкуры целей будут, и нам дорогу не перейдут.

— Передай своим, чтоб придержали коней.

— Хм. — Он удивленно глянул на меня. — На Меркатов ты не работаешь. Значит, против них. Не боишься на такой высоте воевать?

— Выхода нет. Похоже, это им нужны артефакторы. Прости, но больше ничего не скажу.

Он понимающе кивнул.

Я продолжила:

— Нет ли у нынешних ночных хозяев соперников?

— Кто мечтает занять их место в ночных кварталах, тот долго не живет. Банду Отвертки вырезали. Хотя… есть один гоблин, верней, смесок, но считает себя гоблином. Он мелкая сошка, то тут, то там подвизаться, неважно. Важно, что Меркатов люто ненавидит.

— Кровная месть?

— Да. То ли дед его с нынешним графом что-то не поделил, и все стойбище с места согнали, а кто не ушел, убили. То ли, напротив, земля Меркатам была нужна, а дед был из старейшин, уходить отказался, и закончилось тем же. Сам мой знакомец молодой, вокруг него шелупонь всякая вертится, но если шепнуть, что ты против Меркатов, поручится за тебя перед теми, кто за деньги хоть королеву прирежет.

Он глянул на меня с сомнением, и я поспешила заверить его:

— Нет, резать мне никого не надо, но именно такие существа мне нужны. Сможешь меня сегодня к нему проводить?

Помявшись, медведь кивнул.

— Сколько? — сразу спросила я. Знакомства порученцев измеряются в гольденах.

— Мне нисколько, я со своих денег не беру. Гоблин за то, чтоб расшатать Меркатов, тоже не возьмет. А с теми, другими, как сама договоришься.

Мы условились встретиться сегодня вечером в скобяной лавке, откуда совсем недалеко до мест, где валяющееся на земле тело никого не удивляет.

— Только не ходи… так, — Бернард указал на мой слишком чистый и приличный вид с лицом без толики красок.

Я лишь усмехнулась. Кого он будет учить?

* * *

Я вернулась ненамного раньше девушек. Поздоровавшись, Секирд попросила у меня пару платьев, пообещав скоро вернуть. “Да хоть все”, — махнула я рукой, и половина моего гардероба перекочевала в другой номер. Девушки заперлись в своей комнате, чтоб примерять покупки с разнообразными нарядами. А я легла спать. К вечеру мне нужно быть хорошо отдохнувшей.

— Вот теперь можешь выть, — сообщила я Лавронсо, проснувшись и обнаружив компанию в сборе. — Секирд, чудесные серьги, очень тебе идут.

Девушка смутилась, но была довольна. Как они нашли лавку, где продавались когти гребешокрыла, я и представить не могу. Но изумрудные с одного конца, темносиние с другого, обрамленные серебряной кружевной оправой они смотрелись на Секирд замечательно.

— А? Что я могу? — Дварфо отвлеклось, с видом знатока рассматривая серьги Секирд, которая смутилась еще больше.

— Выть. Вечером я иду на встречу в ночные кварталы.

— Р-рассказывай, — отозвалось Лавронсо, а остальные растеряли улыбки.

Я послушно рассказала о встрече со старым знакомым порученцем, который приведет к нужным существам. Что я едва не сунула голову в пасть песчаному червю, я решила умолчать. Не так уж это и важно.

— Ты не сунешься к ним одна, — Лавронсо смотрело на меня так, будто готово было запереть в Стрекозе прямо сейчас, и только бессмысленность этого занятия его остановила.

Такие поручения я и правда старалась не брать в одиночку. Но сейчас эльфу-боевику лучше не появляться. Я нервно побарабанила пальцами и решилась:

— Хорошо. Ты можешь пойти со мной. Возьми ножи.

— И я, — Аларик не спрашивал. Я поняла, что не отступит и кивнула.

— Оденьтесь попроще.

Глава 40

Бернард с сомнением окинул взглядом мою фигуру: потрепанные штаны, серая рубаха, бесформенная накидка поверх, на голове недоразумение, в котором я ходила к ночным хозяевам Идольты. Хорошая вещь, и волосы прячет, и лицо с ней делается таким же непонятным. Осмотрев меня и решив, что лучше не сделать, медведь обернулся к моим спутникам, которые, в свою очередь, пытались взглядами просверлить его черепную коробку и выяснить, что у оборотня в голове.

— Дерик, — представился наш барон.

— Гонсо, — переименовалось дварфо. — И хочу тебя предупредить…

Я резко положила руку Лавронсо на плечо, и он замолчал, только зыркнул на Бернарда, мол, ты меня понял. Я вспомнила, что мне тоже нужно сменить имя.

— Бернард, я забыла тебе сказать, сейчас я Цинтия.

По темнеющим улицам мы дошли туда, где куча мусора была привычной частью пейзажа, а фонари, напротив, встречались редко и удивляли своим присутствием.

Свернув в подворотню, мы прошли гуськом во внутренний дворик и спустились в полуподвал, где нас ждало три смеска с человечьими и степными кровями, и выглядели они как обыкновенные жители этих мест.

Бернард представил всех присутствующих. Нужным нам существом оказался Мордаг — парень, который выглядел бы как полнокровный гоблин, если бы не короткий приплюснутый нос. На удивление, он мигом определил, что разговаривать следует со мной.

— Цинтия, что у вас к Меркатам?

Я красноречиво показала глазами на его приятелей, и Мордаг махнул головой в сторону задней двери. Те послушно исчезли. Уверена, что столь же послушно прижались ушами к щели. Но я должна была показать, что разговор серьезный.

— У меня к ним несовместимость нашего сосуществования.

Поймет или нет? Те, за дверью, очевидно не поймут.

— Госпожа Цинтия, вы отдаете себе отчет, что такая птица может оказаться вам не по зубам? — спросил Мордаг.

Если бы не мой опыт, когда я встречала самых разнообразных существ в самых разнообразных местах, я бы сейчас онемела. Краем глаза я заметила, как вздрогнул Аларик.

— Человек втрое легче матерого кабана, но знает, куда бить. Сейчас нам лишь не хватает одного слабого места вдобавок к уже известным. Мы предполагаем, что нужные сведения хранятся у ночных хозяев.

— То есть, у ночных Меркатов. Я знаю только одного, кто может замахнуться на такое дело, но его услуги дорого стоят. Очень дорого.

— Деньги есть. Не с собой, разумеется.

— Разумеется. Хорошо. Пойдем. — И обернувшись к задней двери, крикнул: — Мне шкандыбать до Муравьеда. Выпасать не надо.

— А не артисты? — донеслось из-за двери. В нас заподозрили мошенников.

— Зуб даю.

— Бикса не торт, — глаз в щели уставился на меня.

— Моргалы лишние? — осведомилась я, положив руку на пояс. За дверью ойкнуло, и глаз исчез.

Лавронсо хмыкнул, Аларик задрал брови едва ли не до волос, Мордаг глянул на меня с уважением.

Мы шли с четверть часа, то пробираясь мимо куч мусора, то перешагивая через храпящие, бормочущие или стонущие тела. Мордаг завел нас в рюмочную, где рюмок не было, а пили дурно пахнущую жидкость из жестяных кружек. Гоблин попросил подождать и прошел вглубь. Наконец, Мордаг вернулся и сказал, что Муравьед примет меня одну. Но он, Мордаг, ручается, что трогать меня никто не будет, со мной только поговорят, иначе он, Мордаг, наплюет на все риски и подожжет эту халабуду, и Муравьед об этом знает.

Подивившись странным отношениям в ночном мире Иркатуна, я тихо рыкнула на Аларика и Лавронсо, чтоб сидели и ждали, и пошла за Мордагом.

Парень привел меня в комнату небольших размеров, но не клетушку. Обстановка была как в дешевой гостинице, хоть и без видимой грязи. Кристал-светильники горели вполсилы, но ярче, чем в зале рюмочной. Тот, кого звали Муравьедом, стоял спиной и был в комнате один. Я насторожилась.

— Я привел госпожу Цинтию, — сказал Мордаг.

— Хорошо, — глухо произнес Муравьед. — Иди. Если хочешь, чтоб я им помог, сделай все к утру.

Мордаг ободряюще мне кивнул и исчез за дверью. Похоже, за помощь будем платить не только мы.

Муравьед обернулся, и я стиснула зубы. Конечно, это должно было когда-нибудь случиться, но почему сейчас?

— Джим-Ловкач, — выдохнула я, глядя в искаженное шрамом лицо. Я очень хорошо знала этот шрам. Сама начертила. — Неужели выпустили?

— Кабы выпустили, я бы здесь не сидел как плесень в сортире.

Мы молча смотрели друг на друга. Что можно было сказать?

Незадолго до смерти Нимнадила мы взяли главаря шайки, которая грабила дилижансы. Уж не знаю, кто из родственников или близких банкира попался в их лапы, но раздраженный бездействием стражей господин-при-деньгах нанял дюжину порученцев, чтоб ездить под видом пассажиров, привлекая банду на себя как на приманку. Нам повезло в первый же день. Банда полегла под клинками гильдийцев и стрелами Нимнадила. Главарь сообщил мне, что “лично порежет бабу”, и пока я махала с ним клинками, его попросту стукнули сзади. Но провести по его физиономии концом длинного кинжала я успела.

Что перевесит? Желание нажиться? Желание отомстить? Достаточно ли грозно звучит для него предупреждение Мордага?

— Что, влипла? — осклабился Ловкач.

Имел ли он в виду объявления о поимке госпожи Раенальд или то, что я стою в его комнате одна, я не знала, но решила не уточнять.

— И под Меркатов копаешь, — Ловкач наслаждался положением. Помолчав он продолжил: — Нет, сдавать я тебя не буду ни тем, ни другим. Мы с тобой интереснее придумаем.

Я приподняла бровь. Муравьед наклонился над столом, опираясь на костяшки кулаков, и приказал:

— Говори, чего тебе надо для начала.

— Ты хочешь сказать, что готов оказать мне услугу?

— Если в цене сойдемся.

Нет, в его алчность я сейчас не верила. Тут что-то другое.

— Возможно, ночные Меркаты хранят важные бумаги Меркатов дневных.

— Пф, тоже мне новость.

Что ж, по крайней мере, в этом мы оказались правы. Останусь ли я в живых, чтоб рассказать команде?

— Мне нужны бумаги по операциям через их банк.

Джим-Ловкач сел и воззрился на меня, положив подбородок на ладонь.

— Пожалуй, я и впрямь оставлю тебя жить. Если ты их так прижучить хочешь, что бумаги из банка нужны, вся их власть квакнется, и мне место на ночной стороне освободят. Чем же ты их взять собираешься… В самих бумагах ничего нет, иначе их на ночную сторону не отдали бы.

Это было не вопросом, скорее, раздумьем. Ловкач понимал, что ничего сверх нужного я ему не скажу. Он внимательно посмотрел на меня и заговорил снова:

— Есть у меня к ним подход, держал для чего-нибудь серьезного. Через два дня бумаги будут у меня.

— Цена?

Он окинул меня взглядом и ухмыльнулся:

— Останешься до утра и расплатишься. Ты явно не девица, хотя вряд ли много умеешь.

Ловкач и правда ловок. Он придумал, как отомстить мне за арест, но оставить живой и здоровой, чтобы я расчистила ему дорогу к ночному трону. Я сделала попытку поторговаться:

— Я могу заплатить столько, что хватит на трех лучших дам из лучшего заведения города. С доставкой.

— Я назвал тебе цену. Не хочешь — как хочешь. Если согласна, раздевайся.

Я посмотрела ему прямо в глаза и приподняла бровь:

— Платить вперед?

Хмыкнув, он кивнул:

— Значит, послезавтра. И не вздумай дурить. Или так, или ищи кого другого. Но учти, кто другой запросит дороже, — и глянув на мою заломленную бровь, поясил: — могут и на троих тебя разложить.

Могут. Если я откажусь, все трущобы будут знать, кто я такая, и какую цену с меня брать.

За ту дюжину шагов, что отделяла дверь от зала, где меня ждали Аларик с Лавронсо, я несколько раз с силой выдохнула и постаралась спрятать внутрь желание убивать. Что делать? Что? Я не знала. От мысли лечь в постель с этой тварью хотелось удавиться.

Я не раз и не два получала подобные предложения, но мне удавалось добыть искомое иначе: переубедить, приставить кинжал к горлу, выкрасть, взять с боем. Конечно, про каждую порученку шептались, мол, знаем-знаем, как она работает. И про многих симпатичных молодых порученцев тоже. Один весельчак спьяну предположил, что мы с красавцем-Нимнадилом украсили ночь графа N на троих. Не успела я удивиться его глупости, как тот не досчитался трех зубов. По общему мнению приятелей пострадавшего, Нимнадил его пожалел. Мог бы и мозги по столу размазать, "все равно этому дурню не надобны, коль эльфа-боевика задирает".

Но одно дело — сплетничать, другое — знать наверняка. Не только брезгливость меня останавливала, не только ощущение тошноты при одной мысли о чужих руках, но еще и

понимание, что это путь в один конец. Фасталк был не единственным, кто дал мне задание из-за моей чистой репутации. Жениха-полуэльфа, который был моим напарником, посчитали допустимым отступлением от правил, так же, как владение кинжалом и рукопашным боем для женщины. Но если бы я коснулась настоящей грязи, меня мигом перевели бы из приличных дам в нечто вроде веселой девки, и вместо сопровождения почтенных вдов с дочерьми мне бы стали предлагать добыть документы, ценные украшения или компрометирующие сведения, проведя ночь с нужным человеком. Или и вовсе — стать таким компрометирующим случаем. Будучи порученцем в гильдии, от подобных заданий я с негодованием отказывалась.

Но сейчас ставка — благополучие дочери Аларика, и может статься, спокойствие этой части королевства. Имею ли я право отступить? Я и правда не девица. И я больше не гильдийский порученец. Репутации у меня все равно нет. Что будет со мной после того, как я разрешу дело Аларика и довезу троицу до порта, никому не интересно. Бейлир пойдет своим путем, а мне… и правда, полезь я в петлю, об этом и не узнает никто. А после ночи с этим… как жить?

Я подавила приступ тошноты и заставила себя обдумывать ситуацию дальше, но дварфо вклинилось в мои мысли.

— Ну? Договорились? — вполголоса спросило Лавронсо, когда мы возвращались назад.

Мордага с нами не было. Видно, ушел по поручению Ловкача. — Наполовину, — ответила я. — Он обещал к завтрашнему вечеру добыть бумаги.

— Сколько он хочет?

— Мы еще не закончили торговаться.

Дварфо с сомнением хмыкнуло.

Я не успела перевести дух от того, что удачно скрыла подробности его предложения, как заметила, что Аларик и Лавронсо отстали и зашептались. Выругавшись про себя я остановилась и оглянулась. Лавронсо махнуло рукой куда-то в тупик. И там дварфо встало, широко расставив ноги и сложив руки на груди, перекрывая мне путь к побегу, а Аларик прорычал:

— И не вздумай.

— Что? — очень натурально удивилась я.

— Платить ту цену, которую он назвал.

— Я не понимаю, о чем ты. Мы еще не договорились.

— Конечно, не договорились. Ты никогда не расплачивалась собой, не так ли? Но именно такую цену он назвал.

Барон Аларик Боулес не спрашивал, он утверждал. Я молчала.

— Лори?

Я собралась с духом. Я порученец, в конце концов. Посмотрев ему в глаза я отчеканила:

— Как вести дела с бандитами — это мое дело. Ты за этим меня и нанял.

— Один шаг в сторону его постели, — ледяным голосом произнес Аларик, — и я разрываю наш договор. Я лучше рискну баронством, чем разменяю его на твою честь.

В свете неярких окон где-то над головой на лице Лавронсо явственно читалась кривая улыбка. Спелись!

— Мы вырвем у них эти бумаги, — проскрипело дварфо, — и без того, чтоб тебя под всякую гниду подкладывать.

Внутри меня метался растрепанный клубок самых противоречивых чувств: радость от

того, что мне не придется даже задумываться о ночи с мерзавцем, возмущение от желания этой парочки решить что-то за меня, благодарность за… за то же самое.

— Днем обговорим всё, — постановила я. — Идем в гостиницу. Да не сбегу я! — прошипела, увидев, что мои спутники мнутся. — Вы что, меня совсем за дуру держите? Думаете, я прямо сейчас побегу ноги раздвигать из чувства противоречия? Успокойтесь. Идем!

Они обменялись странными взглядами, одинаково пожали плечами, и мы вышли назад на дорогу.

Глава 41

— Мордагу нужно исчезнуть, — сказала я за завтраком. — Бернарду, думаю, тоже.

— Что для этого нужно? Гольдены? — спросил Аларик. Я кивнула. — Скажи, сколько, и передадим Бернарду на них двоих. Насколько я понял, ему можно верить.

— Он будет ждать сегодня в три часа пополудни в парке Тихий затон, где мы в первый раз говорили. Если пройти по дорожке от северной оконечности вглубь, через пять скамеек будет шестая, она стоит ближе к воде.

— Хорошо, я съезжу.

Мы снова замолчали. Едва заказав еду, мы принялись обсуждать, как можно вырвать бумаги у Ловкача. Девушкам мы сказали, что он слишком много запросил. Хитра приняла за чистую монету, а Секирд внимательно на меня посмотрела — поняла.

Идею устроить всеми нашими силами налет на рюмочную мы отмели. Даже если мы будем сильнее охраны, Ловкач не дурак. Он оставит при себе пару документов, чтобы доказать мне — бумаги есть, а остальное будет лежать в другом месте. Припугнуть его, как когда-то обнаглевшего лекаря, может получиться, а может и нет. Все же бывший главарь банды, ныне претендент на трон ночного хозяйства — не робкого десятка.

— Чем бы его взять за яйца… Хоть бы прошлое его знать, что ли. Кроме того, что ты ему харю расписала и арестовала. Они дилижансы только грабили? Никого не ухлопали?

Хитра вернулась в свою комнату, и Лавронсо позволило себе не сдерживаться.

— Только грабили. Может, руки или ноги ломали, морды били, но трупов за ними не было. Осторожный, чтоб его…

— Значит, нет таких, кто мечтал бы его прибить даже спустя годы.

Я крутила в голове разные идеи.

— Может, подобраться к нему через окружение в трущобах? Наверняка же есть недруги или, наоборот, женщины. Может, в какой-нибудь притон ходит, можно там девок поспрашивать.

— Если женщина продает себя, продать других ей намного легче, — покачало головой Лавронсо. — Девка тебе с три короба наплетет и сдаст Ловкачу за грош.

— Ладно… Аларик, мы все же вместе поедем к Бернарду. Попробуем узнать, может, у порученцев на него что-нибудь есть.

— А зачем он нам? — внезапно сказала Секирд, которая, казалось, не участвовала в разговоре, забрав булочку с марципаном и чашку взвара на софу.

Я вовсе не подозревала Секирд в тупости, поэтому не стала отвечать очевидного про документы, а спросила прямо:

— Что ты имеешь в виду?

— Перехватить бумаги, когда их понесут к этому Ловкачу, — пояснила Секирд. — Он не зря взял два дня.

— Точно, — дошло до меня. — День, ночь и день. Чтоб достать бумаги, ему нужна ночь. Иначе он управился бы до сегодняшнего вечера.

Повисла тишина. Мы переваривали сказанное. Наконец, я произнесла то, что кто-то должен был сказать:

— Этой ночью мы идем в трущобы и устраиваем засады вокруг старого особняка Меркатов.

— А если хранилище бумаг не там? — засомневался Бейлир. Он скептически относился к способности людей что-то хорошо хранить, особенно в местах, которые по человеческим меркам старые, а по эльфийским — это построили вчера утром.

— Тогда завтра решим, что делать дальше, — отрезало Лавронсо. — В три часа пополудни всем выпить сонный отвар и спать.

— У нас встреча с Бернардом.

— О-ох… В четыре! Сразу, как вернетесь.

— Деспот! — не выдержала я. — Я понимаю, откуда берутся буйные пациенты.

Лавронсо довольно улыбнулось.

Девушки утащили меня в свою комнату показывать вчерашние покупки. Бейлир выгнал всех из номера, чтобы размяться. Лавронсо с Аларикомушли к себе, и я внезапно подумала, что в этот раз Лавронсо не упирался, когда его поселили как “мальчика”. Надеюсь, Секирд это заметила.

* * *

На встречу с Бернардом мы пришли все той же компанией: я, Аларик и Лавронсо. Верней, сушеная старая дева неопределенного возраста, полугоблин и дварфо. Еще издали мы заметили, что фигур двое. Так и есть — Мордаг. Было видно, что он старался выглядеть как можно приличнее, и вещи на нем были выстираны и аккуратно заштопаны, но все равно видно — отжили свое.

— Я надеюсь, вы вернулись без неприятностей? Мне пришлось выполнить свою часть договора с Муравьедом, — сказал Мордаг после приветствий.

Я кивнула и спросила без обиняков:

— Господин Мордаг, что вас держит в трущобах?

— Госпожа Цинтия, вам не кажется, что это слишком личный вопрос?

— Нет, — Аларик решил сбросить маску гоблина-наемника. — Муравьед играет по правилам, которые нам не подходят, и мы станем играть по своим, но после этого вам может быть опасно там оставаться. Бернард, возможно, вам тоже. Я предложил бы уехать на какое-то время из Иркатуна, и мы можем это обеспечить.

— Благодарю, но нет, — ответил Мордаг. — Это мой город. — И на вопросительные взгляды пояснил: — Эту землю возделывали мои предки в семи поколениях, осушили болото, очистили озеро… А потом пришли Меркаты с подложными документами и согнали нас оттуда, чтобы построить дома. Кто пытался бороться, тех убили. Наше племя рассеялось, но я, — он упрямо поджал губы, — никуда не уйду. Когда-нибудь я найду возможность бороться за земли дальше.

— Вы учились на законника, — догадалась я, — но по неким причинам вам не удалось закончить образование. Возможно, вы вступили в неравный бой с птицей не вашего полета, и вас сожрали. Так?

Парень упрямо поджал губы, глядя на меня исподлобья. Угадала. Аларик снова вступил в разговор:

— Господин Мордаг, я покупаю у вас очень важные и очень нужные сведения, и плачу прямо сейчас столько, чтобы вы могли, не возвращаясь в трущобы, поселиться в добропорядочных кварталах и вернуться к прежней жизни и к учебе.

— Прежнего уже не будет, — скривился парень. — Да и денег у вас не хватит.

— Мы отсюда наймем кэбрио до банка и вы заведете рунный счет, куда я переведу достаточно гольденов на три месяца жизни.

Парень хмыкнул:

— Ничто из того, что я знаю, столько не стоит.

— А это нам решать. Выложите все про Муравьеда, все знаете, что слышали, о чем говорят втихую, и мы в расчете. Больше всего нас интересует, разумеется, какой у него может быть подход к хранилищу бумаг Меркатов, но пригодится все, что угодно.

— Кто вы? — парень только сейчас понял, что речь полугоблина-наемника не подходит его роли.

— Господин Мордаг, вам не кажется, что это слишком личный вопрос?

Гоблин помялся и вспомнил про Бернарда:

— Не врут?

— Нет. Если они в компании с… э… — он замялся, не зная как меня назвать.

— С Гарниеттой Раенальд, — и на вытаращенные глаза Мордага подтвердила: — да-да, той самой. Муравьед меня все равно узнал, — объяснила остальным.

— Если они в компании с Гарниеттой Раенальд, то не врут, — закончил медведь.

— Ладно… — сдался парень. — Но только на три месяца! Дальше я сам.

Следующий час мы вчетвером вытягивали из Мордага все, что он знал. Гоблин быстро выложил основное, но как это часто бывает, разнообразные осколки сведений завалились в закоулки памяти, и нужно множество вопросов, чтобы до них добраться. А в осколках порой таится самое важное.

Когда стало ясно, что ничего больше парень не припомнит, они с Алариком и Бернардом уехали в банк. Сам Бернард от денег отмахнулся, сказав, что его укроет клан. Они уже был в конторе и отказаося от поручения искать Лигатрика под предлогом приказа старейшин, которым он по каким-то причинам нужен в Иркатуне.

* * * В кэбрио мы с Лавронсо говорить не рискнули. В “Орлином гнезде” он предупредил меня, что заварит травки для лучшего сна. И пока я пила отвар, спросил:

— Ну что, зря твой барон ему сейчас гольденов отвалит?

Я помотала головой и снова приникла к чашке. Надо отдать должное, в этот раз Лавронсо не стал следовать правилу “лекарство должно быть горьким”.

— Не, я поняло, что спасти пропащего, поступить по заветам Небесных садов и ля-ля-ля, но для дела как?

— И для дела есть, — я допила, наконец. — Он сказал, что видел Ловкача в таверне вместе с двумя, которых он называл Хорек и Мырзик. Кто-то в таверне кивнул головой на тот столик, мол, вон сидит парниша — молодчага, у стража бляху украл, чисто работает, как обычно. Назавтра Мордаг пил с Ловкачом и вспомнил про бляху. Ловкач ответил, что уже подправил морду этому молодцу за то, что на стража полез красоваться. А то ему, Муравьеду, не надо, чтоб пхеня ревела. А потом осекся и прибавил, чтоб Мордаг держал язык за зубами. Кто такая пхеня на воровском жаргоне?

— Я вашу человеческую дрянь знаешь, где видало?

— Сестра.

— Кто-то этих двоих шпилит сестру Ловкача?

— Да, — я улыбнулась разнообразному лексикону Лавронсо. — И этот кто-то — вор, наверняка карманник, раз бляху украл. Я спросила, что еще говорят про Мырзика и Хорька. Думала, может, через них подберемся.

— Ага, он много чего сказал.

— Да, много. Главное, что он сказал, что Хорька полгода назад отпустили за

малолетством, а может, сдал кого под платок. Платок — то, что вешают на шею.

— То есть, вместо него вздернули кого-то другого? Ага. Карманнику, да еще малолетнему петля не грозила бы. Значит, Хорек — убийца. Но сестра Ловкача живет с карманником, то есть, с Мырзиком.

— Именно. И теперь самое главное. Что еще помнишь про Мырзика?

— Что ушлый, — Лавронсо задумалось. — Что головастый, придумал, как с бандой без слов говорить, через пальцы, на базарах воровать сподручней. Сложил пальцы так и сяк, а подельник понял, что у этого кошель в штанах. Вроде, всё.

Лавронсо развело руками. Я улыбнулась.

— А теперь смотри. Мырзик с сестрой Ловкача. У Ловкача есть свой человек в особняке ночных Меркатов. Наверняка кто-то из низовой прислуги, иначе Меркаты бы про него узнали, что человек Ловкачу близок. А это должен быть близкий, иначе доверия нет. Человек может выйти из особняка вечером, ночью или под утро.

— Ты хочешь сказать, что сестра Ловкача работает у Меркатов? Странно было бы.

— Не странно, если с точки зрения Меркатов это не слишком важная должность, много на нее не копали. Наверное, она устроилась к Меркатам до того, как Ловкач сбежал с каторги и появился в Иркатуне. Тут у каждой второй родня на каторге, у остальных еще не попались. Документов у такой публики не водится. Одна мать родила — значит, брат и сестра. Ловкач вернулся под другим именем, и судя по тому, что грозил Мордагу, это родство он держит в тайне. И еще. Карманник Мырзик придумал, как с бандой без слов говорить, только пальцами.

— Глухонемая!!! — Лавронсо чуть не заорало.

— Тихо. Да. Верней всего, сестра Ловкача глухонемая, поэтому ее взяли на работу в особняк.

— На черных работах, — уверенно сказало Лавронсо. — На кухне что сделать, золу из каминов выгрести, в старом доме камины есть непременно. Полы помыть. Значит, по всему дому ходить может, хоть должность и неважная. А взяли ее такую, чтоб не болтала. Не знали, что она знаками умеет. Утром она выйдет принимать зелень или молоко и отдаст кому-то бумаги.

— Сегодня ей передадут задание, завтра заберут бумаги.

Дварфо довольно откинулось на софу.

— Значит, под утро засядем возле черного хода.

— Да. Только лучше на другой стороне улицы, и я с Секирд в одном месте, вы с Бейлиром в другом.

— Поняло. Откуда поедет молочник, неясно, куда свернет, неясно, и ты хочешь, чтоб я или Секирд были на подхвате. А Дерик?

— Посмотрим, в каком месте спина не прикрыта, там и поставим прикрывать. Тебе и Секирд нужно отвлечь внимание. Я или Бейлир за бумагами.

— Хм. А сестра эта хай не поднимет? — И в ответ на мою улыбку хлопнуло себя по лбу. — Она ж за спиной ничего не услышит! Глухая! И немая!

Я кивнула и попыталась подавить зевок.

— Все, спи давай. Я остальных встречу, спать уложу и само тоже пойду.

— А Хитра как? — я попыталась удержать глаза открытыми, но Лавронсо заварил что-то крепкое.

— Сходим сейчас через дорогу, там журналы модисток продаются. Ей интересно.

* * *

Лавронсо разбудил меня осторожным стуком в дверь. Я продрала глаза. Три ночи. Ладно, не впервой. Взяв в щели приоткрытой двери чашку с бодрящим, я ушла одеваться. Вскоре мы все собирались у Бейлира. Все?

— Хитра, а ты куда?

— Я…

— С ума сошла? В трущобы? Сидишь в гостинице, — и на закипающие возражения рыкнула: — Приказ!

Девица надулась и забралась с ногами на софу, зыркая исподлобья.

Я развернула карту на столе.

— Судя по расположению подъездных дорог, черный ход со стороны Смурного переулка. Здесь, — я ткнула в полуквартале слева, — садимся мы с Секирд. Тут, Бейлир, вы с Лавронсо. Секирд, Лавронсо, ваше дело отвлечь на себя, я или Бейлир изымаем пакет. Вторая команда подбегает на случай, если у первой не получится быстро. Всем всё ясно?

На двух кэбрио мы доехали до поворота в трущобы и дальше пошли двумя компаниями. Когда серело небо, мы с Секирд уже засели в узком проулке, таком узком, что два человека с трудом разошлись бы. Место было удобное, под деревянной лестницей, уходящей на второй этаж, а за спинами от стенки до стенки стояли бочки, не подобраться. Аларик прикрывал Бейлира и Лавронсо. Я нарочно выбрала такие места. Мне вовсе не хотелось, чтоб Аларик кинулся меня спасать и сорвал нам все намерения.

Улица стала хорошо видна в рассветных сумерках, когда подъехал фургон, из которого разгрузили пару ящиков и бидон молока. Из особняка появились две фигуры, мужская и женская, и приняли товары.

— Странно, не вижу, чтобы что-то передавали.

Зрение Секирд было острее моего, почти как у эльфов, и ей можно было верить. Действительно, странно. Доставщик еды вернулся на козлы и тронул поводья. Мужская фигура вернулась внутрь, женская задержалась с обычным трюком — что-то налипло на подошву.

Издали послышался стук копыт. Я выглянула. Приближалась пролетка. Нет, это будет не молочник!

— Секирд, пролетка! Это они!

Извозчик чуть притормозил у особняка. Я ничего не увидела, но Секирд шепнула: “Пакет внутри!” Когда пролетка была готова поравняться с переулком, мы обе выскочили ей наперерез. Секирд дернула лошадь за повод, я бросилась к вознице, но тот оказался ловок. Быстрыми щелчками кнута он достал до обеих, а третьим стеганул по лошади. Я была ближе, и мне перепало больше. Я успела закрыться левой рукой, и теперь она висела плетью. От удара я упала на правый бок, но тут же вскочила на ноги, отметив, что плечо сильно ноет. Секирд уже бежала за пролеткой, но та слишком быстро набрала ход.

Но самое страшное, что когда я поднималась, я успела увидеть метнувшийся к пролетке собачий силуэт. На повороте в свете одного из немногих фонарей сзади пролетки, там, где полочка для легкого багажа, мелькнула рыжая шкура. Хитра! Нет! О нет!

Я бросилась вслед, понимая, что толку от меня нет никакого, но в тот момент всякие резоны были сметены паникой от беспокойства за девочку.

Через квартал боль заставила меня остановиться. Секирд, конечно, не догонит пролетку, но хотя бы расскажет, куда та поехала, пока можно следить по топоту коней,

далеко разносившемуся по утренним улицам. Слух у полуорчанки тоже лучше человечьего.

Я доковыляла до переулка, чтобы не маячить на глазах обитателей особняка, если кто решит выглянуть на шум и повертеть головой из окна.

От водостока отделилась тень.

— Как удачно, госпожа Раенальд, что вы сами к нам пришли.

Я не видела лица Ловкача-Муравьеда, но еще не успела забыть его голос. Метнувшись назад я прижалась спиной к стене дома, и те, кто подкрадывался сзади, не успели меня перехватить. Но против троих с больным правым плечом и левой рукой, которая почти не действует… мне повезет, если удастся завязать бой до того, как подбегут Бейлир с Лавронсо… если найдут, где я. Хорошо, что Аларик не со мной. Он не справился бы с тремя бандитами, и барон Боулес погиб бы безвестно в трущобах Иркатуна.

— А что с орчонком делать? — спросил второй бандит.

— Ничего, пусть побегает. У нас поинтереснее занятие есть. Прошу, госпожа, — издевательски продолжал Ловкач, — посетите наше скромное жилище, скрасьте этот серый день. — И отбросив ерничанье, хмыкнул: — Я же говорил, без дуростей. Я же говорил, на троих.

Даваться живой я не собиралась. Выхватить нож, перекатиться в сторону левого, подрезать под коленом, метнуть нож в Ловкача…

Додумать я не успела. Огромная туша снесла одного бандита с ног, отправила лапой в полет Ловкача и рыкнула на третьего, отчего тот решил, что ему здесь не место. Глянув на меня, медверь мотнул головой себе за плечо, но Ловкач надвигался на него с изогнутым кинжалом. Интересно, с кого он его снял? Наверняка из старых запасов времен грабежа дилижансов, в каком-нибудь схроне лежал.

Через мгновение передо мной стоял Бернард в человеческом обличьи с длинным узким мечом. Они схлестнулись, и я, морчась от боли, подобрала осколок камня и запустила его в лицо Ловкача, дав Бернарду долю мгновения. Тело Ловкача растянулось на подсохшей корке грязи.

— Садись на меня, — прорычал оборотень, и в следующее мгновение передо мной стоял медведь.

Оставшиеся два бандита начали шевелиться. Цепляясь за шкуру, не заботясь о нежном обращении, я влезла на медведя, и, едва устроилась, как зверь рванул вперед. Я держалась, распластавшись на спине и обняв ногами бока для верности. Бейлира с Лавронсо не было видно, и мы неслись по узким улицам, переулкам, проулкам, проскакивая в подворотни, перепрыгивая через просыпающихся пьяниц и распугивая местных жителей, возвращавшихся с ночного промысла.

Там, где мостовая стала заметнее, а вдали замаячила оживленная улица, Бернард остановился, и я понятливо слезла.

Передо мной снова появилась человеческая ипостась господина Карху, и судя по тому, что она была в пристойном виде, артефакт зачарования одежды у медведя имелся.

— Спасибо, Бернард. Все же я твоя должница.

— Идем, поймаем кэбрио.

Я старалась удерживаться от стонов, и чтобы отвлечься от боли, спросила:

— Ты следил за нами?

— Нет, за Муравьедом. Я ж местный, вокруг этого особняка все закоулки знаю. Когда твой полугоблин перевел гольдены на счет Мордагу, мы с парнем пошли по лавкам, надо

было ему хоть какую-то приличную одежду завести. Потом комнату на чердаке сняли. Так Мордаг на прощание говорит, мол, кажется ему, что Муравьеду не деньги от тебя нужны, и он-де не уверен, что ты не сунешься в пекло. Я решил, что негоже бросать дело на полдороге. Еще со старейшинами поговорил…

— Со старейшинами? Ты им сказал?

— Про тебя нет. Только что есть некие существа, которые пытаются пошатнуть Меркатов, и просят их пока воздержаться от действий. Те сказали, что у меня задание от клана: существам помочь. Так что, считай, я приказ выполняю. Но из порученцев мне так и так уходить придется.

— Неужели клан не найдет тебе занятия?

Берданд пожал плечами.

Он посадил меня в кэбрио, и я сказала ехать вдоль по улице. Не стоит все-таки Бернарду знать, где меня можно найти. Чего не знаешь — не выдашь даже случайно. А от случайностей никто уберечься не может.

Через три квартала я назвала вознице гостиницу и откинулась на сиденье. Волнение за девушек перекрыло боль в теле. Утреннее солнце ощупывало улицу первыми лучами, и я очень, очень надеялась, что и Хитра, и Секирд его тоже видят.

Глава 42

Я выпила болеутоляющую настойку, которая чуть приглушила боль, и спустя полчаса Лавронсо и Бейлир застали меня в состоянии лучшем, чем могло быть. Я всего-лишь ходила кругами по номеру, впиваясь ногтями в ладони, и кусала губы, а не рвала волосы. Впрочем, для последнего руки у меня все равно слушались плохо.

Влив в меня бутылек из своих запасов, Лавронсо занялся плечом и рукой, пока я, подвывая из-за непролитых слез, рассказывала им про Секирд и Хитру. Сами они наши маневры пропустили, поскольку именно в тот момент их нашли три бандита из компании Муравьеда. Неудачливые головорезы даже не успели понять, что связались с эльфом, но момент был упущен, улица пуста, куда мы делись, друзья не знали. Если бы не Бернард, меня бы нашли слишком поздно.

— Вот что. Ты раньше времени не колотись. Секирд справится, а Хитра все ж не пятилетнее дитя. Лисой она маленькая, и тот, что на козлах, и не узнал, что лазутчика везет. Если в город поехали, то Хитра соскочит и прикинется прохожим. Если за город, уйдет лисой, добежит назад по следу и встретится с Секирд. На, выпей.

Я отвлеклась на его слова, и только когда сделала два больших глотка и увидела ехидную улыбку дварфо, поняла, что меня снова уложили спать.

Девушки вернулись к полудню. Меня разбудили. От кнута остался розовый след, плечо слегка тянуло, но я могла двигать и тем, и другим. В такие моменты я как никогда понимала, что нам очень повезло с Лавронсо.

Хитра разрывалась надвое. Она пыталась укрыться от нашего гнева за плечом Секирд, но ее жгли изнутри добытые сведения.

— Рассказывай, — кивнула я ей. — Об остальном потом поговорим.

Хитра доложила: пролетка въехала в особняк за городом, который обнесен стеной с воротами. За ворота Хитра въезжать не стала, соскочила, когда подъехали, и укрылась в траве. Побегав вокруг особняка она нашла подкоп под заборы — наверное, местные лисы сделали, там лисами пахнет — и тогда уже, никем не замеченная, подкралась к окнам со стороны сада. Внутри она ничего не рассмотрела, на первом этаже все зашторено, и шторы такие тяжелые, красивые, бархатные, пурпур с бордовым. Оттуда слышатся женские голоса, смех, даже музыка. Поняв, что она больше ничего не узнает, Хитра выбралась наружу и побежала по следу назад, встретилась с Секирд, и они вместе вернулись в “Орлиное гнездо”.

Хитра показала на карте, где примерно расположено это место. Секирд подтвердила, что оттуда Хитра и бежала.

Особняк с бархатными портьерами стоял хоть и в городских предместьях, но все же девушкам пришлось проделать немалый путь пешком, особенно Секирд, пока не удалось нанять кэбрио. С ее двумя кровями она была намного выносливее человека, но даже для нее это было достаточно, чтоб не возражать идее поспать. Хитра и вовсе валилась с ног.

— Интересно, — задумчиво проговорила я, когда девушки ушли к себе в комнату. — Что связывает Ловкача с дорогим веселым домом?

— Может быть, еще одна родственница там работает?

— В дорогом? А впрочем, всякое бывает, ты прав. Если музыка звучала уже с утра, это заведение работает сутки напролет. Думаю, стоит их навестить. Но в этот раз наших подруг мы оставим в гостинице. Секирд не выглядит клиентом дорогого веселого дома, а Хитре

скажем, чтоб и не думала вокруг хвостом мелькать, иначе… хм…

— Иначе вместо островов пристроим ее в пансион, чтоб дурь выбили.

Да, эта угроза должна подействовать.

Я провела полчаса в разговоре с юной лисицей. Конечно, она нам помогла, но это чудо из чудес, что она и сама осталась незамеченной, и нас не выдала. После разговора ребенок шмыгал носом и дул губы, но молчал.

Доехав до предместий, мы попросили кэбрио подождать, и пошли в таверну, от которой уже был виден особняк на краю леса.

Лавронсо мы решили оставить в гостинице. Неопределившемуся нечего делать в веселом доме ни с какой стороны (после этой моей ремарки Лавронсо запыхтело, собираясь вступиться за честь дварфийских женщин, но сдержалось).

Местные жители называли его “Девкин дом”. Веселый он или нет, в точности никто не знал, но подозревали, что веселый. Приезжали туда в закрытых каретах, обычно черных, которые этому дому и принадлежали. Кто входил в парадный вход, кутался в плащ и закрывался шляпой. А часто и вовсе через черный ходили. Кареты заворачивали за угол, и за зарослями ничего не видно было, даже когда листва опадала. Только иногда в окнах были разные женщины видны, а мужчины ни разу — ясно дело, скрываются.

Расспросив местных, мы вернулись в город и купили два плаща с двумя шляпами. Эльфы по веселым домам не ходят, и зная, как слетаются женщины на Бейлира, я понимала, почему. Но, прикрыв уши, Бейлир надеялся сойти хотя бы за полукровку. Я же постараюсь проникнуть с черного хода.

Я оделась в землисто-зеленые штаны и рубаху, в которых были шансы слиться с пейзажем. Прокравшись вдоль ограды, я выбрала глухой угол и перемахнула через камень внутрь, чтобы быстро перебежками добраться до черного хода. Увы, его запирали изнутри на засов. Пришлось постучаться. Я заболтаю того или ту, которая откроет дверь, а если надо, свяжу и уложу отдохнуть.

В щели показалась совсем молоденькая девочка в костюме служанки. Конечно же, это костюм, а не униформа, не будут же такую девицу в прислуге держать. У господ бывают разные фантазии.

Я сделала шаг внутрь, и ей пришлось отступить перед моим напором. Только я собиралась заговорить с ней о поставках свежей зелени, как изнутри раздался многоголосый визг, приправленный возмущенными криками и ругательствами. И, что мне сразу показалось странным, ни одного мужского голоса среди них не было.

Оттолкнув с дороги девицу я побежала на звук. Влетев в шикарно обставленную огромную гостиную я опешила. Здесь не было полуголых девиц, восседающих на коленях кавалеров. Здесь вообще кавалеров не было.

В креслах и на диванах расположились женщины разных возрастов, рас и объемов в просторных цветастых робах, которые запахивались на манер халатов. На лицах у женщин были лекарские наклейки или высохшая масса мази. Вокруг них застыла прислуга в униформе как у той девочки, что мне открыла дверь. У коридорчика-прихожей замерла орчанка в жилете и брюках, которую Бейлир сдвинул с дороги. Сами мужчины тоже не двигались. И я их понимаю. Чего я не понимаю, так это где мы оказались?

— В чем дело? — зычный женский голос перекрыл творящееся безумие, и женщины перестали визжать, наперебой указывая на “этих невеж и прохиндеев”.

Бейлир, наконец, сообразил снять шляпу и откинуть волосы с ушей. Дамы слегка

успокоились и теперь заинтересованно рассматривали пришельца.

Я обернулась к обладательнице резкого голоса. Женщина, увидев меня, округлила рот в удивлении, собираясь произнести мое настоящее имя, и я быстро представилась:

— Меня зовут Цинтия. Боюсь, произошло некоторое недоразумение. Я хотела бы поговорить с вами об одном деликатном деле.

Женщина распорядилась:

— Этих двоих в третью смотровую, пусть там ждут. Дамам вынести полдюжины игристого за счет заведения за беспокойство. Госпожа Цинтия, прошу за мной.

— Прошу прощения, но моя команда должна проследить, чтобы никто не выходил из особняка, — сказала я, пристально глядя женщине в глаза.

Она приподняла в удивлении бровь, но встретив мой прямой взгляд, кивнула:

— Хорошо, пусть ваша команда проследит. Но снаружи.

Мы вошли в хорошо, но без роскоши обставленный кабинет, и мне указали на кресло. Одно касание сложного артефакта, и в двери что-то щелкнуло.

— Да-а, — протянула хозяйка кабинета. — Мостклер была права. Ты легко не проживешь. — Она указала на мой костюм. — Хорош маскарад. И кто ты теперь?

Я усмехнулась. Еще в пансионе Лилибет была резкой и говорила коротко, отрывисто, будто выпускала одну стрелу за другой. Она даже требовала называть себя Ли — мол, длинное и мягкое имя не для нее. И я могу согласиться — не для нее. Многие с непривычки не понимали ее речь, переспрашивали.

— Порученец.

— Как так?

— Обыкновенная история, Ли. Родители непременно хотели выдать меня за гнусную скотину, и я сбежала. А ты? Мне казалось, что твоя семья неплохо устроена, и ты упоминала, что тебя ждет помолвка с приличным молодым человеком.

Лилибет дернула уголком рта:

— Который прилично надирался после проигрыша в карты и проверял мной прочность стен.

Я онемела. Лилибет продолжала:

— В первый раз через неделю после свадьбы. Обыкновенная история, — она невесело усмехнулась. — Тебе повезло больше. Я ушла на четвертый месяц. Пока шел суд, он проиграл остатки приданого. Наши отцы вместе владели торговыми складами. Свекровь говорила, я негодная жена, раз муж, — она фыркнула, — скатывается. Свекор грозил, что не отзову развод — накажет.

— Ты, конечно, не отозвала. А скатываться твой муж начал, как только получил в руки твое приданое, раньше ему не на что играть было?

Она кивнула:

— Спускал содержание, да и все. Несколько вещиц из дома заложил. Никто не заметил.

— А с приданым развернулся. Ли… Твои родители… они тоже?

— О, нет. Меня приняли назад. Волосы на себе рвали, что выдали за такое. Но толку. Вскоре отца ударили по голове. Две недели лечебницы. Когда вышел, один склад сгорел, второй обокрали, лишь в третьем всякая дешевка осталась. Партнер со всей семьей исчез. — Она обвела рукой кабинет. — Матушка с деньгами не может, отец сильно сдал, так что, теперь я. — Лицо Лилибет просветлело. — Ты не думай, я довольна. Теперь. Благодарю небесные сады за "Шиповник". Иначе… не знаю.

— Да, я тоже считаю "Шиповник" моим самым большим везением. Меня родители не приняли бы назад, и я осталась бы замужем. А если нет… Без уроков в пансионе, без родителей и без мужа я наверняка попала бы в такие неприятности, что и подумать страшно.

— А то, — кивнула Лилибет, — рядом с тобой женщина стояла с подносом, видела? Муж разорился и в петлю, а ей с ребенком выплывать. В агентстве поденной работы сидит, рыдает, малец за юбку цепляется, а ее с мальцом никуда и не пристроить. Я ее взяла, хоть и учить пришлось, но иначе — сама понимаешь. У нас таких трое, мальцы в мансарде днем играют. — Лилибет приподнялась с кресла и пошарила в шкафчике, вынула графинчик с вином и два бокала, разлила и подняла свой: — За "Дикий шиповник".

Мы выпили.

— К делу, — объявила Ли. — Что тебе у меня понадобилось?

— Для начала расскажи, у тебя — это где? Мы думали, тут веселый дом.

Лилибет расхохоталась.

— Ходят слухи, и пусть ходят, так даже лучше. Тут клиника. Мы богатым женщинам физиономии выправляем. Кому нос, кому подбородок, кому уши к голове прижать. У меня четыре лекарши, две с магией, ого-го какие.

Демонские демоны. Некие лекари, которые помогают женщинам, недовольным своим экстерьером.

— Ли, у нас с тобой проблемы, и они связаны. Кто знал, что доктор Лигатрик везёт вам артефакт?

Ли вцепилась в стол и подалась ко мне:

— Демоны. Живой? Письмо пришло, что не сможет. Я как чуяла, не то с ним.

— Живой.

Связана ли моя знакомая с Меркатами? Нет, скорее всего, этот артефакт ей действительно нужен был для работы. Была бы связана напрямую, Лигатрика взяли бы здесь, по приезду. Но судя по всему, сведения пошли через несколько рук, и те, кому дали задание перехватить Лигатрика, знали только, что он едет до Лусмеина. Может быть, не были уверены, как он поедет дальше. Возможно, задачу дали нескольким бандам, и они старались успеть, кто быстрее.

— Его пытались перехватить и знали про артефакт.

Ли нахмурилась и положила подбородок на сцепленные в замок пальцы.

— Но это еще не все, — продолжила я. — Некто, связанный с бандитами, сегодня утром спрятал здесь важные документы. Мне обещали их передать, когда я заплачу. Правда, цена непомерна, поэтому…

— Поэтому ты решила взять сама, потому что лезть в койку к себе не позволишь.

Да, Ли тоже жизнь потрепала, если она такие вещи нутром чует. Я кивнула.

— Давай искать, — ответила она.

— Давай. Но есть одна сложность. Я подозреваю, что бандиты, которые пытались похитить Лигатрика, работали на… скажем, одну семью. А документы как раз для того, чтоб эту семью утопить. И тот, кто мне их обещал, об этом знал.

— То есть, у меня здесь некто, кто работает на них и работает против них. — У Ли заиграли желваки. — Я должна знать, кто меня так подставил. Лори, если эта твоя одна семья, которая командует бандитами, найдет, кто здесь на две стороны работает, это место просто сожгут. Уничтожат. Переверни здесь все до последней мусорки, но найди и свои демоновы бумаги, и эту тварь.

Едва мы вышли за дверь, как внизу послышались крики. Женщина визжала и требовала ее отпустить. Аларик приказывал прекратить сопротивление. Бейлир спокойно и громко убеждал “милых дам” разойтись, поскольку выполняет распоряжение начальства.

Спустившись вниз мы увидели, что эльф и “полугоблин” волокут, скрутив за локти, женщину в светлозеленой лекарской робе.

— Наверх, — скомандовала Ли. — Райин, или ты заткнешься сама, или я затолкаю тебе в рот твою же хламиду.

Похоже, что Ли вела свое дело железной рукой, потому что женщина тут же замолчала и послушно перебирала ногами по лестнице.

— Эта госпожа вылезла через окно и попыталась бежать, имея при себе пакет, — Бейлир бросил мне перевязанную бечевой упаковку размером с толстую книгу.

Я вскрыла и быстро просмотрела несколько листов: выписки с какого счета и на какой сделан перевод, счета обозначены буквами и цифрами, но суммы проставлены такие, что очевидно — не серьги для любовницы заказывали. Даты — с января. Что ж, если расшифровка счетов хранится в “Бестиарии”, мы скоро закроем это дело. Если нет… а, к демонам, пусть королевские службы выбивают из них показания. Одно плюс другое — уже достаточно для расследования, а там слабое звено найдут.

— Да, это оно, — сообщила я друзьям и Ли.

— Райин, ты сама расскажешь? Или тебя отдать тем, у кого вытащили эти документы? Ты ведь и на них поработать успела.

Нет, я была неправа, это не железная рука, это рука из зачарованного элдриориума.

Женщина всхлипнула и прошептала:

— Меркаты меня убьют.

— Меркаты? — Ли вскочила и, кажется, была готова свернуть Райин шею. — Поэтому ты решила потянуть нас за собой? Продала им сведения, потом хранила сведения против них, и все это под моей крышей? Да?

— Я не хотела против них! Мне вчера прислали записку и попросили подержать бумаги, пока некая госпожа их не заберет.

— Если бы вы не знали, что бумаги против Меркатов, отчего бы вы испугались, что Меркаты вас убьют? — поинтересовалась я у Райин, и она вжала голову в плечи.

— Рассказывай все, пока я решаю, что с тобой делать, — приказала Ли.

— Мне нужны были деньги, — начала та и всхлипнула снова.

— Всем нужны деньги, — в голосе Ли звенел металл. — Ты знала, что если речь идет о жизни и смерти, я всегда помогу. Если не обратилась ко мне, значит, не так уж и нужны.

— Нужны! Я хотела вернуться в настоящую клинику! Тебе не понять, ты же лавочница! Тебе все равно, чем торговать! — взвизгнула та.

Ли шагнула к женщине и рассчитанным жестом отвесила ей оплеуху. Та зло глянула на начальницу, но визжать перестала.

— Ничего больше не скажу. И перед Меркатами вывернусь. Пусть докажут, что я что-то знала про бумаги.

— Насколько я понимаю, — протянула я, — это не те люди, которым нужны какие-то доказательства.

— Если тебе так важна твоя “настоящая” клиника, что ж ты не следила за порошками? Или… — Ли прищурилась, — не было никакой случайности, когда ты не заперла дверь в шкаф? Тебе и тогда были нужны деньги? Но ты меня разжалобила сказкой, чтоб я дала тебе

шанс?

Не отрывая глаз от покрывшейся пятнами подчиненной, Ли бросила в сторону Аларика с Лавронсо:

— Ее комната на третьем этаже, вторая по правой стороне. — Открыв ящик, она нашла ключ и бросила его эльфу. — Что найдете, все ваше. Ах, да. Позовите снизу Гарду, — на вопросительный взгляд пояснила: — орчанка на входе.

Я отдала Бейлиру связку отмычек — так, на всякий случай.

Мы сидели в молчании с четверть часа. Невозмутимая орчанка устроилась на стуле и не сводила глаз с Райин.

Вернувшись, Аларик положил перед Ли блокнот в кожаном переплете:

— Возможно, вам будет интересно. Если это сведения по клинике, я думаю, они должны быть у вас. Но это было заперто в столе.

Эльф многозначительно позвенел отмычками. Кое-чему я его научила.

Райин тяжело дышала, когда Ли листала блокнот. Наконец, она подняла на Райин побелевшее от гнева лицо:

— Пятнадцать операций. Кто они? Убийцы и мошенники, которым новая рожа понадобилась? — Открыв блокнот, она прочитала: — Отвертка. Разрез глаз, выпрямить нос, увеличить губы. Кто она, эта Отвертка?

— Думаю, он, — вставила я слово. — Его банду недавно вырезали. А может, и правда она. Наверное, Отвертке удалось убежать от Меркатов и сменить лицо, чтоб не искали больше. Так, Райин? — Я посмотрела на женщину, но та лишь ожгла меня злым взглядом.

— А вот это точно мужчина: Ловкач, свести шрам. Назначено через две недели.

— Это тот, кто ей документы прислал подержать для меня, — пояснила я для Ли. — Значит, так они и познакомились. Кому и за сколько вы продали сведения про артефакт Лигатрика? Для интереса спрашиваю.

Мне, конечно, никто ничего не ответил.

— Ли, выйдем ненадолго.

Мы вышли в коридор, и Ли попросила подождать. Поймав первую же служанку, отправила ее за двумя орчанками-охранницами, у которых было время отдыха, но в случае необходимости их звали.

— Теперь говори. Может, заодно скажешь, что с ней делать.

— Именно это и скажу. У тебя же есть средства усыпить ее? — Ли кивнула. — Продержите ее на этих средствах две недели. Есть-пить, конечно, будите, но потом снова. Может, три недели, но я думаю, через две уже что-то прояснится. Извини, ничего больше не скажу.

— Бумаги против Меркатов, говоришь… Да, сейчас ее нельзя отпускать. Эх, жаль, хорошей лекаршей была, хоть и без магии. Ладно, сейчас распоряжусь.

Вскоре пришли три женщины, Райин быстро прижали тряпку к носу, и с помощью орчанок куда-то унесли.

Ли глянула на меня:

— Раз уж встретились, посидим? Часок у тебя есть?

— А… — я кивнула на друзей.

— Накормят и напоят. У нас тут кухня как в дорогом ресторане. Ты же понимаешь, что деньги на переправку физиономии только у богатых водятся, а они на каше с похлебкой жить не станут. И бар у нас тут ого-го.

Я вопросительно посмотрела на Бейлира с Алариком, и они кивнули.

Ли увела меня на третий этаж, в одну из декоративных башенок, которые возвышались над ухоженным садом, и нам накрыли на стол. Еда и правда была великолепной.

Не касаясь последних событий, мы болтали о жизни.

Перед тем, как сесть за стол, Ли предложила мне быстро ополоснуться в душе и переодеться в цветастую робу, как у пациенток. Приятный шелк струился по телу, а узоры были хоть и несколько ярковатыми на мой вкус, но вполне элегантными. Ли тоже переоделась.

— Стараюсь придерживаться правил. Помнишь, как нас учила Мостклер?

— Помню. Держите планку, девочки, и тогда, может статься, планка удержит вас в нужную минуту. — Я попыталась изобразить голос преподавательницы, но мне до нее далеко.

— Именно, — кивнула Ли.

Я обратила внимание на ожерелье, которое она надела к ужину. Оно блестело синеватым отливом, и переплеталось углами с резкими формами… Неужели знаменитая Лунная сталь, которую куют только дварфы, никому не сообщая секрет?

— Красивая вещица, и очень тебе идет.

— Да, Бертилен изучил мой вкус, потом стал работать.

— Твой ювелир?

— Мой ювелир. И мой жених, — не удержавшись, она улыбнулась.

— Но ведь это дварфийская Лунная сталь? Или я ошиблась?

— Не ошиблась. Он дварф, — подтвердила Ли.

— Потрясающе. Но как ты решилась снова выйти замуж? Завидую твоей смелости, — я и правда была удивлена.

— Почему нет? Он хороший. Мы с ним год уже. Я знаю его получше, чем первого. А ты сама? Нет?

— Нет, я больше не рискну. После моих историй… нет.

Ли хмыкнула:

— У каждой свои истории. Это не повод прятаться от жизни.

Я лишь грустно улыбнулась и спросила.

— Неужели тебе совсем-совсем не страшно?

— Чего мне бояться? — ответила она вопросом на вопрос. — Меня били — я выжила. Угрожали — я плюнула. Разорили, — она обвела рукой уютную столовую, — я снова на ногах. — Лилибет глотнула еще вина и призналась: — Был еще один, Кеном звали. Уже про свадьбу говорил. Семейное дело, мол, откроем на двоих. У него лавка мелкая. Я как услышала, задумалась, надо ли. А потом смотрю, он прямо при мне на молодых девок заглядывается. Я осторожно так, мол, не уверена. Рано про свадьбу. Знаешь, что сказал?

Я мотнула головой.

— Ты, говорит, всем хороша, и глазки, и… — она обрисовала рукой выпуклости, — но годы у тебя не те, чтоб откладывать. Отложишь, говорит, а мне ждать, что ль? Думаешь, лучше найдешь? Я и пнула этого Кена под зад.

— Хм… Он, конечно, грубовато сказал и слишком прямо. Ах, впрочем, тебе же потом повезло с ювелиром, — улыбнулась я.

Но Ли осталась серьезной:

— Это не везение, Лори. Это другое. Я слишком себя ценю, чтоб позволить смотреть на

меня как на залежалый товар.

Я отдала должное старанию Ли объяснить свои слова, такая длинная фраза была для нее достижением. Но все же я не до конца ее понимала. Этот Кен с перепугу что-то ляпнул про годы, так ли это ужасно? И ведь правда, мы уже не юны.

— Ли, но почему же как товар?

— А так. Годы у меня не те… пф! Залежалась, мол. Нет, Лори. Бертилен считает, что ему со мной несказанно повезло, и вот это правильно. Вот так должно быть, — она со значением хлопнула ладонью по столу.

— Ему повезло, а наоборот? Ты говоришь, что у тебя с ним не везение, — не удержалась я от шпильки.

— Нет, — рассмеялась Ли. — У меня с ним не везение. Повезло — это шла, шла кошель нашла. А я его такого долго ждала, на Кенов не разменивалась. Вот что у меня с ним.

Мы выпили еще, и прежде чем разойтись, Ли напутствовала меня, явно сделав усилие для стольких слов:

— Не трусь. Ты прошла свои истории. Ты пережила свои истории. Чего еще тебе бояться?

Того, что мне придется снова молча кричать от потери? Но этого я Ли говорить не стала.

Глава 43

Ли дала нам один из черных закрытых экипажей, чтоб довез до самой гостиницы.

Когда мы пересказали события, Лавронсо надулось. Мол, было бы оно с нами, оно бы порасспрашивало лекарей про операции. Это ему интересно и как существу с лекарским даром, и как… просто интересно! Я сообщила, что завтра оно может поехать в особняк к Ли и передать от меня записку, чтоб ему уделили время. Успокоившись, дварфо село за бумаги.

Провозившись полчаса, оно сообщило, что даже без указаний, кто отправлял, если мы получим сведения о работах, Корона и так найдет, за что зацепиться. Осталось забрать документы из “Бестиария” и дочь Аларика из Зеленополья.

Отдохнувшие девушки вспомнили все, что видели вокруг поместья, что смогли, нарисовали, и я задумалась. Налета было не избежать. Завтра пройдусь по оружейным лавкам.

— Бейлир, сходи в ту ресторацию напротив “Бестиария” и вообще, походи по городу, напомни о себе. Нам нужно приглашение. Думаю, на этот раз управишься сам.

* * *

Лавронсо указал мне на дварфийскую лавку, и я пошла туда полюбоваться новинками, прикупить пару-тройку метательных ножей и что еще приглянется.

Приглянулся небольшой арбалет, такой, чтоб болтался на боку и не мешал бегать, а при нужде можно быстро поднять и прицелиться.

— Симпатичный. И далеко бьет?

— На двадцать локтей. Детская игрушка, — пожала плечами дварфа.

— Я бы не сказала. Для ближнего боя вполне пойдет, и кристаллы заряжать не нужно. Не подожжешь ничего. К тому же, сам по себе дешевле огнестрела в три раза.

— Скоро огнестрелы ближнего боя подешевеют, а кристаллы для них уже сейчас тратят меньше заряда.

— Подешевеют? Вы уверены?

Дварфа кивнула и достала из шкафа на спиной длинную трубку со сложным механизмом на одном конце и раструбом дула на другом, и дала мне ее рассмотреть.

— Во, гляди. Называется длинностел. Бьет на сотню локтей, и заряд сильней, чем у мелкого. Мощща! Кристалла хватает на два выстрела. Мне кузина сказала, что скоро будет новая модель, у той два дула и в каждом по три заряда, — дварфа мечтательно закатила глаза. — Стоит, конечно, ого-го. Но и на эти уже нашлись охотники, вчера две штуки отослала.

— Куда? — я спросила бесцельно, скорее, для поддержания разговора, разглядывая переплетение металла и блестящих камней.

— Аж за город пришлось сына гонять. Между двух озер поместье, как его… Зеленополье, вот.

Стараясь не подавать виду, что меня это слово чем-то зацепило, я прищурилась и заглянула в дуло.

— Наверное, там большие любители магтехники живут, если аж два заказали.

— И не говори. У них и мобили водятся, эти, из мелких, тож две штуки. Сын рассмотреть хотел, но не дали, вытолкали. А жалко, он до магтехники охоч, весь в меня, — подбоченилась хозяйка магазина.

Я состроила уважительную физиономию и покивала. Дварфа приняла это как поощрение к разговору:

— Иэх… проходит время луков, мечей, арбалетов… Магтехника не стоит на месте! — и точь-в-точь как Лавронсо она задрала палец. — Помяни мое слово, еще полдюжины лет, и луки эти только на стенку можно будет вешать. Вот это, — она вынула из моих рук длинностреел и с любовью его погладила, — вот это будет нужно.

Взяв три мелких арбалета и четыре метательных ножа, я расплатилась. Хозяйка даже чуть уступила в цене — похоже, жаждала освободить место для новых поступлений огнестрелов разной величины. Наверное, она права, уходит время. Как бы намекнуть Бейлиру, что ему стоит обратить внимание на искусства… Эльф, конечно, двигается быстрее и ловчее человека, но боюсь, что длинностреел уравнял их шансы.

Вышагивая по улице я думала обо всякой чепухе, только бы успокоиться и не паниковать. Наши противники вооружались по последнему слову магтехники. Выкрасть девочку из поместья будет несложно. Гораздо труднее удрать от погони, когда за нами бросятся на дуо-мобилях с длинностреелами. Гораздо, гораздо труднее.

И еще мобили. Насколько быстрые эти мобили? Попрошу Лавронсо, пусть поговорит с дварфами, может, их в дварфийской мастерской делали.

Променад Бейлира не прошел даром: эльфийская певица Берлиэль получила приглашение на бал в летней резиденции Меркатов через два дня. “Белая роза” была довольно далеко от Зеленополья, с другой стороны города. Жаль, конечно, но с другой стороны, мы же знали, что Зеленополье Меркаты хранят в тайне.

Наверняка “Бестиарий” опустеет. Хозяева уедут с утра, чтобы к балу быть свежими, и останутся на ночь. В таких случаях многих слуг отпускают. Замечательно. То, что нужно.

Берлиэль, разумеется, ночевать не останется. Придется взять в наем карету, а Аларику самому сесть на козлы, чтобы забрать Берлиэль из Белой Розы вовремя, когда я обчищу тайник.

— Стоит быть готовыми, чтоб той же ночью уехать. Это может показаться подозрительным, но рисковать мне бы не хотелось. Берлиэль слишком примелькалась в “Орлином гнезде”.

Лавронсо кивнуло:

— Пожалуй, ты права. А кто пойдет на бал с Бейлиром? Или одного отпустим?

— Нет, будет подозрительно, что эльфийская дама не могла найти сопровождающего.

Бейлир согласно кивнул, но никаких предложений не сделал. Перебирая струны мандолины, он пропел что-то о воздушном платье прелестной леди и ее быстрых ножках, мелькающих в танце. Да, завтра нам предстоит добыть в городе воздушное платье.

— Наемника на бал не пустят, а барону Боулесу там появляться не стоит, — проговорил Аларик. Я согласилась.

— Меня балам не учили, простите уж. Я вас подведу, — поспешила отговориться Секирд, и я не стала спорить.

— Донно Лавронсо, остаетесь вы, — усмехнулась я.

— Я? Мне до выбора еще два года! У меня еще и бороды настоящей нет! — похоже, Лавронсо было в отчаянии, раз признало, что его пух все же не борода. — Да всякий, кто хорошо знает дварфов, поймет, что я не могу быть спутником леди!

— Почему дварфо не может сопровождать леди? — заинтересовался Аларик. — В качестве кого дварфо может прийти на бал?

— В качестве дварфо под надзором старшего дварфа или дварфы, — проворчало Лавронсо. — Исполнять танцы дварфо может только с дварфо, будучи по очереди партнерами и партнершами.

— Как много существ за пределами Синих гор об этом знает?

— Э… кхм… — Лавронсо беспомощно обвело нас взглядом. — Вы всерьез предлагаете мне пойти на бал с Бейлиром?

Мы с девушками широко улыбнулись и закивали — все, кроме Бейлира, чье лицо нежно и мечтательно просветлело. Лавронсо с досады рвануло пушок на подбородке, но спохватившись, убрало руку — растительность ему понадобится.

Остаток вечера Аларик с Лавронсо посвятили устройству тайника. Теперь найти документы можно, только если разобрать этаж по кирпичику, а уничтожить, не найдя, только вместе с “Орлиным гнездом”.

Глава 44

Что-то многовато в моей жизни стало походов по модисткам. Я хотела отправить за покупками Лавронсо с Бейлиром, но оба воспротивились. Пришлось мне утром идти по модным лавкам в дварфийских кварталах с Лавронсо, а после обеда — по человеческим с Бейлиром. Оба напрочь не хотели ходить друг с другом, но настаивали на моей компании.

Я не знаю, от кого я устала больше: от страданий Лавронсо, что узор на парадной тунике не подходит к форме новых полусапог, или от нытья Бейлира, но одни платья недостаточно воздушные, другие не делают женственную фигуру, третьи так и норовят взметнуть юбки. Эльфийке бы и это простили, но он эльф!

Наконец, оставив модистку ушивать выбранное платье, мы пришли к кафе в парке на берегу милого озера. Я хотела хоть ненадолго отдохнуть от нашего дела.

Но не судьба.

— Бейрулираламил!

Эльф вздрогнул и обернулся на зов. Я хорошо отношусь к своей внешности, но сейчас почувствовала себя страшной, старой и толстой — обычный для человеческих женщин эффект от присутствия эльфийских дам. А к нам приближалась именно она, изящная и прекрасная соплеменница Бейлира. В отличие от Бейлира, она была одета в мужское, а уши прикрыла прической. Но не узнать эльфийку после общения с Бейлиром было невозможно. Да и кто может так легко произносить их зубодробительные имена!

— Какая встреча, Бейрулираламил. Ах, как мило, ты решил переодеться в женское! — она мелодично рассмеялась. — Какой ты затейник! Я слышала, что ты путешествуешь по варварским землям, и думала, ты не станешь далеко уезжать от цивилизации и осядешь в каком-то из княжеств двуликих. Но здесь… — эльфийка многозначительно поиграла бровями.

На меня дама не обратила внимания.

— Прекрасная Сарифалимирнаэль, я вижу вас здесь же, в Вавлионде.

— Ах, это мой маленький каприз, ты же знаешь, как я непостоянна.

— О да, — кивнул Бейлир с непроницаемым лицом, — полагаю, в Вавлионд тебя привело именно непостоянство в симпатиях. Меняй ты симпатии чуть реже, и тебе бы хватило Серых Туманов еще на полсотни лет. Но неужели в других лесах тебя не оценили? Или захотелось экзотики?

Эльфийка поджала губы.

— Всего два года в человеческом королевстве, и ты уже перенял их худшие черты.

— Возможно, тебе стоило покинуть Леса раньше, чтобы отряхнуть от пыли свои лучшие черты? Но может быть, еще не поздно протереть их салфеткой, вдруг засияют, и кто-нибудь рассмотрит.

Вот он — истинный бард. Так ловко соединить высокий стиль с содержимым трактирной склоки! Эльфийский стиль ссор — изящные стилетные уколы. Эльфийка не ожидала, что в ответ могут всадить топор. Собравшись силами, он попыталась найти брешь в обороне и с презрением выплюнула:

— Похоже, и зрение у тебя стало человеческим.

С этими словами она развернулась и направилась в сторону озера.

— Она почти не удивилась, что ты в женском.

— У нас жизнь длинная, есть время для разнообразия.

— Странно, я думала, эльфы между собой разговаривают на языке Лесов, — я смотрела, как эльфийка уходит от нас, стараясь скрыть плавную походку, но получается плохо.

— Ты тоже отметила это, да? Поэтому я сразу понял, что у Сарифалимирнаэль большие неприятности. Чтобы одна из дочерей правителя покинула Лес…

— Бейлир, не мог бы ты заполнить пустоты в логической цепочке?

— Она хотела, чтоб все вокруг понимали ее презрение к низшим существам. А это значит… м… ты не обижайся…

— Да ладно, а то я вашу эльфийскую братию не знаю.

Бейлир вздохнул и опасливо глянул на меня:

— У нас считается, что люди — это… как тебе сказать…

— Нечто вроде муравьев.

— М… пожалуй. Я ехал сюда от отчаяния, но теперь вижу, что все иначе. Но она относится к людям как истинная эльфийка. Теперь представь, будто человек зачем-то нахамил муравью.

— Да, ты прав, такое можно сделать только здорово озлобившись на жизнь.

Бейлир кивнул:

— Что-то произошло, что не дает ей вернуться в Лес и зализать раны.

— Хотелось бы знать, что. Ты говорил про ее симпатии. Много ли среди эльфиек таких неразборчивых?

— Не неразборчивых, а непостоянных.

— Хорошо, непостоянных. Наскучило? Разочаровалась в жизни?

— Сарифалимирнаэль едва перешагнула порог четвертого столетия. Рано ей еще разочаровываться.

— Надо же, четыреста, а вела себя, будто человеческие пятнадцать, — едко закончила я.

Выдержки мне не хватило. Впрочем, мало кто из людей остается спокойным, осознавая, насколько эльфийская раса прекраснее человеческой. Среди эльфов не бывает уродливых или толстых, даже стареют эльфы красиво. Если бы эльфы (за редкими исключениями вроде Бейлира) не смотрели на человеческих женщин как на забавных зверюшек, человеческие мужчины уже давно пошли бы войной на Леса. Не уверена, что из этого что-нибудь вышло бы. Число людей против умений эльфов… Война в любом случае была бы кровавой. Впрочем, если у людей будут огнестрелы… Демоны.

— Бейлир, — старательно выдерживая спокойный тон сказала я. — Догони вашу красотку, у меня к ней разговор есть. — И на изумленно приподнятую бровь пояснила едва слышно. — Представь человеческую армию, оснащенную тем, что делает Меркат, на эльфийских границах.

Сбледнув с лица, Бейлир бросился за соплеменницей.

Правители Вавлионда могли быть злыми или подлыми, могли отправить под нож пару-тройку маловажных существ ради интересов Короны, но идиотами они не были. За всю свою недолгую историю Вавлионд ни разу не развязывал войн ради амбиций правителя. Сначала — потому что земли были слишком слабыми и разобщенным. Позже — потому что после периода интриг, подкупа, отравлений и мелких стычек власть в объединенном королевстве взял не самый воинственный, а самый хитрый, тот самый Родрик, который тайно женился на дварфе и тем добавил династии дварфийскую дальновидность и рассудительность. Правители Вавлионда, действительно, рассуждали дальновидно: зачем воевать, если сидишь на

перекрестье всех дорог, и многие расы торгуют друг с другом через твое посредничество. Даже те княжества оборотней, у которых общие границы с эльфийскими Лесами, часто предпочитали заверять сделки в Вавлионде. Стоит ли разрушать репутацию, которую строили поколения предков, ради портрета в кирасе?

Допустим, нужно тебе серебро из рудника близ пересечения двух магических источников. Обыкновенное человеческое королевство что сделает? Армию соберет, положит и своих, и чужих, то ли отберет, то ли нет, а память надолго останется. А ты накажи шпионам вызнать, какая нужда у князя тех земель. И расскажут тебе про мечтания князя о необычайно редком “волчьем глазе”, и что мечтаниям этим не суждено сбыться, потому что с Синими горами он в давней ссоре, а войной идти на дварфов — только мечи о скалы тупить.

Тогда выдай клану Бирюзы из Синих гор особое право на торговлю самоцветами в прибрежных городах. Бирюза и шепнет тебе: у Агатов трагедия почище, чем в театрах ставят. Дочь первого синьора забрюхатела до свадьбы, что само по себе у дварфов нестрашно совсем. Но когда дварфо родилось, ясно стало, что не дварфо это, а сразу девка, и на вторую свою половину эта девка — не то эльф, не то человек, а верней всего всё сразу. Далеко гульнула дочь первого синьора, и как только умудрилась. Теперь сидит эта девка дурных кровей в дальней долине двадцатый год. Не прибивать же родную кровь, а что делать с ней, Агаты не знают. Позорище. Глянешь — с дварфской души воротит.

Услышав такое, пригласи посольство Агатов, и спроси, мол, нет ли у вас дварфы на выданье, чтоб нашим лордам понравилась, для пущей крепости дружбы нашей? Когда привезут эту дварфу неудачную, дай ей россыпь графов да виконтов на выбор, сыграй свадьбу и намекни на партию “волчьего глаза” как приданое — мол, больше ничего не надо.

Неудачная дварфа, которая на вид будто обычная человечка, выберет себе маркиза. “Волчий глаз” уедет к волчьему князю, тот в обмен пришлет пропитанное многослойной магией серебро. И всем хорошо.

Рудник этот давно вычерпан до дна, но артефакты из того серебра сделанные исправно служат Короне, а историю пересказывают как пример мудрости правителей.

И правда ведь. Кому нужна война?

Разве что, молодым да рьяным.

Поэтому нынешний король, будучи принцем, получил в свое распоряжение полк гвардейцев, вооруженный деревянными палками вместо мечей. Против него выставили объединенный полк оборотней с подобным же оружием. Судьями выступили эльфы. Они составили список правил: лежачего не бить, упал — значит, выбыл; горло не рвать, нарочно не убивать.

На пустом поле выстроили деревянную крепость, и устраивали сражение под ее стенами, а затем и за саму крепость, по очереди представляясь нападающими и защитниками. Рядом с полем ставили палатки-таверны, где обе армии вперемешку отмечали конец “войны”, составляя счастье владельцам винокурен, пивоварам, пекарям и коптильщикам колбас — закуску одинаково уважали и люди, и оборотни, и гоблины, и орки.

Говорят, судьи-эльфы сначала старались держаться наособицу, поддерживая легенду о знаменитом эльфийском снобизме, но в конце концов не выдержали, и ели, и пили вровень с остальными. А может, это только слухи.

Так или иначе, но принцы обеих сторон удовлетворяли жажду славы, военачальники получали опыт сражений, а офицерам и простым воинам дюжина-другая неудачников на

костылях прививала отвращение к большой крови.

Каждое сражение армии приносили на поле боя что-нибудь новенькое. В один год вавлиондцы притащили прочные сети, чтоб ловить оборотней в звериной ипостаси. С тех пор народ любит вешать лубочные картинки вроде “Хоть верволк и скалится, с сетью клык не справится” или “На свободу ты пойдешь, коль косулю принесешь”, где два народных героя, орк и человек, легко и непринужденно удерживали сетью волка, медведя или невиданной величины рысь.

Через пару лет оборотни наловчились воевать смешанными группами, в обороте и на двух ногах. Если часть оборотней попадется в сеть, двуногие их охраняют, а один пилит веревки. Вавлиондцы тоже сменили тактику и укрепили веревки чарами.

Еще в моем детстве после каждой “войнушки”, как ее прозвали в народе, тема сражения долго не сходила со страниц газет и журналов.

Вавлиондский принц, когда принимал корону, в инаугурационной речи намекнул, что оборотни и вавлиондцы уже выпили достаточно эля вместе, и в случае настоящей опасности выступят единой армией. Газеты писали, что при этих словах представители княжеств двуликих издали рык поддержки.

Позже Его Величество вышел из рьяно-воинственного возраста. К тому же, появились огнестрелы, и традиция “войнушек” угасла сама собой. Но в этом году Его Высочеству исполнилось тринадцать, и уже объявили, что новый деревянный замок строят на севере. Следующей весной, как просохнет земля после паводков, армии встретятся опять, на новых землях. Заодно покажут северным варварам, что такое две армии вместе. Может, те призадумаются.

Я усмехнулась. Военный союз с оборотнями не помешал Его Величеству дать добро на похищение княжны. Надо признать, что подчистили концы они и правда мастерски. А если бы что и вскрылось, то пятая дочь от третьей жены — пешка всего-лишь чуть крупнее порученцев, и только. Союзу государств не повредит.

Странно признавать достоинства за теми, кто нежданно-негаданно и безвинно приговорил тебя к смерти, но не могу не отдать должное: войн с массами жертв Корона Вавлионда старалась избегать, пресекая подобные интенции заранее.

Но это можно сказать про нынешнюю династию. Если же к власти придет кто-то вроде Мерката, я не была бы так уверена. Напротив, могу поручиться, что амбиции клана Меркат не ограничатся югом.

Поэтому я решила, что дочь одного из Правителей Леса — самый быстрый путь сообщить эльфам о нависшей над нашими землями опасности. Разумеется, имени какой-то “бабочки” в донесении не будет. Важные сведения раздобыл сын Леса Серых Туманов. Человечкам такое не по плечу.

Я оставила на столе деньги и двинулась вслед эльфам. Такой разговор стоило вести подальше.

— Человечка, Бейрулираламил убедил меня, что я должна тебя выслушать. Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

— Присаживайтесь.

Старательно сохраняя достоинство, чтоб не проронить ни крупинки, Сарифа (нет, я не в состоянии запомнить их имена) опустилась на край скамейки.

— Представьте себе войну между эльфами и людьми.

Глядя на меня как на лепечущего скабрезные стихи несмышленыша эльфийка

усмехнулась:

— Я видела раздавленные муравейники. Это все?

— А теперь представьте, что муравьи построили огнестрел, который бьет на сотню локтей, и таких в каждом муравейнике по нескольку дюжин.

Лицо Сарифы слегка изменилось.

— Пока муравьи мирные и хотят со всеми дружить, медведям волноваться волноваться не о чем. Но возможно, какой-то муравейник решил, что он может подчинить другие.

Сарифа пожала плечами:

— Дела муравьев никому не интересны. Пусть жгут свои муравейники как хотят.

— Думаете, на медведей этот муравейник не пойдет? И еще. В этом муравейнике строят мобили, для которых пытаются сделать очень большие огнестрелы. Очень. Пока еще не сделали. Но методы уже существуют.

— Говори прямо. Твои способы донести до меня мысль так же неуклюжи, как твой медведь.

Видела бы она Бернарда в бою. Но вслух я сказала:

— Длинностреле с боем в сотню локтей уже продаются в дварфийских лавках, и это только начало. Один высокий род строит собственную армию и охотится за артефакторами, которые могут сделать для него мощные огнестрелы на колесах. Ваши луки и мечи будут бессильны. Рано или поздно, конечно, все эти вещи придут в наш мир. Пока еще у вас есть время придумать что-то в ответ. Но если это случится скоро, через год или два, и род Меркатов решит повоевать, времени у вас совсем не останется. Совсем.

Я видела, что Сарифа меня поняла. Она отвела взгляд, рассматривая бегущие волны, и внезапно усталым голосом сказала:

— А может, пусть?

— Что? — изумились мы с Бейлиром.

— Может, пусть все катится к демонам?

Мы недоуменно переглянулись.

— Сарифалимирнаэль, что случилось? Почему ты уехала из Леса?

Эльфийка фыркнула:

— Какая важность тебе в этом знании?

— Большая. Да, я перенял у людей множество странных черт. Например, понимание, что даже у старой собаки, которой жить остался месяц, должна быть полная миска, уютная постилка в теплом доме и главное, любящие руки, которые будут её гладить. И это важно.

— Мне кажется, или ты сравнил меня с собакой? — холодно спросила эльфийка.

— Живые существа заслуживают участия, собака это или эльфийка высокого рода, — не меняя ровного тона ответил Бейлир.

Серифа снова фыркнула, ничего не ответив, но осталась на месте. Мы молча ждали.

— Бейрулираламил, ты знаешь, что если ты вернешься на эту набережную через пятьсот лет, ее не будет? Либо люди сломают, либо время.

— Будет что-то новое, — беспечно пожал плечами Бейлир.

— Интересно, — Серифа обернулась ко мне, — как вы, человеки, живете, зная: что бы вы ни сделали, все это скоро, совсем скоро обратится в пыль? Люди умрут, с картин осыпется краска, книги истлеют и забудутся.

Теперь уже я пожала плечами:

— Но какое-то время человек будет жить, картина — радовать глаз, книга — занимать

разум. И это важно.

— Иногда я вам завидую. Вы, человеки, не в силах осознать быстротечности потока времени, потому что видите лишь каплю.

— Мы осознаем. Но мы научились в этой капле жить.

Она ничего не ответила, и мы снова замолчали. Когда Серифа заговорила, ее голос звучал ровно и безжизненно:

— Две сотни лет я строила стену из кристаллумина. Зачарованное стекло с тремя металлами невероятной прозрачности делают только у нас в Лесу, и тех, кто умеет с ним работать, двух дюжин не наберется. Я умею. Я сплавляла самые невероятные формы друг с другом, чтобы каждый солнечный день с утра и до вечера можно было наблюдать танцующие картины на стенах и в отблесках. Из стены выступали три башни разных форм и расцветок, и кто входил внутрь на закате, никогда этого не забудет.

— Я помню. Невероятное зрелище, — улыбнулся Бейлир.

— Полгода назад с неба прилетел камень. Обычно они сгорают, не долетая до земли. Но этот долетел. И стены больше нет. — Она резко обернулась ко мне. — Как вы, человеки, с этим живете?

Пока я подбирала слова, Бейлир ответил за меня:

— Ты помнишь, как умер Финдарелонир Аудиралироил?

— Да. Он заскучал, затосковал, однажды отказался вставать с постели и умер через неделю.

— Люди — это вечные перемены, каждый день что-то новенькое. С людьми скучать не получится. Тебе не нравится магмеханика? Не думаешь ли, что без этой встряски через триста лет половина Лесов лежала бы в тоске?

Серифа хмыкнула. Бейлир потерял терпение:

— Отбрось свое презрение, поживи с людьми хотя бы год, тогда что-нибудь поймешь. Наверное. Может быть, тебе понадобится накормить с десяток умирающих собак, чтобы ты хоть что-то поняла! — и сделав паузу, закончил: — Если Меркаты дадут тебе это время.

— Ладно, — вздохнула она, — говори, чем помочь этому муравейнику. И правда, нехорошо получится. Все же живые существа.

— Во-первых, написать в Лес о том, что вы от меня услышали. Во-вторых, сообщить эльфийскому посольству в столице, что очень скоро к ним придет один человеческий лорд и попросит как можно быстрее переправить его к королю с важными сведениями. Скорей всего, они придут вместе с Бейлиром. И это письмо следует написать сегодня же.

— Это все? — удивилась она, даже не обратив внимание на оскорбительное сокращение.

— Поверьте, это может всерьез изменить дело, — ответила я.

— Нет, не все, — заговорил Бейлир. — Пусть отправят в Вавлионд и к дварфам эльфов со всеми дарами, чтоб изучить эту демонову магтехнику, и что с ней можно делать.

— Ладно. — Она усмехнулась. — Эпоха меняется? Я всегда говорила, что от людей одни неприятности. Копались бы дварфы себе в камнях, бегали бы орки по степи, но нет, надо было всех соединить и перемешать.

— А если эльфов добавить… — усмехнулся Бейлир.

— О, я уверена, ты над этим усердно работаешь, постоянный ты наш, — беззлобно рассмеялась Серифа и принялась подниматься со скамьи.

Мы встали за ней. Бейлир подбоченился:

— Мне можно, мне только пятьдесят!

— Ах, молодость…

Мне стало неуютно в мои тридцать лет, и я решила напомнить, что у нас, вообще-то, кругом враги:

— Хочу предупредить вас. Если к вам придут за сведениями и станут угрожать, рассказывайте всё…

— Я не такая слабая, как ты, человечка! — эльфийка будто стала еще выше и еще величественней, но у меня была привычка к подобным метаморфозам Бейлира, и я не впечатлилась.

— Вы не боевик, не так ли? Ваши таланты в других областях. Поверьте, эти существа не остановятся ни перед чем, и возвращать себе доброе расположение духа вам придется дольше, чем я проживу. Так что, поупорствуйте немного, для приличия, и расскажите все, прибавив, что мы поедем в столицу через Западный тракт. Нам нужно к оборотням заглянуть.

— Это правда?

Я посмотрела ей в глаза и легко ответила:

— Конечно.

Эльфам ложь дается тяжело. Если ее прижмут, Сарифа, ни словом не соврав, передаст мои слова. А лжет человечка или нет, она и задумываться не стала, пф, вот еще, о какой-то человечке думать.

Глава 45

— Итак, что мы сегодня сделали?

Вся компания собралась за ужином, и я решила ввести друзей в курс дела:

— Аларик, сегодня волей Небесных садов мы обеспечили вам с Бейлиром быструю аудиенцию у короля через эльфийское посольство. Бейлир все равно доедет с тобой до столицы. Но ты сам понимаешь, даже графу, возможно, пришлось бы ждать день-два, а барону и того больше, смотря, какие настроения во дворце. Эльфийское посольство может настоять на срочности дела. Эльфы, которые требуют чего-то сей же момент — такое редкое явление, что я сильно удивлюсь, если вас не позовут уже через четверть часа. А чем быстрее ты передашь бумаги Его Величеству, тем лучше для всех: и для тебя, и для Фелисии, и для Короны.

Аларик кивнул и усмехнулся:

— Осталось только собрать бумаги и вызволить Фелисию.

— Да. Но всему свое время. Нам очень повезло с Сарифой, что бы ни привело ее в Вавлионд. Было бы обидно получить доказательства и просидеть с ними в столице, рискуя потерять все, если Меркаты вас нагонят.

После ужина мы с Секирд и Хитрой сели за рисование. Они вспомнили, как могли, расположение особняка в Зеленополье, забора и ворот. Мне, конечно, придется сходить туда самой, но для общего плана и этого достаточно.

Я сделала список покупок для налета на “Бестиарий” и прибавила туда кое-что для Зеленополья. С этим списком я пришла к Лавронсо:

— Как думаешь, знают дварфы, где это можно достать?

— Хм. Попробую. Ты не мелочишься.

— Для такой крупной дичи? В самый раз.

Утром Лавронсо и Секирд ушли на закупки в таких "лавочках", о которых добропорядочные жители Иркатуна не слышали, а о некоторых и стража не подозревала.

Вернулись к обеду оба мрачные как тучи. О причине тревоги Лавронсо я узнала тут же. Он, действительно, нашел мастерскую, где собирали дуо-мобили для Зеленополья. То, что ему там сообщили, меня тоже расстроило. Но с этим мы разберемся потом.

Сейчас меня беспокоила Секирд. У нее появилось то же напряженное выражение лица, с которым я увидела ее на заимке.

— Секирд, что произошло?

— А? Ничего, — она попыталась равнодушно пожать плечами.

— Лавронсо что-то не то тебе сказало? Прости его, оно еще мечется, ты же понимаешь.

— Нет-нет, он ни при чем. Я пойду…

Они выгрузили покупки у Бейлира, дварфо осталось перебирать их вместе с эльфом и Алариком, а я догнала девушку в коридоре.

— Секирд, что? Даже если что-то показалось, это может быть важным.

— Вот именно, показалось. Мне иногда снится, что мы убегаем, а мост застрял и не разводится, и бандиты вот-вот прыгнут. А наяву я боюсь увидеть лицо кого-нибудь из них в толпе. Иногда даже кажется, что вижу, но это все другие.

— Ты сегодня кого-то увидела?

— Двоих. Они быстро исчезли, и я теперь не знаю, показалось или нет.

Демоны. Этого не хватало.

— Боюсь, твои прогулки по городу закончились. Мне очень жаль.

Она угрюмо кивнула и ушла к себе.

Я вернулась в наш “штаб” и объявила:

— Выезжаем утром после бала. Так что завтра собираем вещи.

— Лори, я ценю, что ты хочешь закончить все побыстрее, но может, не стоит торопиться? Это будет выглядеть странным, — Аларик озадаченно смотрел на меня.

— Секирд говорит, что в толпе мелькнули двое из тех, кто гнался за ней и Лавронсо на западе, когда они увидели, как ночной хозяин с дружками режут горла конкурентам. Лучше не рисковать, а убраться из Иркатуна поскорее.

— Заржавевшую кирку им с прокручиванием да коленом поддать, — выругалось дварфо.

— Да, ни тебе, ни ей зря выходить из гостиницы не стоит. На бал поедете в закрытой карете.

— Чтоб их… — дварфо расстроилось, и не знаю, за кого больше, за себя или за Секирд.

— Лори, — Аларик никак не мог отучиться звать меня настоящим именем, и я махнула рукой. Всё равно все уже знают. — Ты пойдешь за бумагами одна?

— Нет, возьму Секирд, чтоб прикрыла спину. И… — я задумалась. — А знаешь, Хитру тоже возьму. Все равно увяжется. Пусть посидит в обороте за кустами, так всем спокойнее будет.

Сборы на бал заняли остаток дня. В одном из журналов, которые купил для Хитры Лавронсо, она выискала картинку укладки волос в эльфийском стиле. И хоть Бейлир кричал, что ни одна эльфийка не покажется в таком виде даже зеркалу, мы доказали ему, что народные чаяния нужно оправдывать. Уж очень Хитре хотелось попробовать на ком-нибудь заплести с множество косичек разной толщины и замысловато их уложить.

Бейлир стоически терпел, когда мы заплели ему косички и с четвертой попытки закрепили их достаточно похоже на картинку. Хитра с писками радости бегала вокруг и призывала всех полюбоваться.

Лавронсо заплело от висков две косицы и продело их сквозь аметистовые бусины. Шитая серебром темно-синяя парадная туника хорошо смотрелась рядом с зеленым платьем Бейлира, верней, “Берлиэль”. К пяти вечера Аларик вернулся с каретой — путь до летней резиденции длинный. Полугоблин на козлах ни у кого не вызывал подозрений. Берлиэль, конечно, приглашали приехать заранее, может быть, даже вчера, но мы решили, что это слишком рискованно.

С выражением муки на лице Бейлир поднялся со стула.

— Кольцо! — спохватилась я.

Эльф снял нашу отмычку, и я повесила его на шею на цепочке. Вот теперь всё.

Лавронсо церемонно довело “Берлиэль” до кареты, и они уехали.

— Так, девушки, — обратилась я к подругам. — Сейчас перекусим и спать.

— Рано же!

— Потом поздно будет. К девяти нам нужно зайти в парке с другой стороны озера, в это время гуляющие еще не вызывают удивления, и прячемся там.

В номер постучали — принесли заранее заказанные блюда. Девушки послушно поели, выпили оставленный Лавронсо отвар и вернулись к себе. Я тоже легла. Сегодня предстоит непростая ночь.

* * *

Мы гуляли по освещенным масляными фонарями дорожкам. В моем детстве, когда кристалл-фонари подешевели, ими начали заменять масляные в кварталах, где живут горожане с достатком. Но очень скоро выяснилось, что в их холодном свете нет никакой романтики, и гулять по вечернему парку становится неуютно, поэтому в увеселительных местах вернули масляные с их живыми теплыми язычками пламени.

Дождавшись, пока на дорожке не останется никого, я свернула к присмотренным зарослям. Устроившись так, что нас не было видно, повторила в который раз:

— Все всё помнят? Секирд, ты сидишь в тени. Знак?

— Да, — хихикнула она. — Залаять надо.

— Хитра?

— Сижу в тени, но в другой, там, где вы будете уходить. Крадусь за вами. Когда снимаете кэбрио, прыгаю к вам.

— В случае неприятностей…?

— Ты бросаешь пакет, я хватаю его в зубы и удираю, куда возможно, а дальше пробираюсь к “Орлиному гнезду”.

— И пожалуйста, даже если ты решишь, что можешь нам помочь, беги подальше с пакетом. Что бы ни случилось, без бумаг у меня будут шансы выкрутиться. С бумагами — нет. Ты понимаешь меня?

Она кивнула.

Одеты обе были как парни, верней, Хитра больше походила на мальчишку.

Я скинула платье, расправила обернутый вокруг бедер бесформенный жилет и набросила поверх рубахи, которую вместе со штанами поддела под платье. Отвязав от бедра маленький арбалет, сунула его под рубаху. Моток веревки уже висел с обратной стороны жилета. Секирд отдала мне свою шляпу — мне нужней, чтоб прикрыть лицо. Артефакты, которые я несла в ридикюле, разложила по карманам. Платье, шляпку и сумочку, увы, придется оставить здесь.

— Хитра, твоя очередь.

Обернувшаяся Хитра попрыгала на четырех лапах, махнула хвостом и покорно подставила бока. Я вынула флажку с разведенными черными чернилами и щедро облила нашу красавицу. Секирд помогала размазывать, мне пачкать руки было ни к чему. Хвост сначала измазали клеем, чтобы выглядел не таким пушистым, а после тоже полили. Если не присматриваться, от собаки не отличить.

Пока мы ждали, Хитра вырыла небольшую ямку у корней кустов, куда мы затолкали сверток с платьем. Мы не знали, когда Меркаты снова соберутся все вместе, чтоб открыть тайник, но когда кража обнаружится, непременно прочешут парк. Чем меньше следов, тем лучше. Секирд пригладила землю сверху, и если среди стражей нет оборотня с хорошим нюхом, это место никто не найдет, разве что опустившись на четвереньки.

Дождавшись, пока часы на далекой ратуше пробьют полночь, мы двинулись к “Бестиарию”. Улицы здесь были хорошо освещены, поэтому вскоре мы разделились. Хитра побежала в условленное место по улице, а нам пришлось лезть по задворкам, перебираясь через заборы.

Зазор между “Бестиарием” и соседним домом — лучше не бывает. Шага два, но больше и не нужно. Я прицелилась, и крюк зацепился за парапет, обрамляющий крышу с двух сторон. Это они хорошо придумали, иначе пришлось бы пытаться за трубу зацепиться, а это

не всегда с первого раза выходит. Надев перчатки, я принялась подниматься. Смотала веревку и осторожно поднялась к слуховому окну. Оно не доставило проблем.

Спустившись с чердака в коридор я прислушалась. Откуда-то снизу доносились далекие-далекие голоса и взрывы смеха. Похоже, немногие оставшиеся слуги хорошо проводят время в кухне. Это замечательно.

Контур на кабинете стоял. С тем артефактом, который добыло Лавронсо, стоит грабить, разве что, герцогскую сокровищницу, тогда он имеет шанс окупиться. Но Аларик готов был платить за спокойную жизнь баронства, поэтому отдал, сколько нужно, не скупясь. Я повернула рычаг, и мой артефакт-определитель показал, что теперь всё чисто. Замок на кабинете оказался несложным.

С картины я сняла еще один следящий контур и осторожно прислонила ее к стене, на этот раз стараясь не касаться края с занозами.

Итак… Глубоко вздохнув я сняла кольцо с шеи и приложила к мерцающей фигуре. На долю мгновения я успела испугаться, что все было зря, но заметила, что мерцание затухает. И вот оно погасло совсем. Я осторожно потянула за скобу с краю и дверца послушно открылась.

Была бы у меня привычка свистеть, я бы присвистнула. По счастью, я не издала ни одного звука, когда обнаружила, что тайник, на деле размером с небольшой шкаф, и внутри колесо из полок, которые можно выдвинуть, когда полка окажется напротив проема. Книг учета было столько, что мне до утра не найти нужной.

Я прогнала растерянность. Попробуем порассуждать. Если полки не заполнены до конца, то почему? Наверное, книги расставили по темам. Кроме того, я уверена, что последние ближе к проему. Я чуть усилила свечение кристалла и рассмотрела мелкие буквы на торцах полок. “Переписка” — эх, интересно, но увы, не в первую очередь. “Финансы” — о, вот это уже ближе. Я взяла первую книгу с этой полке и с удовлетворением обнаружила, что это список выплат с фамилиями. Из-за задней обложки торчал уголок вложенного листа, я потянула и… цифры, такие же, как были в банковских бумагах, только в этот раз с названиями, которые мне ничего не говорили, но похожи были на мелкие банки, сквозь которые они проводили операции. Банки кому-то принадлежат. Пригодится.

Я вертела колесо дальше. “Исследования” — интересно, конечно, но нет, потому что вслед за ней показались “Чертежи”, на этот раз не с книгами, а с пухлыми папками, в которые сложены огромные листы схем. Я вытащила две и развернула все, что нашлось внутри. В первой были некие не очень понятные мне агрегаты, но вторая… О-о-о, во второй во всей красе представились мобили с большой трубой сверху. Я не стала разбираться в технических надписях, а вынула пару схем, чтоб взять с собой. Еще чертежи, еще чертежи… Вытянув наугад две папки я наткнулась на мешанину линий и слов, и поставила их назад. “Производство”. Эту полку хотелось забрать всю — в каждой папке детальное описание цехов и мастерских. Всего их было девять. Быстро просмотрев, я захватила вторую по толщине, вынула из нее карту, схему цехов и пару верхних листов. Вытащила еще парочку наудачу, и в одной оказался цех под Идолтой. Папка была тонкой, я прихватила из нее все бумаги.

Пожалуй, этого хватит. Случись что, Хитре сверток в пасти тащить. Я вложила чертежи и карты внутрь книги с выплатами, завернула все в кусок ткани и перевязала бечевкой, сделав удобный узел, чтоб я могла надеть на руку, а Хитра — взять в пасть.

Рама снова едва не поймала мой рукав, но я была начеку.

Закрыв все контуры и заперев кабинет, я вложила оба артефакта и отмычки в складку пакета, нарочно оставленную для этой цели. Теперь в конец коридора, где маленькая лесенка на чердак, но кажется… приближаются голоса? Точно, два голоса, женский и мужской. Пара поднимается по лестнице. Что слуги сейчас могут делать на хозяйском

этаже? Ничего. А значит, что угодно. Времени на решение не оставалось. Время оставалось только на то, чтобы тихо открыть ближайшую дверь, скользнуть внутрь и так же тихо ее прикрыть. А потом засунуть пакет за пазуху и залезть под кровать, потому что шаги приближались.

— Вот тут она и живет. Красиво, да? — девушка явно чувствовала себя неуверенно.

Хлопок двери. Закрыли. Ох не нравится мне это.

— Да-а… — Парень явно молодой и наглый.

— Ты посмотрел, пойдем.

— А как же кровать опробовать?

— Ой, ты что!.. Куда!..

— Тихо, иначе грымза придет и тебе влетит.

— Джо, не надо…

— Ну чего ты ломаешься. Глазки строила? Строила.

— Я не строила! Джо, нет!

Я выглянула из-под кровати. Мужчина, судя по ботинкам, стоит ко мне спиной. Отлично.

Прежде чем выбираться наружу полностью я поймала взгляд отбивающейся служанки и приложила палец к губам. Перекатилась, поднялась на ноги за спиной этого проходимца и осторожно сдавила шею в паре мест. Главное, точно знать, где.

— Тш-ш-ш, — сказала шепотом девушке, которая уже готовилась визжать. — Живой он. Помоги вытащить.

Я подхватила парня под мышки, она за ноги, и мы вынесли его в коридор. Кажется, никто, кроме них, вечеринку не покинул.

— Смотри и учись, — сказала я перепуганной девице и двинула парня промеж ног. — Поняла, как надо? — Она несмело кивнула. — Кроме кухни есть черный ход?

— Т-там, я покажу. Вы что-то украли?

— Нет. Я тоже спальню посмотреть хотел.

Поняла она иронию или нет, но она провела меня вниз и выпустила через боковую дверь. Зачем карабкаться по выступам, если можно выйти обычным путем.

Я на мгновение выглянула на улицу из щели между домами и услышала тихое подвывание — Секирд меня заметила.

Точно так же по задним дворам я добралась до места, где меня уже ждала Секирд. На противоположной стороне улицы пробежала маленькая черная собачка, и быстро глянув в нашу сторону, завернула за угол. Мы пошли в ту сторону, где можно найти экипаж. Пакет я несла в руках, прижав к груди.

Нищий, которого мы заметили через два квартала, мне не понравился сразу. Не может быть в этом районе нищих, тем более, ночью. Что ему здесь делать? Чую, что сегодня кто-то лишится драгоценностей. Но наше дело слишком важное, чтоб спасать чьи-то серьги. Я подхватила Секирд под локоть и потянула вперед. Нужно убраться отсюда побыстрее.

Из щели между домами прямо на нас выскочило два субъекта. Они опешили, и первая тень вздохнула басом:

— Демоны драные, опять Прут уснул.

Я толкнула Секирд в сторону стены и сама прижалась к спиной к кирпичам. Вот теперь можно поговорить.

— Идите своей дорогой, господа, — просипела я. — У вас свои дела, у нас свои.

Может быть, мы и разошлись бы, но второй глянул на Секирд, которая стояла у стенки, низко опустив голову, хмыкнул, присел и заглянул ей в лицо. Увы, в этих кварталах уличное освещение на высоте.

— Ха. Давно не виделись. В этот раз мостов нету.

С противоположной стороны улицы уже ковылял “нищий”, но с другой бежала черная собачка. Когда ей оставалось совсем немного, я швырнула в ее сторону пакет. Быстро продев нижнюю челюсть в петлю, Хитра умчалась и скрылась между домами.

— Эт… гы… хэ! — Прут пытался привлечь внимание сообщников к увиденной сцене, но слов ему явно не хватало.

Грабители выхватили ножи, намереваясь нас попросту прирезать.

Я не брала с собой оружие на случай, если попадусь с отмычками и бумагами. В глазах стражей оружие превращает вора в убийцу. Но судя по движениям, эти негодяи только прохожих резать умеют, а драться, разве что, напиваясь в таверне. Не худший расклад для нас с полуорчанкой.

Секирд скользнула в сторону, и первый выпад ее противника прошел впустую. Я ушла из-под удара второго, вывернула руку и отняла оружие. Пинком направив бандита головой в стену, я успела отпрыгнуть от удара “нищего” и бросилась на помощь Секирд, которая вцепившись в запястье мерзавца, не давала лезвию дотянуться до горла. Извернувшись, она стукнула грабителя туда же, куда я парня в “Бестиарии”, но этот был в сознании, поэтому заорал во все горло. Секирд он отпустил, но… демоны. В этих районах всегда полно стражей.

Сообразив, что он натворил, любитель чужого добра бросился наутек. “Нищий” побежал в другую сторону. Мы собирались последовать их примеру, но с соседней улицы вывернули три всадника в форме.

— Стоять!

Мы бы не послушались, но у главного из них в руках было очень нехорошее дуло с раструбом. Оно выглядело короче, чем длинностре л, но я не знала, как страж умел им пользоваться, и проверять не хотелось.

Черная собака не появилась. У Хитры хватило благоразумия убежать с опасной поклажей.

Глава 46

— Значит, их было трое.

— Трое.

— Одного мы, допустим, видели. Говорите, третий был?

— Которого вы видели? Один был будто нищий, на стреме сидел.

Страж мрачно смотрел на меня и явно не знал, что и подумать. Я старательно изображала туповатую бабу, которая ходила ночью к полюбовнику, который в богатом доме работает, а чтоб всякие не пристали, оделась мужиком. Увидела, что орчонку ножами грозят, и хотела помочь. Не проходить же мимо. В этой версии было слабое место, и страж уже битый час пытался понять, что я скрываю.

— И как же бабе удалось управиться с тремя мужиками? Да еще отпетыми? Этот, которого ты в стенку башкой отправила, за пазухой держал половину драгоценностей леди… Неважно. Ничего, в городской тюрьме, как очухается, мигом сдаст, куда вторая половина убежала. Но с вами, госпожа Дижак, что-то не то. И бумаг у вас нет.

— Кто ж мне бумаги выдаст, я так… А управилась, так думаете, мужчины нам ручки целуют? Мы по балам не ходим. Нашим мужикам если в ухо не двинешь, так он и не поймет, что лапы тянуть не след.

Страж покачал головой, вроде бы и признавая мою правоту, но сомневаясь.

— И у парня этого бумаг нет… Вот что. Подержу я вас до утра, а там начальство пусть решает. Все равно вам ночью ходить небезопасно, сами понимаете.

— Господин страж, вы только посадите нас вместе с орчонком, не кидайте его к прочим мужикам, замордуют его там, хилый же.

— Ладно, есть у меня клетушка для вас двоих.

Нас и правда сунули в небольшую клетку с одной лавкой. Страж явно доволен, что запишет себе поимку грабителя с драгоценностями, поэтому не стал показывать власть.

Это не Лусмеин, отсюда не сбежишь. Если у начальства возникнет мысль, что баба в штанах может быть той самой госпожой, которую разыскивает Корона, то отправят курьеров по двум конторам, связанным с порученцами, чтоб те пришли и посмотрели. В одной меня знают. И это было скверно.

Может быть, утром удастся убедить их отпустить Секирд. Но тоже… вопрос. Я не стала настаивать, чтоб “орчонка” освободили ночью, потому что где-то на свободе бандит из тех, кто гнались за ними с Лавронсо. Может быть, удастся убедить их отдать Секирд серебряк и горсть меди, которую она взяла с собой, и этого хватит, чтобы доехать до “Орлиного гнезда”. Бейлир меня вытащит, если явится раньше, чем у начальства появятся идеи.

Мы пошептались с Секирд и решили, что лучшим выходом будет сразу, как только появится начальство, просить “отпустите бедного мальчика, мама волнуется”.

Мы успели прикорнуть, когда пришло начальство. Рядом с ним вышагивал пожилой господин в зеленой лекарской мантии с серебристым браслетом на руке. Звезду я рассмотрела всего одну, но пол, возраст и расу определять они умеют.

Пока дежурный страж рапортовал начальнику, показывая бумаги на задержанных ночью, лекарь сначала со скучающим видом, а потом с все более и более просыпающимся интересом присматривался к нам с Секирд.

— Занятно, занятно… Кто у тебя в этой клетке записан?

Я внутренне застонала. Лекарь читал протянутую дежурным бумагу:

— Кирд, орк тринадцати лет, и Цинтия Дижон двадцати пяти. Ай-яй-яй, госпожа Дижон, или как вас на самом деле. Нехорошо врать про возраст молодым и симпатичным мужчинам. Впрочем, немолодым и несимпатичным тоже нехорошо. Сколько вам на самом деле? Около тридцати? Тридцать уже есть? — и не дожидаясь ответа обернулся к Секирд. — О, какая чудесная загадка природы! Полуэльф-полуорчанка. Возможно, вы единственная в своем роде. Майклаф, у тебя что-нибудь есть на нее? Или заодно взяли?

— Заодно, но представилась…

— Вижу. Ну это не преступление, мальчишкой-то удобнее. Отдашь мне ее порассматривать? Никогда такой смеси не видел.

Я всегда недолюбливала страж-лекарей. Привыкнув копаться в трупах они и на живых смотрят как на интересные наборы из сердца, желудка и прочих органов.

— Тридцать лет, говоришь… — Начальство нехорошо прищурилось, что-то прикинуло и быстро отдало дежурному приказ.

Что ж… не судьба, значит. Секирд я попробую вытащить, а нет, ну возьмут у нее пару капель крови, попросят присесть двести раз, а там Лавронсо поднимет дварфов и потребует вернуть ни в чем неповинное существо.

Дело завершат без меня, бумаги уже есть. Надеюсь, Аларик сообразит отвезти документы в столицу, не поднимая шума, и первым же делом попросит вернуть ему дочь.

А я… Может, удастся сбежать от Тайной службы по дороге в столицу. Главное, чтоб Хитру подальше увезли. У меня не было иллюзий на счет своих способностей выдерживать допросы с пристрастием.

— Господин Майклаф, — раздался мелодичный голос. — Могу я с вами поговорить? Боюсь, произошло недоразумение между вами и моими хорошими знакомыми..

О нет. Нет! Бейлир. Не сейчас, когда здесь этот любознательный со звездой!

Увы, мой внутренний вопль никто не услышал. В зал с задержанными зашла “Берлиэль” в сопровождении Лавронсо. Лицо начальника меняло выражения от подозрительности до восхищения и обратно со скоростью мелькающих спиц каретного колеса.

— Хм-м-м… — страж-лекарь мигом отвлекся от Секирд и уставился на более интересный экземпляр. — Эльф лет… пятидесяти? Я не ошибаюсь? Почему-то в женском.

— Эльф. — Господин Майклаф, наконец, определился и застыл на “подозрительно”. — Женщина тридцати лет, которая умеет драться, и эльф. — он обернулся к дежурному. — Ты отправил курьера к порученцам?

— Да, только что ускакал.

Придется напролом. Я посмотрела на Бейлира и громко спросила:

— Вы на чем приехали?

От неожиданности все затихли, только начальник начал расплываться в улыбке, поздравляя себя с удачно завершенным делом Тайной службы.

— Черная карета у входа, — ответил Бейлир.

Быстро и без промедления я крикнула:

— Ам кот!

Может быть, начальник и знал эльфийский или догадался, но все же сделать он ничего не успел — Бейлир поднял его и швырнул на дежурного, опрокидывая стол на обоих. Стражам, которые бежали с другой стороны, он просто показал короткий и узкий меч, который умудрялся прятать в любом наряде — или почти любом? Я так и не решилась

спросить. Эльф с мечом — это не тот противник, который настраивает на геройство. Стражи замедлились, а потом и вовсе остановились, взглядами спрашивая друг у друга “и что теперь?” На этот вопрос ответил Бейлир, сделав легкое движение концом меча вниз, и оба послушно улеглись.

Лавронсо, пнув пару раз трепыхавшегося под столом дежурного, сняло у него с пояса связку ключей и кинуло мне, после чего приподняло стол и снова опустило его на стражей. Ничего, если и будет пара переломов, страж-лекарь залечит. Вот уж кто хорошо знал язык высших эльфов — услышав мой приказ он метнулся подальше и забился в угол, прикрыв голову руками.

Мне показалось, что начальник с дежурным и не собираются вставать, сообразив, что эльф-боевик им не по зубам.

Секирд, давно готовая к делу, рванулась вперед, едва я открыла дверь. Я выскочила за ней и подтолкнула девушку туда, где я предполагала выход.

— В карету! Дварфо тоже! — выдавать его имя я не хотела, и крик вышел грубоватым, но что поделать.

Пока мы бежали к выходу, Бейлир с ослепительной улыбкой водил мечом по сторонам, показывая, что он никому не желает зла, просто так получилось, что всем нужно немного полежать, он скоро уйдет, и можете дальше заниматься своими делами.

Мы быстро набились в карету, с удивлением обнаружив, что нашими тюками заставлена и крыша, и задняя часть. Хитра, шмыгая носом, вжалась в сиденье, обнимая мандолину Бейлира. Аларик сидел на козлах. Бейлир сел рядом с ним и крикнул:

— Гони!

И Аларик погнал.

— Ты, Гарни, хорошо вчера придумала, что вещи собрать надо, — отдуваясь от бега, похвалило меня Лавронсо. — Мы как приехали, Хитра сидит и плачет, но рассказать про стражей смогла.

— Я крики услышала, когда уже убегала, — несчастным голосом говорила Хитра. — Но ты сказала…

— Хитра, если бы пакет попался к ним в руки, мы с Секирд сейчас сидели бы в кандалах, и не в участке, а в тюрьме. В том пакете, кроме документов, незаконные артефакты и отмычки. Сами документы тоже не те, что простая тетка может ночью носить. Нас даже в участке держать не стали бы, раз все ясно. Ты сделала именно то, что должна была: доставила документы и сообщила остальным, где нас искать.

Девочка облегченно вздохнула. Неужели она всерьез считала, что маленькая лисичка справится с тремя конными стражами и огнестрелом? Или считала себя обязанной хотя бы попытаться? Хорошо, что мои увещевания возымели действие.

— Мы багаж на карету покидали, бумаги из тайника взяли, погрузились сразу и поехали вас выручать, — закончило Лавронсо.

— Теперь к “Стрекозе”?

— А куда ж еще. Эх, жаль, Дерик залог за карету не заберет.

Я пожала плечами.

Мне страшно представить, сколько Аларик потратил на это дело, но баронство стоит дороже, а про дочь и говорить не стоит.

Карета летела по улицам Иркатуна, и я позволила себе откинуться на подушки. Это был долгий день, а мне еще за рычаги…

— Лавронсо, — позвала я, — у тебя еще бодрящие остались?

* * *

Когда мы подъезжали к рощице, за которой расположилась стоянка с мобилями, я открыла окошко в передней стенке и крикнула, чтоб остановились. Аларик удивился, но послушно съехал к подлеску.

— Бейлир, снимай тунику, она мне как платье будет. Я пойду пешком. У тебя краски рядом?

Меня быстро превратили в непонятно что. Верней, увидь я себя, решила бы, что побитая жизнью человеческая женщина за сорок попыталась выглядеть моложе, чем есть на самом деле, поэтому напялила что-то нежное и воздушное. Хорошо, что Бейлир успел переодеться из бального платья в эльфийскую тунику, но даже это одеяние подходило мне как кружева волчице. Найдя в одном из тюков шляпу, я взяла с собой Хитру — она единственная, кого не видели ни стражи, ни прохожие. Аларик отогнал карету в тень раскидистых кустов и распряг лошадей. С конями на поводу, мы с Хитрой дошли до стоянки.

— Госпожа, мы тут лошадок нашли бесхозных. Наверно, сбежали от кого-то. Придержите у себя, напоите пока, может, хозяева объявятся, — объяснила я орчанке в таверне при стоянке.

Уверена, уже сегодня лошади будут приставлены к делу.

Волки-охранники обнюхали нас и посторонились, пропуская к нашему мобилю.

Стрекоза! Несмотря на усталость, короткий сон на лавке в участке, несмотря на то, что я едва волокла ноги, войдя в Стрекозу я широко улыбалась. Рычаги я обнимала как родные.

За лесом я подобрала компанию с тюками. Ох и прибарахлились же мы! Куда все девать будем. Но пока сложили вещи в задней части, в несколько рядов забив проход.

Карету Аларик с Лавронсо и Бейлиром перевернули на бок. Теперь ее с дороги почти не видно в густой траве и кустах.

На хороший серый и гладкий тракт мы выезжать не стали. Я пересекла его, только кинув взгляд на ровное полотно дороги, и погнала мобиль дальше по проселку между полями.

— Лавронсо, крикни им, чтоб нашли карту. Мне нужен лес где-нибудь за Зеленопольем.

— Еще севернее?

— Да. Пусть между нами и Иркатуном будет расстояние побольше.

Через час я крутилась по проселкам, потом по лесным дорогам, пока не нашла подходящее место.

Бейлир и Лавронсо как самые бодрые взялись за устройство лагеря. Развернув крылья Стрекозы они приказали остальным спать.

Вечером собрался совет. Из еды у нас остались только крупы. Но Хитра отпраздновала возвращение в лес, доставив нам три заячьи тушки, и собралась за четвертой, когда мы ее остановили. А травок мы завтра по свету нарвем.

Судя по карте, до большого селения минут сорок бодрым шагом. Эта часть королевства густо населена — с востока сюда приходили первые человеческие поселенцы, с юга — степняки, поэтому найти по-настоящему глухое место здесь трудно. Повезло с лесом, и то хорошо.

До Зеленополья идти немногим менее двух часов. Что ж, завтра прогуляемся туда с Секирд. Нужно посмотреть на поле боя, прежде чем расставлять войска.

Странно, неужели совсем недавно мне надоела похлебка? Я уже соскучиться успела по

нашим посиделкам у костра.

— Лавронсо, Бейлир, а расскажите про бал? — послышался голосок Хитры.

— И правда, — согласилась я. — Расскажете? Как вас приняли?

Бейлир заломил брови, и его вытянувшееся лицо было готово изобразить “ах, ничего особенного, как обычно”, но Лавронсо хлопнуло себя по ляжкам и откинулось назад от хохота:

— Да! Непременно расскажем! Начинай, ушастый! — и засмеялось вновь.

— Донно Лавронсо, — обиженно начал эльф, — я выполнял свою задачу наилучшим способом. Мне стоило усилий держать леди Эливан в состоянии беспрерывной ревности, чтобы у нее и мысли не появилось покинуть бал и уехать в город.

— Да ладно, заливай. Расскажи, как тебя соблазняли! — дварфо продолжало веселиться. — Представь, Гарни, наша очаровашка кокетничала напропалую и собрала вокруг себя всех пустышек. Эта Эливан гроздьями снимала с него молодых козлят с одной стороны, с другой старых…

— Лавронсо!

— Вечно ты веселье портишь. Так вот, с другой стороны… э… козлят постарше. А козочки висли по центру, и представь, у каждой второй девицы на ушах уголки из серебра или золота с камнями, эльфийские уши изображают, — дварфо приставило к ушам согнутые пальцы, на что Бейлир закатил глаза.

— Донно Лавронсо, признайтесь, вы мне завидуете. Вас окружали скучнейшие матери семейств и кислые побитые жизнью лорды. Я же купался в юности и свежести!

— Ага, расскажи, как эта свежесть тебя на свидания звала и комплименты делала.

— Не их вина, что у юношей мало опыта!

— Мозгов у них мало, а не опыта. Как там один тебе говорил? Твои глаза как…

— Бородатое! — сорвался на рык Бейлир. — Прекрати!

— Ой да ладно, смешно же. Послушайте: “Твои глаза как рынок!”

— Почему рынок? — удивилась я.

С той же глумливой физиономией Лавронсо продолжало:

— “Твои глаза как рынок, в них можно потеряться!”

Птицы выпорхнули из кустов от взрыва смеха. Бейлир собирался было на нас обидеться, но все же присоединился к веселью.

— Что там еще было? Этот блондинчик что тебе сказал? Я по глазам видело, ты его прирезать хотел.

— Что эльфийские женщины обычно не в его вкусе, но лично у меня есть шанс исправить впечатление.

— И он выжил? — удивилась Секирд.

— Я должен был дать Гарни время, — развел Бейлир руками. — Пришлось сдержаться. Но его быстро оттеснил любитель крыс.

— Кто-кто? — удивились мы хором.

— Некий морской офицер, который решил развлечь меня рассказами, как они ловили крыс на корабле в дальних походах. Надо сказать, у вас, человеков, удивительные представления о рационе. Эльфы берут с собой кур или баранов.

— Кхм. Я думаю, что не ради еды они их ловили, а чтоб те не испортили продукты.

— А… и просто выкидывают за борт? Какое расточительство!

Мы с удивлением посмотрели на Бейлира, который состроил совершенно серьезную

физиономию, но не выдержав, прыснул.

— Тьфу ты, — насупилось Лавронсо, но тут же просияло снова: — Тебе стихи читали! Я слышало!

— Стихи? Эльфийке?! — опешил Аларик.

Его можно понять. Даже маститые человеческие поэты не решались побеспокоить эльфов своими творениями.

— Да, — гордо ответил Бейлир, но я видела, что он сам едва удерживается от смеха. — Послушайте!

И сложив брови домиком, изображая таким образом возвышенное настроение, с чувством прочитал:

— Любовь, как кровь, течет невидимой струей,
В сердце боль, страстей свирепейший прибой.
Судьба играет с нами злую партитуру,
Где кровь с любовью вместе горькая микстура.

— Нееет!!! — мы замахали на Бейлира, который явно наслаждался маленькой местью.

— А вот, представьте, экспромт другого молодого человека:

Скажи, прекраснейшая роза,
Достойны ли мои записки
Глубоких глаз твоих, как звезды,
Твоей задорной милой…

— Лавронсо, молчать!!! — заорала я, пока дварфо, уже открывшее рот, не добавило свой конец, наверняка отличавшийся от оригинала.

Смеяться больше никто не мог, только стонать.

Когда похлебка была съедена, бутылка вина, найденная в запасах Стрекозы, выпита, а существа вокруг костра не скрываясь зевали, мы стали расходиться. Лавронсо взяло на себя первое дежурство. Я задержалась возле него:

— Спасибо, что пошло с Бейлиром на этот бал. Я понимаю, тебе было невыносимо скучно…

— Скучно? — шепотом засмеялось Лавронсо. — Гарни, кислый побитый жизнью лорд — это автор монографии “Влияние степных народов на декоративное искусство Вавлионда”, а скучнейшая мать семейства — маг-лекарь с тремя звездами. Она нацепила на левое запястье горсть побрякушек, чтоб браслет маг-лекаря не бросался в глаза, но мы с час проболтали об особенностях магии при закрытии внутренних кровотечений. А лорду я рассказало, какие штуки видело у дальних степняков, даже нарисовало ему чуток. — Лавронсо хитро глянуло на меня. — Остроуху не говори, ага? Расстроится.

Глава 47

Утром мы с Секирд собрались в поход. Хитру не брали. Она в прошлый раз нашла подходы к особняку по зарослям, и сегодня мы не станем тащить лисичку в такую дальнюю дорогу. Просить подвезти нас мы никого не будем, чтоб не оставлять следов.

В селении мы купили несколько кочанов капусты, морковь, ковригу хлеба и круг колбасы, и двинулись дальше. Хлеб и колбасу взяли для себя, остальное для дела.

Особняк в Зеленополье был двухэтажным белым домом, стоявшим минутах в десяти от ближайшего селения, небольшого, но, думаю, достаточного, чтобы оттуда нанимать прислугу и доставлять свежие овощи. Я понимаю, что подкупило Меркатов: дом был окружен высоким забором, наполовину каменным, наполовину металлическим с острыми пиками по верху. Перелезть, конечно, можно, но чтоб сделать это быстро, нужна неплохая подготовка. А медленно — охрана заметит.

Охрану девушки увидели еще в прошлый раз. Во дворе стоял отдельный флигель для охранников, конюшня, а вот это здание совсем новое и выглядит как большой сарай. Наверняка для мобилей.

Я села на пригорок, удачно поросший кустами, и принялась зарисовывать увиденное. Секирд должна подкрасться с той стороны, где небольшой сад. Если с девочкой гуляют, то там. С ее зрением она рассмотрит все лучше, чем я.

— Ну что? — спросила я ее полчаса спустя, когда она подкралась ко мне из кустов.

— Дерик был прав. Распорядок дня девочки не изменился. В одиннадцать утра ее вывели из дома, ровно в полдень завели обратно.

— Значит, можно рассчитывать на то, что будить ее будут в восемь.

Я нанесла еще несколько штрихов на рисунок.

— Как думаешь, добьет отсюда Бейлир до ворот?

— Конечно. Для него это ерунда.

Я кивнула. Это сходилось с моими мыслями.

Обернув художества в тряпицу, я припрятала их на дно корзины под овощами. Поднялась на ноги, отряхнула юбку, и мы с Секирд пошли по полю вокруг поместья. Стоило еще заглянуть на задний двор.

Внутрь нас пустили, хоть и с некоторой опаской. Неприятный тип маячил за плечом, пока я торговалась с кухаркой, пристроив часть моркови и всю капусту. Всхлипнув носом, "парнишка-орчонок", который тащил мешок, попросил промочить горло, и Секирд ненадолго позвали внутрь.

Ее не было меньше минуты, но когда Секирд с кухаркой вернулись, я заполошно визжала на охранника, что нечего руки распускать, я ему не девка, я баба приличная. Очень хотелось сломать то, чем он посмел ухватить меня за мягкое место, но нельзя.

Избавившись от мешка мы походили по лесу вокруг. План начал складываться.

Вернулись мы к вечеру. Ноги гудели, голова слегка кружилась от жары, вода во флягах давно кончилась, хоть мы и пополнили их в селении, заодно закупив овощи и зелень сегодня на ужин. Последние четверть часа мы еле двигались, но что поделать, не все ж на крупах и зайцах жить.

Я воспользовалась душем и переоделась в свободные штаны. Оставшись босиком, я вышла из мобиля, села на траву, прислонилась спиной к бревну, вытянула ноги и прикрыла

глаза. Не прошло и двух минут, как я почувствовала, что сильные, но осторожные руки разминают мои ноющие икры. Нужно было вежливо попросить остановиться и намекнуть, что больше так делать не стоит, но не смогла. Я размякла и наслаждалась прикосновениями Аларика, который никого не смущаясь водил руками под моей штаниной. Закончив с мышцами он перешел к пятке. Я постаралась сдержать смешок от щекотки, когда он провел пальцем вдоль стопы, и попыталась сурово на него глянуть, но встретила его теплую улыбку. Он помнит, он все помнит. Я закрыла глаза и откинула голову назад, чтоб не выпустить на волю выступившие слезы.

Справа послышалось ворчание дварфа, который отчитывал Секирд, что нельзя так перегружать мышцы. Приоткрыв один глаз я покосилась в их сторону. Лавронсо занимался ногами девушки, а та лежала на животе, и на ее губах играла мечтательная улыбка. Боюсь, я сама в тот момент выглядела не лучше.

Демоны, Небесные сады, за что вы со мной так?

* * *

Похлебка закончилась, салат мы доели, Бейлир взял мандолину, Секирд — скрипку, Лавронсо прогрело над костром тамбурин, Хитра надела пышную юбку с оборками, мы с Алариком заняли места в первом ряду, и я постаралась забыть обо всем. О том, что мне никогда не быть вместе с мужчиной, который сидит рядом и как бы невзначай положил ладонь на мою руку. О том, что завтрашний день и ночь мы будем готовиться к налету на поместье. О том, что еще по дороге сюда я придумала, и как вытащить девочку, и как уйти от погони. О том, какую цену я за это заплачу.

Друзья играли, пели и танцевали, мы ободряюще хлопали, пускали фляжку по кругу, и я делала вид, что не замечаю горящего взгляда Аларика, который посматривал то на меня, то на темнеющий лес. Нет, нет, нельзя, потом будет во сто крат больней.

Мы допили, допели и отправились спать.

* * *

Утром я проснулась раньше прочих, только эльфа уже не было в мобиле. Когда я привела себя в порядок, Бейлир помешивал бодрящий взвар на греющем артефакте, переставив его наружу, чтобы не мешать остальным. Я поежилась от утренней прохлады, взяла чашку теплого питья и сделала пару глотков.

Укутавшись пелериной я села у потухшего костра. Бейлир примостился рядом и вопросительно на меня посмотрел. Мы с напарником слишком хорошо знали друг друга. Такое мирное утро, так тихо стелется голубоватый туман под розовым небом… Но — пора.

— Бейлир, у нас большие неприятности.

— Только сейчас? — фыркнул он.

— Я и так крутила, и так, но с этими их дуо-мобилями и новыми дальнобойными артефактами как бы мы ни поехали, нас нагонят. Боюсь, что время лука и меча закончилось.

— Гарни, одна стрела, и дуо-мобиль будет некому вести. Сто шагов? Я попаду за двести.

— Лавронсо нашло мастерскую, где собирали эти дуо-мобили. Там небольшая дварфийская семья, они разговорились. Дуо-мобили непростые. Магротор и основу им привезли, но остальное делали на месте. Стекла закаленные и зачарованные. Ты уверен, что пробьешь их стрелой?

Бейлир помрачнел. Я продолжала:

— Может быть, эльфы и придумают что-нибудь позже, но пока, увы, твой лук бесполезен. Я бы на месте тех, кто станет за нами гнаться, первым делом подожгла Стрекозе

колесо. Ехать мы не сможем, укрываться внутри тоже. А дальше… всех, кроме девочки, подстрелят издалека.

— Ну это мы еще посмотрим, — проворчал Бейлир, но я покачала головой. Он, может быть, и увернется от стрел и огневиков, но двоих-троих из нас они положат.

Помолчав, эльф осознал всю горечь положения. Я никогда не видела моего напарника таким расстроенным. Тяжело признавать, что ты остался позади прогресса. И все-таки Бейлир нашел силы собраться:

— Говори сразу, что делать.

Мне польстило, что мой напарник уверен — я что-то придумала. Но я и правда придумала.

— Достать два трупа, мужской и женский, желательно комплекции, похожей на нашу, хотя бы отдаленно.

— И как ты собираешься выдать их за нас?

— Переодеть и сжечь, — я прикрыла глаза и глубоко вдохнула, — со Стрекозой.

Сказать, что я ошарашила Бейлира — ничего не сказать:

— Все настолько плохо?

— Да. Мне придется увести за собой погоню. Я дам вам с Алариком время, если повезет, сутки. Наемники Меркатов будут искать следы девочки вокруг места пожара, и когда спохватятся, что их там нет, вы все уже будете на пути в столицу: ты, Аларик, ребенок, пакет. Я оставлю пару наших вещей в нетронутой огнем части или рядом брошу, и заодно закроем дело о Гарниетте и ее напарнике, раз уже стражи знают, что мы в этих краях.

Бейлир тяжело вздохнул:

— Тебе дорога Стрекоза. Мне, честно говоря, тоже. Может, припрячем ее и сделаем вид, что девочку увезли в карете, а сами поедем на лошадях через поля?

— Дуо-мобилей два. Даже если один поедет за каретой, второй может порыскать по окрестностям. А еще конные присоединятся, особенно если что-то случится с одним из мобилей. Нет, только Стрекоза так приметна. Узнав, что в деле два бывших порученца на мобиле, будут гнаться именно за мной. Я поеду на запад в направлении Боулесина. Вполне понятно, что барон приказал привезти дочь домой, не так ли? Вы с Алариком поскачете на север, а там затеряетесь и привезете в столицу пакет.

— Может, я отвлеку охрану, вы к мобилям, я тоже с другой стороны перемахну забор, мы их подорвем? А на конях за Стрекозой не угонятся.

— Нет. Мы не знаем, сколько охранников, у кого длинностелы, как умеют ими пользоваться. Есть риск, что успеют кого-нибудь из нас подстрелить.

Бейлир уже скорбел по Стрекозе как по живому существу. Я сама за пять лет с ней сроднилась. И покупали мы ее вместе с Нимнадилем… Но все же это только машина.

— Трупы я тебе достану. Выкопаем, что посвежее. Запах будет…

— Запах от любых будет. Положи в мешок с телами артефакт из холодильного шкафа, нам все одно больше не понадобится. И знаешь… не говори остальным про Стрекозу. Скажем, что я увожу погоню за собой, и дальше у меня есть план, как скрыться. Но на всякий случай гольдены за это дело пойдут через тебя. Договорись с бароном про оплату, и с остальными, как рассчитаться.

Бейлир кивнул и вдруг странно посмотрел на меня:

— Гарни… а ведь ты не вернешься. Ты сожжешь Стрекозу и исчезнешь. И гольдены от своего Аларика брать не будешь.

Догадливый.

Я пожала плечами.

— Бейлир, ты же понимаешь, что нам с тобой больше работать нельзя, слишком приметная пара получилась.

— Я не про себя. Я не пропаду.

— Он тоже.

— Зря ты… Хоть скажи, как тебя можно найти, весточку передать. Мне скажи.

— Чтобы ты, романтичный мой бард, попытался направить друг к другу души, разъединенные злым роком? — я попыталась состроить самую циничную из своих улыбок. — Так будет лучше для всех, поверь.

Мне не понравилось, как он хмыкнул.

— Бейлир, не стоит этого делать. Не ставь Аларика перед выбором: топить родственничков, защищая детей и баронство, или искать меня.

— Ладно, ты и впрямь взрослая девочка. Делай, как знаешь, — сказал эльф и вышел за дверь.

Глядя на рассветный туман, я снова перебрала в голове план. Нам нужна фора по времени, иначе дуо-мобили догонят Стрекозу. Наши недруги должны увидеть, как девочка садится в серый дом-мобиль, и как мы ее увозим. Значит, расстояние должно быть маленьким. Но на маленьком расстоянии нас догонят. Задачка была непростой.

Непростой, но решение у меня было. Какое счастье, что я попросила Лавронсо закупить несколько не совсем законных вещей заранее!

За завтраком я посвятила друзей в план нападения на особняк.

— Ты пойдешь в особняк? — недоуменно произнес Аларик. — Может, все-таки мы с Бейлиром?

Я не сразу заметила, как на меня смотрит остальная команда. Аларик и Лавронсо — напряженно-недоверчиво, и даже Бейлир — Бейлир, мой напарник! — с сомнением, наигрывая на мандолине что-то минорное.

Что с ними? Какая муха их укусила? Стоило подефилировать пару дней в платье обыкновенной женщины, как они все забыли?

Я обвела всех троих взглядом и начала тихо, можно сказать, задушевно спросила:

— Уважаемые лорды, дварфо, я надеюсь, вы не думаете, что эта задача мне не по зубам?

— Мне бы не хотелось, чтобы ты ввязывалась в это сама, — начал Аларик.

— Наши желания не всегда выполнимы, Дерик, — ответила я, глядя на него в упор. — Это не первый и даже не пятый раз, когда я спасаю заложников. Какими бы законными ни были задачи порученцев, но наши методы, бывает, ходят по грани, а порой за нее заступают. Лавронсо, я не знаю всего, чем ты занималось в прошлом, но не думаю, что тебя пытались убить столько же раз, сколько меня, и я, как видишь, жива. — Дварфо хмыкнуло, но Аларик при этих словах вздрогнул. — Бейлир, ты со мной два года. Я знаю, что эльфиек-воинов рождается меньше, но если уж выдали боги дар, никто не сомневается, что ваши женщины могут стоять в одном ряду с мужчинами против клыков буринкантады. Неужели ты нахватался дурного от людей?

Эльф тряхнул головой, будто и впрямь отогнал морок, и провозгласил:

— Нечаянные сюрпризы судьбы порой слишком жестоки для хрупких человеческих существ, но я уверен, что твоя сноровка и ловкость будут воспеты в балладах.

О, у нас снова бард…

Мы разошлись готовиться к завтрашнему дню. Лавронсо задержалось возле меня:

— На два слова, Гарни.

Я увела Лавронсо под прикрытие задней части Стрекозы, и едва мы скрылись с глаз прочих, дварфо яростно зашипело:

— Ты с мужиками вообще никогда дел не имела?

— Имела. Дважды. Благодарю, но на этом предпочитаю закончить опыты.

— Тьфу ты. Не понимаешь, что ль? Когда ты рисуешься, мол, я такая вся из себя, драконий огонь прошла и не моргнула, надо будет, еще пройду… Не видишь, что лорд твой готов тебя спеленать по рукам-ногам и утащить в замок, чтоб в опасности не совалась?

— Вижу. И что? — осведомилась я холодным тоном, приподняв бровь. — Это не моя беда, если он не понял: я стала другой за девять лет, и будет надо, я и впрямь сунусь в драконий огонь.

Лавронсо зарычало и постучало себя костяшками по лбу.

— Передо мной хоть не хвались. Мужика своего пожалей! Кто тебе, неразумной, сказал, что ему нужна кукла фарфоровая? Лорду твоему тридцать пять, он не вчера родился, и знает, что ты не за конторкой эти годы сидела. Но дразнить его зачем? На нервах поиграть захотелось?

— Он не мой и моим не будет.

Если бы от Лавронсо можно было отмахнуться как от назойливой мухи! Но дварфс сверлило меня яростными глазами. Зачем он бьет по больному, зачем?

— Лавронсо, я ценю твое участие, но у нас с Алариком все кончено и нового не начнется, и во многом именно потому, что я готова сунуться в драконий огонь, а он готов спеленать меня по рукам и ногам.

Лавронсо зыркнуло на меня и развернулось. Отходя, оно бурчало: "Говорили мне, что люди дурные, но чтоб так…"

Весь день мы готовились. Сооружали сюрпризы для охранников, перебирали вещи, Лавронсо с Секирд прошли по селениям, где купили старую повозку и четырех лошадей. Надо бы пять, но не нашлось, придется Секирд и Хитре вместе ехать.

Мы с девушками принялись пересматривать гардероб. Подружки отобрали все новое, оставив только по одному старому наряду на завтрашний день, и тот выкинут к вечеру. Тючки получились объемные, но не столь тяжелые, чтоб нельзя было устроить рядом с собой на лошади. Мне же почти все вещи придется оставить. Что ж… не в первый раз.

Работы не прекратилась даже в полночь. Многое можно было сделать только ночью.

Аларика я отправила спать, а когда он не послушался, Бейлир с Лавронсо не шутя принялись его связывать. Если очень нужно, эльфы могут обходиться без сна двое суток, а то и трое, и оставаться при этом бодрыми. Дварфы, орки и гоблины могут провести на ногах день, ночь и еще день, и не скажешь, что не спали. Аларик — человек без примесей, как и я. Но если я могу вести мобиль завтра на бодрящем зелье, а потом отоспаться (если жива останусь), то у Аларика впереди много дней, когда расслабиться он не сможет ни на минуту.

Еще через час эльф с дварфом вознамерились провести со мной подобную же беседу, но я не стала упорствовать и ушла спать сама. Все, что я могла сделать, было готово. Остальное закончит моя команда. При этих словах внутри что-то болезненно дернулось. Мы хорошо сработались вместе, но я знала, что рано или поздно придется расставаться. Увы, это произошло раньше, чем хотелось, и совсем не так, как думалось.

Глава 48

Проснулась я от того, что дварфо трясло меня за плечо. Лавронсо сделало мне знак выйти. Лежанка эльфа была пуста — он ночью пошел к особняку и должен был переночевать в перелеске, закончив с сюрпризами.

Светлеющее небо предвещало скорый восход. Не позже, чем через четверть часа нам всем вставать, но Лавронсо решило поговорить со мной наедине. Чего хочет от меня этот сводник?

— Донно Лавронсо, мы ведь уже все выяснили. Лучше бы вы поговорили с Аларикомчтобы не лез сегодня меня защищать, а дал сделать мою часть работы.

— О чем я с ним говорил, тебе знать не надо. Ты вот о чем подумай. Говоришь, разными вы стали? Когда вы слюбились, ты была после своего "Шиповника", а он где учился?

— В гимназиуме для сыновей аристократов. Там и науки, и начала военного дела, мечу и кинжалу тоже учат. Но все же у меня опыта больше, поэтому если он начнет меня к себе за спину задвигать…

— Тьфу ты. Не о том я. Ты после того, как от него сбежала, на охранницу училась, руки и ноги приставалам ломала, потом полуэльф тебя, небось, тренировал. Так? — Я кивнула. — И дальше учила жизнь. А у него гимназиум в юности, и все, после он разве что с такими же лордами до первой крови по молодости махался, а теперь и этого нет, только земли объезжает, жалобы разбирает, торговля, селянские дела… Не поняла?

Я пожала плечами, все еще не понимая, к чему ведет Лавронсо. Аларику понадобилась наша помощь не только потому, что в одиночку не справится. Совершенно очевидно, что у Аларика нет такого опыта стычек, выслеживания и охраны, как у меня. Скорее всего, он берет уроки фехтования, как всякий аристократ, чтоб не терять форму, но это всего-лишь уроки. "Наемник Дерик" пришел к нашей команде вовсе не ради моих красивых глаз, а скорее, вопреки.

— Значит, не поняла, — жестко сказало Лавронсо. — Твой барон встал с мягкого кресла и рванулся спасать дочь, хоть и не смыслит ничего в таком деле! А наняв нас, не засел в городе, принимая донесения, а идет своей шкурой рисковать! Если барона опознают, его убьют и похоронят как неизвестного наемника в безымянной могиле. Когда барон Боулес исчезнет, опекуном его детей станет кто?

— О… Отец Мирианы. И все баронство к их услугам.

— Он знает об этом. Помнишь, он говорил, что Меркаты мстительны, хотел высказать еще какое-то соображение и осекся? — кивнуло дварфо. — Он сильно рискует, но все равно рвется сам, потому что это его дочь. И потому что трое — больше, чем двое. И потому что отсиживаться за твоей спиной он не станет. Поняла хоть что-нибудь про своего мужика, неразумная?

Я, и правда, не задумывалась, чего все это стоило Аларику, что он чувствует… Я понимала, что он переживает за дочь. Я считала, что его потянуло ко мне, как к напоминанию о давних счастливых днях… Но я не осознавала, чем он рискует, и почему рискует.

Но что это меняет? Ничего!

— Спасибо за разговор, донно Лавронсо. Пора поднимать остальных.

Дварфо глянуло на меня, но ничего не сказало. Мы вернулись к Стрекозе.

Нет, я ничего не буду менять. Аларик слишком хороший человек для женщины, которой снятся бандитские ножи.

Остальные быстро встали, мы свернули стоянку, не особенно заботясь о том, чтобы прикрыть следы. Если все будет хорошо, через несколько часов мы будем далеко.

Проехав стороной мимо селений мы встали за лесом, совсем рядом с особняком Меркатов. Я собрала команду.

— Давайте повторим все еще раз. Секирд?

— Подъезжаю с вами на повозке к черному ходу. Стучусь с корзиной капусты. Укладываю спать всех, кто находится около двери. Кричу журавлем. Впускаю вас с Дериком внутрь и стреляю вверх дротиком с лентами. Остаюсь охранять выход. Если вдруг что не так, скидываю с повозки сено и поджигаю.

Составляя план, я долго обдумывала первый шаг и в конце концов признала — только безобидного орочьего подростка подпустят достаточно близко. Аларик-Дерик как взрослый мужчина “диких кровей” вызывает опаску. Кроме того его могут узнать в лицо. Я пойду на дело в штанах, и женщина в таком виде настораживает даже больше полугоблина. Так что идти первой придется Секирд.

— Дерик?

— Подъезжаю с Секирд и с тобой вместе к черному ходу, ждем ее знака. Если кто-то еще останется на ногах, укладываем их спать. Входим внутрь, поднимаемся на второй этаж, ищем детскую. Всех, кто встречается на пути, усыпляем зельем или дротиками из миниарбалетов. В крайнем случае, вырубаем вручную. Забираем Фелисию, возвращаемся к выходу.

— Ты помнишь, что в детскую я вхожу первая? Гувернантка не должна видеть тебя в лицо.

— Помню, — кивнул Аларик. — Сажаем Фелисию в повозку, грузим туда же слугу, а лучше охранника, и вместе с Секирд гоним через лесок к Стрекозе.

— Меня не ждете, я побегу напрямик через лес, чтоб встретить вас в Стрекозе. — Я поймала взгляд Аларика. — Дерик! Мы договаривались, что мои приказы не обсуждаются, и так все на волоске висит! — Я обвела команду взглядом. — Друзья, я выверяла этот план до минуты, а кое-где и до секунды. Это единственный способ закрыть все долги и решить все вопросы. Я доберусь до Стрекозы, обещаю, иначе кто же мобиль поведет?

Аларик нехотя кивнул.

— Бейлир ночью подложил к ограде мешки с сюрпризами. Он занял место на холме. Когда увидит стрелу с лентами, устроит фейерверк у северо-западного угла и всадит по стреле в ноги охранников. Если повезет, еще и дуо-мобиль подстрелит. Когда мы управимся, Бейлир как раз должен добраться до Стрекозы. Лавронсо?

— Жду вас с лошадьми в перелеске за рекой, — проворчало Лавронсо, недовольное своей ролью. Но что поделать, оно слишком неуклюже и приметно для роли лазутчика. А с лошадьми и правда кто-то должен ждать.

— Хитра?

— Я сижу внутри мобиля. Если вдруг подойдут чужие, я включу пищалку в контуре. Когда подъедет повозка, я обернусь в зверя, чтоб успокоить Фелисию.

Бывшая княжна пыталась изобразить недовольство, но было видно, что она не против оставаться в тылу. И правильно. Не ее это занятие — по бандитским засадам бегать. Пусть хоть эта девочка убережется.

* * *

Секирд ушла с мешком капусты, и сейчас самый страшный в моем плане момент — мы с Алариком остались вдвоем.

— Лори, — начал он, и я хотела его остановить, но он покачал головой. — Я понимаю все, что ты можешь сказать. Но я хочу, чтобы и ты знала: я люблю тебя такую, какая ты есть. Просто знай об этом.

Я хотела ответить, что он ни демона не знает, какая я есть, но не успела. Раздалось курлыканье Секирд, мы слезли с повозки и вошли во двор.

Усыплять никого не пришлось — Секирд выстрелила дротиками в двоих охранников снаружи, а внутри ткнула в слугу и в кухарку. Теперь она наставила арбалет с приметной стрелой в небо. Кивнув ей, мы вбежали в кухню.

Снаружи грохнуло. Где-то в доме закричали, но далеко от нас. Если кто-то и есть в этой части дома, отвлечется на шум в другой стороне. Мы прошли через кухню и быстро поднялись вверх по черной лестнице.

Коридор был пуст, и за третьей дверью я обнаружила едва проснувшуюся девочку в кроватке и сонно хлопающую глазами женщину, в которую с удовольствием всадила дротик. Махнула Аларику, он подхватил Фелисию и вышел.

Расставив руки, в одной из которых поблескивал клинок, на нашем пути стоял охранник.

— Дерик, я его задерживаю, ты уходишь. Это приказ! — шикнула я, когда он дернулся, чтоб что-то сказать.

Сделав ложный выпад, я отвлекла охранника, и Аларик смог пробежать к черной двери. Противник кинул взгляд на “наемника” с девочкой, но я показалась ему более интересной целью.

Еще бы — передо мной стоял лысый бандит, представлявшийся стражем. За прошедшие недели он оброс коротким ёжиком и заметной щетиной, но я все равно его узнала, как и он меня.

Бандит широко улыбнулся. Я тоже. Мы оба знали, что не отпустим противника живым. Он меня — потому что я дважды увела у него из-под носа артефакт, я его — потому что уверена, что и до оникс-мобиля за ним гора трупов.

— Добегалась, курица.

Конечно, нельзя же женщину просто так убить, ей для начала нужно объяснить ее место. Некоторых жизнь ничему не учит.

— Знаешь, в чем твоя ошибка?

— Давай, дура, покудахчи, — осклабился бандит.

— Ты, как и многие другие, считаешь…

Я вытащила нож из его бока. Бандит все еще попытался меня схватить, но лишь мазнул перепачканными в его же крови руками. Вторым ударом я всадила нож в сердце. Лысый бандит, как и многие другие, считал, что противник непременно договорит фразу до конца, прежде чем нападать.

Слетев вниз по черной лестнице я проскочила мимо Аларика и Секирд, которые грузили в повозку бессознательного охранника, поймала облегченную улыбку мужчины и припустила по лесу. Мне нужно встретить их в мобиле, чтобы сыграть последний акт нашей пьесы.

Бейлир встречал меня у Стрекозы, подготовив лук на случай неожиданностей. Хитра

открыла дверь, и я вскочила внутрь.

Пробежка по жаре и пыли не прошла даром, поэтому я сразу влетела в душевую. Плеснув в лицо два пригорошни воды, я протерлась полотенцем, оставляя на нем разводы пота и грязи, и, глянув на себя в зеркало на двери, едва не отпрыгнула в ужасе. Но снаружи раздались голоса — подъехала повозка — и времени у меня не осталось.

Эльф взял перепуганную девочку из рук "наемника" и унес внутрь мобиля, где Фелисию уже ждала милая пушистая лисичка. Секирд вскочила в двери за ними. Устроившись рядом с Фелисией, она обняла девочку и погладила зверька, подавая пример. Скоро ребенок забудет горести, примется чесать рыжий хвостик и трепать бархатные ушки.

Меркатовский охранник, которому Секирд по дороге сунула под нос тряпку с резким запахом, уже проморгался, пришел в себя и таращил глаза на происходящее. Между "наемником" и Бейлиром разгорался спор.

— Этот нам на что? Мы тебе за девчонку платили.

— Ты же сам сказал, что хорошо бы гадов наказать. Вот, наказывайте! — "полугоблин" ткнул пальцем в позеленевшего от ужаса пленника.

— Тьфу ты, — сплюнул Бейлир. — Куда его? Гарниетта!

Я высунулась, чтобы поставить точку в этой пьесе. По лицу связанного охранника я поняла, что объявления о нашей поимке он помнит, и сложил одно с другим.

— Да прирежь, и дело с концом.

Бейлир кинул звенящий мешочек "полугоблину", тот поймал его и принялся распрягать коня.

Напарник задумчиво смотрел на пленника. Я с удовлетворением услышала звук, порожденный страхом. Бейлир улыбнулся изысканной эльфийской улыбкой и захлопнул дверь мобиля, оставив обмирающего от ужаса связанного негодяя в повозке. Теперь тот доложит погоне, что Гарниетта Раеналд и эльф, которых разыскивает Корона, увезли девочку в сером дом-мобиле. Его самого спасло только то, что эльфы — не головорезы, а Гарниетта Раенальд ручки марать не захотела. Уверена, что Меркаты пошлют гонца к стражам — известные преступники похитили ребенка!

Мы тронулись. Через четверть часа пролетели мост, и эльф, высунувшись из заднего окна, всадил горящие стрелы в мешки со смолой и кристал-артефактами. Два взрыва оповестили нас, что моста больше нет. Двух соседних тоже нет, их эльфийско-дварфско-оркская троица уничтожила еще ночью. Я мысленно попросила прощения у селян за неудобства, но наше дело слишком важное. Морковка с картошкой подождут, а существа при надобности и на лодке переправятся. Для мобилей придется наводить хотя бы временный мост, и это задержит преследователей на пару часов, а может, и больше.

Бейлир присел рядом со мной:

— Мне удалось всадить в колесо одного из мобилей горючую стрелу. — Я удовлетворенно кивнула. Если по нашим следам поедет только один мобиль, тем больше шансов, что он увяжется за Стрекозой. Сгоряча я резво повернула рычаг, но напарник напомнил: — Сильно не разгоняйся, Лавронсо где-то здесь ждет.

Бейлир глянул на меня, будто хотел что-то еще сказать, но я кинула на него предупреждающий взгляд, и он ушел назад.

Дорога вильнула, и я притормозила. Лавронсо вынырнуло из подлеска, подбежало к Стрекозе, открыло панель у магротора и вытащило оттуда какую-то железяку. Не знаю, что вчера подготовило Лавронсо, но оно обещало, что мобиль будет выть как раненый

мракинавр, и греметь, как воз пустых бочек, привлекая внимание.

Бейлир распахнул дверь, передал Фелисию Лавронсо и снова глянул на меня. Я подбадривающе кивнула. Он помог спуститься вниз Секирд с лисицей на руках, и спрыгнул за ней сам. Хлопнула дверь. Всё. Лавронсо увел компанию к лошадям, и вскоре цепочка всадников двинется в лес по еле заметной тропинке. Аларик сейчас едет к месту встречи с остальными. А я погнала Стрекозу вперед.

Я двигала рычагами, выворачивая на тракт, и теперь неслась по дороге, объезжая телеги, возки и редкие дилижансы. Некий карет-мобиль попытался меня обогнать, но вскоре отстал — стараниями Лавронсо и Лигатрика Стрекоза, ехала намного быстрее, чем можно ожидать от дом-мобиля.

Едва освободилась одна рука, как я достала флягу и сделала несколько глотков того, что Бейлир назвал демонской смесью. Зелье наполняло бодростью вперемешку со злостью, выжигая хандру и печаль. Не время для этих чувств, не время. Для них никогда не время. Но через два, может, три дня, я залягу где-нибудь в третьесортной таверне и снова буду задыхаться от режущей меня внутри ржавой пилы. На этот раз зубьев у нее будет намного больше.

У меня снова не было времени попрощаться с Алариком, я даже не могла посмотреть на него в последний раз. Лавронсо, Секирд, Фырхитра — они еще не знают, что мы больше не увидимся. Бейлир… Бейлир, конечно, попробует меня отыскать, но не найдет.

* * *

Отъехав достаточно далеко, я стала сбавлять ход у городков и селений, мимо которых шел тракт. Пусть Стрекозу запомнят и доложат преследователям.

Через три часа, придерживая коленом главный рычаг, я оставила мобиль катиться под уклон и быстро поменяла почти пустые кристаллы на полные. Можно лететь дальше.

Тракт здесь сравнительно новый, потому прямее и шире, чем в иных местах, и если заворачивался, то огибал совсем непроходимые чащобы и болота. Преследователи на дуо-мобиле не смогут сократить путь через поля или тропинки в редколесье. Сбавив скорость, я проехала через несколько крупных сел, объехала по краю городок, и когда солнце стояло в зените, загнала Стрекозу в неглубокий овраг. Облаченное в мою рубаху и в любимые юбку-брюки тело некоей женщины средних лет заняло кресло водителя. Мужской труп в сюртуке Бейлира устроился рядом, на втором сидении. Эльф оставил лук и стрелы — на деньги от дела он купит новые. А вот мандолину забрал — моего спутника помнили как боевика, а не как барда.

Я быстро сменила одежду. Теперь я не то селянка, не то горожанка из бедных кварталов, не то селянская женщина, ушедшая на промысел в город. Грубая нижняя рубаха, чиненое потертое платье, чепец. Я глянула на себя в зеркало напоследок. Волнения дали о себе знать, и теперь, с напряженным лицом и поджатыми губами, расстроенная прощанием со Стрекозой — теперь меньше, чем на сорок лет, я не выглядела.

Очень хотелось снять со Стрекозы какую-нибудь деталь, хоть гайку, хоть набалдашник с рычага, но если меня будут обыскивать, это может навести на ненужные вопросы. Любую другую вещь я смогу объяснить, но не магтехническую деталь.

Я приготовила холщовый мешок, в котором селяне привозят на продажу муку. Одежды набралось прилично. Кроме белья там лежали два платья "сушеной старой девы", несколько пар чулок разной толщины, платок на осень, теплая пелерина и полусапожки. Рядом я примостила коробку с женскими штучками и томик гравюр Дорэра. Последний я не стала ни

продавать, ни оставлять в огне. Будто якорь, он цеплял меня за мысль о жизни, где будет место для книжного шкафа.

Книжный шкаф — это значит, не нужно решать, поставить второй стул или кровать пошире. Места хватит и для того, и для другого, и для книжного шкафа. Книжный шкаф — это значит, что я не переезжаю с места на место каждый месяц и даже каждый год. Я могу собирать книги, не опасаясь, что их придется бросать, продавать или пристраивать перевязанную бечевой стопку в дилижанс под ворчание других пассажиров. Книжный шкаф — это значит, что у меня достаточно гольденов не только на новую пару обуви взамен износившейся, но и на радости жизни. Например, на книги, хорошие книги, красивые книги, которые дешевыми не бывают.

Я провела кончиками пальцев по обложке, засунула альбом поглубже в мешок и перевязала горловину.

Передняя часть Стрекозы занялась так, будто только этого и ждала. Я надеялась, что огонь не доберется до полок у задней стенки, где я пристроила лук Бейлира и шляпку, в которой меня нарисовали на объявлении о награде. Шляпная булавка с навершием-брошью должна уцелеть в огне. Ее и правда изобразили точь-в-точь как на самом деле. Да, намек получился слишком грубым, но тем, кто "нас" найдет, тонкости ни к чему. "Мозг" этой компании сюда не доедет, а "мускулам" достаточно. Стражи наверняка ухватятся за идею нарисовать себе победу над страшными преступниками.

Хлебнув еще "демонского зелья" я загнала все чувства, кроме злости, внутрь, закинула мешок на спину и зашагала прочь.

Бейлир должен быть при Аларике. Они оставят Лавронсо продавать коней и пересядут на дилижанс в столицу: эльфийская дама, небогато одетый горожанин с примесью гоблинских кровей и его кроха сын. Лавронсо долго корпел над котелком с зельем и уверил нас, что его варево безопасно для ребенка, хоть и не такое стойкое, как то, которым Аларик менял цвет кожи себе. Но им много и не нужно, пары дней хватит, чтоб затеряться. Вторая бутылка вернет родной цвет и барону, и Фелисии, и в эльфийское посольство они придут самими собой. Останется только подобрать у эльфов что-то, достойное королевской аудиенции.

Остальная компания поедет на дилижансе в другую сторону, доберется до портового города и станет ждать нас в гостинице. Через несколько дней туда придет письмо на имя Лавронсо. Надеюсь, ни дварфо, ни Секирд, ни Хитра не будут держать на нас зла за такое прощание и с легким сердцем отправятся на Померанцевые острова.

Глава 49

Я прошла по лесу и выбралась на колею, которой, судя по "лепешкам", коровы ходили чаще, чем ездили повозки, дошагала по ней до тропинки вдоль поля, разулась и пошла пешком. Селяне, кто победнее, летом жалеют обувь, и следы босых ног никого не удивят. Наши преследователи будут искать мужские или детские следы в обуви — они знают только про одну женщину в нашей команде, и она осталась в мобиле. Нога у меня небольшая, с мужской не спутать.

По разным тропинкам, а то и по бездорожью я сделала крюк, обойдя городок с другой стороны, и вышла на проездную дорогу, по которой в город тянулись селянские возы и сами селяне, кто на коне, кто пешком. Поправив мешок и одернув юбку я пошла следом за семьей из отца и двух сыновей, которые несли на спинах коробы — видно, товар на продажу. Я начинала уставать, руки гудели — мешок оказался тяжелее, чем я думала, но так будет даже натуральней, когда на постоялый двор придет вусмерть усталая грязная женщина.

Мне пришлось обойти три двора и две таверны с комнатами, когда для меня, наконец, нашлась каморка. К ужину я спустилась, едва двигаясь от усталости. Упала на стул, исподлобья обвела публику взглядом — буйных и пьяных пока нет, но хорошо бы поесть и убраться наверх поскорей. В таком виде я никаких сомнительных желаний вызвать не могу, но береженого небеса берегут.

Похлебку я ела медленно, и так же медленно цедила слабый сидр. Торопливость — признак страха, а я просто немолодая усталая женщина, мне нечего бояться.

Но все-таки я вздрогнула, когда напротив меня на стул плюхнулось объемное тело. Подняв взгляд я наткнулась на мохнатые круглые брови и обросшую черной бородой добродушную физиономию.

— Бернард… — скривилась я. Плохо. Еще и дня не прошло, а кто-то узнал, что я осталась жива.

— Не кривись. — Понизив голос, он добавил: — Стал бы я тащить тебя на своем горбу, если б мог заложить. И не дрожи, тебя признать трудно, только… — он тронул пальцем нос, и я кивнула. Да, у оборотней хороший нюх, а я после сегодняшней прогулки явно не роза.

Я помолчала, двигая ложкой.

— Зовут тебя как?

Я поняла его вопрос: как меня зовут теперь. А я и не придумала. Пусть будет…

— Мабель. Откуда ты здесь?

— Пришлось уехать из города. Клан приставил меня к старейшинам вроде “подай-принеси”, и чую я, так и помру на побегушках. Я их понимаю, куда меня, такого, еще пристроить. И правда, что я могу? Хотел в учителя к молодняку пойти, но там своих хватает. Остался неприкаянный, со старейшинами поругался, чем-то я им не по нутру. Хотя кому я по нутру…

— Бернард, я могу тебе сходу придумать два-три дела, которыми ты мог бы заняться, но ты же на все скажешь “нет”.

Медведь неопределенно пожал плечами и поспешил сменить тему.

— Чудные дела у нас тут творятся, Мабель. Днем мобиль проскочил, большой, серый, а потом нашли его в овраге, наполовину сгорел, и два трупа. Какие-то типы на мелком мобиле прилетели, вертелись, вызнавали, а не останавливался ли тот мобиль, а не выходил ли кто, а

не видели ли кого чужого с ребенком.

Он вопросительно посмотрел на меня, я пожала плечами:

— Знать, не повезло кому-то в том мобиле, убились.

Медведь разочарованно кивнул:

— Вот и стражи сказали, что убились. Говорят, искали они этих двоих, чтоб за решетку засадить. А теперь все, мертвые валяются.

Я отхлебнула эль и пристально посмотрела на оборотня. Чего он от меня хочет? Бернард понял, что ничего от меня не дождется, перестал строить из себя простака и спросил:

— Что дальше делать будешь?

Я усмехнулась. Он всерьез считает, что я ему расскажу?

Оборотень фыркнул.

— Ясно. Есть уже у тебя кой-какие мысли, вижу, но делиться не станешь.

Подавальщица поставила перед ним кружку какого-то пойла. Он сделал несколько крупных глотков, посмотрел на меня из-за пушистых бровей, вздохнул, и внезапно сказал едва слышно:

— Много лет назад я шел с задания и наткнулся в подворотне на приличного господина с проломленной головой. Он был еще жив, я взял его на спину, перекинулся и довез до лучшей лечебницы. Его дочь у меня на шее рыдала и благодарила. Мы с ней болтаем иногда. Ее зовут Лилибет, знаешь такую?

Я молчала. Не думаю, что Бернард решил меня шантажировать. К чему он ведет?

— Я заходил к ней прощаться, и она рассказала, как обнаружилась среди ее лекарей стерва одна. А дальше уже пришлось ей на мои вопросы отвечать. — Я удержала лицо. Удалось. — Смешно. Это ведь мой заказ был девять лет назад.

Я приподняла брови в немом вопросе. Бернард подождал, пока подавальщица пройдет мимо.

— Заказ найти некую бывшую преподавательницу пансиона, которая исчезла из одного города рядом с баронским замком.

— Не нашел? — с деланным равнодушием спросила я.

Он глянул на меня и усмехнулся:

— Преподавательница оказалась умней меня. Но я не удивился. Другую заказчик и не стал бы так рьяно искать.

— Бернард, зачем ты мне все это рассказываешь? Чего ты хочешь?

— Ответа на один вопрос.

Я смотрела на него и ждала. Бернард отчего-то опустил глаза и подвигал бородой.

— Ты потеряла все. Имя. Положение. Своего первого мужчину. И второго — по сути, мужа. Ты добилась другого имени и другого положения, и снова все пошло прахом. Сегодня ты сожгла остатки своей жизни. — Он покрутил кружку, и поднял на меня взгляд. — Ты живешь дальше. Как?

— Бернард, — вздохнула я. — Если так и будешь ныть, никогда не узнаешь.

Глава 50

(Семь месяцев спустя)

Из окна пансиона "Дикий шиповник" была видна небольшая тихая улочка, доходные дома напротив и две пекарни, которые неплохо зарабатывали на пансионерках и преподавателях. Я любила сидеть на подоконнике своей комнаты на втором этаже, смотреть на редких прохожих и пить горячий отвар. Пейзаж был привычный, за столько лет на Шпалерной улице мало что изменилось, только вместо сапожной мастерской открылась лавочка женских мелочей.

— Госпожа Долран, вам письмо!

Девочка из дежурной группы подала мне белый конверт и убежала. Я взяла его, будто змею. Наверное, глупо было искать место в "Диком шиповнике", о котором я рассказывала и Аларику, и команде Стрекозы. Но только Аларик знал моё настоящее имя. Внутренний голос ехидничал "ты же хотела, чтоб он тебя нашел", но я попросила голос заткнуться. Я сбежала от Аларика дважды, причем второй раз я не давала ему ни капли надежды. Никакая любовь этого не выдержит.

В "Шиповнике" меня помнили. Когда в конце лета я переступила порог этого заведения, меня встретила директриса, госпожа Мостклер. В год моего выпуска она была старшей преподавательницей. Я знала ее строгой особой. Госпожа Мостклер школила пансионерок, будто собиралась отправлять на войну. "За воротами вас никто жалеть не станет", — повторяла она. Может быть, я и выжила только благодаря ее урокам.

Для многих пансионерок жизнь и правда готовила череду непрерывных битв из-за печального состояния семьи или непростого характера самих девочек. Несмотря на то, что меня отправляли домой под крыло обеспеченных родителей, госпожа Мостклер уже тогда подозревала, что судьба моя гладкой не будет. По ее словам, я была из тех пансионерок, которых они очень рады встретить живыми и здоровыми дюжину лет спустя.

Поступив учительницей в "Шиповник" я нашла крышу, стол, немного гольденов на необходимые вещи и время подумать, как быть дальше. Я преподавала гимнастические упражнения и основы защиты себя с помощью подручных предметов или без оных, и мои методы обезвреживания противников приводили пансионерок в полный восторг.

В конце прошлой осени "Вестник королевских стражей" писал про удачные дела за этот год. В их число попало расследование деятельности разбойной пары — госпожи Гарниетты Раеналд и ее напарника. Сия банда пыталась бежать на мобиле, но будучи загнанной в овраг, потерпела аварию и сгорела заживо.

Зимой все газеты пестрели о громком суде над графом Меркатом и его подельниками, кои едва не подмяли под себя управление южными провинциями и поставили контрабанду на такую широкую ногу, что у дознавателей пропал дар речи от возмущения такой наглостью. Корона выразила благодарность неназванной особе, доставившей важные сведения, которые помогли раскрыть заговор против королевской власти. Род Меркатов лишен титулов и дворянского достоинства, земли разделили и передали нескольким баронским родам.

Семья Аларика в безопасности. Про Бейлира, Лавронсо и девушек я ничего не слышала но отсутствие новостей — тоже хорошая новость.

Иркатун порядком перетряхнули, поменялась половина магистрата. Новым

бургомистром стало существо под стать духу города: полуорк, на четверть человек, еще на четверть эльф. Королевским указом его произвели из простолюдинов в баронеты. В день, когда газеты выдали эту сенсацию, по всему королевству орки с широкими улыбками обсуждали, мол, наш-то, ого-го, лорд теперь.

Размеренная жизнь будто убаюкала меня. После двенадцати лет приключений и опасностей я нашла прелесть в том, чтобы жить на одном месте и знать, чем стану заниматься через неделю и даже через месяц. Спустя полгода работы в "Шиповнике", когда растаял снег, и набухшие почки готовы были выпустить первые листики, я поймала мысль, что я не хочу ничего менять. Моих сбережений хватит на небольшую квартирку недалеко от пансиона, и еще останется про запас. В пансионе мне рады, я многому могу научить девочек, которых ждет непростое будущее. Чем не жизнь?

Я поделилась своими соображениями с директрисой, и та одобрила мой выбор, лишь посоветовала подождать до будущей осени. Может быть, у меня появятся другие мысли. Но ничего другого я не ожидала. Жизнь текла своим чередом, что еще может случиться. Все, что могло, уже случилось.

И вот — конверт. Я сломала сургуч и вытащила листок бумаги, на котором написано всего пять слов: *"Кафе "Незабудка", шесть вечера. Аларик."*

Едва сдерживая слезы, я закусила губу. Я безумно хотела поговорить с ним, хотела, чтобы он взял меня за руку, и — демоны! — никогда не отпускал. Но…

Если бы он начал писать о любви или умолять встретиться, я бы сожгла записку, напилась успокоительного зелья и легла спать до утра. Но короткая строка царапала любопытством. Что он скажет? Как он это скажет?

Я посмотрела на часы. Было полшестого. Закутавшись в серую накидку я выскользнула из пансиона через заднюю дверь. Напротив "Незабудки" располагалась лавка букиниста, с которым я свела приятное знакомство сразу после приезда. В комнатке преподавателя не было места для книжного шкафа, но я поставила книги в ряд наверху маленького секретера. Рядом с учебниками примостился альбом гравюр, и менялись книжки, которые я приносила от господина Томрика, а после продавала назад.

Моросил противный дождь, обычный в этих краях для конца короткой зимы, и посетителей в лавке не было.

— Госпожа Лориетта! Не ожидал увидеть вас в такую погоду.

— Здравствуйте, господин Томрик. Я сама не ожидала, — улыбнулась я.

— Вы посмотреть новинки или посидеть, повыбирать?

— Повыбирать, — кивнула я, и господин Томрик вернулся к починке старого манускрипта.

Набрав огромную стопку книг я устроилась недалеко от окна. Меня надежно скрывала от прохожих башня из "Начал артефакторики" в пяти томах, "Справочника по бытовым кристалл-схемам" в трех книгах (базовые, усложненные и мастерского уровня) и четыре тома текста, карт и чертежей под названием "Магические аномалии: применение в магтехнике" ("Синие горы", "Эльфийские леса", "Бурые топи" и "Континентальные равнины"). Я не маг и не техник, эта стопка служила мне ширмой у окна.

Что бы полистать в ожидании? Я потянулась к полке естествознания. Мне нравились не просто интересные или полезные книги. Мне нравились книги, которые приятно взять в руки, и глаз радуется. Обложки с тиснением тонкой работы, иллюстрации — произведения искусства, витиеватые буквицы-миниатюры, белые-белые листы… о, такую книгу я могла

долго рассматривать и поглаживать до того, как прочитать первую строку.

Увы, в последнее время бумага для книги становилась все желтее, картон обложек — все тоньше, рисунки — грубее. Что поделать, далеко не все хотят платить тройную цену за красивый вид. И если для разного рода справочников и учебников это было оправдано, то аляповатую картинку на шероховатой поверхности нового издания "Легенды и мифы Синих гор" я простить не могла. Томик, которым я зачитывалась в детстве, с золотыми буквами на крашеной ультрамарином коже, пришлось оставить в доме родителей.

Я взяла в руки "Словарь самобытных выражений гоблинских племен запада Великой степи (для взрослых читателей)", но взгляд то и дело обращался ко входу в "Незабудку" и столикам у ее окон.

Аларик пришел через четверть часа. Его кожа вернула свой обычный цвет, и одет он был в городской костюм благородного человека — длиннополое пальто-пыльник с широкой пелериной, узкие брюки и сапоги с каблуком в полпальца высотой — последний писк мужской моды этого сезона. Сквозь окно я видела, как он, перед тем, как сесть за столик, снял пальто и котелок, оставшись в бордовом сюртуке.

В своем убежище я вцепилась в книжную полку, удерживая себя от необдуманного шага. Нет, нельзя, нельзя бежать через улицу, уворачиваясь от пролеток и кэбрио, нельзя смотреть в серые глаза, прижиматься и чувствовать такие родные руки. Представив сцену нашей

встречи я будто смотрела со стороны: одетый по последней моде холеный аристократ и женщина в рубахе и мужских брюках, в пыли, покрытая пятнами чужой крови, какой я мельком увидела себя в зеркале в Зеленополье. Долго ли он будет обнимать такую женщину?

Сидя на полу, укрывшись от всего мира стопками книг, я неосознанно потерла грудь. Лавронсо был прав — начав болеть, меня уже не отпустит, но я боялась сменить боль потери на боль разочарования. Слишком другой я стала за эти годы. Неужели Аларик этого не видит?!

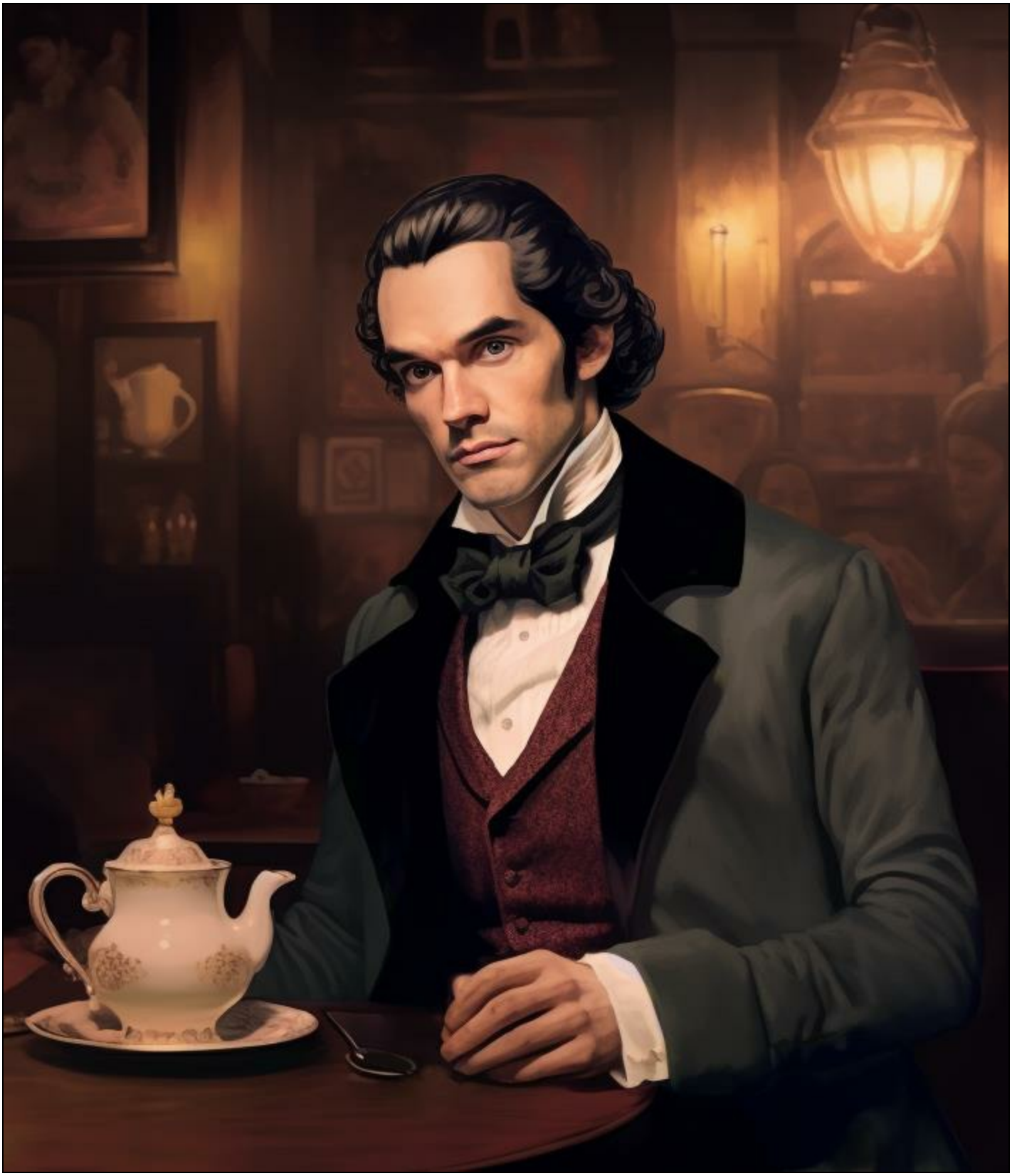
Он все еще любит ту светлую девушку двадцати лет, и он неизбежно станет искать ее во мне, но той девушки больше нет, она погребена под годами совсем иного опыта. А меня, меня настоящую, Аларик любить не может. Я настоящая должна была сильно обидеть его, исчезнув не попрощавшись. Что он хочет сказать мне? И зачем?

В восемь часов кафе закрылось. Аларик вышел последним.

В четверть девятого я подхватила три книги, расплатилась и попросила господина Томрика выпустить меня через заднюю дверь. Тот привык к моим чудачествам, которые до сих пор касались выбора книг, но кто знает, что придет в голову женщине.

Вернувшись в пансион через двор я поднялась на чердак и через окно под крышей наблюдала за фигурой Аларика, которая прошлась несколько раз вдоль забора. Он постоял немного, постукивая тросточкой по кончику сапог, решительно повернулся и ушел.

Я давно уже не плакала, поэтому полночи я пролежала, тараща в потолок сухие глаза, в кровь искусав губы. Утром из зеркала смотрел труп не первой свежести. Мне пришлось заглянуть в лекарский кабинет за настойкой от головной боли и для бодрости. По дороге я встретила госпожу Мостклер. При виде меня она отчего-то закатила глаза и покачала головой.



Глава 51

(Три месяца спустя)

В “Шиповник” все так же посылали дочерей разорившихся семей и тех, кто разочаровывал родителей неуемным поведением, поэтому на лето забирали совсем немногих. Одним некуда было возвращаться, других не желали видеть. Все же занятий было меньше, и преподавательницам давали отдых, но сначала отправляли в поездки по делу. Каждой из нас выдавали список пансионов в том или ином городе. Мы должны были побеседовать с директрисами и оставить им брошюрки, настоятельно рекомендуя отсылать нам "заноз", "головные боли" и прочие юные неприятности женского пола, которые скинули им на воспитание.

При виде списка "моих" пансионов, который протянула мне директриса, я сжала зубы, чтоб не наговорить лишнего. В первой строке стоял пансион, в котором я преподавала после побега от родителей. Я порадовалась, что увижусь с мудрой дамой, которая приняла участие в моей судьбе, но… но этот пансион в Боулесине! Вдохнув и выдохнув я все-таки заговорила:

— Госпожа Мостклер, могу я узнать, какую сумму пожертвований выделил на "Дикий шиповник" барон Боулес? — спросила я, скрипнув зубами.

Очевидно, что Аларик не за спасибо подговорил директрису отправить меня в Боулесин, город через реку от его замка.

— Имена жертвователей и суммы являются тайной, госпожа Долран, — официально улыбнулась та, но не выдержав, прорычала: — Он десять лет перечислял нам столько гольденов, что хватает трех девиц учить бесплатно. В ответ просил только одного: немедленно сообщить ему, если здесь появится Лориетта Долран. — И уже спокойнее добавила: — Хочешь отказаться от него? Откажись, но глядя в лицо. Я учила вас не бояться ни короля, ни отребья, ни храма, ни демонов. Неужели ты ничего не вынесла из этих стен?

* * *

Дилижанс высадил меня на станции Боулесина, когда солнце уже клонилось к горизонту, пахло сумерками, но день еще цеплялся за голубые проблески неба между туч. Я сняла номер в гостинице, освежилась с дороги и уставилась в окно. В этом городе я провела три года, когда работала в пансионе, здесь я познакомилась с Алариком… и рассталась. Окна гостиницы выходили на реку, за которой шла дорога в баронский замок. Последний раз я видела этот пейзаж десять лет назад.

Если я и увижусь с Алариком, то на своих условиях. Затянутое тучами небо, изредка вспыхивающие молнии у горизонта — прекрасное время для загородной прогулки. Прошел без малого год с тех пор, как я оставила горящую Стрекозу в овраге. Вскоре началась моя пристойная городская жизнь. Пора встряхнуться.

Я вытащила из саквояжа брюки, в которых тренировала пансионерок, и легкую пелерину. Блуза вполне сойдет за рубаху, ночью никто не будет присматриваться. Обувь в дорогу я по привычке надевала такую, в которой можно пробежать по лесу без ущерба для ног. Перекинув через плечо небольшую холщовую сумку я закрыла окно, заперла дверь и отправилась в сторону моста.

* * *

К замку я подошла, когда от заката осталась лишь полыхающая полоса на западе. Вечером похолодало, но разгоряченная быстрой ходьбой я пока этого не замечала.

Ров давно засыпали, подъемный мост убрали, проложив вместо него удобную дорожку, которая через десять минут ходьбы выходила на тракт. Я потопталась у поворота и пошла наискосок, по траве, за кустами, через сад, подобравшись к замку с другой стороны. Я собиралась покончить с этим делом сегодня, но теперь стояла у стен, смотрела на редкие тускло светящиеся окна и трусила. Моя решимость пропала.

На втором этаже донжона в окне мелькнула тень. Створки распахнулись. Человек постоял, глядя на городские огни за рекой, и скрылся внутри. В темно-серой пелерине и коричневых брюках я сливалась с землей, и меня он не заметил. Камни старого замка пестрели выщербинами, по стенам вился дикий виноград, и я не могла упустить такой возможности.

Упираясь носками сапог в выступы, цепляясь за карниз, я висела за окном кабинета Аларика и рассматривала сидящего за столом мужчину. Стены старинного замка строились в несколько рядов камня на случай осады, а эти окна пробили позже. Камин, письменный стол со стопками бумаг, сосредоточенный Аларик над книгой — я любовалась этой картиной, будто живописным полотном в рамке из серого камня, и толстые стены надежно отделяли мир барона Боулесина от безродной бродяги-наемницы, позволяя ей лишь заглянуть ненадолго.

От стука в дверь я едва не отпрянула, но вовремя спохватилась, что падать вниз со второго этажа так себе занятие. На мягком газоне я не убьюсь, но больно будет.

В кабинет влетела Фелисия и похожий на Аларика мальчик постарше. Женщина средних лет в скромном платье застыла в дверях. Дети обняли отца, он потрепал мальчика по голове, поцеловал в щеку дочь, та помахала ему ладошкой на прощание, и няня увела их спать.

Какая там ржавая пила… От этой сцены внутри прокатился горький огненный шар. Аларик собирался поговорить о нас? Неужели он не понимает, что Лори, которая ломала руки и ноги противникам в драке, всаживала клинок в ассассинов, ставила смертельные ловушки на разбойников, брела в болотной жиже по грудь и полночи пролежала в смеси навоза и грязи, чтоб подобраться к цели незаметно, этой Лори нет места в мире, где отец обнимает детей на ночь, и отблески камина пляшут на их умиротворенных лицах.

Молния сверкнула над головой, от удара грома заложило уши, и поток воды хлынул на землю, на стену замка, на меня. Я стала выбирать, куда поставить ногу, чтоб спуститься вниз, и слишком поздно сообразила, что в дождь люди обычно закрывают окно.

— Давай руку.

Не сомневаюсь, что в случае отказа Аларик просто втащил бы меня внутрь. Я схватилась за его запястье, он за мое, помог мне забраться в окно, и я щедро залила паркет кабинета натекшей с меня водой.

— Идем, — мужчина распахнул дверь, не ту, в которую входили дети, другую. Там оказалась ванная.

— Аларик, послушай…

— Непременно послушаю. Но сначала ты высохнешь. Разувайся и вставай под артефакт.

Он снял с меня накидку, я скинула полусапожки, и вокруг меня разлились потоки теплого воздуха. Аларик вытащил из моего пучка шпильки, и влажные волосы рассыпались по плечам. Я зажмурилась, чтобы отогнать воспоминания, как он перебирал мои пряди много лет назад.

— Ужин?

— Что? — не поняла я. — О. Нет, спасибо, я не голодна.

— Тогда вино. Когда высохнешь, заходи, — он махнул на другую дверь. Кажется, я знаю, что за ней.

Я не ошиблась. За дверью была спальня с горящим камином, напротив которого между низкими креслами стоял маленький столик с бокалами, бутылью вина и тарелкой закусок. Босыми ногами с подвернутыми штанами я переступила порог, и Аларик показал мне на второе кресло.

— Я собирался навестить тебя завтра в гостинице. — Начал он, разливая вино. — Но раз ты поторопилась… — Он подал мне бокал, поднял свой и тепло улыбнулся. — Госпожа Лориетта Долран, согласны ли…

— Аларик! — едва не расплескав вино я вернула бокал на столик. Кажется, я только сейчас опомнилась и обнаружила, что сижу у Аларика в спальне. — Ты знаешь, чем занимаются порученцы?

— Знаю. То сопли детям вытирают, то глотки бандитам режут. Иногда перегоняют ценных коров, ловят сбежавших карликовых тигров, перевозят взрывоопасные артефакты и секретные документы, которые могут разжечь небольшую войну. Да, Бейлир мне многое рассказал. Если ты помнишь, мы провели неделю вместе, а посиделки у костра располагают к откровенностям. Лавронсо тоже молчанием не отличалось.

Ох… друзья… Я хлебнула вина. Новость о том, что Бейлир и Лавронсо выложили обо мне все, что знали, стоило запить.

— Тебе наверняка известно, где они сейчас, — я не знала, что ответить на признание, и попыталась оттянуть разговор.

— Бейлир в Боулесине. Он обещал зайти завтра утром и сообщить, где ты остановилась. — Я скрипнула зубами в ответ. Будто бы ни в чем не бывало Аларик продолжал: — Лавронсо, Секирд и Хитра на островах. Лавронсо недавно написало, что получило лицензию лекаря. Секирд при нём, учится на лекарского помощника. Хитра нашла стаю оборотней, сбежавших из своих кланов, у них что-то вроде общины. Мордагу я помог вернуться в университет. Кто еще… Ах, да. Помнишь защитницу парков из Иркатуна?

— Леди Эливан? Конечно.

— Эльфийское посольство решило, что она достойна их заступничества. Тайный отдел согласился ее выпустить, но пожелал иметь на глазах. Посольство пристроило ее замуж за смотрителя дворцовых парков, полуэльфа.

— Полагаю, он симпатичнее виконта, — усмехнулась я.

— Намного, — кивнул Аларик.

Он подлил еще вина. За окном бушевала настоящая буря, а здесь камин трещал искрами, и внутри разливалось тепло от вина. Трясясь в дилижансе по дороге в Боулесин я решила, что расскажу Аларику о своей работе, и он сам от меня откажется. Теперь я видела — как неглупый человек он все понял еще в Стрекозе. Понял, но все равно искал меня! Как он может ввести в семью женщину с таким прошлым?

Не дождавшись от меня ничего, Аларик заговорил вновь:

— Я понимаю, что ты дала мне ответ тем, что исчезла. Даже Бейлир не знал, куда ты делась. По новостям с юга мы поняли, что все идет как задумано, но все же волновались за тебя. Вскоре мне пришло письмо из "Дикого Шиповника". Я узнал, что с тобой все в порядке, у тебя своя жизнь. Я пытался принять твое решение и тоже жить дальше. — Он помолчал. — Наверное, я слаб. Ты смогла уехать из Боулесина десять лет назад и ни разу не

посмотреть в прошлое, но у меня не получилось отпустить тебя. В тот год я искал тебя, оттягивая свадьбу, но не нашел. Теперь же, когда я узнал, что ты в "Шиповнике", я долго мучился сомнениями, но все же не выдержал и поехал к тебе. Ты не пришла в "Незабудку". — Он помолчал. — Я отчаялся, но госпожа Мостклер подала идею отправить тебя в Боулесин, когда учителя поедут по пансионам.

— Что? Это она придумала?

Госпожа Мостклер слишком хорошо знала меня еще с тех времен, когда я была резвой пансионеркой. Она знала, что я могла сбежать от Аларика, но отказаться от него, сидя рядом, глядя в лицо… На это моих сил не хватило.

Аларик кивнул:

— Да, она придумала. Признаюсь, я не возражал, хоть и был уверен, что все бесполезно. Но я слаб, — повторил он. — Госпожа Мостклер написала, что ты будешь здесь в начале июля. Я решил увидеть тебя хотя бы для того, чтоб услышать окончательное "нет" и больше ни на что не надеяться. — Он грустно улыбнулся. — Меня учили, что навязываться женщине, которая не хочет тебя видеть, дурной тон. И что мужчины должны быть гордыми. Наверное, я выгляжу жалко…

Я покачала головой. Уж точно не более жалко, чем женщина, подглядывающая за семьей любимого в окно второго этажа.

— Аларик, неужели ты не видишь, какой я стала? Я видела смерть, я сама несла смерть. Мне приходилось отворачиваться от существ в беде, которых я не могла спасти, потому шла к другой цели. Работая на тех, кто мне платил, я могла жонглировать другими существами, и не всегда знала, все ли фигурки останутся целыми. Я и сейчас не знаю.

— Я вижу, Лори, но совсем другое. Тем утром, когда мы снова встретились, твои друзья рассказывали мне про "капитана Цинтию". Эльф, дварфо и орк — мне представилось, что некая суровая госпожа командир держит в железном кулаке эту разношерстную компанию. Я был уверен, что встречу прожженную циничную даму, которая смотрит на мир как на скопище дерьма. Прости, что я так прямо. Впрочем, ты наверняка еще не и такое слышала.

Я хмыкнула. О да.

— Когда мы увиделись и пошли в лес, я цепенел от ужаса как никогда в жизни. Мне не было так страшно, даже когда я сделал глупость и задержался в дальнем селе без охраны, а кто-то из местных решил, что закрыть лица тряпками и пощипать барона будет неплохой идеей. Тогда я знал, что предпринять. Но что бы я делал, если Лори, которую я люблю, настолько изменилась?

— Аларик, я изменилась.

— Но не так. Лори, по делам баронства я сталкиваюсь с самыми разными существами. Я встречал тех, кто потух навсегда после пережитой беды. Я видел и тех, кто выбрал жизнь, где свету и вовсе нет места. И те, и другие видят вокруг только уродство, гнусь и мерзость. Все светлое для них — лишь прикрытие для неприглядной оборотной стороны. У всякой красоты они ищут изъяны. Светлые стороны души они считают слабостью, наивностью и гордятся, что избавились от этого недостатка. Они уверены, что смотрят на мир, как он есть, а на деле заблудились на его изнанке.

Я опустила глаза:

— Аларик, но именно через это я и прошла. Похоронив Нимнадила, я возненавидела весь мир. Я плохо помню те дни. Возможно, мне и не стоит их вспоминать.

— Ты прошла по тьме и вернулась обратно. Ты вернула свой свет, а может, зажгла

новый. У зла нет власти над тобой. Я не знаю, достоин ли я тебя, но я люблю тебя, может быть, даже сильнее теперь. Ты мне нужна, Лори, ты мне очень нужна, именно такая.

Я не знала, что ему ответить, а Аларик не знал, что еще мне сказать.

Мы помолчали, и он вздохнул:

— Лори, в твоем распоряжении гостевая комната. Утром мой экипаж доставит тебя в гостиницу, если… — Он посмотрел мне в глаза и с видимым усилием спросил: — Лори… Я тебе нужен?

Такое короткое слово "нет", но я так и не смогла его произнести. Я могла убегать от Аларика, но от себя не убежишь.

Я пыталась найти слова, но ничего не получалось. Я пыталась сказать что-нибудь уклончивое, но не могла произнести ничего.

Ничего, кроме признания:

— Нужен… Но, Аларик… Разве мы можем быть вместе?

— Можем. Как мне убедить тебя?

— Не знаю, — я не могла выдержать его взгляд, и опустив голову, еле слышно пробормотала бокалу: — Я не знаю, возможно ли это.

Мне казалось, что теперь он не выдержит и отступится. Аларик зря считал свою настойчивость слабостью. Он вышел на бой с моими демонами, а я ничем не могла ему помочь. Не представляю, какими словами можно разогнать бесчисленные сомнения, которые поднимаются на поверхность, словно пузыри из трясины, и лопаются, отравляя путников смрадом. Мои страхи, будто болотные духи, выплыли на поверхность, и я в панике искала путь к отступлению. Мне нельзя оставаться…

Аларик предпочитал разговорам действия. Он поставил свой бокал на столик и отправил мой туда же, поднял меня из кресла и притянул к себе.

С первым поцелуем нахлынули воспоминания, будто и не было десяти лет. Все барьеры рухнули, все бастионы сдались, болотные духи забились в щели. Где-то далеко-далеко билась мысль: неужели он хочет видеть такую женщину рядом, касаться меня такой… Но он видел, он касался, и горячая волна смыла сомнения, растворила, как не бывало.

Блуза упала около моих ног, рубашка Аларика чуть дальше. Куда улетело все остальное, я не видела.

Аларик умел убеждать.

Глава 52

Я проснулась от того, что кто-то гладит меня по плечу. Открыв один глаз я поняла, что все еще сплю, но мой сон спросил неожиданное:

— Ты дашь мне ключ от номера в гостинице?

Если сну нужен ключ, значит, зачем-то нужен. Это же все равно сон.

— В кошеле на поясе, гостиница "У моста", — пробормотала я, закрыв глаза снова.

Мне приснился ключ, который отпирал передо мной дверь, и за дверью было что-то светлое, радостное, на что я уже не надеялась… И я купалась в этом счастье, и просыпаться не собиралась.

Но все же пришлось. Меня разбудил детский смех и топот маленьких ножек. Я вчера сняла номер в гостинице. Наверное, кто-то из постояльцев приехал с детьми. Я оставила вещи в номере, переоделась и пошла к замку…

Демоны!

Я села на кровати.

Медленно выплывая из сна я цеплялась мыслями за демонов ключ. Оглянувшись, я обнаружила, что я в спальне замка. Одежда лежала в кресле, а на мне не было ничего. Укутавшись в одеяло я добралась до кошеля на поясе, но ключа там не нашлось. Зачем он Аларику? Или мне все приснилось, а ключ я выронила, пока карабкалась по стене?

Я обвела глазами спальню. Куда бы ни падал взгляд, всплывали воспоминания о том, что происходило вчера… или уже сегодня — никто не заметил, когда время перевалило за полночь.

Шкура у камина… Я неосознанно потерла спину, шкура оказалась жестковата.

Широкий подоконник, скомканный плед… Ночью шел дождь, порывы ветра заливали стекло водой совсем близко перед моими глазами… сквозь пелену вспыхивали молнии, и все расплывалось…

Снова молния, лицо Аларика, его обжигающий взгляд, отражение огня в его глазах…

Кресло… Кровать…

Ох… Хорошо, что Аларика нет, я сбегу, и мне не придется смотреть ему в глаза.

Собрав одежду, я кинулась в ванную, заперла обе двери, разобралась с водными артефактами и принялась приводить себя в порядок — и тело, и чувства.

Обуви в ванной я не нашла, пришлось вернуться в спальню, и стало понятно про ключ — у кровати стоял мой саквояж и небольшой сундук для путешествий. Пока я разглядывала вещи, пытаясь решить, что делать дальше, вернулся мой "сон".

— С добрым утром, — он легко поцеловал меня, и я не успела ничего сделать. — Признаться, не знаю, как быть. Спальни баронессы больше нет. Я был уверен, что комната для супруги мне отныне не понадобится, и перенес туда кабинет. Старый был в Малой башне на верхнем этаже, и детям приходилось бегать в поисках меня по замку. Но если ты желаешь, я верну все, как было. Или… нам хватит одной спальни, моей?

О чем он? Я переводила взгляд с Аларика на сундук и обратно. Не дождавшись от меня ответа, он сообщил:

— Храмовник придет в полдень. У нас есть два часа. После завтрака я позову горничную, она обладает опытом в облачении леди.

— Какое облачение, какой храмовник, какая леди, о чем ты? — обрела я, наконец, дар

речи.

— Леди — ты. Верней, станешь ею через два часа. Храмовник — из города, я послал за ним экипаж. Облачение… сейчас покажу.

Он скрылся в гардеробной и вернулся с укутанным в полотняный чехол манекеном. Всё стало еще запутанней.

— Госпожа Парфэ сказала, что не могла сделать точно тот фасон без единой примерки, поэтому вшила по старинной моде несколько шнурков, чтоб… как она это назвала… а, посадить по фигуре.

Избавив наряд от полотна он расправил платье из той самой ткани, что я выбрала когда-то, будучи юной и полной надежд девицей.

— Аларик… это же было десять лет назад!

— Да, оно десять лет пряталось за моими сюртуками. — Он довольно улыбался. — Платье, конечно, не свадебное, но за два часа мы вряд ли найдем другое. — Он окинул взглядом мою фигуру. — Кажется, ты не очень сильно изменилась.

— Аларик!

— Ш-ш, не пугай детей, они где-то недалеко бегают. Их очень заинтересовал сундук. — Он подошел ко мне и притянул к себе за талию. — Мне казалось, я был достаточно убедителен этой ночью. Разве нет?

Вечером все казалось нереальным, ненастоящим после моего восхождения по стене, порывов ветра с дождем и вина у камина. Снова всплыли картинки "убеждения", и я опустила взгляд.

— Я не могу так, сразу… может… дай мне месяц или два….

— Лори, тебе мало десяти лет? — спросил он с улыбкой, запустив кончики пальцем в мои волосы, и добавил серьезнее: — Если я представлю тебя детям, пути назад не останется. Им будет тяжело привязаться к тебе и после потерять, когда ты сбежишь. Решай сейчас, любимая. Нас ждут к завтраку, или…

Он замолчал, но я все поняла. Он прав. Нет, я не пожелаю никому той боли расставания, которая глодала меня дважды. Или я решаю остаться навсегда, или я навсегда ухожу. Сейчас.

Я уткнулась Аларику в плечо и пробормотала оттуда:

— Мое прошлое еще долго будет со мной. Иногда я просыпаюсь по ночам от кошмаров.

— Я обниму тебя, и кошмары пройдут, — он крепче прижал меня к себе.

— Порой я веду себя не так, как положено приличной даме, и даже не так, как ожидают от обычного человека.

— Ты не обычный человек, а приличия… демоны с ними.

— Аларик, неужели ты подпустишь к детям женщину с таким прошлым?

Он тронул губами мой висок и прижался щекой:

— Если бы прошлое сделало тебя бесчувственной, холодной, недоверчивой, желчной, если бы ты разочаровалась в жизни, если бы я увидел тьму и безысходность в твоих глазах, тогда… — он задумался и со вздохом продолжил: — признаться, я не знаю, что бы я делал. К счастью, мне не нужно этого знать. Ты другая, и я буду счастлив, если мы станем вместе растить Феликса, Фелисию и наших общих детей.

Пол качнулся у меня под ногами. Каждое слово Аларика будто выбивало камень из той стены, которая разделяла порученца Гарниетту и наше будущее. Цепляясь за руины, я привела последний довод:

— Если понадобится, я пойду в драконий огонь, и ты меня не остановишь.

— Знаю. Но не могу обещать, что даже не попытаюсь. — Он отстранился и лукаво посмотрел мне в глаза. — Надеюсь, тебе не нужно в драконий огонь прямо сейчас?

Я коротко вздохнула и сдалась:

— Нет, сейчас мне нужно переодеться к завтраку.

Если бы у нас было чуть больше времени, Аларик зацеловал бы меня до потери дыхания, но нас ждали, и через несколько сумасшедших минут ему пришлось меня отпустить.

* * *

Восьмилетний Феликс изображал скучающее равнодушие, но малышка Фелисия меня вспомнила:

— Ты та тетя, которая с папой забрала меня от злых лордов, а потом везла в мобиле! Я тогда не знала, что это папа, он мне потом сказал!

— В мобиле? — после упоминания мобиля мальчишка мигом растерял все маски и оживился. — Вы умеете водить мобиль? А меня научите?

— Умею. Я бы с радостью, но мобиля больше нет.

— Будет, — уверенно сказал Аларик. — У нас непременно появится мобиль. Может быть, леди Лориетта будет так любезна, что и меня научит.

После такого вступления завтрак прошел в обсуждении мобилей. Фелисия хотела большой, как тот, где она ехала с лисичкой, а ее брат настаивал на маленьком и быстром дуо-мобиле. В крайнем случае, он был согласен на карет-мобиль, куда уместится вся семья, но только если его, Феликса, будут пускать за рычаги. За десертом дети едва не поругались про цвет будущего магроторного экипажа, и Аларик со смехом постановил, что начнем с семейного карет-мобиля в цветах баронства, а потом купим и большой, и маленький, и у каждого будет возможность выбрать расцветку.

Я слушала их перепалку и пыталась ощутить себя в этом новом мире. Мне все казалось, что это мираж, что на самом деле нет ни этой светлой столовой, ни морских пейзажей на стенах, ни бахромы на кремовых гардинах, ни умытого ночным дождем леса за окном, и Аларик не старается невзначай коснуться моей руки. Неужели все это останется со мной и завтра? И послезавтра? И дальше? Я попыталась представить свою жизнь в баронском замке, и будущее снова заволокло туманом.

— Аларик, — спросила я задумчиво, когда дети принялись рассказывать друг другу, как они украсят мобили, — чем я буду заниматься? Я ничего не знаю про хозяйство баронства, а от светских бесед и визитов я завою хуже оборотня.

— А чем бы ты хотела?

И правда. Я растерялась. Когда я училась в "Шиповнике", мое будущее виделось смутно. Одни девочки собирались замуж, другие готовились стать гувернантками, компаньонками или учительницами в гимназиях и школах. Были и те, кто хотел заняться лекарским делом или аптекарским — магически одаренных на всех не хватает, да и тем нужны помощники. Они с утра до вечера корпели над науками и надеялись поступить в университет. Кто-то собирался влиться в родительское предприятие, такие девушки старательно изучали сборники законов и ведение учетных книг. Сбежав от семьи я работала там, где могла прокормить себя, но, разумеется, ни компаньонкой, ни охранницей, ни порученцем я больше не буду.

Аларик сочувствующе накрыл мою руку.

— Лори, с твоей непростой жизнью у тебя не было шансов узнать, чего ты хочешь на самом деле, к чему тебя тянет. Ты, наверное, разучилась привязываться к вещам и занятиям?

Столько раз бросать все и бежать с одним мешком, начинать все с начала…

Я усмехнулась:

— Когда-то, еще до того, как купили Стрекозу, мне пришлось бежать даже без мешка. Хорошо, что документы были при мне, а деньги лежали на рунном счету.

— Мне очень жаль Стрекозу. Я так и не поблагодарил тебя за то, что ты сделала для нас с Фелисией. И тебе снова пришлось все бросать, теперь из-за меня.

— Не все. Я прихватила альбом гравюр Дорэра. Придется послать за вещами в "Шиповник". Я все могу оставить, но Дорэра заберу непременно! М… Аларик, в Боулесине есть книгопечатные мастерские?

— Насколько я знаю, нет, только одна для газет. Книги привозят из других городов.

— Кажется, я поняла, чем хочу заниматься.

* * *

Я не была готова к полудню, но храмовник согласился подождать. Этому самому храмовнику молодой барон Боулес два года назад заявил, что жениться больше не намерен. Ради того, чтоб убедиться — барон передумал, храмовник готов был ждать хоть до вечера. Но мы опоздали всего на полчаса, половину из которых Аларик уговаривал меня надеть парюру — ту самую, с бриллиантами и жемчугом, что ждала меня десять лет в ящике его секретера. Я снова отдала должное его таланту переговорщика.

Но опоздали мы не зря. Когда мы уже шли по коридору в Малую Башню, во двор влетели два всадника, а верней, всадник и всадница. Я с трудом узнала в молодой женщине Эрментину. Старый барон не успел выдать ее замуж до своей смерти, а Аларик, как новый глава рода, дал ей свободу выбирать.

— Успели! — налетел на нас маленький ураган у входа в зал со священным камнем. — Почему ты не подождал нас? Ты не говорил ничего о помолвке, а сегодня утром я получила твое приглашение на ужин с баронессой Боулесин, и мы тут же вскочили в седло! Познакомь нас с невестой! — она обернулась ко мне. — Ой… Лори? Это правда ты? Аларик тебя нашел?! Лори-и-и-и-и!

Я едва не оглохла, когда Эрментина повисла у меня на шее.

Сестра Аларика едва устояла на месте, пока храмовник вел обряд, и чуть не накинулась с поздравлениями до того, как мы закрепили брак поцелуем. Хорошо, ее муж успел поймать Эрментину за рукав.

В тот день мы отпраздновали свадьбу по-семейному: мы с Алариком, дети и Эрментина с мужем. Молодые слуги кидали любопытные взгляды, слуги постарше, которые еще помнили мои визиты, понимающе улыбались.

* * *

Свадебный прием мы устроили через месяц. В этот раз гостей с моей стороны было трое. Директриса пансиона в Боулесине, которой я когда-то вручила приглашение на нашу с Алариком свадьбу, обняла меня и шепнула: "Я верила, что ты найдешь свое счастье, но кто бы мог подумать!"

Вторая моя гостья, госпожа Мостклер, поздравила меня со словами "Молодец, осмелела! Горжусь тобой!" Позже я видела обеих дам за беседой и невольно поёжилась.

А третий мой гость… Впрочем, Бейлир так спелся с Алариком, что уже сомневаюсь, с чьей стороны эльф.

Аларик, как барон, обязан был позвать верхушку городской администрации с женами. У меня быстро зарябило в глазах от лиц, фамилий и должностей, но когда распорядитель

объявил "инспектор по образованию господин Чиркас с супругой", я встрепенулась. В зал вошел приятный мужчина лет тридцати под руку с Одри, маглекарем с армейским прошлым. Через неделю мы с этой невероятной женщиной пили отвары в библиотеке, перебирая богатую коллекцию рода Боулес, и мое счастье стало полным.

Эпилог

(Пять лет спустя)

Оставив двоих младших детей на гувернантку, мы с Алариком и Феликсом отправились на премьеру представления в "Театре Амрилиона" — для сцены Бейлир взял свое третье имя. Автором, постановщиком, поэтом и композитором в театре было одно-единственное существо — эльф Амрилион. Он же был ведущим музыкантом, единственным певцом, исполнителем трюков и актером.

Наши разговоры о прогрессе возымели действие. Мой бывший напарник решил, что с него хватит дорожной романтики, и обратился к изящным искусствам, придав им перчинки боевыми умениями. Как оружие лук все больше и больше уступал позиции длинностелам, но удивлять зрителей со сцены эльф будет еще долго.

Каждое его представление являло собой повествование на основе древних саг. Рассказывая историю, Бейлир пел, танцевал, жонглировал кинжалами и факелами, иногда проделывая все это на высоко натянутом канате или стоя на крохотной, с ладонь, платформе, изображавшей пик горы. В одном из спектаклей он пролетел на канате над зрительным залом, перевернулся вниз головой, зацепился ступнями за капитель колонны над задним рядом и выпустил одну за другой из лука шесть горящих стрел в шесть целей на сцене. Порой даже я, видевшая его в деле, не была уверена, доживет ли он до конца представления.

Когда мы взяли нашего старшего, Феликса, с собой в первый раз, в начале он надменно посматривал на сцену с высоты своих десяти лет, но к концу вцепился в меня и едва слышно прошептал: "Он не разобьется? Он не подожжет себя?" — "Нет, конечно", — шепотом ответила я, хоть внутри и колыхалось сомнение. Того, что Бейлир вытворял на сцене, он не устраивал даже в наши боевые годы.

На традиционный фуршет после премьеры детей не допускали, но вечером, когда Бейлир приехал к нам праздновать по-настоящему, Феликс не отлипал от него целый час, пока Аларик не отправил сына спать.

Сегодня, боюсь, часом не ограничится — Феликс стал взрослее. Фелисия тоже постепенно превращается из бесхитростной малышки в солидную девицу, и если раньше ее любопытные глазенки наблюдали за "дядей эльфом" издалека, то в последнее время она все чаще интересуется, когда снова придет лорд Бейлир.

К счастью, придя в равновесие, Бейлир оставил и высокопарные речи своей лирической половины, и привычку задираться с кем ни попадя, которой грешила половина боевая.

Весной и осенью Бейлир колесит по королевству с выступлениями, лето проводит в эльфийских лесах, а на зиму возвращается в Боулесин. Ему понравился город, где снег лежит меньше месяца, город, достаточно большой для понимания искусств, но не разросшийся до размеров, которые привлекают преступников всех мастей. И, конечно, откуда рукой подать до замка Боулес, где ему всегда рады. Ежегодные премьеры он неизменно показывает в Боулесине, в Гранд театре, где за баронским родом Боулес зарезервирована ложа.

После фуршета, когда мы доехали до замка, и "дядя эльф" пообещал, что непременно позавтракает с Фелисией и погуляет с ней по саду, а Феликсу утром даст пару уроков жонглирования кинжалами ("деревянными и тупыми" — подумала я про себя), дети, наконец, улеглись, и мы смогли посидеть у камина взрослой компанией.

Я помню, как в первые месяцы после свадьбы я переживала, что Аларик не очень хорошо отнесется к воспоминаниям, в которые то и дело пускался мой бывший напарник. Но на удивление муж с интересом слушает "военные истории", как он их назвал, а после рассказа о "близнецах из преисподней" принялся намекать, что раз у меня такой обширный опыт, то трое детей маловато для семьи Боулес.

В этот раз я показала новый альбом, который только-только вышел из печати. Я нашла двух не слишком удачливых художников с долями дварфийской крови и отправила их в Синие горы. Дварфы хоть и не любили пускать к себе чужих, но наличие дальней родни все же сподвигло сделать послабление, и моим посланцам разрешили зарисовать интерьеры пещер с такими украшательствами, которые нигде больше невозможно увидеть. Альбом "Внутри Синих гор" вышел на прекрасной плотной бумаге (впрочем, другие я и не выпускала) с кобальтовой кожаной обложкой, а на первые три дюжины экземпляров добавили литые уголки с орнаментом, как над главным входом во дворец подгорного короля.

То, что производилось в моей мастерской, стоило немало гольденов. Альбомы продавались и в Вавлионде, и далеко за его пределами наравне с предметами искусства и дорогими украшениями. Доход от мастерской был вполне достоин семьи обеспеченного горожанина, но терялся на фоне доходов от баронства. Меня это не волновало. Баронская семья, как положено, живет за счет земель и производств, а гольдены от моего дела мы отправляем в "Дикий шиповник". Госпожа Мостклер собирается выкупить прилегающее здание, чтобы расширить пансион и брать еще больше студенток без оплаты. Полагаю, лет через десять можно будет увидеть, как выпускницы "Шиповника" меняют Вавлионд.

Бейлир, как ценитель искусств, долго листал издание, и в конце концов признал, что в некоторых областях изобразительных ремесел дварфы тоже знают толк. Не так, как эльфы, конечно, но все же неплохо, неплохо. Мы с Алариком переглянулись и улыбнулись. Интересно, есть ли шанс заслать художников в Леса…

Эльф наполнил бокалы южным вином из золотистого винограда. Его выращивает гоблинское селение на таких склонах, куда человеку ни за что не забраться. Аларик предложил выпить за прогресс.

Полгода назад с большими предосторожностями нам передали очередное письмо от Джанин. Она писала, что увидев горные разработки дварфов, Алоис мысленно подставил вместо вагонеток Стрекозу, а рельсы перенес на землю. Получившаяся идея была совершенно сумасшедшей, но Халцедоны решили рискнуть. Практичные дварфы подсчитали, что денежная польза выйдет, если прицепить друг за другом хотя бы три, а лучше четыре дом-мобиля. Чтобы сделать достаточно мощный магротор, понадобился гений Джанин и Маврикия, и первая сцепка дом-мобилей год назад побежала по рельсам в предгорье. Сейчас Халцедоны роют тоннели в сторону Вавлионда, нацеливаясь прежде всего на ближайший к ним большой город — Боулесин, и уже ведут переговоры с землевладельцами Вавлионда, чтобы проложить рельсовую дорогу из Боулесина в столицу. Вскоре после письма Аларик подписал договор о рельсах на нашей земле.

Дом-мобили так и остались загородным средством передвижения, но Боулесин был первым городом, который пустил внутрь дуо и карет-мобили.

Аларик разлил вторую бутылку. Бейлир снова поднял бокал.

— Кстати, об одном нашем знакомом дварфе. Лавронс намекал, что давно не виделись, но Секирд ждет второго, и путешествовать им пока не с руки. Я подумал… Публика на островах неизбалованная, можно снять неплохие сливки. Кроме того, хотелось бы

познакомиться с местной экзотикой. Так что, осенью я собираюсь в турне на острова, — сообщил Бейлир, разглядывая искры в бокале. — Сначала на Померанцевые, затем дальше… Не составите мне компанию навестить наших друзей?

— Я бы не против, но выдержит ли плаванье Лилия? Не уверена, что это хорошая идея — везти по морю трехлетнего ребенка.

— Дорогая, мне кажется, ты преувеличиваешь. Обещаю, это будет самое большое, безопасное и удобное судно, которое существует в Южном море, — Аларик положил руку на мою, и я поняла, что ему очень хочется поехать. — Всего пять дней туда и пять дней обратно. М?

Честно говоря, мне тоже хочется увидеть дварфа Лавронса — он определился как мужчина, чтоб жениться на Секирд. Хочется обнять Секирд, которая успокоилась, перестала ждать от окружающего мира осуждения и приняла себя.

Хочется посмотреть на взрослую Хитру. Она писала, что счастлива жизнью в общине оборотней, где нет альф, где все равны, и голос лисицы ничем не хуже голоса лиса или медведя. Их община владеет островком с полями, пастбищами и лесом, устроив селение по своему вкусу, и бывшая княжна не желает возвращаться к городской жизни. Работа садоводом ее полностью устраивает.

— Хорошо, — кивнула я. — Осенью поедем на Померанцевые острова.

Аларик просиял, Бейлир тонко улыбнулся, и мы сдвинули бокалы.

КОНЕЦ

* * *

Огромная благодарность моей сестре за поддержку, редактирование, корректуру и снова поддержку!

* * *

В тексте использованы отрывки из опер “Кармен” и “Лючия ди Ламмермур”. Что пел Бейлир после “Лючии”, предлагаю читателям догадаться самостоятельно.

Первое стихотворение "про любовь" — результат совместного творчества ChatGPT и автора.

Автор второго стихотворения "про любовь" пожелал остаться неизвестным.

Иллюстрации — плод командной работы Midjorney и автора с фотошопом.

Примечания для зануд и любопытствующих

Скорость

Здесь я даю расчеты в привычных нам километрах, хотя в мире героев меры исчисления, конечно, другие.

Лошадь медленным галопом — до 20 км/ч. При быстром галопе лошадь устает уже через 2–3 км, поэтому нагнать кого-то на коротком расстоянии можно, а на большом нельзя. Рассчитываем, что быстрое движение лошади на больших расстояниях 15–20 км/ч.

Если всадник не торопится, то на большие расстояния едет рысью — 10–15 км/ч.

Дилижанс — в девятнадцатом веке скорость дилижанса была 10–15 км/ч.

Обоз, повозка — запряженная лошадью повозка на большие расстояния двигалась около 5 км/ч.

Исходя из этого можем представить, что обычная скорость дом-мобиля — 30–35 км/ч, если выжимать все силы и тратить вдвое больше магического заряда — до 45 км/ч. Карет-мобиль может двигаться 40–45, от силы 50 км/ч, дуо-мобиль — 50–60 км/ч, но все это очень зависит от качества дороги и обученности водителей, поскольку во времена лошадей редко кто имел привычку к высоким скоростям.

Город, в котором начинается повествование, находится в центральной провинции, недалеко от столицы. Фасталк расчитывал, что до границы с Белпеском наши герои доберутся за три дня, и в его представлении один человек ведет мобиль примерно шесть часов в день. До границы Белпеска от города, где контора Фасталка, примерно 550 км. По расчетам Лори должна была провести три дня за рычагами — примерно восемнадцать часов.

Наши герои поехали наискосок длинным путем, чтоб въехать в Белпесок ближе к столице оборотней и сократить расстояние, которое им предстоит преодолеть верхом. Первый день пришлось ехать по более медленным дорогам, но требовало это не меньшего напряжения (кто пытался быстро ехать по виляющей грунтовой дороге, тот поймет, а у Лори, считайте, небольшой автобус). На второй день в середине они выехали на тракт и гнали с максимальной для дом-мобиля скоростью. Вела Лори не по шесть часов в день, а по двенадцать, поэтому уложились в два дня.

От Боргезина до Лусмеина примерно полсотни километров. Бейлир на коне проехал за три-четыре часа, повозка с арестованными выехала часов в одиннадцать утра и приехала поздно вечером. Лавронсо ехало медленнее, чем обычно водит Лори, у него этот путь занял часа три, но ближе к городу он стал ускоряться, и на площадь влетел намного быстрее.

Схема Стрекозы за передними сиденьями

Локоть равен примерно 0.5 метра.

По правому борту: дверь (1.5 локтя), пустая стенка с крюками для одежды (1 локоть), лежанка-сиденье (4 локтя), хозяйственные шкафчики от пола до потолка (1.5 локтя), омовейная/душевая (3 локтя), полки с коробами для овощей и круп (1 локоть). Итого 12 локтей.

Пр левому борту: шкаф для одежды (2 локтя), лежанка-сиденье (4 локтя), стол со складными табуретами под ним (3 локтя), холодильный шкаф (1 локоть), кухонная поверхность с раковиной, внизу нагревательный артефакт и полки (2 локтя). Итого 12 локтей.

Ширина: 4 локтя внутри, 4.5 локтя снаружи. В передней части: лежанка (1.5 локтя), проход (1 локоть), лежанка (1.5 локтя). Около омовейной: омовейная (1.5 локтя), проход (1 локоть), кухонная поверхность (1.5 локтя).

Размеры омовейной/душевой: 1.5 метра на 1 метр.